

П. В. Рябов

ИСТОРИЯ

РУССКОГО НАРОДА И РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

с древнейших времён
до начала XX века

ТОМ I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

П. В. Рябов

**История русского народа
и российского государства**
(с древнейших времен до начала XX века)

Т о м I

Москва
2015 г.

ББК 63.3(2)
УДК 94(47)
Р 982

Рецензенты:

Дамье Вадим Валерьевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
профессор Национального исследовательского университета Высшей Школы Экономики.

Рублёв Дмитрий Иванович

кандидат исторических наук,

доцент Российского государственного аграрного университета — МСХА имени К.А. Тимирязева.

Р 982

История русского народа и российского государства (с древнейших времён до начала XX века) в 2-х томах. Том 1/ Рябов П.В. — М.: Прометей, 2015 г. — 424 с.

ISBN 978-5-9906550-6-5

Книга историка и философа, кандидата философских наук, доцента П.В. Рябова в лаконичной, яркой и доступной форме излагает драматическую тысячелетнюю историю взаимоотношений российского государства и русского народа, описывает основные вехи, развилки и альтернативы истории. Изложение строится не столько как хронологически последовательный пересказ событий, дат и имён, сколько как исследование, основанное на проблемном принципе, фиксируя ключевые дискуссионные вопросы истории России от призвания варягов до начала XX века. Дается авторская трактовка главных процессов и противоречий истории, упущенных возможностей и историографических споров. «Норманнская проблема», борьба Москвы с Тверью и Литвой за гегемонию на Руси, последствия монгольского ига, оценка эпох Ивана IV и Петра I, проблема ускоренной модернизации России, генезис и последствия крепостного права и церковного раскола, столкновение государственного деспотизма и народной вольницы, взаимосвязь повторяющихся реформ и контрреформ в самодержавной империи, феномен русской интеллигенции и истоки революционного движения — вот некоторые важнейшие темы, стоящие в центре исследования П.В. Рябова.

Книга предназначена для старшеклассников, студентов и всех читателей, интересующихся российской историей.

ISBN 978-5-9906550-6-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. «Откуда есть пошла русская земля?»	
(Происхождение Руси: IX — начало X веков).....	5
<i>Географические факторы в русской истории.....</i>	13
<i>«Норманнский вопрос» в исторической науке.....</i>	17
<i>Что означает слово «Русь»?</i>	21
II. Русь Киевская (Вторая половина X—XI века)	22
<i>Русь и Византия.....</i>	35
<i>Рабство и социальная природа Киевской Руси.....</i>	39
III. Русь удельная (XII — первая половина XIII веков).....	42
3.1. «Каждый да держит отчину свою».....	42
3.2. Юго-Западная Русь (Галицко-Волынские земли).....	51
3.3. Северо-Западная Русь (Великий Новгород и Псков).....	54
3.4. Северо-Восточная Русь (Ростово-Суздальская земля) ...	65
<i>«Моление» Даниила Заточника</i>	75
IV. Русь Монгольская и Русь Литовская (XIII—XV века)	77
4.1. Монгольское иго и его последствия для истории Руси...77	
<i>Споры в исторической науке о влиянии монгольского</i>	
<i>ига на историю Руси</i>	97
<i>Золотая Орда и её наследники.</i>	100
<i>Альтернативы XIII века: главный враг — на Западе</i>	
<i>или на Востоке?</i>	102
<i>Борьба новгородцев со шведами и немцами за</i>	
<i>колонизацию Прибалтики.....</i>	106
4.2. Русь Литовская (XIII—XVI века)	108
<i>Другая (забытая) Русь?</i>	136
4.3. Русь Монгольская: Москва или Тверь?	
(XIV век: 1303—1389).....	137
<i>Семь великих битв XIII—XV веков</i>	177
4.4. От «Залесской Руси» — к «Третьему Риму»	
(XV век: 1389—1533)	181
<i>Местничество</i>	239
<i>«Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна.....</i>	241
V. Московская Русь (XVI—XVII века)	243
5.1. Грозный государь: от реформ — к опричнине	
(1547—1584)	243

Споры об Иване IV в исторической науке	270
Князь против царя (Андрей Курбский и Иван Грозный)...	272
Ливонская война.	273
Русско-английские отношения в эпоху Ивана IV.	275
5.2. Смута	277
5.2.1. Преддверие и причины Смутного времени (1584—1604)	279
5.2.2. Первый Самозванец (1605—1606)	287
5.2.3. Василий Шуйский и восстание Ивана Болотникова (1606—1607).....	292
5.2.4. Второй и Третий Самозванцы. Шведская помощь, вторжение поляков и Семибоярщина (1607—1610).....	299
5.2.5. Первое и Второе Земские ополчения (1611—1612)	310
5.2.6. Избрание на трон Михаила Романова. Окончание и итоги Смуты (1613—1618).	322
5.3. Московское царство первых Романовых (1618—1689) ...	335
5.3.1. От «земского самодержавия» к «бюрократическому самодержавию»	336
Земские Соборы в XVII веке: расцвет и гибель	349
Временщики и фавориты в России XVII века	355
5.3.2. Век всеобщего закрепощения	357
Первые мануфактуры на Руси.....	366
Сословия Московской Руси XVII века.	369
Завершение становления системы крепостного права в Московской Руси XVII века.....	373
5.3.3. Рост Державы: на Запад и на Восток.....	378
5.3.4. Крах идеи «Третьего Рима»	388
Первые «западники» в Московской Руси XVII века....	408
Староверы в русской истории и культуре.....	409
5.3.5. «Бунташный век»	413
Царевна Софья и князь Василий Голицын: упущенные возможности.....	420

I. «ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ?» (ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУСИ: IX — НАЧАЛО X ВЕКОВ).

Всякое начало в истории — лишь условность, символ, знак. Ведь ему что-то обязательно предшествовало. Как точно определить начало народа или государства? Что считать отправной точкой? Народ складывается постепенно из каких-то предыдущих народов и племен, и не всегда грани между ними достаточно определены и резки. А государство является наследником и преемником других государств (и нелепы все споры о том, кто «изначально» владел той или иной территорией — так можно дойти до Адама). Поэтому вопрос о начале Руси — сложен и неоднозначен. Ведь в истории всё — впервые, и всё уже когда-то было и случалось.

По-видимому, в начале была река. Эллыны называли ее Борисфен, а позднее она получила название Днепр. Именно вокруг этой реки стала складываться древнерусская народность и возникло государство Киевская Русь. Около VIII века н.э. на Днепр с Дуная и Карпат пришли славяне. Они начали селиться вокруг Днепра, строить посёлки и городки. И с него они продолжили постепенное неуклонное движение на север и северо-восток в течение последующих столетий.

Почему значение Днепра так велико для первых веков истории Руси? (Знаменитый историк В.О. Ключевский даже называл этот период истории Руси «Русью днепровской»). Дело в том, что в IX—X веках эта река была важнейшей частью великого торгового пути «из варягов в греки» — то есть от северных морей до Византийской империи, от Балтики до Средиземноморья, связывая регионы, которые бурно развивались в эту эпоху. Финский залив, река Нева, Ладожское озеро, река Волхов, озеро Ильмень, череда небольших речек и «волоков» и, наконец, Днепр (от истока до устья) и

Чёрное море — таков этот знаменитый путь, по которому осуществлялась торговля восточноевропейских племён и народов. В Византию по этому пути везли меха, воск, мёд, рабов, плыли отряды наёмников-викингов (на службу к императору), а из Византии везли украшения, ткани, дорогие вина и предметы роскоши. По словам современного исследователя Б. Кагарлицкого, путь «из варяг в греки» «соединяет Европу в единое целое. По этим торговым путям с юга на север движутся не только товары, по ним же распространяются цивилизация, христианство, ремесленные технологии».

Естественно, вдоль этого пути возникали опорные пункты купцов, перевалочные базы, склады, разбойничьи пристанища (ибо купцы нередко были одновременно разбойниками и грабили местное население, заставляя его откупаться рабами и мехами), города (и среди них Смоленск, Киев и другие). Поэтому очень рано возникла потребность в его защите от степных кочевников. Помимо воинственных купцов и воинов — викингов, на великом речном пути торговали и более мирные армяне, арабы и евреи, заинтересованные в защите торговой артерии. Долгое время такую защиту осуществляло могучее государство тюркоязычного народа хазар — Хазарский каганат, раскинувшийся в низовьях Дона и Волги и наложивший на днепровских славян не слишком обременительную дань. Хазары построили много крепостей и больших городов, которые были населены еврейскими и арабскими купцами. Каганат прикрывал славян и путь из варяг в греки от ударов из степей Востока. Однако в конце IX — начале X века под натиском диких кочевников-печенегов хазарское государство ослабело и не могло быть защитой славянским племенам.

Теперь роль защитников торгового пути и одновременно новых властителей взяли на себя викинги, которых на Руси называли «варягами». Не случайно IX—XI века в Европе именуют «эпохой викингов». Воинственные люди с севера, прекрасные мореходы, ловкие купцы и бесшабашные авантюри-

сты, вышедшие со скудных берегов Скандинавии, опустошали в те века всю Европу (и даже доплыли до Америки). Викинги не ограничивались единичными набегами, но покоряли целые народы и основывали повсюду свои королевства и герцогства. Так возникло Нормандское герцогство, впоследствии подчинившее Англию, и Королевство обеих Сицилий на юге Европы.

В середине IX века дракары — боевые корабли норманнов — появились и на севере земель, населённых славянами. Путь из варягов в греки манил их, а сам этот богатый край они называли в своих сагах «Гардарикой» — страной городов. Так, конунг (предводитель) викингов Рогволд основал своё княжество в Полоцке, а Рюрик (Рёрик, как его называли на Западе) в 862 году появился в Новгороде — центре ильменских славян. По-видимому, сначала он был приглашён славянскими племенами, как наёмный предводитель воинского отряда и третейский судья в межплеменных конфликтах, а со временем расширил свои властные полномочия. Этот год — 862 — с которым древнерусская летопись связывает «призвание варягов» на Русь, и стал условной датой отсчета русской истории. (В 1862 году в России помпезно отметили тысячелетие этого события, а в Новгороде даже поставили памятник «тысячелетию Руси»). «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Придите и владейте нами», — будто бы говорили славянские послы приглашаемым варягам во главе с Рюриком, Очень быстро довольно заурядное по тем временам событие (то ли наём жителями вооружённой дружины, то ли захват викингами власти над Новгородом) превратилось в красивую легенду, ставшую позднее камнем преткновения для многих историков.

Викинги, однако, недолго сидели в Новгороде. То ли новгородцы вели себя не вполне покорно, то ли жажда приключений и богатства толкала неуёмных варягов на юг. И вот в 882 году новый конунг Хельги (на Руси его называли «вещим Олегом»), а позднее воспел в известном стихотворении

А.С. Пушкин) захватил город Киев и установил контроль над всем торговым путем. Окрестные союзы племён восточных славян: древляне, поляне, радимичи и другие (у них уже появились свои городки, князья и старейшины) охотно признали власть отважных северных пришельцев. Теперь они платили дань не ослабевшему каганату хазар, а викингам Олега. Впрочем, дань была небольшой, скорее напоминающая плату за военные услуги, а во внутренние дела славянских племен викинги не вмешивались. За умеренную плату Олег обязался охранять славян от степных набегов.

Другим важнейшим делом нового князя была организация охраны торговых караванов в Византию. Весной в Киеве собирались купцы со своим товаром и под варяжским конвоем отправлялись в Константинополь (славяне благоговейно называли его Царьградом). Чтобы обеспечить безопасность и торговые привилегии купцов, время от времени устраивались набеги на Константинополь. Например, знаменитый поход Олега в 907 году, когда, по легенде, в знак победы над византийцами князь Хельги прибил свой щит на ворота Царьграда, или поход в 943 году, при князе Ингваре (Игоре Старом). Итогом удачных походов были выплаты контрибуции со стороны империи и военно-торговые договоры между Византией и Русью (так стали называть славяне сначала норманнское племя, пришедшее с Рюриком, а потом и всех представителей правящего слоя завоевателей; в X веке уже появилось понятие «русская земля», то есть родовое владение князей-викингов из рода Рюриковичей).

Если весной и летом варяги конвоировали купеческие караваны и совершали военные походы, то зимой князь объезжал подвластные ему племена и собирал дань. Такая поездка по завоёванным и охраняемым землям называлась «полюдье». Часть же дани сами славяне отвозили Руси в Киев, ставший центром складывающегося государственного образования. Такая форма дани называлась «повоз». Когда князь проявлял чрезмерный аппетит и требовал дань выше

привычной, он мог поплатиться за это жизнью. Именно это и случилось с сыном Рюрика и преемником Хельги (Олега) норманнским конунгом Ингваром (Игорем Старым) в 945 году. Когда он, один раз собрав дань с племён древлян, попытался это сделать вторично, древляне перебили его отряд, а самого князя казнили жестокой смертью — привязав к двум согнутым деревьям и отпустив их. Вдова Ингвара Хельга (Ольга) беспощадно отомстила убийцам мужа и сожгла столицу древлян город Искоростень, перебив его жителей. Однако затем она провела реформу (вероятно, первую реформу в истории Руси, вызванную первым народным восстанием) и, учтя сопротивление населения чрезмерным поборам, установила фиксированные размеры дани (уроки) и места их сбора (погосты).

Сын Ингвара и Хельги конунг Святослав (Святослейв) был «образцовым» викингем — вечным бродягой и авантюристом. Всю свою недолгую жизнь он, ища славы и добычи, провел в военных походах, по рыцарски посылая врагам вызов: «иду на вы». Святослав покорил вятичей, разбил волжских булгар, добил совсем ослабевший Хазарский каганат (открыв этим степи Причерноморья для вторжения печенегов) и ввязался в долгую борьбу на Балканах — сперва на стороне византийцев против балканских болгар, а затем против Византии за овладение дунайской Болгарией. Пренебрегая интересами киевлян и бросив их перед лицом печенежской угрозы, он даже намеревался перенести свою ставку из Киева на Дунай, в городок Переяславец. Однако, в борьбе с Византией за военно-политический контроль над торговыми путями, Святослав потерпел сокрушительное поражение под городом Доростолом и вскоре, возвращаясь в Киев, был убит печенегами.

Если первые князья Киевской Руси были обычными викингам и воспринимали свое княжество как перевалочный пункт для торговли, военную базу и место для извлечения дани, то очень скоро (спустя столетие) и сами князья и их окружение из числа норманнов клана Руси ославяни-

лись и стали воспринимать себя как постоянных обитателей нового государства, ответственных за его судьбу и обосновавшихся в нём всерьёз и надолго. В течение века — от Рюрика до Святослава — сложился очаг древнерусской народности, вокруг которого объединились все славянские племена, жившие возле пути «из варягов в греки» и заинтересованные в защите от набегов извне и в стабильном функционировании этой торговой артерии.

Власть князя отнюдь не была абсолютной — она ограничивалась и волей его дружины (которая была связана с ним договором и легко могла отказать ему в поддержке), и сохранявшимся у восточных славян местным самоуправлением (вечем — сходом всех свободных общинников, народным ополчением («тысячей») и «старцами градскими» — старейшинами племён), и традицией, регламентировавшей размер дани и круг полномочий князя. Киевскую Русь конца IX — начала X веков трудно назвать «государством» в нынешнем понимании слова, а князя следует, скорее, рассматривать просто как наёмного военного предводителя, обеспечивающего безопасность на торговых путях и организующего грабительские набеги на Царьград и взамен получающего плату-дань, чем как монарха. Население в целом оставалось лично свободным, хотя существовали и рабы — пленники, захваченные на войне. Новое образование представляло собой конгломерат общин, племён и городов, объединённых вокруг пути «из варягов в греки» и вокруг князя-викинга и его норманнской дружины.

Говоря о восточных славянах как основном этносе, положившем начало формированию древнерусской народности (с некоторой примесью варяжского элемента), следует упомянуть и о других народах, живших на восточноевропейской равнине и либо бывших соседями восточных славян, либо племенами, ассимилированными ими. По словам величайшего русского историка В.О. Ключевского, «история России — это история страны, которая колонизируется». Огромные тер-

ритории, малочисленность населения, особенности ведения восточными славянами хозяйства («подсечно-огневое земледелие», при котором лес выжигался, зола использовалась как удобрение, а через несколько лет, когда земля неизбежно истощалась от такого варварского обращения и переставала давать урожай, славяне переходили на новое место) — всё это вело к непрерывным миграциям, которые определяют собой всю историю Руси на протяжении тысячи лет. Колонизация, непрерывное расширение и освоение новых земель во многом определило характер русской истории: экстенсивный (а не интенсивный) характер экономики, многовековую острую нехватку рабочих рук при избытке земли, ассимиляцию русскими других местных народов.

В своих перемещениях восточные славяне встретились с балтскими, иранскими и, преимущественно, угро-финскими племенами. Поскольку земли хватало всем, племена эти были отнюдь не воинственны, а славяне продвигались вперед постепенно, просачиваясь на новые земли, эти контакты, как правило, приводили не к военным столкновениям, а, напротив, к ассимиляции славянами местных жителей. В то время как часть славян от Дуная и Карпат устремилась на юг — на Балканы, во владения Византии, другая часть с VIII века неуклонно двигалась на север и северо-восток, в сторону глухих лесов и болот восточноевропейской равнины, достигнув сначала Днепра, затем (в XI—XII вв.) Оки и Волги, а позднее (к XV веку) — Урала и Белого моря. Угро-финские племена: меря, весь и мурома (славяне называли их общим именем «чудь») постепенно растворились в славянском населении, оставив после себя множество топонимов (географических названий). Так, река «Ока» по фински означает «река», а слово «ва» (по фински — вода) стало частью названий многих рек (Москва, Протва). Повлияли угро-финны и на антропологический тип внешности восточных славян, на их говор и на религиозные представления (культ лешего и водяного у славян впитал в себя многие мотивы угро-финских культов).

Итак, если угро-финны в течение пяти-семи столетий были ассимилированы славянами, то викинги (варяги), завоевав их, составили военно-политическую элиту складывающегося государства (в котором они также ассимилировались в течение полутора столетий).

Кроме варягов (викингов) и Византийской империи — великой наследницы античной культуры и оплота восточного (православного) христианства, бывшей в то время наиболее цивилизованной частью Европы, среди соседей Руси следует назвать болгар. Некогда кочевой тюркский народ, болгары разделились на части. Одна из них проникла на Балканы и ассимилировалась местным славянским населением, основав Болгарское царство на Дунае, принявшее православие и ставшее передаточным звеном византийской книжности и культуры на более дикую и варварскую Киевскую Русь. Другая часть болгар приняла ислам и основала Волжскую Булгарию — процветающее купеческое государство в районе средней Волги и Камы. Важнейшим соседом Руси после гибели Хазарского государства в середине X века стали новые кочевые племена, которые поочередно выкатывались из далеких восточных просторов в причерноморские степи. В X—XI веках — печенег, а позднее (в XI—XIII веках) — половцы (кипчаки) регулярно совершали набеги на своих оседлых соседей. Два типа хозяйства, два типа культуры: Степь и Лес — не могли мирно уживаться рядом, поочередно тесня друг друга.

Таким образом, возникнув для обеспечения стабильности на пути «из варягов в греки», на перекрестке между исламским и христианским миром (а ведь были еще иудеи-хазары и язычники: славяне, финны и балты), древнерусская народность, вобравшая в себя славянский, норманнский, угро-финский, балтский, иранский и тюркский элементы, в свою очередь, позже дала начало трем народам: великороссам, малороссам (украинцам) и белорусам. Сегодня историки ожесточенно спорят: считать ли Киевскую Русь прото-рус-

ским или прото-украинским государственным образованием (ведь, с одной стороны, — «Киевская», а, с другой стороны, — «Русь»). Вероятно, этот, во многом политизированный и конъюнктурный, спор бессмысленен и нелеп, тогда как истина состоит в том, что и великороссы (русские), и украинцы, и белорусы сложились как народности лишь через три-четыре столетия после распада Киевском Руси.

Географические факторы в русской истории

Природа страны всегда оказывает огромное воздействие на особенности её исторического развития. Что в этой связи можно сказать о Руси (России) ?

Для восточноевропейской равнины характерны суровый континентальный климат, не слишком плодородные почвы (кроме южной степной зоны чернозема), долгая зима и короткое лето (то есть чрезвычайно короткий период сельскохозяйственных работ — 120—130 дней в году, тогда как в Западной Европе — 250 дней). По словам известного американского историка Ричарда Пайпса: «Производительность российского сельского хозяйства... была самой низкой в Европе». Все эти условия превращали данную территорию в зону рискованного земледелия и способствовали прочным формам коллективной жизни, совместного (общинного) выживания: прожить в одиночку здесь было почти невозможно. Отсюда — коллективистская общинная психология, крепкое «чувство локтя», изначально характерные для русского народа.

Русские дополняли скудные продукты земледелия при помощи бортничества (сбора мёда), рыболовства, охоты и различных промыслов. С другой стороны, обилие земли и недостаток населения вели к экстенсивным формам ведения хозяйства, способствовали не интенсификации земледелия, а небрежному отношению к земле и постоянным миграциям. То, что долгое время земли хватало всем, способствовало, вероятно, известной «широте души» и «всемирной

отзывчивости» (по Достоевскому) русского человека, амортизировало конфликты русского населения с другими племенами, смягчая их взаимоотношения и способствуя слиянию племен. Русский человек напрягал все силы на короткий период сельскохозяйственных работ, но при этом не был тщателен и аккуратен в работе, легко «истощал землю», переходя затем дальше. Низкая урожайность, отсутствие излишков продуктов и тенденция населения к «убеганию», вели к тому, что усиливающееся государство стремилось изъять у людей всё, что можно (на содержание войска и чиновников) и закрепить работников за землей, запретив им переселяться. Так, много позднее возникло крепостное право, а бегство от властей стало самой распространенной на Руси формой борьбы населения с государством и правящими классами. Еще одним следствием низкой урожайности было слабое развитие рыночных отношений и долгое господство натурального хозяйства — ведь излишков продуктов на продажу было немного. Обилие же лесов, богатых пушным зверем, надолго сделало Русь европейским поставщиком «сырья»: мехов и леса, мёда и воска.

В русском хозяйстве веками существовал заколдованный круг, так описанный Ричардом Пайпсом: «Неблагоприятные природные условия привели к низким урожаям; низкие урожаи породили нищету; из-за нищеты не было покупателей на сельскохозяйственные продукты; нехватка покупателей не позволяла поднять урожайность».

Важным географическим фактором русской истории было обилие рек, пронизывающих Русь с севера на юг (а их притоки порой текли с востока на запад). Именно реки, снабжая поля водой, а жителей — рыбой, стали главными торговыми артериями страны и в условиях бездорожья связывали различные регионы воедино. Именно вокруг пути «из варягов в греки» возникло древнерусское государство. Именно вдоль рек росли города и посёлки. Днепр, Ока, Волга заменяли на Руси развитую сеть дорог, а речной транспорт до

середины XIX века оставался главным. По словам Р. Пайпса: «Россия обладает единственной в своём роде сетью судоходных водных путей, состоящую из больших рек с их многочисленными притоками, соединяющихся между собой удобными волоками. Пользуясь даже примитивными средствами транспорта, можно проплыть через Россию от Балтийского моря до Каспийского». При этом отдаленность от морей и морской торговли сыграла свою решающую роль в культурной и социально-экономической отсталости и обособленности страны. В XV—XVI веках, когда начала формироваться мировая экономическая система, Русь была задвинута на задворки евразийского континента и не имела доступа ни к Чёрному, ни к Балтийскому морям.

Равнинность, отсутствие гор, ограждающих страну от внешних вторжений, привели к тому, что Русь было трудно защищать, но на нее было легко нападать. Когда же Русь объединилась, на содержание мощного государства и армии, способной защищать такую огромную (и малонаселенную) территорию от внешних врагов, приходилось тратить все ресурсы страны в условиях сурового климата и невысокой урожайности. А это, в свою очередь, способствовало становлению чудовищно авторитарного политического режима и крепостного права, формированию империи, начавшей ожесточенную многовековую борьбу за выход к морям и преодоление экономической и культурной отсталости. Теперь отсутствие внешних природных границ способствовало неограниченной военной экспансии империи, в итоге ставшей крупнейшим государством в мире.

Наконец, положение Руси между Востоком и Западом, между исламским и христианским миром, между феодальной Европой и режимами азиатского деспотизма, обусловило своеобразие её исторического пути, его зигзагообразный, циклический и «пёстрый» характер. Анализируя роль природных факторов и их влияние на русскую историю, современный исследователь Л.В. Милов пишет: «В течение, по крайней мере,

четырех столетий русский крестьянин находился в ситуации, когда худородные почвы требовали тщательной обработки, а времени на неё у него просто не хватало, как и на заготовку кормов для скота... Находясь в столь жёстком цейтноте, пользуясь довольно примитивными орудиями, крестьянин мог лишь с минимальной интенсивностью обработать свою пашню, и его жизнь чаще всего напрямую зависела от плодородия почвы и капризов погоды. Реально же при данном бюджете рабочего времени качество его земледелия было таким, что он не всегда мог вернуть в урожай даже семена... Практически это означало для крестьянина неизбежность труда буквально без сна и отдыха, труда днем и ночью, с использованием всех резервов семьи (труда детей и стариков, на мужских работах женщин и т.д.). Крестьянину на западе Европы ни в средневековье, ни в новом времени такого напряжения сил не требовалось, ибо сезон работ был там гораздо дольше...» По словам Л.В. Милова, из-за низкого объема совокупного продукта в обществе господствующий класс создавал «жёсткие рычаги государственного механизма, направленные на изъятие той доли совокупного прибавочного продукта, которая шла на потребности самого государства, господствующего класса, общества в целом. Именно отсюда идет московская традиция деспотической власти российского самодержца, отсюда идут в конечном счете и истоки режима крепостного права в России... Многовековой опыт общинного сожительства крестьян-земледельцев помимо чисто производственных функций выработал целый комплекс мер для подъёма хозяйств, по тем или иным причинам впавших в разорение. Земельные переделы и поравнение, различного рода крестьянские «помочи» сохранились в России... вплоть до коллективизации... Фундаментальные особенности ведения крестьянского хозяйства в конечном счете наложили неизгладимый отпечаток на русский национальный характер. Прежде всего речь идет о способности русского человека к крайнему напряжению сил, концентрации на сравнительно продолжительный период времени всей своей физической и духовной

потенции. Вместе с тем вечный дефицит времени, веками отсутствующая корреляция между качеством сельскохозяйственных работ и урожайностью хлеба не выработали в нём ярко выраженную привычку к тщательности, аккуратности в работе и т.п. Экстенсивный характер земледелия, его рискованность сыграли немалую роль в выработке в русском человеке лёгкости к перемене мест, извечной тяге к «подрайской земле», к «беловодью» и т.п., чему не в последнюю очередь обязана Россия её огромной территорией, и в то же время умножали в нём тягу к традиционализму, укоренению привычек... С другой стороны, тяжкие условия труда, сила общинных традиций... дали почву для развития у русского человека необыкновенного чувства доброты, коллективизма, готовности к помощи, вплоть до самопожертвования. Именно эта ситуация во многом способствовала становлению в среде «слуг общества», того типа работника умственного труда, который известен как тип «русского интеллигента».

А. Р. Пайпс так подытоживает влияние географических факторов на социальную историю России и психологию русских людей: «В России вся идея была в том, чтобы выжать из земли как можно больше, вложив в неё как можно меньше времени, труда и средств. Всякий россиянин стремился отвязаться от земли: крестьянину больше всего хотелось бросить пашню и сделаться коробейником, ремесленником или ростовщиком; деревенскому купцу — пробиться в дворяне; дворянину — перебраться в город или сделать карьеру на правительственной службе. Общеизвестная «безродность» русских, отсутствие у них корней, их «бродяжьи» наклонности, в основном проистекали из скверного состояния русского земледелия, то есть неспособности главного источника национального богатства — земли — обеспечить приличное существование».

«Норманнский вопрос» в исторической науке

Как только в России стала складываться историческая наука, в центре ее внимания оказался вопрос о происхож-

дении древнерусского государства. Как сообщала летопись, важнейшую роль в этом процессе сыграли «варяги». Именно варяжская дружина, захватившая сначала Новгород, а потом и Киев, стала основой правящей элиты в возникшем территориальном объединении, привнесла в его развитие динамизм и стала организатором ряда военных походов и торговых караванов в Византию. Именно варягом был легендарный Рюрик, чьи потомки семь столетий правили Русью. Но кто такие варяги?

Едва этот вопрос о происхождении государства, его правящего слоя и династии, был поставлен, в русской исторической науке начались ожесточённые и горячие споры, которые продолжаются и по сей день — уже почти три столетия, и конца которым не видно. Эта дискуссионная тема получила название «норманнской проблемы», и почти все крупные историки России XVIII—XX веков так или иначе вынуждены были определять свое отношение к ней. Причем следует подчеркнуть, что споры по этой проблеме — как всё, что касается проблемы этногенеза (очень деликатной и задевающей национальные чувства), никогда не носили чисто академического характера, но всегда были напрямую связаны с политической ситуацией и «злостью дня». Оппоненты, не ограничиваясь научными доводами, нередко навешивали на своих противников «ярлычки», например, «антипатриотов» (в СССР — «антисоветчиков») и т.д.

Первыми историками, поднявшими «норманнскую проблему», были немецкие историки, приехавшие в Россию в эпоху Петра I и вскоре после неё: Готлиб Зигфрид Байер (1694—1738), Герард Фридрих Миллер (1705—1783) и Август Людвиг Шлёцер (1735—1809). Добросовестно и основательно исследовав русские летописи, они пришли к выводу, что варяги, основавшие древнерусское государство, были не кем иным, как викингами (норманнами, скандинавами) — отсюда и «норманнская теория», «норманнская проблема», «норманнский вопрос». Однако против подобной точки зре-

ния выступил Михаил Васильевич Ломоносов, обвинив оппонентов в нелюбви к России и в «непатриотизме» (что же это, славяне сами не могли создать своё государство без помощи каких-то иноземцев?!). Его страстное выступление против «норманистов» совпало с эпохой императрицы Елизаветы Петровны, когда было принято ругать все «немецкое» (свежа в памяти ещё была «бироновщина» времён Анны Иоанновны). Так началась знаменитая дискуссия между «норманистами» и «антинорманистами».

Если в XVIII—XIX веках в центре внимания стоял вопрос о происхождении правящей в древней Руси *династии* (ибо считалось, что «история народов принадлежит государям» (Н.М. Карамзин)), то в XX веке вопрос был поставлен иначе: какую роль в создании киевского государства сыграли местные и пришлые элементы, насколько этот процесс был органичным и естественным. Подавляющая часть серьезных историков XVIII—XIX веков относились к лагерю «норманистов» (то есть отождествляли варягов и норманнов): Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В. О. Ключевский. В доказательство своей позиции они ссылались и на явно скандинавские имена варягов (Карл, Хельги, Хельга, Ингвар, Яруслейв), и на многочисленные зарубежные источники (так, например, византийский император Константин Багрянородный (X век) в своём трактате «Об управлении империей» приводил названия днепровских порогов «по-славянски и по-русски» — и «русские» названия порогов явно оказывались скандинавскими), и на распространение королевств викингов по всей Европе IX—XI веков. Напрасно! Никакие веские научные аргументы не могли убедить их оппонентов, считавших задетым своё национальное самолюбие.

Лагерь противников «норманистов» — «антинорманистов» был также довольно многочисленным и пёстрым (к нему принадлежали, например, историки С.А. Гедеонов, Д.И. Иловайский, Н.И. Костомаров). Антинорманисты традиционно обвиняли своих оппонентов в «нелюбви к России», «антипатриотизме» и отрицали отождествление загадочных варягов с норманнами.

Однако в ответе на вопрос: кем были варяги? — антинорманисты расходились, предлагая множество различных причудливых версий, одна другой фантастичнее (от аланов и сарматов до поморских славян и неведомых «ругов»).

В советское время (с 30-х годов XX века) проблема была «решена» просто: норманизм был объявлен враждебным «буржуазным» и «антисоветским» учением, а его приверженцы репрессированы (ибо его взяли на вооружение, в частности, немецкие нацисты, отрицавшие способность «отсталых» славян к самостоятельному государственному строительству без «нордической помощи»). Так норманизм надолго пал жертвой идеологической борьбы, безразличной к научной истине. Советским историкам было «положено» исповедовать воинствующий антинорманизм, не взирая ни на какие факты и доводы. Крупнейшим глашатаем советского антинорманизма был академик Борис Александрович Рыбаков, доведший «критику» «норманизма» до карикатурных и абсурдных форм (он «находил» древнерусское государство ещё за несколько столетий до Рюрика, а ненавистное слово «варяг» выводил из ... слова «орангутанг» и отрицал само наличие пути «из варягов в греки», объявляя его «вымыслом» норманистов).

Однако исследования ряда советских археологов в 1970—1980-е годы в городище Гнёздово под Смоленском вновь оживили норманизм и придали ему новый мощный импульс. Были найдены многочисленные предметы явно скандинавского происхождения (мечи викингов, ритуальные «молоточки Тора»), свидетельствующие о массовом проникновении викингов на славянские земли в IX—X веках и о том, что норманны составляли весьма значительную часть населения этих территорий. Сегодня — после некоторого ослабления идеологической цензуры и краха СССР — норманизм уверенно вернул себе доминирующее положение в серьёзной исторической науке, однако споры его приверженцев и противников всё ещё иногда продолжаются.

Что означает слово «Русь»?

Вопрос о происхождении слова «Русь» тесно связан с «норманнской проблемой» и даже является её важной составной частью. Естественно, что норманисты и антинорманисты решают его по-разному.

Ссылаясь на то, что автор «Повести временных лет» всё время ставит слово «Русь» рядом с варягами Рюрика, норманисты полагают, что это слово происходит от финского «руотси» — «гребцы» (так финны называли шведов). А словосочетание «русская земля», устойчиво сформировавшееся к концу X века, означает, по этой версии, землю, подвластную викингам из рода Рюрика, то есть «народу русов», завоевавшему славян.

Антинорманисты выдвинули множество альтернативных версий происхождения слова «Русь». Здесь и славянские племена «прусов», обитавшие на южном побережье Балтийского моря и позднее истреблённые германцами (некоторые антинорманисты склонны именно их — пруссов, считать летописными «варягами»). Здесь и «роксаланы» («красные аланы») — племена кочевников, населявшие в первые века нашей эры Причерноморье и Кавказ. Есть и теория, выводящая слово «росичи» от реки Роси, впадающей в Днепр (так, по версии Б.А. Рыбакова, росичами называлось одно из славянских племен, положившее начало Киевской державе, хотя другим историкам о существовании подобного племени ничего не известно). В любом случае, на протяжении многих веков — с X по XVI — существовало именно понятие «Русь», «земля русская», тогда как слово «Россия» возникло уже в более поздний исторический период.

II. РУСЬ КИЕВСКАЯ (вторая половина X—XI века)

Расцвет Киевской Руси приходится на последнюю четверть X — первую половину XI веков — время правления двух прославленных князей: Владимира I Святого (на скандинавском — Вальдемара, также известного по былинам, как Владимир Красное Солнышко, 980—1015 гг.) и его сына Ярослава Мудрого (на скандинавском — Ярислейва — 1019—1054 гг.).

В эти годы происходят важнейшие события, на многие века определившие своеобразие русской цивилизации, повлиявшие на ход русской истории и окончательно сплотившие пёстрые союзы племен в древнерусскую народность: принимаются первые писанные законы, начинается чеканка собственной монеты (правда, не для нужд торговли, а из соображений престижа власти князя), наконец, происходит выбор новой религии. Впрочем, степень монолитности, единства и прочности Киевской Руси не стоит преувеличивать. Огромную «империю Рюриковичей», возникшую на самом крайнем востоке Европы, нередко сравнивают с другим государственным образованием раннего средневековья, существовавшим на западе Европы в VIII—IX веках, столь же значительным и неустойчивым и вскоре также рассыпавшимся на множество частей — империей Карла Великого и его потомков — Каролингов. Расцвет днепровской торговли и необходимость обороны от южных кочевников на недолгое время укрепили Киевскую Русь. По словам Б. Кагарлицкого, Русь «как государство возникло из транзитного пути» и «Русь возникла именно как место встречи византийцев с норманнами».

Однако уже в XII веке магистральные торговые пути были перенесены генуэзцами и венецианцами из Чёрного моря в Средиземное, путь «из варягов в греки» пришел в

упадок, а набеги кочевников на время прекратились, отраженные киевскими князьями, — и Киевская Русь рассыпалась на несколько враждующих княжеств. Да и в течение указанного (столетнего) промежутка времени каждая смена правителя приводила к временному распаду страны, ожесточенной войне на уничтожение между его сыновьями и столкновению двух столиц страны, северной и южной: Новгорода и Киева, обычно заканчивающемуся победой севера над югом. Так случилось в 70-е годы X века, после смерти Святослава, когда сперва его сын Ярополк, убив своего брата Олега, захватил Киев и попытался силой насадить христианство, а затем его брат Владимир (незаконнорожденный сын Святослава от рабыни), опираясь на помощь варягов и новгородцев, в свою очередь, убил Ярополка и овладел Киевом под знаменем языческой реставрации. (Правда, языческая реформа Владимира, попытавшегося создать унифицированный общегосударственный пантеон славянских божеств, провалилась, и прагматичный князь, сделав то, за что он убил своего брата, скоро обратился к христианству, как новой основе государственного единства и опоре своей власти.)

Всё это повторилось и после смерти самого Владимира, когда последовала жестокая борьба за власть уже между его сыновьями в 1015—1019 годах. В ходе борьбы князей жертвами этой междоусобицы пали, в частности, князья Борис и Глеб, убитые своим братом Святополком (по другой версии — Ярославом) и ставшие первыми русскими святыми. Святополк, опираясь на военную помощь печенегов и поляков, несколько лет с переменным успехом удерживал киевский престол, сопротивляясь своему брату Ярославу, которого поддерживали отряды варягов (викингов) и новгородцев. Но и победив Святополка (получившего позднее с лёгкой руки победителей «почётное прозвище» — «Окаянный») и завладев наконец Киевом, Ярослав столкнулся с еще одним своим братом, могучим князем-воителем — Мстис-

лавом Черниговским — и опять последовала ожесточенная борьба за контроль над Русью, её раздел (окончательно вся Киевская Русь ненадолго объединилась под властью Ярослава лишь после смерти Мстислава).

Однако, несмотря на эти периоды распада страны и острых междоусобных столкновений, эпоха Владимира и Ярослава — энергичных и талантливых правителей, (пусть и братоубийц), долго правивших в Киеве и осуществивших важные реформы, — осталась в исторической памяти народа как «золотой век» Киевской державы, век относительной стабильности и расцвета.

Не будет преувеличением сказать, что в эту эпоху Русь в социальном, культурном и политическом отношении была органической частью Европы — не отсталой, дикой, враждебной, неведомой и изолированной (как впоследствии), а, скорее, цветущей и далеко опережающей другие народы и регионы. (Параллельно с Киевской Русью и даже с некоторым отставанием от неё в X веке появляются другие славянские государства в Восточной Европе — королевства Богемия и Польша.) Крещение ввело Русь в семью европейских народов, приобщило к византийскому и античному духовному наследию, сняло перегородки для дипломатических и династических контактов. Русские князья в это время породнились с влиятельнейшими европейскими монархами. Так, сын Ярослава Мудрого Всеволод был женат на византийской царевне, другой сын Изяслав — на сестре польского короля, дочь Ярослава Анна стала королевой Франции, а сам Ярослав, потомок викингов и вождь норманнской наёмной дружины, был женат на шведской принцессе, тогда как две другие его дочери стали королевами Венгрии и Норвегии, а внучка — женой германского императора. А знаменитый внук Ярослава Мудрого, князь Владимир Мономах был мужем принцессы Гиты — дочери Гаральда Храброго, последнего саксонского короля Англии, героически павшего в 1066 году в битве с нормандами Вильгельма Завоевателя.

Расцвет городов и ремёсел (в Киевской Руси насчитывалось свыше пятидесяти ремесленных профессий, большинство из которых исчезло после монгольского нашествия), довольно высокий уровень грамотности, развитие каменного храмового строительства и иконописи, появление прекрасного зодчества и фресковой живописи, европейские по сути социальные отношения и институты (городское самоуправление — вече, бояре (аналог западных баронов), князья (подобные европейским герцогам), дружина, связанная с князем отношениями не подданства, но вассалитета (взаимного договора)) — всё это говорит о высочайшем социальном, политическом и культурном развитии Киевской Руси, ещё вчера дикого закоулка варварского мира, вдруг вставшего вровень с европейскими странами.

Важнейшим событием этого периода является начало христианизации Руси. Дата, с которой традиционно связывается крещение при князе Владимире — 988 год — довольно условна. Ведь христиане и церкви (прежде всего, среди купцов и наёмников-норманнов) появились на Руси задолго до Владимира. Христианами были его бабушка княгиня Хельга (Ольга) и предательски убитый им брат Ярополк. Вызванное политическими причинами — желанием встать вровень с другим «цивилизованными» народами, укрепить единство страны и получить сакральное обоснование княжеской власти — крещение в 988 году, пришедшее на Русь из Византии по инициативе Владимира, явилось не началом, но и, тем паче, не концом долгого процесса христианизации, растянувшегося на шесть-семь столетий.

Если киевляне, по приказу князя загнанные дружинниками в Днепр и скопом крещёные там, легко отказались от своих старых богов и идолов, то в Новгороде произошло народное восстание против насильственной христианизации. «Добрыня крестил Новгород огнем, а Путята — мечом» — это крылатое выражение, оставшееся в народной памяти и дошедшее до нас, отражает драматизм и жестокость

процесса, когда княжеские дружинники Путята и Добрыня (по-видимому, родственник Владимира и прототип былинного героя Добрыни Никитича), чтобы заставить новгородцев принять новую веру, подожгли город и перебили значительную часть жителей. Многие другие славянские племена ещё несколько столетий оставались даже формально некрещёными (например, вятичи). А в конце XI века произошло народное восстание в Суздальской земле, вызванное голодом и возглавленное языческими волхвами.

Но даже в тех случаях, когда население внешним образом и по принуждению принимало христианство, разумеется, это принятие носило поверхностный и неглубокий, чисто обрядовый характер, не меняя существенно языческого мироощущения людей. Просто на христианского Бога и святых переносились старые языческие представления, а бывшие боги превращались в «бесов». Постановления церковных соборов XVI—XVII веков ярко показывают, как неглубоко «вширь» и «вглубь» продвинулось за семь столетий дело евангелизации и христианизации «святой Руси», по преимуществу остающейся языческой по своему духу. В результате формировался феномен «двоеверия», когда с поверхностным тонким слоем книжной, официальной, городской христианской культуры (связанной с князем, дружиной, монашеством) сочетался и абсолютно преобладал слой народной, по существу языческой, неписанной деревенской культуры. Новые христианские праздники «ставились» на дни старых языческих (Перунов день стал Ильиным днем, как бог-громовержец Перун обратился в Илью-пророка, тоже громовержца), новые христианские святые получали «функции» старых языческих божеств (святой Власий — покровитель скота вместо бога Велеса), почитание икон встало на место языческого идолопоклонства, христианские храмы возводились на месте языческих святилищ. Из христианства народная культура постепенно и кое-как усваивала «обрядоверие» — внешнюю, сугубо ритуальную сторону. С какими-то проявлениями язы-

ческой культуры (скоморошество, поклонение идолам, оргиастические праздники) церковь и власть боролись, с другими были вынуждены мириться. Возникал живой и причудливый сплав языческой и христианской культуры (как и в других европейских странах), в котором язычество играло роль преобладающего, но невысказанного «бессознательного», народного начала, а христианство — роль книжного и официального «сознательного» пласта.

Вспомним шедевр древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве». Что это: памятник христианской или языческой культуры? Однозначного ответа нет. С одной стороны, автор молится Богу и деде Марии, использует христианский язык и противопоставляет «крещёную Русь» «поганым» (то есть язычникам) половцам, а с другой стороны, вся поэма пронизана возвышенным и страстным языческим мироощущением, оживотворением сил природы и поклонением им (здесь и обращение к Ветру, и к Днепру, и загадочный «див» (иранское божество)).

И всё же, несмотря на свою длительность и драматизм, процесс христианизации Руси постепенно оказал колоссальное воздействие на всю русскую историю, повлияв на быт, культуру, самосознание, политику, национальные традиции и облегчив для Руси коммуникацию с одними народами мира (православными) и затруднив — с другими (мусульманами, иудеями, католиками и протестантами).

Последствия крещения многообразны и неоднозначны. Среди них: включение Руси в сферу культурного и политического влияния Византии (из Византии на Русь хлынули христианские и античные произведения, приехали священники, иконописцы и зодчие), сплочение народа вокруг единой монотеистической религии, укрепление дипломатических и торговых контактов с европейскими государствами, перемены в быту и морали (церковь смягчала рабство, призывая видеть людей даже в рабах, осуждала многожёнство и кровную месть), смена представлений о судопроизводстве и

собственности (церковное право, изложенное в византийском «Номоканоне» («Кормчей книге») явилось образцом для формирования светского права). Здесь следует указать и на характерное для Византии обожествление светской власти и её доминирование над церковью (цезарепапизм), Впрочем, отчасти смягченное тем, что глава церкви в Киеве — митрополит Руси — был греком, присылался патриархом из Константинополя и потому не зависел напрямую от киевского князя. Здесь и последовавшее вскоре обособление Руси от «латинского» Запада (окончательный раскол православной и католической церковью оформился в 1054 году — через полвека после начала крещения Руси). Пройдя выучку ненависти к «латинской ереси» у византийцев, Русь позднее воспринимала западное христианство и западную культуру, как враждебные.

Помимо Византии огромное влияние на Киевскую Русь оказала Дунайская Болгария, за сто лет до Киева принявшая христианство и получившая письменность (от святых миссионеров Кирилла и Мефодия). Именно Болгария стала тем посредником, через которого на Русь стали проникать византийская книжность и письменные произведения. Центрами христианской культуры на Руси становятся монастыри, и особенно самый влиятельный — Киево-Печёрский монастырь, при котором возникает школа, постоянное летописание и иконописная мастерская. В Киево-Печёрском монастыре жили и те немногие киевляне, которые сразу и горячо приняли новую религию, стали истовыми монахами-подвижниками благочестия, надолго превратившимися в образцы аскезы и святости (пусть и недостижимые для большинства) и ставшие духовными авторитетами для древнерусского общества.

Говоря о внешней политике Владимира I и Ярослава Мудрого, следует назвать, наряду с укреплением разнообразных (религиозных, культурных, торговых, династических) связей с Византией, Болгарией (Дунайской) и с Западной Европой, традиционное сохранение контактов с викингами (именно их дружины привели обеих князей к власти в Киеве, устра-

нив их соперников). Важнейшим направлением оставались и контакты со «Степью». Сперва воинственные печенеги, а затем — с середины XI века — «половцы» (кипчаки) постоянно тревожили Русь набегами. Владимир повелел выстроить на южных рубежах, в двух днях езды от Киева, сеть крепостей, остановивших неистовый печенежский натиск. Не случайно в былинах именно с именем Владимира связаны «заставы богатырские» и пиры в кампании Ильи Муромца, Добрыни Никитича и других витязей, оборонявших русскую землю от Степи. Ярослав Мудрый окончательно уничтожил печенегов в битве в 1036 году (и в знак великой победы приказал построить знаменитый Софийский собор в Киеве, подражающий, как и Золотые Ворота, аналогичному сооружению в Царьграде). Впрочем, на место печенегов вскоре пришли половецкие племена.

Если с именем Владимира прежде всего связано начало крещения Руси и начало чеканки монеты (впрочем, последнее было лишь символическим актом, подчеркивающим независимость киевского государства — реальным средством обмена оставались на Руси серебряные арабские и византийские монеты, а нехватка драгоценных металлов на многие века стала острой проблемой), то с именем его сына Ярослава связывают издание первого писаного закона — «Русской правды». Её часто справедливо сравнивают с аналогичными законами других «варварских королевств» VI—VIII веков в Европе, например, с «Салической правдой» франков, также отразившей ранний этап формирования государственности и сочетавшей обычные нормы права с новыми, писанными и исходящими сверху, от правителя.

Закон этот был издан Ярославом при драматических обстоятельствах. После конфликтов, возникших между новгородцами, поддерживавшими князя в борьбе за овладение Киевом, и его варяжской дружиной (причём в ходе конфликтов было много убитых с обеих сторон) возникла необходимость в юридическом регулировании отношений между «княжескими

людьми» и «простыми» свободными общинниками, никак не зависящими от князя и живущими своей жизнью, Ярослав издал закон («Правда Ярослава»), а его дети добавили к нему новые статьи («Правда Ярославичей»). При этом важно подчеркнуть, что основная масса населения Руси находилась вне княжеской юрисдикции и жила по своим традиционным, общинным, неписанным, правилам и законам. Тогда как «Русская правда» регламентировала прежде всего жизнь людей, тесно связанных с князем и находящихся вне общины, на княжеской службе (военной, гражданской, хозяйственной или административной).

Этот закон носит «переходный» характер, сочетая нормы обычного права и права, искусственно сконструированного и навязанного обществу государством. Так, «Русская правда» допускала кровную месть за убийство родственника, но ограничивала её, во-первых, определяя узкий круг людей, могущих мстить за убитого, и, во-вторых, предлагая в качестве альтернативы денежный выкуп установленного размера — виру — за него. Интересно, что «Русская правда» не предполагала смертной казни или пыток (всё это появится на Руси позже, под влиянием монгольского ига) и допускала судебный поединок («Божий суд») для выяснения правоты спорящих сторон. По закону имущество человека ценилось намного выше самого человека и обеспечивалась его личностью (так, несостоятельный должник передавался в рабство займодавцу). «Русская правда» также скрупулезно рассматривала все случаи унижения личного достоинства (отсечение пальца или руки, вырывание усов или бороды и т.д.), предполагая за каждое преступление своеобразный денежный «прейскурант», зависящий от социального статуса потерпевшего. Так за убийство или отсечение руки или ноги свободного общинника следовало уплатить штраф в 40 гривен; за оскорбление личности — вырывание бороды или усов — 12 гривен; а за отсечение пальца или укрывательство беглого раба — три гривны.

Благодаря «Русской правде» мы знаем немало и о денежной системе древней Руси («куны, гривны, ногаты» — так назы-

вались тогда деньги, причём в этих названиях нередко отражен их ещё натуральный характер («куна» — от шкурки куницы)) и о социальных группах, из которых состояло тогда общество. Верхушку этого общества составляли великий киевский князь, его семья, бояре (приближённые князя или старейшины племен), «старшая» и «младшая» дружина. При этом князь являлся отнюдь не монархом, а лишь военным предводителем, заключавшим с дружиной и боярами договор и постоянно советовавшимся со своим окружением. Особой категорией были княжеские рабы — «холопы», часто привилегированные, поставленные им на административные и военные должности. Так, приказчик княжеского имения именовался «тиуном», и, хотя он и был рабом (но рабом князя!), его жизнь «стоила» особенно много. Из среды княжеских холопов — «дворовых людей», всецело зависящих от его милости — позднее (через три-пять столетий) возникнет русское дворянство. Свои «вотчины» — наследственные земельные территории и хозяйства, передававшиеся от отца к сыну — были и у других князей и бояр. Уже во времена Ярослава Мудрого существовало множество разновидностей княжеских людей и слуг («челяди»): мечники, ябедники, гридины и другие.

И всё же вотчины князей и бояр, переходящие по наследству и обрабатываемые несвободными людьми, образовывали лишь небольшие «островки» в «море» свободного населения, живущего в общине и платящего князю умеренную дань за военную защиту. Именно эта дань и добыча от торговых караванов и военных грабительских набегов, а не вотчинные хозяйства, были основой существования правящего сословия в Киевской Руси. Применительно к Киевской Руси можно говорить о государстве, как о коллективном собственнике, получавшем со свободного населения дань (мехами, воском, мёдом, продуктами) и перераспределявшего часть его церкви («десятина» — как в западной церкви, одна десятая часть всех доходов государства, по приказу Владимира, шла на содержание церкви).

При этом важно подчеркнуть, что Киевская Русь представляла собой федерацию земель, союзов племён (со своими столицами), городов и территорий, которые считались не личным достоянием великого киевского князя, но родовой собственностью всех, стремительно возрастающих в числе викингов Рюриковичей («русская земля» — земля, подвластная роду варягов-Руси, тогда как понятие «русский народ» отсутствовало, возникнув через полсотни лет). Поэтому и среди членов княжеской семьи великий князь воспринимался как первый среди равных, его сыновья и братья получали в управление крупные города, а в престолонаследовании действовало (по крайней мере, теоретически), «лествичное право» (от «лестницы-лествицы»). То есть наследование княжеского стола шло не по «вертикали» — от отца к сыну, а по «горизонтали» — от старшего брата к следующим братьям, а, когда все братья умирали, — к старшим детям старшего брата.

Но число членов рода Рюриковичей стремительно росло, старшие племянники часто бывали взрослее своих дядей и не желали ждать своей очереди (ведь можно было и не дожидаться). Поэтому после смерти великого князя вся система приходила в движение, а его родственники пересаживались «со стола на стол», в соответствии с изменившейся ситуацией. Правда, в реальности, по мере дробления Руси и увеличения числа членов рода Рюриковичей, эта система сильно запутывалась, а многие представители княжеского рода не хотели ждать своей очереди, что и вело к многочисленным распрям, войнам и столкновениям (несколько сократившим число князей). Достаточно сказать, что и Владимир I, и Ярослав Мудрый захватывали власть как узурпаторы, не по праву, свергая и убивая старших братьев (а Ярослав вдобавок вступил в борьбу ещё и с живым своим отцом — князем Владимиром, который умер в разгар подготовки к походу против него). Ещё одним важным следствием «лествичного права» было то, что князья не ощущали своего единства с тем или иным городом и тер-

риторией, а смотрели та него, как на временное пристанище, лишь базу для «повышения своего статуса» с «прицелом» на овладение Киевом (так продолжалось до конца XI века).

Переходя к основной массе населения Киевской Руси, следует выделить несколько главных категорий этого населения. Большинство лично свободных общинников, живших своим «миром» (общиной), на основе норм традиционного, обычного права и плативших дань государству, так и называлась «люди» (слово «крестьяне» (от «христиане») возникло лишь спустя четыре века, в эпоху монгольского ига, когда большинство сельского населения Руси и в самом деле стало воспринимать себя «христианами»). Помимо этого были довольно многочисленные «смерды» — полузависимые земледельцы, обслуживающие вотчины бояр и князей.

Многочисленным был и слой рабов — «холопов», среди которых выделялись «рядовичи» и «закупы», то есть неполные рабы, отдававшиеся в рабство на время и на определенных условиях по «ряду» (договору) или за кредит — денежный или продовольственный («купу»), временно оказавшиеся в зависимости. Их рабство было ограниченным, условным и непостоянным. Наряду с этим были и рабы, взятые в плен на войне или родившиеся от рабов, — их рабство было пожизненным. Категория «холопов» была весьма распространена в Киевской Руси (не зря рабы, наряду с мехами, мёдом и воском, были основной статьёй торговли варяжско-русских купцов на византийских рынках). Но, разумеется, положение раба простого «людина» и раба князя (который мог дослужиться до тиуна или военного холопа, приближённого к князю и самого владевшего холопами) на практике существенно различалось. Так, за убийство княжеского тиуна или конюшего следовало заплатить по «тарифу», указанному в «Русской правде», 80 гривен, тогда как жизнь смерда и рядовича «стоила» всего пять гривен — в шестнадцать раз меньше! А штраф за убийство свободного «людина» составлял сорок гривен (то есть человек свободный, но не приближенный к князю, «стоил» вдвое меньше, чем раб, но приближенный к князю).

Упоминает «Русская правда» и об «изгоях» или «извергах», — людях, по тем или иным причинам покинувших общину или изгнанных из неё за какие-то серьёзные проступки. Эти люди стояли вне социума и закона и не могли рассчитывать на поддержку общины («верви»). К их числу относились и разорившиеся купцы, и выкупившиеся из рабства холопы, и поповичи, по неграмотности не способные стать священниками. Нередко изгоев брала под своё покровительство церковь. Так, в социальном строе Киевской Руси переплетались элементы родовых, феодальных и рабовладельческих отношений, образуя пёстрый, живой и динамичный организм.

Как нетрудно заметить, общество Киевской Руси делилось на две основные категории: князь и его люди, с одной стороны, и основная масса населения, — с другой. Социальный статус и способы регулирования их жизни весьма различались. Если князь, его дружинники, воеводы, наместники и бояре воспринимались как правители, администраторы, военачальники и — отчасти — судьи (впрочем, существовало и церковное право и судопроизводство, в ведении которого находились не только священники и монахи и вопросы религии, но и, например, всё семейное право), то наряду и параллельно с ними функционировали сельские и городские общины и обычное право, местное самоуправление.

Городские собрания назывались «вечем», выбирали предводителя городского ополчения («тысячи») — тысяцкого, старейшин («старцев градских»), могли начать восстание, изгнать князя или пригласить другого. В истории Киевской Руси такие события были отнюдь не редкостью. Так, в 1068 году киевляне изгнали князя Изяслава — сына Ярослава Мудрого, обвинив его в поражении в битве с половцами и в отказе раздать оружие киевлянам. Отвергнув князя, вече поддержало нового князя Всеслава (из рода полоцких князей). В 1113 году вече Киева точно также, после народного восстания, вызванного недовольством горожан князем Святополком, покровительствовавшим иудейским торговцам

и ростовщикам, закабалившим часть горожан в долговое рабство, пригласило на «стол» популярного князя Владимира Мономаха (в нарушение «лестничного права»).

Вече, тысяцкий, градские старцы контролировали и уравновешивали авторитарные притязания князя (другим противовесом ему были духовенство, бояре, дружинники и собственные родные). Митрополиты (присылаемые из Царьграда) мирили князей и ходатайствовали за впавших у них в немилость. Бояре и дружинники могли оставить князя или отказать ему в повиновении, расторгнув свой договор с ним. Так княжеская дружина сосуществовала с народным ополчением, княжеские законы сосуществовали с обычным правом, чеканившаяся князем монета сочеталась с полунатуральным обменом, внешняя торговля, находившаяся под особым покровительством князя, сосуществовала с натуральным земледельческим хозяйством основной массы населения, а княжеская власть — с народными собраниями.

Таким образом, Киевская Русь конца X—XI веков представляется пёстрым, живым, динамичным, многоукладным социальным образованием (обществом «цветущей сложности», используя выражение русского философа XIX века Константина Леонтьева), типологически очень близким (если не тождественным) тому обществу, которое в то же время существовало в Западной и Центральной Европе. И, подобно тому, как громадная и недолговечная империя Карла Великого и Каролингов сменилась феодальной раздробленностью, точно такие же процессы получили развитие на Руси в конце XI — начале XII веков.

Русь и Византия

Древнерусское государство возникло на дальней периферии культурного и политического влияния Византийской империи (Восточной Римской империи) — в те века наиболее культурно развитой части Европы, наследницы античного мира, оплота восточного христианства (православия). Если красота и величие соборов Константинополя

потрясали воображение диких славян и норманнов-варягов, если богатства Византии привлекали их, как желанная добыча, то цивилизованным византийцам северные соседи представлялись как первобытные варвары, которых желательно как-нибудь приручить — верой, договором или деньгам. Для варваров-славян (да и варягов) Византия стала тем же, чем для варваров-германцев стал Рим, а для монголов — Китай: источником культурных импульсов и образцом для подражания.

Контакты Руси и Византийской империи были многообразны и многочисленны. Регулярные торговые связи сочетались с грабительскими набегами русских норманнов на Константинополь. Князь Хельги (Олег) в 907 и 911 годах, князь Ингвар (Игорь) в 943-944 годах, князь Святослав в 971 году, князь Ярослав Мудрый (Ярислейв) в 1043 году нападали на империю, стремясь пограбить её земли, получить выкуп, поставить под свой контроль торговые пути, обеспечить выгодные условия для торговли Киева с Византией. Договоры между «Русью» и «греками», дошедшие до нас благодаря летописи, сочетают в себе как упоминания о выплате контрибуции, так и пункты, оговаривающие право пришельцев с берегов Днепра находиться в Царьграде и условия их пребывания. По ним русские купцы могли входить в Константинополь не более чем по 50 человек, без оружия (они жили в предместье великого города), были обязаны зимой покидать город, но зато имели даровое питание и бесплатную баню за счет имперских властей. Ввозя в Византию воск, мёд, меха и невольников, купцы из киевских земель везли обратно дорогие вина, ткани, оружие.

Не раз русские князья-викинги за деньги предоставляли императорам военную помощь. Так в 910 году войско киевских князей по договоренности с Константинополем напало на персидские земли в Закавказье, а другое войско участвовало в десанте на Крит в составе византийской армии. В 985 году, когда византийское войско высадилось в Италии,

оно включало в себя и русскую дружину (из викингов и славян). В 964 году русские, как наёмники греков, сражались в Сицилии против сарацин.

Вся двойственность отношений Руси и Византии ярко проявилась при князе Владимире I, который, с одной стороны, разграбил византийскую крепость в Крыму — Херсонес (Корсунь) и, наряду с другими богатствами, заодно вывез оттуда и мощи почитаемого святого (Климента), а, с другой стороны, крестил Русь по греческому варианту христианства, женился на византийской принцессе и помог византийскому императору подавить военный мятеж Варды Фоки, направленный против его власти. Таким образом, киевские князья выступали одновременно и в роли учеников (в делах веры и культуры), и в роли младших партнеров и союзников византийских правителей и, одновременно, в роли своенравных и строптивых грабителей, разорявших земли империи.

Позднее в имперской армии постоянно существовал «русский корпус». Многие славяне и варяги в массовом порядке отправлялись в Византию (признанный центр этой части света) как купцы, наёмники и ремесленники, и эта практика была настолько масштабной, что оговаривалась специальными византийско-русскими соглашениями. По остроумному замечанию Б. Кагарлицкого: «одновременно в Константинополе находилось около тысячи русских, которые не были эмигрантами, они были торговцами, религиозными деятелями..., а также, как сейчас принято говорить, гастарбайтерами — ремесленниками и наемными солдатами, планировавшими, накопив денег и знаний, вернуться на родину. Можно даже сказать, что на первых порах они были «лимитчиками», ибо их численность в Царьграде греческой администрацией ограничивалась».

Постепенно от грабительских набегов и военных столкновений, Русь и Византия в своих отношениях всё больше переходили к постоянным торговым, культурным, дипломатическим и религиозным связям. Втягиваясь в сферу

политического и культурного влияния Византии, Русь стремительно «цивилизывалась» и «христианизовалась». Из Византии на Русь ехали греческие митрополиты и епископы, зодчие и иконописцы, везли предметы церковной утвари, а также книги античных и христианских авторов. Византия во многом сформировала сознание правящей на Руси элиты, князей и духовенства. В подражание Константинополю в Киеве и Новгороде строятся Софийские соборы, а в Киеве и Владимире — Золотые ворота. В эпоху Ярослава Мудрого Киев стремился во всём подражать Царьграду и старался превзойти его (хотя, разумеется, и безуспешно). Из Византии на Русь проникли основы учёности и книжности, архитектурные и живописные стили и техники, убеждённость в сакральности (священности) власти князя, роскошь двора правителей, традиция ослепления политических противников и ведения политических интриг (ещё спустя столетия Наполеон I называл Александра I «хитрым византийцем») и пышный придворный церемониал. Если суровые викинги, прийдя править к славянам, дали Киевской Руси княжескую династию, название, военную элиту и внесли в её культуру элементы воинственности, динамизма, авантюризма, рыцарственности и предприимчивости, то византийцы обогатили древнерусскую культуру тысячелетней учёностью, православной религией, фанатичной ненавистью к католическому Западу, а также политическими и правовыми установками автократии (по-русски — самодержавия).

Очень важен тот факт, что Византия превратилась в «духовную метрополию» Руси именно в тот момент, когда окончательно оформился раскол христианского мира на православный Восток и католический Запад. Очень скоро западные крестоносцы, «по ошибке сбившись с пути в Иерусалим», ворвутся в Константинополь и разорят его. Категорическое неприятие «латинства» (и Запада в целом) и идея самодержавия (вместе с гербом — двуглавым орлом) — вот то двусмысленное наследие, которое гибнущая Византийская империя позднее завещает Московской Руси.

По словам (впрочем, немного преувеличенным) известного русского философа конца XIX века К.Н. Леонтьева, «византийские идеи и чувства сплести в одно тело полудикую Русь». А В.О. Ключевский отмечал: «Вместе с христианством стала проникать на Русь струя новых политических понятий и отношений. На киевского князя пришлое духовенство переносило византийское понятие о государе, поставленном от Бога не для внешней только защиты страны, но и для установления и поддержания внутреннего общественного порядка». Впрочем, семена «византизма», посеянные в Киеве в X—XI веках, дали ростки уже в Московии через три—четыре века. Эти идеи (также как и цезарепапизм — подчинение князю духовной власти) медленно, но глубоко проникли в сознание и сохранились и тогда, когда сама Византийская империя в середине XV века пала под ударами турок-османов.

Рабство и социальная природа Киевской Руси

Из «Русской Правды» и других источников мы узнаём о существовании в Киевской Руси весьма многочисленной категории рабов, которых называли «холопами» или «челядью». Захваченные на войне или при грабительских набегах, а также купленные на невольничьих рынках, рабы были полностью бесправны. Ударивший свободного человека холоп мог по закону быть безнаказанно убит. Холопы не имели права свидетельствовать в суде, а за их убийство хозяин подвергался лишь церковному покаянию (христианство несколько смягчало бремя рабства, но не отменяло его). При этом, разумеется, княжеский или боярский холоп находился в несравненно лучших условиях, чем все остальные и мог, сделав головокружительную «карьеру», стать старостой или тиуном (управляющим имения).

По словам В.О. Ключевского: «Экономическое благосостояние Киевской Руси XI и XII вв. держалось на рабовладении. К половине XII в. рабовладение достигло там громадных размеров. Уже к X—XI вв. челядь составляла главную

статью русского вывоза на черноморские и волжско-каспийские рынки... Рабовладение было одним из главнейших предметов, на который обращено внимание древнейшего русского законодательства... Челядь составляла по-видимому, необходимую хозяйственную принадлежность частного землевладения светского и церковного, крупного и мелкого. Отсюда можно заключить, что сама идея о праве собственности на землю, о возможности владеть землею, как всякою другою вещью, вышла из рабовладения, была развитием мысли о праве собственности на холопа... Рабовладельческие понятия и привычки древнерусских землевладельцев стали потом переноситься и на отношения последних к вольным рабочим, к крестьянам... Таким образом экономическое благосостояние и успехи общежития Киевской Руси куплены были ценою порабощения низших классов...»

И в самом деле, бурная коммерциализация жизни Киевской Руси, рост городов и посреднической торговли, развитие товарно-денежных отношений были тесно связаны с ростом рабовладения — одной из важных основ торговли и одним из факторов развития земледелия на боярских и княжеских землях. Рабов продавали на рынках Константинополя, холопы исполняли роль прислуги при дворе князя и бояр, холопы же обрабатывали княжеские и боярские надель. Экономический подъем и взлет городов Киевской Руси (как за много веков до того в Афинах, а через много веков — на юге США) имел оборотной стороной бурное развитие рабства.

Известный современный российский историк И.Я. Фроянов даже выдвигает в своих работах тезис о рабовладельческом характере социального строя Киевской Руси (в пику марксистской догме о её будто бы «феодальной» природе). Однако большинство историков всё же оспаривают этот тезис, как крайность и односторонность. Они подчеркивают многоукладность древнерусского общества: наличие вольных городов полисного типа, родовых отношений в деревне, рабовладения и товарных отношений. Только их взаимный

учет и комплексное осмысление даёт представление о древнерусском обществе. Важен также тот факт, что большинство жителей Киевской Руси всё же были лично свободными «людинами», жили по нормам обычного права (а потому находились вне рассмотрения «Русской Правды» и княжеского суда). В исторической науке преобладает сегодня взгляд на русское государство (представленное княжеским родом и дружиной) как на коллективного собственника русской земли, эксплуатирующего свободное население посредством сбора даней и налогов. А потому характеристика Киевской Руси как только «рабовладельческого» или уж, тем более, только «феодального» общества, разумеется, неправомерна.

III. РУСЬ УДЕЛЬНАЯ **(XII — первая половина XIII веков)**

3.1. «Каждый да держит отчину свою»

Просуществовав как более или менее единое образование полтора века, Киевская Русь в конце XI — начале XII века рассыпается на множество отдельных княжеств и земель. Начинается период «удельной Руси» (то есть Руси, состоящей из ряда автономных образований), подобный периоду «феодальной раздробленности» в Западной Европе IX—XIV веков. Казалось бы, в Киевской державе существовало единство веры, единство княжеского рода, появились общие писанные законы («Русская правда»), чеканка монеты (пусть лишь в целях поддержания престижа)... Что же послужило причиной распада огромного древнерусского государства, каковы были последствия этого процесса и когда он начался?

По поводу последнего вопроса (как, впрочем, и по поводу остальных) мнения историков несколько расходятся. Одни предлагают считать отправной точкой существования удельной Руси 1054 год — дату смерти Ярослава Мудрого, разделившего страну между пятью сыновьями. Другие считают такой вехой 1125 или 1132 годы — даты смерти соответственно князей Владимира Мономаха и его старшего сына Мстислава Великого — последних правителей, при которых Киевская Русь ненадолго вновь объединилась перед окончательным распадом.

Что касается причин дробления страны, то их можно назвать несколько.

Во-первых, существенным фактором стало угасание внешней — днепровско-черноморской — торговли, которая была основой возникновения и единства Киевской державы.

Половцы, пришедшие в южные степи всерьёз и надолго, существенно затруднили контакты Киева с Византией. Да и сама Византийская империя в это время приходит в упадок и затем надолго гибнет под ударами крестоносцев (и по наущению своих конкурентов — венецианцев). Торговые связи между Европой и Азией, ранее осуществлявшиеся по пути «из варягов в греки», теперь, в эпоху крестовых походов (XI—XII вв.) находят новый, более прямой и короткий путь — через восточное Средиземноморье. Итальянские города (Генуя и Венеция) занимают в европейской торговле место Киева и Константинополя.

Во-вторых, характерное для этой эпохи натуральное хозяйство вело к самообеспечению каждого региона всем необходимым и делало излишними тесные контакты между ними. Парадоксальным образом, в Киевской Руси внешняя торговля явно доминировала над внутренней. Ведь сама страна возникла на транзитном торговом пути. Бурно развиваясь, отдельные территории и города перестали нуждаться во власти Киева и, соответственно, перестали поддерживать его деньгами и людскими ресурсами.

В-третьих, Киевская Русь изначально была непрочным образованием, распадавшимся и вновь «собиравшимся» при каждой смене князя. Наличие двух противостоящих центров: Киева на юге и Новгорода на севере — также способствовало распаду древнерусского государства.

В-четвертых, несмотря на рост центростремительных тенденций, сохранялась значительная специфика союзов племён восточных славян (в социальных связях, обычаях, быте, языке). И поэтому возникшие на развалинах Киевской Руси удельные княжества нередко по своим границам совпадали с границами старых догосударственных образований и протозносов (например, Полоцкое княжество соответствует землям кривичей, Черниговское — землям северян и т.д.).

В-пятых, бояре и дружинники, которые на ранних этапах становления Киевской Руси были заинтересованы

в сильной центральной княжеской власти (ибо она давала им добычу в ходе военных набегов и защищала от кочевников) со временем стали переориентироваться на местных князей. Знатные люди получали вотчины, оседали на земле, сменяя психологию авантюристов-конкистадоров на психологию домохозяев-«крепких хозяйственников». На время (после походов в степь Владимира Мономаха) прекратились и набеги половцев. Теперь бояре предпочитали не ехать в далёкий Киев и не посылать туда дань, а ориентироваться на местного князя.

Наконец, шестой, последней по значению, и непосредственной причиной распада Руси была борьба за лидерство между князьями из дома Рюриковичей. Существующее «в теории» «лествичное право» наследования «столов» было громоздким и запутанным. Стремительный рост числа членов княжеского дома, которых надо было обеспечить «уделами», и нежелание многих из них дожидаться своей очереди, привели к ожесточённой борьбе за власть. Военные столкновения, распри, ослепления и насильственные пострижения в монахи соперников (ибо после убийства и канонизации Бориса и Глеба на братоубийство было наложено религиозное табу, а ослепления и пострижения были органической частью византийской политической культуры, быстро усвоенной на Руси), привод на Русь иноземцев (половцев, поляков, венгров) стали обычным делом для Руси конца XI—XII веков. Летописцы и церковные деятели тех лет постоянно с осуждением говорят о «ссорах и которах» между князьями. По словам русского эмигрантского историка середины XX века С.Г. Пушкарёва: «с каждым новым поколением Ярославичей родовые отношения становились все более сложными и запутанными, родственные чувства между различными ветвями княжеского рода исчезали, некоторые крупные области разделялись на несколько более мелких княжеств, а потому споры и столкновения между князьями, наконец, открытая вооруженная борьба за власть стали хронической болезнью Киевской Руси». Однако, очень

важно подчеркнуть, что, по словам В.О. Ключевского: «Местное неслужилое население обыкновенно довольно равнодушно относилось к княжеским распрям. Боролись собственно князья и их дружины, а не земли, не целые областные общества, боролись Мономаховичи с Ольговичами, а не Киевская или Волынская земля с Черниговской». Столкновения небольших княжеских отрядов редко приводили к опустошению земель и к взаимному ожесточению между их жителями. Поэтому, несмотря на княжескую борьбу и политическое разделение Руси, единство населения в это время лишь укреплялось.

Если на первом этапе этой борьбы (во второй половине XI века) все соперники стремились отнять друг у друга Киева и стать «великими князьями», контролирующими всю страну, то затем (по мере ослабления Киева и стремительного подъема региональных центров), наступает признание борющимися сторонами друг за другом определенных постоянных территорий. Теперь князья из временных «находников», стремительно перемещающихся со «стола» на «стол», начинают осознавать себя стабильными правителями определённых земель, желающими лишь укрепить свою власть на этих землях и, по возможности, отхватить кусок земли у своего соседа.

Современному нам человеку, привыкшему к развитой юридической системе, унификации и регламентации общественной жизни, трудно понять это общество (Русь XII века) — с его принципиальной пестротой, качественным многообразием, динамизмом, постоянной сменой ситуаций, огромной ролью неформальных связей и традиции. Вся жизнь древнерусского общества тогда строилась не на формальной и всеобъемлющей регламентации (как в современном обществе — на Конституции), а на личных связях, прецедентах, разнообразных и меняющихся раскладах сил, множестве различных прав и интересов — взаимодействующих, но никогда не сводимых к «единому знаменателю». Так, не было формальных писанных законов, связывающих князя с его дружиной, но существовали устные договоры верности и службы,

причём дружина могла отказать князю в повиновении. Не существовало писанных законов, ограничивающих власть князя, однако вече легко могло указать ему «на дверь», сказав: «пойди, княже, прочь, не хотим тебя» и пригласить другого, сказав: «приди, княже, хотим тебя». Не существовало формальных законов, решающих все вопросы наследования власти на Руси — однако, существовала традиция «лествичного права» (опирающаяся на обычай и общественное мнение), в которую, в свою очередь, вносили поправку решения веча, восстания, военная сила, межкняжеские договоры, позиция бояр. Какой-нибудь «законный» князь мог быть слаб и непопулярен у веча или дружины и — терять «стол» (особенно, потерпев поражение на войне), а другой — удачливый на войне, любимый в народе, поддержанный боярами, садился на его место. Всё это общество находилось в постоянной динамике, многообразии, борьбе сил. Например, считалось, что решения веча большого города обязательны для его «пригородов» (то есть окрестных городов и территорий), однако на деле они вполне могли и не послушаться его решения, — например, принять к себе на «стол» князя, изгнанного из столичного города или не послать своё ополчение в общее войско.

Вехами в борьбе за власть на Руси стали межкняжеские съезды: 1097 года в Любече, 1100 года в Витичеве и 1103 года в Долобске. На них князья делили земли, договаривались о перемириях, обсуждали проекты совместных походов против половцев. Так, в 1097 году на съезде в Любече, устав от кровопролитной и безуспешной борьбы за Киев, переходящий из рук в руки, князья постановили: «Каждый да держит отчину свою». Это решение было призвано прекратить внутренние войны, сохранить за Рюриковичами удерживаемые ими земли и констатировать общий отказ от претензий на Киевское княжение, а также частично ограничить «лествичное право» допущением прямого наследования сыном княжества отца («отчины»). Однако далеко не все эти положения на деле соблюдались. Сразу же после съезда в Любече один из кня-

зей захватил и ослепил другого князя. Вновь закипала борьба за Киев, вновь братья садились на «стол» в обход дядей...

В 1169 году Киев был разгромлен, опустошён и разграблен армией суздальского князя Андрея Боголюбского. Три дня воины, ворвавшиеся в город, грабили и убивали жителей, разоряли храмы и монастыри, забирали из церквей иконы и колокола. Однако, взяв и разорив Киев, Андрей Боголюбский не остался в нем, а вернулся в свои владения. Многозначительное событие, показывающее, что обладание Киевом перестало означать власть над Русью! Значение «матери городов русских» стремительно уменьшалось, и Киевское княжество, многократно опустошённое и утратившее экономическую опору в виде днепровской торговли, пришло в полный упадок.

На смену более или менее единому государству пришли десятки княжеств. Новые и новые, всё более мелкие, уделы образовывались путем «отпочковывания» от более крупных. Так, на протяжении XI—XII веков, от Киевского княжества «откололось» Черниговское, от Черниговского — Муромско-Рязанское, от Муромско-Рязанского — Пронское... Подобные процессы шли повсеместно и были вызваны ростом членов княжеского дома и развитием местных центров. Массы людей уходили из разоряемого половцами и враждующими князьями Киевского княжества на юго-запад, в Прикарпатье (Галицию) или на северо-восток, в глухие непроходимые леса на Оке и Волге. Величие Киевской державы и единство Руси остались в прошлом, как основа национальной легенды — на неё ссылались, к ней обращались, о ней помнили, но реальность была совсем иной.

Однако следует ли полагать распад единой Киевской Руси на части мрачной эпохой регресса и деградации, как нередко утверждали и продолжают до сих пор иногда утверждать историки, отождествляющие социальный прогресс с государственной централизацией? Факты противоречат такому мнению и говорят о противоположном.

Да, междоусобицы доставляли немало хлопот населению и несколько ослабляли Русь перед лицом внешнего врага. Однако, в целом, эпоха XII — начала XIII веков — время небывало стремительного взлёта и расцвета Руси в социальном, культурном и экономическом отношениях. (Можно вспомнить и расцвет разделённой на полисы Эллады V века до н.э., и эпоху итальянского Возрождения — время небольших городов-государств в XIII—XV веках).

Бурно растущие города, высокоразвитые ремёсла, интенсивное храмовое строительство, выдающиеся памятники иконописи и литературы, широко распространённая грамотность (судя по находкам берестяных грамот в Новгороде, не только князья и духовенство, но и многие простые горожане были грамотны — такого уровня народной грамотности Россия не смогла достигнуть вновь даже к XIX веку) — таковы были приметы домонгольской Руси. В отличие от большинства западных городов, в Новгороде уже в середине X века появились деревянные мостовые (они исчезли лишь в конце XV века — после оккупации вольного города Москвой). По мнению многих западных историков, приводимому Б. Кагарлицким: «с социальной и экономической точки зрения домонгольская Русь была куда более передовой страной, чем отсталая Западная Европа феодальных поместий, где рынки, ярмарки и ремесло только начинали возникать во Фландрии, на побережье Балтики и в Северной Италии». Кольчуги, изготавливаемые на Руси уже в X веке, стали делать на Западе лишь в конце XI — начале XII веков. В XII веке русские земли опережали другие регионы Европы по уровню металлообработки.

Лицо Руси — её социальной, политической, экономической, религиозной и культурной жизни — определяли, прежде всего, развивавшиеся города: с их многочисленными посадами, шумными вечерними сходками, с развитой торговлей и ремеслами. Все эти и многие другие факты говорят о том, что по уровню своего развития удельная Русь домон-

гольского периода не только была органичной частью средневековой Европы, но и существенно опережала ее.

Превращение страны из единого государства в конгломерат из примерно полусотни княжеств и республик не означало гибели единства народа. Напротив, теснейшие экономические и культурные контакты сохранялись. Сохранялось единство династии (рода Рюриковичей), веры, церковной организации (во главе с киевским митрополитом), языка и исторической памяти. Торговые связи между княжествами укрепляются. Церковное зодчество Смоленска развивалось под влиянием черниговской архитектуры, а соборы Владимира строились под руководством мастеров из Галича (и с явным влиянием западных — романских — элементов). Местные школы летописания восходят к единой киевской первоначальной летописи. И автор «Слова о Полку Игореве», и многие летописцы говорят в это время о единстве «русской земли». А Даниил, совершивший в XII веке паломничество в Святую Землю, поставил у Гроба Господнего в Иерусалиме лампаду «от всей русской земли» (о чём он поведал в своем произведении «Хождение Даниила в Святую Землю»). Поверх всех границ между княжествами и землями ощущалось это единство — изначальное и идеальное. По справедливому замечанию В.О. Ключевского: «Русская земля, механически сцепленная первоначально киевскими князьями из разнородных этнографических элементов в единое целое, теперь, теряя эту политическую цельность, впервые начала себя чувствовать цельным народным или земским составом». Однако, тут же добавляет Ключевский, «чувство народного единства пока выражалось ещё только в идее общего отечества, а не в сознании национального характера и исторического призвания».

Вместе с тем, по мере роста отдельных княжеств и усиления их столичных городов, происходит (как и в Европе) становление регионального самосознания, местной идентичности. Подобно тому, как средневековый итальянец (помня о величии Древнего Рима и красоте классической латыни),

считал себя прежде всего гентцем, флорентийцем или венецианцем, точно также и жители русских земель начинают всё больше осознавать себя как рязанцы, суздальцы, галичане или псковичи. Князья, соревнуясь друг с другом, возводят величественные храмы и крепости, вводят культы новых местных святых, призванных стать покровителями их земель, патронируют создание региональных летописных сводов, излагающих выгодные им версии исторических событий.

В XII веке, после упадка Киева, начинает формироваться и региональная социально-политическая специфика с различными альтернативными векторами развития. За преобладание ожесточённо борются три основных силы: княжеская власть, боярская знать и вечевое самоуправление. Князь, опираясь на дружину и своих слуг, стремится из приглашаемого и подконтрольного обществу судьи, законодателя, администратора и военачальника стать наследственным монархом, передающим неограниченную власть сыну. Боярство, рассматривающее князя лишь как «первого среди равных», опирающееся на вотчинное землевладение, клановую структуру общества и аристократические представления, стремится (подобно европейским баронам) ограничить княжеские претензии на абсолютную власть. Наконец, остаётся существенным фактором общественной жизни и народное вече — сходка всех свободных людей, которое выходит на передний план общественной борьбы в кризисные моменты, организуя восстания, изгоняя или приглашая князей и опираясь на силу народного ополчения и выбранных должностных лиц (тысяцких, посадских, «старцев градских»). По словам В.О. Ключевского, «города постепенно приобретали в своих областях значение руководящей политической силы, которая соперничала с князьями, а к концу XII века взяла над ними решительный перевес». Впрочем, такой процесс (аналогичный и синхронный европейской «коммунальной революции городов» XI—XII веков) вёе же происходил не повсеместно.

Сложная и драматичная картина борьбы трёх названных сил (сочетаясь с междоусобицей за власть и внешними вторжениями) обусловила специфику трёх основных регионов распавшейся Киевской державы: Юго-Западной Руси (Галицко-Волынской Руси), Северо-Западной (Новгородско-Псковской Руси) и Северо-Восточной Руси (Ростово-Суздальской Руси). В первом из этих регионов — в Галицком и Волынском княжествах — сложилась ситуация неустойчивого равновесия между постоянно борющимися между собой князьями и боярством. На Северо-Западе — в Новгороде и Пскове, княжеская власть была сведена почти к нулю, и сложилась своеобразная вечевая демократия с доминированием боярских родов и сильными олигархическими тенденциями. Наконец, на дальнем Северо-Востоке, на глухой лесной окраине Руси — в Ростове и Суздале, намечается усиление авторитарной власти князя, стремящегося путем систематического насилия подчинить себе общество.

3.2. Юго-Западная Русь (Галицко-Волынские земли)

Подъём Юго-Западной Руси начинается во второй половине XII века, когда из разорённых войнами киевских земель потоки людей устремляются в Восточное Прикарпатье. Плодородные почвы, соляные копи, торговые пути, ведущие в соседние страны — Польшу и Венгрию — обусловили бурное экономическое и политическое развитие этого региона. Растут города: Владимир на Волыни (столица Волынского княжества), Галич, Перемышль, Луцк и другие.

Пригалицком князе Ярослав Осмомысле ((1153-1187 гг.); «Осмомыслом» его звали за владение восемью (!) языками) Галицкое княжество достигает расцвета. И одновременно начинается ожесточённая, растянувшаяся на столетие, борьба князей с боярами. В этой борьбе князья стремились достичь единовластия и опирались на своих естественных

союзников — города, также заинтересованные в устранении боярской олигархии. Князья строили новые города, привлекали в них купцов и ремесленников — как русских, так к иноземцев (поляков, евреев, армян, немцев) и не раз обращались за помощью к соседним государям — венгерским и польским. В свою очередь, короли Венгрии и Польши сами стремились к захвату Галича и Волыни. Боярство в галицких и волынских землях было сильно, как нигде на Руси. Аристократические кланы — богатые, многочисленные, своевольные, располагающие собственными дружинами и стремящиеся следовать примеру западноевропейских баронов и графов, хотели превратить князей в своё орудие, то и дело свергая, изгоняя или убивая их и заменяя новыми, более покладистыми. По словам крупнейшего русского историка XIX века С.М. Соловьёва, для Юго-Западной Руси характерно «важное значение бояр, пред которым никнет значение князя».

Всё правление Ярослава Осмомысла — умного, просвещённого и деспотичного правителя — протекает в столкновениях с боярскими кланами. В 1188 году другой выдающийся государь — волынский князь Роман Мстиславич, опираясь на поддержку галицких бояр, занял Галич. Однако он не стал послушным орудием в руках боярства и начал гонения и казни местных аристократов, говоря (по словам польского летописца: «Не побивши пчёл, не есть мед»). «Пчёлы», однако, оказывали отчаянное сопротивление. Тем не менее Роману удалось на время сломить своих противников и установить контроль даже над Киевом. Именно в его княжение Галицко-Волынские земли впервые объединились под единой властью и доминировали над всей Южной Русью.

Однако, после смерти Романа Мстиславича, произошедшей во время завоевательного похода на Польшу (в 1205 году), начинается боярская реакция. Бояре изгнали за границу, в Венгрию, жену погибшего князя с двумя детьми: трёхлетним сыном Даниилом и годовалым Василько. Даниилу Романо-

вичу суждено было впоследствии стать наиболее выдающимся политиком среди галицко-волынских князей, крупнейшим полководцем, законодателем и дипломатом эпохи.

Изгнав семью Романа Мстиславича, бояре сначала пригласили на княжение двух северских князей (сыновей Игоря Святославича — героя «Слова о полку Игореве»). Когда же и эти князья стали проявлять независимость от своевольного боярства и попытались расправиться с ним, произошло нечто, невиданное доселе на Руси: бояре повесили обоих князей и избрали новым князем боярина Владислава из своей среды (1213 год)! Это был единственный случай в древнерусской истории, когда на княжеский стол сел человек, не принадлежащий к числу Рюриковичей. Впрочем, и он княжил недолго и вскоре пал жертвой последующей борьбы. На четверть века Юго-Западная Русь стала ареной непрерывных столкновений, когда поляки, венгры, Даниил Романович, боярские группировки поочередно захватывали галицко-волынские города, изгоняя и истребляя своих противников. Описывая специфику местных социальных конфликтов, летописец писал: «бояре галицкие Даниила князем себе называли, а сами всю землю держали». Даниил Романович, в конце концов, за 25 лет (с 1213 по 1238 годы) сумел всё же, опираясь на помощь венгров и других русских князей, вернуть отцовские владения и жестоко расправиться с боярами.

Несмотря на все политические катаклизмы. Юго-Западная Русь процветала в экономическом и культурном отношении. Именно при Данииле политика создания сильного и могучего государства на территории Галицко-Волынских княжеств, а также политика интенсивного строительства новых городов и привлечения в них переселенцев из различных земель, достигла своего апогея.

Однако Даниилу фатально не повезло: в момент успокоения и объединения подвластных ему земель, на них обрушился чудовищный удар — монгольское нашествие. Не в силах сопротивляться этому страшному врагу, вслед за Северо-Восточной Русью опустошившему Южную Русь,

Даниил был вынужден (после непродолжительной борьбы) в 1245 году признать власть ордынских ханов. Официально «утверждённый» Ордой на свой княжеский стол, как её данник и вассал, князь восклицал горестно: «Злее смерти честь татарская!»

Впрочем, ища на Западе союзников против монголов, Даниил Романович установил тесные контакты с Римом. Он достиг договорённости с папой Иннокентием IV о том, что Галицко-Волынские земли признают унию с католичеством и подчинятся религиозной власти Рима, а тот, в свою очередь, организует общеевропейский крестовый поход против монголов за освобождение Руси. Однако из этого соглашения почти ничего не вышло, поскольку оно было нарушено обеими сторонами: папа не сумел организовать действенной военно-политической помощи Руси, а Даниил так и не принял унию. Единственным последствием этих столь многообещающих переговоров было то, что папа римский прислал Даниилу королевскую корону, и тот в 1255 году в городе Дрогичине короновался «королём русским».

Этот титул — «королей русских» сохраняли и потомки Даниила Романовича вплоть до середины XIV века, когда галицкие земли отошли к Польше, а Волынь воссоединилась с Великим княжеством Литовским и Русским, выступившим в роли наследника Киевской державы, защитника, собирателя и объединителя древнерусских земель. Впоследствии (в XIV-XVI веках) Юго-Западная Русь стала колыбелью зарождающегося малороссийского (украинского) этноса.

3.3. Северо-Западная Русь (Великий Новгород и Псков)

На огромных просторах севера Восточноевропейской равнины располагались бескрайние земли Господина Великого Новгорода. От Белого моря до Торжка и от Финского залива до Урала простиралась новгородская земля.

Край этот — лесистый, болотистый, малонаселённый и мало-пригодный для земледелия (кроме небольшой юго-западной части) с самого начала древней Руси играл огромную роль в её истории. Именно в Новгород пришел из-за моря викинг Рюрик. Именно опираясь на помощь новгородцев варяжские конунги Хельги (в 882 году), Вальдемар I (в 980 году) и Ярислейв (в 1015 году) (Олег, Владимир I и Ярослав) захватили власть в Киеве и объединили под своим контролем огромные территории. Новгородцы, издавна ориентированные на днепровскую торговлю, были заинтересованы в стабильности и порядке на пути «из варягов в греки». В то же время удалённость от Киева с самого начала вела к автономии Новгорода, куда великие киевские князья традиционно сажали наместниками своих старших сыновей. Новгород традиционно был вторым по значению, мощи и многолюдности городом на Руси (число его жителей в XII веке превосходило десять тысяч человек, тогда, как в Киеве жило тогда тридцать тысяч), а новгородский архиепископ был вторым человеком в русской церкви после киевского митрополита.

После того, как торговый путь «из варягов в греки» пришёл в упадок, и торговля на юге Европы перешла от Византии и Киева в руки итальянских городов, Новгород, сохраняя контакты с волжским торговым путем, ведущим через Волжскую Булгарию на Восток, переориентировался на немцев — новых хозяев Балтики. Если в X—XI веках вся торговля на востоке Балтийского моря шла через Новгород, то в XII—XIII веках здесь укрепляются немецкие рыцарские ордена (Тевтонский, Ливонский), Швеция, Дания и немецкие торговые города, образовавшие могущественный союз Ганзу. На южном и восточном побережье Балтики появляются немецкие и шведские города и крепости: Любек, Ревель, Нарва, Мемель, Данциг, Выборг, Рига. Однако Новгород сумел встроиться в эту новую систему торговых отношений и вступить в Ганзейский торговый союз на правах младшего партнера, полноправного члена и восточного форпоста, проводника немецкой торговли.

Утратив лидирующее и монопольное положение в этом важном регионе, Новгород сохранил свои богатства и был отныне ориентирован не на юг и восток — на русские земли («низовые»), а на запад, воспринимая себя как важную часть Ганзы. Впрочем, некоторые связи с «низовой Русью», то есть Ростово-Суздальскими и Киевскими землями сохранялись, поскольку киевский митрополит утверждал в сане новгородского архиепископа, а новгородская земля не могла себя обеспечить хлебом и покупала его именно там, что, кстати, давало князьям Северо-Восточной Руси мощные рычаги давления на «сепаратистский» Новгород.

Экономическая мощь Господина Великого Новгорода (как он официально именовался) базировалась на международной транзитной посреднической торговле. Не земледелие и не ремесло, а именно торговля стала фундаментом подъема новгородских земель. Новгородцы собирали дань мехами с северных территорий, серебро — из Закамья, закупали в «низовой Руси» хлеб и ввозили обратно немецкие товары. Новгородская экспансия распространилась на двинские земли, на запад — в земли эстов (где новгородцы сталкивались с другими, не менее хищными и агрессивными колонизаторами — немецкими орденскими рыцарями), покорила дикие племена охотников-финнов.

От Новгорода лучами расходились пять территорий («пятин»), зависимых от пяти частей-«концов» Новгорода, — далее, на окраинах находились «волости», управляемые из главного города (Печора, Пермская земля, Югра, Заволочье и др.). Подвластными Новгороду были и «пригороды» — города: Ладога, Псков, Изборск, Старая Русса, Великие Луки, Торжок. Они платили Новгороду дань, принимали, из него посадников, выставляли ополчения в новгородское войско.

На запад — в немецкие и шведские земли — новгородцы везли главное богатство контролируемых и колонизируемых ими земель — меха (соболиные, куньи, лисьи, бобровые), а также строевой лес и воск. Монополия на европейском

меховом рынке, сохранявшаяся у Новгорода на протяжении нескольких столетий, была основой его экономики (ибо земледелие здесь было развито слабо, а ремёсла имели, скорее, второстепенное значение). В свою очередь, с запада, из ганзейских городов, в Новгород и дальше — на Русь и в страны Востока — поступали сукна (из Фландрии), вина, цветные металлы, янтарь, металлические изделия. Новгород выступал одновременно резервуаром «сырья» для Запада и резервуаром для рынка готовых изделий на Руси. В Новгороде с XII века постоянно находились Готский двор и Немецкий двор — торговые представительства ганзейцев на Руси.

Интегрированный в систему немецких торговых городов и повёрнутый «лицом» к Европе, «спиной» к Руси, Новгород, при всей своей экономической мощи и богатстве, никогда не стремился захватить и объединить все прочие русские земли, ограничиваясь лишь защитой собственной независимости и вольности, а также занимаясь торговой экспансией и сохранением контроля над собственными «пригородами». Подобно тому, как в Западной Европе в XI — XII веках произошла городская «коммунальная революция», изгнавшая из растущих городов феодалов, герцогов, епископов и баронов, и придавшая городам статус независимых, самоуправляемых территорий, автономных социальных организмов-коммун, подобные процессы произошли и в Новгороде.

Уже в 1102 году, когда киевский князь Святополк II хотел послать в Новгород на княжение своего сына, новгородцы так ответили ему: «не хотим Святополка, ни сына его: если у твоего сына две головы, то пошли его в Новгород». Киевский князь благоразумно решил не экспериментировать и не рисковать сыном.

Окончательно свергли новгородцы власть киевских князей и установили у себя республику и коммунитарное управление в 1136 году. В этом году они взяли под арест и, продержав два месяца, изгнали с позором князя Всеволода (внука Владимира Мономаха, сына Мстислава Великого), обвинив

его в трусости, поражениях на войне, своекорыстии и нерадении об интересах новгородской земли. После этого изгнания и приглашения князей стали делом, необычайно частым для новгородской республики. Так, в XII веке в Новгороде сменилось около 30 князей. В 1212 году, например, по сообщению летописи, «показаши новгородцы путь князю Всеволоду: «не хотим тебя, пойдди, камо хочеши»». В 1230 году новгородцы «путь показаша» князю Ростиславу: «ты пойдди прочь, а мы себе князя промыслим». В 1222 году князь Всеволод даже был вынужден в страхе за свою жизнь ночью тайно бежать из беспокойного города. В общем, новгородцы были «вольными в князьях» людьми.

Как же было организовано управление Новгородом в XII—XV веках, то есть в период, когда город уже вышел из-под власти Киева и еще не попал во власть Москвы? Будучи фактически республиканским образованием, Новгород всё же формально продолжал приглашать князей. Город нуждался в князе как в военачальнике, предводителе собственной дружины и звене, связывающим его с другим русскими землями и с небесами (ибо считалось, что остаться вовсе без князя — значит лишиться поддержки Бога), но одновременно не доверял ему, опасался его и стремился всемерно ограничить его реальную власть. Фактически, по словам В.О. Ключевского, «князь должен был стоять около Новгорода, служа ему, а не во главе его, правя им» и оставался лишь наёмником, за плату выполнявшим определённые функции. Неудобные князья легко изгонялись новгородцами и заменялись новыми (как правило, из числа Ростово-Суздальских князей, а потом — Московских).

Приглашённый в Новгород князь подписывал с городом договор, присягал новгородцам (целовал крест), обещая соблюдать все их права и вольности. Князь обязывался на войне предводительствовать своей дружиной и новгородским ополчением и частично выполнять судебные функции, взамен получая определенную фиксированную плату с ряда

территорий («кормление»). Вот и всё. Всё остальное ему категорически запрещалось. Князь не мог вмешиваться во внутренние дела города, иметь земельные владения в Новгородской республике, не мог участвовать в торговых делах города, не имел права смещать «без вины» его должностных лиц. Даже жил князь с дружиной не в городе, а за его стенами — в особой резиденции — на Городище (чем подчёркивалась его обособленность от новгородских дел). Понятно, что, учитывая как эти обстоятельства, так и несметные богатства Новгорода, русские князья ощущали себя неуютно в этом вольном городе и то сбегали из него, то воевали с ним, стремясь (но безуспешно) подчинить его своей власти.

Полновластным хозяином Господина Великого Новгорода было вече — народное собрание всех свободных и полноправных граждан города (иногда в нём участвовали и представители новгородских городов-«пригородов»). Вече существовало и в других регионах Руси, но нигде оно не достигло такого могущества и оформления, как в Новгороде.

Изначально город возник как союз нескольких поселений на берегах Волхова. (В Элладе подобное соединение поселений в полис — например, появление Афин при Тесее — называлось синойкией.) Позднее эти пять поселений назывались «концами» и располагались на двух берегах реки — на западном (Софийская сторона, с кремлём (детинцем) и Софийским собором) и на восточном (Торговая сторона с Ярославовым дворцом, где висел вечевой колокол и собиралось вече). Помимо общегородского вече существовали местные — уличанские (по улицам) и кончанские (в концах) вече, избиравшие своих уличанских и кончанских старост. По словам В.О. Ключевского: «совокупность всех этих союзных миров выражалась в общем вече города».

Городское вече могли созвать князь, посадник или группа граждан. По удару колокола тысячи новгородцев собирались на Ярославовом дворце, чтобы обсудить важнейшие вопросы; все имели равное право голосовать и выступать.

Компетенция веча, действующего на принципах прямой (а не представительной) демократии, подобно античным полисам, была всеобъемлющей: принятие законов, приглашение и изгнание князей, выборы и смещение должностных лиц, новгородского архиепископа, высший суд для пригородов, торговые договоры и внешнеполитические вопросы (война, мир). При вече находилась своя канцелярия («вечевая изба») во главе с «вечевым дьяком» (секретарём), и постановления веча («вечные грамоты») скреплялись печатями Господина Великого Новгорода. В случае разногласий на вече вопрос решался громкостью криков, а, порой, и силой. Нередко созывались два веча — на Софийской и Торговой стороне, и враждебные группировки сходились на Великом мосту через Волхов в кулачном бою, бросая противников в воду. Как писал В.О. Ключевский: «осилившая сторона и считалась большинством».

Вече, начиная с XII века, избирало должностных лиц: посадника (он возглавлял администрацию, командовал ополчением, вершил суд и руководил посольствами) и тысяцкого (отвечавшего за сбор налогов). Причём формально посадником мог стать любой новгородец, но реально выбирались представители немногих боярских кланов, тогда как тысяцкий представлял небоярские, низшие слои населения.

Важнейшей фигурой в Новгороде был архиепископ. Его также выбирали на вече (начиная с 1155 года), а потом его кандидатуру лишь утверждал митрополит киевский. Таким образом, он не был греком, присланным из Константинополя, не был ставленником великого князя (как немногие митрополиты русского происхождения, ненадолго возглавлявшие церковь в домонгольский период), но являлся новгородцем, избирался вольным городом и представлял его интересы, сочетая духовный авторитет, политическую власть и экономическую мощь. Новгородский владыка обладал колоссальным влиянием: возглавлял «совет господ» (правительство Новгорода), вёл переговоры с князьями, обладал

значительными земельными угодьями, располагал собственным войском («владычный полк»), хранил новгородскую казну, печать, меры и веса города, рассматривал часть судебных вопросов.

Символом Новгорода стал кафедральный Софийский собор. Сами новгородцы рассматривали свой город как «волость святой Софии», находящуюся под её покровительством — и на войне гибли «за святую Софию». Архиепископ благословлял народ на битву, мирил враждующие группировки во время частых раздоров. Под его председательством «совет господ» готовил доклады и решения к народному вечу. В «совет господ» входили старосты, тысяцкие, посадники — нынешние и бывшие. По замечанию В.О. Ключевского: «это была скрытая, но очень деятельная пружина новгородского управления». Помимо этого имелись различные коллегии должностных лиц, например, аппарат судебных и полицейских исполнителей: приставов, подвойских, изветников, позовников, биричей. Судебные функции разделяли между собой новгородский архиепископ, посадник, тысяцкий и княжеский наместник.

Для новгородской республики характерна не только экономическая мощь и политическая независимость, не только расцвет самобытной культуры (здесь строились десятки храмов, существовала почти повсеместная грамотность, велось местное летописание, имелась своя иконописная традиция), но и культивируемая веками атмосфера свободы, вольницы, самоуправления. Самый бедный новгородец ощущал себя равным князю. Образы гордого своенравного купца Садко и бесшабашного богатыря Василия Буслаева, запечатлённые в былинах Новгорода, отразили характерные типы новгородцев.

Особым институтом, характерным для новгородской республики, было ушкуйничество (от слова «ушкуй» — корабль). Ушкуйниками назывались пираты, авантюристы, которые, собравшись в большие ватаги, «спонсированные»

отцами города, совершали дерзкие набеги на соседей, ища славы, приключений и добычи. Новгородские ушкуйники — аналог европейских корсаров, каперов и флибустьеров. Новгородское правительство, формально не отвечавшее за действия ушкуйников, часто откращивающееся от них и даже на словах «жулившее» их (как английская королева Елизавета порой «журила» пирата Френсиса Дрейка, обеспечившего Англии конца XVI века победу над Испанией в борьбе за владычество над морями), на деле поддерживало ушкуйников и рассматривало их как важный инструмент новгородской политики — внешней и внутренней. Бояре давали деньги на снаряжение ушкуйных эскадр, поскольку, во-первых, они приносили городу фантастическую добычу и захватывали новые земли, расширяя пределы республики, а во-вторых, снимали социальное напряжение внутри Новгорода, давая выход энергии его чересчур буйных и недовольных граждан. Ушкуйники грабили балтийское побережье, поволжские города, Волжскую и Камскую Булгарию, каспийское побережье и Швецию, земли на Белом море... Так, в 1366 году флот ушкуйников из 150 судов обрушился на Нижний Новгород. Новгородцы разграбили город, перебили армянских и персидских купцов в нём. Несколькими годами позже были разорены Кострома и Ярославль. Легендарный Василий Буслаев был именно таким ушкуйником-пиратом.

На фоне последующей мрачной и деспотической истории Руси Новгород часто казался потомкам светлым пятном вольности и самоуправления. Новгородское вече манило взоры и декабристов, и М.Ю. Лермонтова (восславившего Новгород в поэме «Последний сын вольности»), и А.И. Герцена и многих других мыслителей, поэтов и общественных деятелей, стремившихся во что бы то ни стало найти и возродить прерванную и задущенную традицию свободы в русской истории. Однако Новгород не следует идеализировать. Демократическое и республиканское вечевое устройство сочеталось здесь с безжалостным ограблением «пригородов» и покорённых северных народов, разбоями ушкуйников и всевластием боярской олигархии,

исподволь руководившей городом. Эти пороки и болезни подтачивали новгородскую свободу и независимость и в итоге привели Новгород к крушению, сделав его в XV веке легкой добычей самодержавной Москвы (подобно тому, как гордый и вольный республиканский Рим стал со временем сенаторско-олигархическим и имперским и привёл к власти Цезаря, а вольные города Западной Европы по сходным причинам были легко побеждены абсолютизмом королей в XVI веке).

Изначально в Новгороде преобладали бояре — богатые землевладельцы, ростовщики, финансисты, жившие за счёт государственных доходов, даней с покоренных земель, эксплуатации неполноправных «смердов» и финансовых операций. Они финансировали купеческую торговлю и держали в своих руках власть над городом. За счёт огромных богатств и многочисленных клиентов, возможности подкупа масс на вече и традиционных клановых связей, именно эти боярские роды «поставляли кадры» новгородских посадников и определяли политику республики. Наряду с ними важную роль в городе играли купцы, объединённые в союзы — «сотни» (по направлениям и предметам торговли). Основную же массу населения составляли «чёрные люди» — ремесленники, наёмные работники, а также сельское население, жившее своим общинным укладом. С развитием Новгорода росла социальная дифференциация в городе, усиливалось отчуждение большей части населения от управления Новгородом (что не раз приводило к восстаниям и столкновениям).

Следует отметить несколько основных противоречий, приведших Новгородскую республику к упадку и гибели. Помимо уже отмеченного противоречия между прямой вечевой демократией с формальным равноправием всех — и боярской олигархией, противоречия между аристократической верхушкой и основной массой населения, формальным политическим равенством — и усиливающимся экономическим неравенством, были и другие вопиющие противоречия в новгородской жизни.

Одним из них (напоминающим о противоречии между Афинами эпохи Перикла и афинскими «союзниками» — полисами, расплачивающимися за расцвет Афин) было противоречие между Новгородом и его «пригородами». Мало влияя на решения новгородского веча, другие города новгородской земли были вынуждены платить главному городу дань, принимать новгородских посадников и следовать в фарватере его политики. Естественно, это неравноправие вызывало недовольство. В XIII веке от Новгорода отделилась псковская земля (в XIV веке эта автономия Пскова была формально признана, и он получил «звание» «Господина Пскова» и «младшего брата» Новгорода). Теперь псковичи сами могли принимать к себе князей и выбирать посадников. (Впрочем, псковская республика весьма напоминала новгородскую: те же «концы» (только шесть, а не пять), свои зависимые «пригороды» (Остров, Изборск), свои посадники и тысяцкие, своя боярская олигархия; спецификой была лишь, «пограничность» псковской земли и обусловленная ею необходимость постоянно вести войны то с Литвой, то с тевтонским или Ливонским Орденом.) Но и другие «пригороды» стремились потихоньку отделиться от Новгорода, и в решающий час нередко не оказывали ему поддержки перед лицом страшных врагов.

Ещё одной особенностью Новгорода, делавшей его «колоссом на глиняных ногах», была экономическая зависимость от поставок хлеба из «низовой Руси». Так, в 1169 году новгородцы наголову разбили посланное против них войско суздальского князя Андрея Боголюбского. Но, после того, как он перекрыл подвоз в Новгород хлеба, вынуждены были склониться перед его волей. Лишь эта хлебная зависимость, да единство языка, исторической памяти и православной веры связывали Новгород с остальной Русью (в то время, как князья Северо-Восточной Руси непрерывно, но безуспешно стремились захватить вольный город, приносящий баснословные доходы).

Наконец, необходимо отметить военную слабость Новгорода. Привыкнув к поддержке князей-полководцев и их профессиональных дружин, новгородцы не смогли в конце концов дать достойный отпор и этим князьям и их дружинам.

Новгород долго проводил политику искусного лавирования между различными русскими княжествами, но, когда эти княжества стали исчезать под натиском московской агрессии, Великий Новгород был обречен. Подточенная изнутри олигархическим правлением и социальной рознью, зависящая от поставок продовольствия извне (с «низовой Руси», а, с XIII века, ещё и из Германии), неспособная опереться на поддержку собственных «пригородов», желающих её ослабления, не обеспеченная мощной военной организацией, Новгородская республика, просуществовавшая более трёх столетий, как «окно Руси в Европу», была в конце XV века захвачена Москвой.

3.4. Северо-Восточная Русь (Ростово-Суздальская земля)

Если очагом древнерусской народности явились Днепр и Киев, то междуречье Оки и Воли, которое славяне начали колонизировать в XI—XII веках, называлось «Залесской Русью». Это название подчеркивало отдалённый, периферийный и дикий характер этой глухой окраины Киевской Руси. Однако уже в середине XII века здесь образуется мощное княжество, способное конкурировать со слабеющим Киевом и пытающееся наложить руку на вольный Новгород.

Колонизацию Верхневолжской (Северо-Восточной) Руси начали с северо-запада новгородцы, уже в конце X века основавшие здесь ряд городов: Суздаль, Ростов, Муром, Ярославль. Однако, сначала колонизация шла медленно, и преобладающим в этих краях оставалось коренное угро-финское население. От Киевской Руси Русь Залесскую отделяли непроходимые леса, населённые непокорными

и некрещёными вятичами. Ещё князь Владимир Мономах в своём «Поучении» к детям, написанном в начале XII века, не без гордости и похвальбы, как о славном подвиге писал о том, что ему один раз удалось проехать из Киева в Ростов «сквозь вятичей» — это воспринималось, как немалое героическое деяние. Былина об Илье Муромце особо подчёркивает, что богатырь сумел совершить неслыханное дело — достичь Киева из Мурома прямой дорогой, а не в объезд, как все ездили. Даже в XIII веке войска двух воюющих между собой князей, пытавшиеся вступить в битву где-то в районе Москвы, так и не смогли найти друг друга, заблудившись в непроходимых лесах.

Однако постепенно ситуация меняется, и прямой путь от Ростова до Киева становится лёгким и привычным. Леса, болота, мелкие реки, суровый климат, почвы, малопригодные для земледелия — все эти факторы, характеризующие «Залесскую Русь», имели и свою положительную сторону. Леса защищали жителей от набегов врагов, а малонаселённость этих земель делала легкой их колонизацию. Спокойствие и безопасность манили потоки переселенцев, хлынувших на северо-восток из пустеющих киевских земель (пришедших в упадок по причине княжеских распрей, половецких набегов и прекращения днепровско-черноморской торговли). Единая древнерусская народность, сложившаяся на берегах Днепра, как бы разошлась в две стороны: если один поток хлынул на юго-запад, в Галицко-Волынскую Русь (дав через пять веков начало украинскому этносу), то другой поток устремился в леса междуречья Оки и Волги (дав позднее начало великорусскому этносу, возникшему из соединения славян и финнов).

Переселенцы несли с собой южнорусскую топонимику. Так на северо-востоке появляется река Трубеж, города Переяславлі (целых два: Залесский и Рязанский), Галич, Вышгород — «тёзки» южных топонимов. Вместе с переселенцами сюда пришли и былины о богатырях, и предания о великих временах киевского князя Владимира I, дожившие до

XIX века, в XI—XII веках эти обширные и дикие земли постепенно христианизуются. Наряду со старыми, основанными веком раньше новгородцами, центрами — стольными городами Ростовом и Суздалем, Муромом и Ярославлем, по инициативе местных князей возникают новые города: Дмитров, Москва, Кострома, Тверь, Городец. По словам В.О. Ключевского: «Таким образом, Суздальская область, еще в начале XII в. захолустный северо-восточный угол Русской земли, в начале XIII в. является княжеством, решительно господствующим над остальной Русью. Политический центр тяжести явственно передвигается с берегов среднего Днепра на берега Клязьмы. Это передвижение было следствием отлива русских сил из Среднего Поднепровья в области Верхней Волги».

Последствия этих колонизационно-миграционных процессов, стремительно возвысивших Русь Залесскую или Верхневолжскую или Северо-восточную или Ростово-Суздальскую, были многообразны и неоднозначны. Этнографическим следствием было смешение славян и финнов, приведшее к формированию в XII-XV веках великорусского этноса. Экономическим и социальным следствием явилось то, что днепровская, городская и торговая Русь, сменилась верхневолжской, лесной, сельской и земледельческой Русью. Сельское население явно доминировало здесь над городским, натуральное хозяйство абсолютно преобладало над торговлей. Преобладающий тип поселений в Залесской Руси — небольшие деревни в два-три двора, разделённые огромными и непроходимыми лесами. Скудные плоды земледелия дополнялись за счет бортничества, охоты и рыболовства, причём даже жители небольших городов нередко занимались земледелием и всегда — огородничеством.

Новые города, возникшие в северо-восточной Руси, существенно отличались от старых городов. Во-первых, они существенно уступали по размерам, экономическому развитию и политическому влиянию городам Киевской и Новгородской Руси — уровень урбанизации здесь был существенно ниже.

(Даже в крупнейших городах здесь едва ли жило более двух-трех тысяч человек.) Сельским жителям трудно было собираться на вече в город, а жители небольших городов не могли заставить князей подчиниться их воле (что неизбежно вело к упадку вечевых институтов). Во-вторых, существенно изменилось само отношение между городами и княжеской властью. По словам историка С.Г. Пушкарёва: «В Киевской и Новгородской Руси сильные, многолюдные и организованные городские общины приглашали к себе князей, нужных им для военной обороны и для поддержания внутреннего порядка, здесь городское население чувствовало себя хозяином, а князь (особенно в Новгороде) был пришельцем. На северо-востоке соотношение было обратным: князь, владеющий обширными, но почти пустынными земельными пространствами, приглашал колонистов для заселения этих земель, чтобы увеличить свои доходы и свою социально-политическую силу. Здесь князь был хозяином, а население — пришельцами».

Таким образом, в Северо-Восточной Руси колонизация и создание городов происходили по воле и инициативе князя, чувствовавшего себя уверенным и всемогущим господином, привлекающим переселенцев, мастеров и населявшим города. Так, князь Андрей Боголюбский похвалялся, что он всю Суздальскую землю «городами и сёлами населил и многолюдной учинил». Это вело к новой политической ситуации и расстановке сил, где деспотичные, всемогущие князья, опирающиеся на новые, основанные ими города (подвластные им, слабые и лишённые вечевых традиций) и на свою «младшую дружину» (слуг, дворян, холопов) выступают против немногих «старых» городов (основанных ещё до начала княжеской колонизации) и боярских кланов (местных старейшин, своей же «старшей дружины»). Такой расклад сил и обусловил специфику политической борьбы и политического развития данного региона. С.М. Соловьёв отмечал: «Разница между старыми и новыми городами та, что старые

города, считая себя старше князей, смотрели на них, как на пришельцев, а новые, обязанные им своим существованием, естественно, видели в них своих строителей и ставили себя относительно их в подчиненное положение.» Поэтому, по словам С.Ф. Платонова: «Борьба князей со старыми городами влекла за собой неминуемо и борьбу новых городов со старыми. Эта борьба оканчивается победой князей, которые подчиняют себе старые города и выдвигают над ними новые. Полнота власти князя становится признанным фактом. Князь не только носитель верховной власти в стране, он её наследственный владелец, «вотчинник». На этом принципе вотчинности... власти строятся все общественные отношения, известные под общим названием «удельного порядка» и весьма несходные с порядком Киевской Руси.»

В чём новизна социально-политических отношений в Верхневолжской Руси? Отчасти изменились отношения князя с дружиной, боярством и вечем — в сторону усиления всемогущества князя. Если раньше дружина заключала с князем «ряд» (договор) и могла отказать ему в повиновении или уйти к другому князю, князья и дружинники были партнёрами, со своими правами и обязанностями (система васалитета, подобная западноевропейской), то теперь между ними появляются элементы отношений подданства, при которых князь рассматривает и бояр, и дружинников, и всё свободное население, как своих слуг, холопов, обязанных ему безоговорочным и вечным подчинением. Кроме того, выступая одновременно и в роли политического руководителя, и верховного собственника земли, и основателя городов, и их защитника и судьи, князь сочетает в себе права высшей власти и права собственности, и потому не считает нужным ограничивать свою власть ни вечем, ни боярством, ни дружиной, ни традицией. Как заметил В.О. Ключевский: «Понятие о князе, как о личном собственнике удела, было юридическим следствием значения князя, как заселителя и устроителя своего удела». А, по мнению С.Ф. Платонова: «В лице князя

произошло соединение двух категорий прав на землю: прав политического владельца и прав частного собственника». Отныне князь воспринимал себя не «находником», не временщиком — случайно приглашённым вечем города или ненадолго получившим по «лествичному праву» данную территорию (пока не освободится что-то получше) в качестве военного предводителя, но — полновластным хозяином земли, делящим ее на части (уделы) между сыновьями. Теперь захваты земель становятся основой и главным «нервом» княжеской внешней политики, навязчивой идеей, двигающей князьями (ибо захваты означают рост их силы, богатства, авторитета).

Следует отметить, что указанные процессы не получили окончательного и завершённого характера, а были лишь одной (хотя и преобладающей) из тенденций на северо-востоке Руси. Ведь и старое «лествичное право» (и представление о родовой собственности Рюриковичей на русскую землю), и вече, и боярство, и права дружины всё еще сохранялись (пусть и в урезанном виде), вызывая ожесточённую борьбу между князьями (опиравшимися на своих слуг, дворян и новые города) и боярством, вечем и старыми городами. Что же касается земельной собственности, то, наряду с «дворцовыми» землями, принадлежащими непосредственно князю, обрабатываемыми его холопами (доходы с них шли на содержание княжеского двора), сохранялись «чёрные» земли, находившиеся в пользовании вольных земледельцев, плативших князю умеренную дань, а также церковные и боярские «вотчинные» земли. На них земледельцы были лично свободны и могли переходить от одного хозяина к другому. В свою очередь, бояре и дружинники также имели право перехода от князя к князю — однако, это право в реальности ограничивалось как стремлением князей его урезать, так и связью бояр со своими землями, остававшимися на территории именно данного княжества.

В общем, социально-политическая ситуация на северо-востоке Руси, в целом способствовавшая усилению деспотической власти князей, оставалась динамичной и неопреде-

лѣнной. На протяжении столетия здесь сменились три ярких фигуры — три князя, стремившихся к самовластию внутри своих княжеств и к доминированию надо всей остальной территорией Руси.

Первым суздальским удельным князем был Юрий Владимирович, сын Владимира Мономаха, получивший за свои вечные агрессивные хищнические притязания характерное прозвище — Долгорукий. Этот князь, уделявший большое внимание развитию своего княжества и основавший в нём многие крепости и города (Дмитров, Москву, Переяславль-Залесский), однако, всю свою жизнь традиционно стремился к захвату Киева. В конце концов ему удалось осуществить свою мечту и сесть на вожденный киевский стол, но вскоре (в 1157 году) он был отравлен киевскими боярами.

Сын Юрия Долгорукого от половецкой княжны, князь Андрей Юрьевич, по прозвищу Боголюбский (1157—1174) уже не стремился в Киев, как отец, а прочно обосновался на северо-востоке. Ещё при жизни отца и против его воли он уехал из южного Вышгорода, данного ему в удел, в Суздальскую землю, которую он всячески возвышал и заселял. Старому столичному Суздалю Андрей противопоставил городок Владимир-на-Клязьме, который стал новой столицей. Рядом с Владимиром он основал собственную резиденцию, выстроив дворец в селе Боголюбове (отсюда и его прозвище). Выкрав из Киева почитаемую икону Богоматери, Андрей перевез её во Владимир (эта икона — под названием «Владимирская Богоматерь» будет считаться покровительницей Залесской Руси). В противовес культу святой Софии, распространённому в Киеве и Новгороде, князь Андрей всячески поддерживал в своем княжестве именно культ Богоматери, ввёл новый религиозный праздник Покрова Богоматери. Все эти символические жесты были призваны возвысить значение Суздальской Руси. При Андрее строится знаменитая, церковь Покрова на речке Нерли под Владимиром, а в самом

Владимире воздвигаются величественный Успенский собор и Золотые ворота, призванные подчеркнуть соперничество города с Киевом и Константинополем.

Князь Андрей Боголюбский и в своей внутренней и в своей внешней политике наиболее рельефно и последовательно выразил идею самовластия, неограниченной власти князя. Так, он совершил ряд набегов на Волжскую Булгарию, вёл долгую (и лишь отчасти успешную) борьбу за подчинение Новгорода, а в 1169 году взял штурмом, сжёг дотла и разорил Киев, истребив его жителей. Воины Андрея Боголюбского вырезали всё население Киева, разорили его храмы и монастыри — Русь Залесская мстила «матери городов русских», показывая, кто отныне главный. Однако, в отличие от своего отца, Андрей Боголюбский, взяв Киев, не остался князем в нем, а продолжал княжить в своей земле (и не в старом беспокойном Суздале, а в новом покорном Владимире), посадив в Киеве своего ставленника. Это побоище показывало, и сколь далеко разошлись отныне киевская и северо-восточная Русь, а также тот факт, что Киев перестал быть желанной целью для князей и перестал отождествляться с верховной властью над Русью. Ослабевший и сожжённый Киев, в котором князь был бы лишь первым среди равных и был вынужден считаться с мнением бояр и веча, не привлекал к себе амбициозного Андрея Боголюбского.

Внутри же своего княжества Андрей Боголюбский праявил, опираясь на своих дворян, мечников, слуг, тиунов, посадников (то есть наместников, назначаемых князем, а не выбираемых жителями, как в других регионах), которые нещадно разоряли население, вызывая его ненависть. Опираясь на «младшую дружину», своих «холопов», князь не советовался с боярством, «старшей дружиной» (вопреки традиции викингов), совершал акты произвола и казнил недовольных. Вопреки обычаю, Андрей отстранил от власти и изгнал из княжества всю свою родню: братьев и племянников и не желал делиться властью даже с собственными детьми. Противопоставив «новый» Владимир «старому» Суздалью, младшую

дружину (дворян) — боярам, отношения подданничества и самовластия — старым принципам вассалитета и лествичному праву, Андрей Боголюбский сделал решающий шаг в направлении самодержавия. Последовательный произвол, жестокость и воля к власти были основой политики Андрея Боголюбского. Князь попытался (хотя в итоге и неудачно) даже основать во Владимире свою митрополию, независимую от Киева.

В.О. Ключевский так оценивал его деятельность: «Андрей, став великим князем, не покинул своей Суздальской области, которая вследствие того утратила родовое значение, получив характер личного неотъемлемого достояния одного князя, и таким образом вышла из круга русских областей, владеемых по очереди старшинства... Эта деятельность была попыткой произвести переворот в политическом строе Русской земли... Князь Андрей делает первую попытку заменить родственные любовные соглашения князей обязательным подчинением младших родичей, как подручников, старшему князю, как своему государю — самовластцу.» Ключевский подытоживает деятельность князя Андрея следующими многозначительными словами: «От всей фигуры Андрея веет чем-то новым; но едва ли эта новизна была добрая».

Современникам Андрея эта «новизна» также показалась чрезмерной, невыносимой — она вызвала отважное сопротивление. В 1174 году бояре, организовав заговор, убили тирана в его дворце в Боголюбове. Вся, выстроенная им, «вертикаль власти» в одночасье рассыпалась. Владимирцы, дружно состав, перебили ненавистных администраторов и чиновников, поставленных убитым князем (впоследствии канонизированным православной церковью) и пригласили к себе новых, более сносных князей. Всё же, по словам С. Г. Пушкарёва: «призвание, или принятие, народом угодного ему князя, равно как и изгнание князей неугодных, были обычным явлением в XI—XII вв. на всём обширном пространстве тогдашнего русского мира».

Тотчас же собрался съезд дружинников Андрея Боголюбского, решивший, кого теперь признать своим князем и настоявший на своём решении. Если «крайности» свирепого самовластия Андрея Боголюбского были отвергнуты обществом, отстаивавшим в борьбе свои права, то сама тенденция, столь ярко выразившаяся в его политике, была продолжена уже при следующем владими́ро-суздальском князе, брате Андрея (которого тот изгнал из княжества)— Всеволоде Большое Гнездо (1176 — 1212).

Князь Всеволод, прозванный Большим Гнездом за обилие детей (десять сыновей и четыре дочери), восстановил мощь Владимирского княжества и поставил под свой контроль почти всю Русь. Он, подобно брату, также остался княжить в Суздале, посадив в Киеве на «стол» своих подручных, захватил Рязань, присоединив её обширные земли к своему княжеству, заставил считаться со своей волей и вольный Новгород и далекие Смоленск и Галич. Автор «Слова о полку Игореве» почтительно полагал, что дружина Всеволода столь велика, что может «шеломы Дон вычерпать». Всеволод основал города Устюг, Кострому, продолжил грабительские набеги на богатую Волжскую Булгарию, а также продолжил активное храмовое строительство во Владимире, призванное возвеличить этот город.

Однако в начале XIII века, после смерти Всеволода Большое Гнездо, начинается процесс дробления Ростово-Суздальской земли, вызванный теми же причинами и во многом напоминающий распад Киевской Руси. При внуках и правнуках Всеволода — в середине XIII века Суздальская земля распалась на двенадцать главных уделов, причём, если сначала князья стремились захватить столицу — Владимир, то потом «осели» на своих уделах, признав Владимир общим владением княжеского рода Мономаховичей, переходящим (как некогда Киев) от старшего брата к следующему. Теперь каждый удельный князь мнил себя независимым правителем и полновластным собственником своего княжества. По замечанию В.О. Ключевского: «Кня-

зья правила свободным населением своих княжеств, как государи, и владели их территориями, как частные собственники, со всеми правами распоряжения, вытекающими из такой собственности». Права боярства, дружины, веча, традиции «лествичного права» сохранялись здесь — но существенно ослабленными, по сравнению с другими регионами Руси, в то время как в противовес им сохранялась иная тенденция — к самовластию князей и отношениям подданничества. Именно Северо-Восточная Русь в XIV веке станет центром формирования великоросской народности и нового — Московского государства.

Неизвестно, как дальше сложилась бы судьба различных регионов — наследников древней Киевской Руси, какие тенденции возобладали бы в их развитии, и какие регионы доминировали бы, если бы на колеблющуюся чашу «весов» истории не упала новая, тяжкая «гиря», склонившая эти «весы» в определённом направлении — монгольское нашествие

«Моление» Даниила Заточника

Литературный памятник начала XIII века, известный как «Моление» Даниила Заточника, красноречиво свидетельствует о тенденции к сакрализации княжеской власти в Суздальской Руси.

Некий Даниил — то ли княжеский слуга, то ли дворянин, за что-то наказанный заточением в тюрьму, обращается с нижайшим «молением» к переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу — сыну Всеволода Большое Гнездо и отцу Александра Невского. Наиболее показателен и замечателен тон, в котором Даниил обращается к князю, уподобляя его Богу, себя — жалкому презренному рабу, и ругая бояр. Для Даниила князь — источник всех щедрот и благополучия: «Князь щедр отец есть слугам многим». Как птицы кормятся от щедрот Бога, так слуги князя зависят всецело от его милостей, писал Даниил. Он сравнивает себя с чахлой травой, припадающей к ногам князя и обижаемой всеми, ибо он не ограждён «страхом грозы твоя».

«Княже, мой господине! — восторженно пишет узник, — Как дуб крепится множеством корней, так и город наш твоей державой... Лучше бы мне воду пить в доме твоём, нежели мёд на боярском дворе». Такое самоуничижение, божественное превознесение князя и постоянные, дышащие ненавистью, нападки на бояр, были новым и многозначительным свидетельством новых явлений в русской жизни предмонгольского периода.

IV. РУСЬ МОНГОЛЬСКАЯ и РУСЬ ЛИТОВСКАЯ (XIII—XV века)

4.1. Монгольское иго и его последствия для истории Руси

Если в XII веке русские земли, являя собой «цветущую сложность», динамично развивались, воплощая разнообразные тенденции исторического пути, то во второй четверти XIII века ситуация кардинально изменилась. Вектор русской истории обрёл новое направление под влиянием монгольского нашествия и последовавшего за ним ига. То, что присутствовало в Северо-Восточной Руси как одна из тенденций социально-политического развития — усиление самодержавной власти князей — под гнётом монгольского владычества стало определяющим фактором в русской истории на многие века вперед.

В 1223 году (битва на реке Калке), а окончательно и бесповоротно, в 1236—1240 годах на Русь обрушились великие и страшные завоеватели с востока — монголы. За полвека: при Чингисхане (Темучине) и его детях и внуках, монголам удалось завоевать Китай, Сибирь, Хорезм, Афганистан, Персию, Закавказье, Корею, Волжскую Болгарию, Русь и дойти до Египта, Центральной Индии и берегов Адриатического моря. Империя, созданная монголами в XIII веке, стала самым большим по площади государством в мировой истории, доселе непревзойденным: больше, чем держава Александра Македонского, или Римская Империя, или Советский Союз.

Русь была лишь одной из многих жертв этого опустошительного нашествия. К факторам столь быстрой и поразительной победы монголов над их многочисленными противниками относятся следующие: великолепная организация армии, лучшие в тогдашнем мире лучники и наездники, продуманная тактика, железная дисциплина, прекрасно постав-

ленная разведка и дипломатия, использование военных специалистов и инженеров (в основном, китайских) и новейшей военной техники (включая «греческий огонь», тараны и катапульты), а также разобщённость и соперничество всех тех, кто противостоял монголам. С подобной военной силой в тогдашней Евразии никто не мог сражаться на равных.

К середине XIII столетия возникла колоссальная империя Чингисидов со столицей в Каракоруме, простиравшаяся от Балкан и Дуная до Тихого океана и от русских земель до Персидского залива. На два с половиной столетия (1243—1480) довольно значительная часть Руси оказалась под игом монголо-татарских ханов, что имело решающие и разнообразные последствия для её истории.

Непосредственные результаты нашествия войск хана Бату (в 1236—1240 годах) на Русь были катастрофическими. В ходе их были разрушены и стёрты с лица земли Рязань, Владимир, Ростов, Суздаль, Киев, Чернигов. Монгольское нашествие породило радикальную деурбанизацию Руси, гибель городской цивилизации. Из 74 городов древней Руси 49 были разрушены завоевателями, после чего 15 из них стали сёлами, а в 14 из них жизнь вовсе не возобновилась. Да и те города, которые сумели как-то подняться, находились теперь в упадке и сильно уступали прежним по своим размерам и значению.

Погибло большинство храмов, книг, икон. До нас чудом дошли от домонгольской Руси «Слово о полку Игореве» или икона «Богоматерь Владимирская». А сколько подобных или ещё более прекрасных шедевров литературы и живописи погибло навсегда в пламени монгольского нашествия? Были забыты многие виды ремесла (часть — навсегда утеряна), на сто лет прекратилось каменное строительство. Было забыто искусство перегородчатой эмали, стекольное ремесло, металлическое литье, прекратилась резьба по камню, искусство чеканки, черни, надолго пресеклось литьё колоколов...

Население Руси сократилось в несколько раз; значительная его часть была уничтожена, бежала или была утнана в раб-

ство (монголы прежде всего уводили в Золотую Орду искусных ремесленников и красивых женщин). В хозяйственном, культурном и демографическом отношении Северо-Восточная Русь была отброшена нашествием татар назад на три-четыре столетия. Были разорваны международные торговые связи Руси. Уныние и безнадежность воцарились повсюду: по выражению летописца, настало «недоумение в людях». Через полтора десятилетия после нашествия Батыя по Южной Руси ехал папский посол Плано Карпини, направляясь, как миссионер, в Сарай, ставку хана Золотой Орды. По пути он видел лишь пепелища и разорённые города. (В Киеве, по его наблюдениям, было теперь не более двухсот домов.)

Однако, как ни велики были последствия батыева нашествия, роковые последствия наступившего за ним двухвекового ига были намного серьёзнее.

Что, собственно, представляла собой система монгольского владычества на Руси? По словам историка С.Ф. Платонова: «завоевав Русь, татары не остались жить в русских областях, богатых неудобными для них лесами, а отошли на юг, в открытые степи». В Орду с подарками на поклон тотчас потянулись выжившие князья, униженно прося ханских милостей: «ярлыков», военных отрядов для борьбы со своим же непокорным населением и своими политическими противниками. В 1243 году князь Ярослав Всеволодович (сын Всеволода Большое Гнездо и отец Александра Невского) первым приехал в Орду за ярлыком на Владимирское великое княжение. Теперь оно не доставалось, как раньше, по обычаям Руси, по «лествичному праву» или по призыву веча или решению межкняжеского съезда, а жаловалось ханом. Монголы не селились на Руси, не уничтожили православную веру. Однако они установили над Русью политический контроль, экономический гнёт.

Превращённая в далёкую периферию Великой Монгольской Империи на правах «улуса» (зависимой территории) и вплоть до середины XV века принимавшая легитимность такой ситуации, Русь интересовала ханов Орды

как источник даней и рабов, политический вассал и поставщик «налога кровью» (то есть привлечения воинских контингентов из Руси к участию в монгольских походах). В Орде в качестве заложников нередко находились сыновья русских князей, а из Орды на Русь шли татарские отряды, послы, чиновники. Русские воины сражались в составе монгольских войск в Китае, в Польше, на Балканах и на Ближнем Востоке. В 1330 году в далёком Пекине при монгольском правителе существовал даже особый русский охранный полк. Русские дружины, платя «налог кровью», участвовали в татарских карательных экспедициях против непокорных народов на Северном Кавказе, в разгроме Южного Китая, в последующих распрях между распадающимися частями империи Чингисидов.

Итак, «иго» представляло из себя систему, при которой ханы взымали с Руси тяжёлую дань, выдавали князьям ярлыки на княжение (в том числе, на «великое Владимирское княжение»), контролировали их через своих чиновников и привлекали как подданных к участию в своих походах. Помимо этого регулярно происходили опустошительные набеги татар на Русь, сопоставимые по своим последствиям с нашествием Батые («Неврюева рать» 1252 года, «Дюденева рать» 1293 года и другие) и вызванные русскими князьями, привлекавшими их на свою сторону в междоусобной борьбе.

Татары создали разветвлённый аппарат по управлению Русью, состоявший из «баскаков» (наместников) с сопровождавшими их военными отрядами, «численников», занимавшихся проведением переписей населения и установлением размеров «выхода» (дани), «данщиков» (сборщиков дани) и «послов» (по разным поручениям). Так что татары являлись на Русь в качестве или сборщиков дани или военных отрядов, приводимых князьями, и вызывали в обоих случаях ужас и отчаянье у покоренного населения. Поскольку Русь включилась в сеть коммуникаций Монгольской Империи, в завоёванных княжествах на проезжих путях устраивались ямы — постоянные дворы и конюшни для передвижения мон-

гольских гонцов, послов и чиновников. А содержание ямов и поставка лошадей для них были одной из повинностей местных жителей.

Международные и этнические последствия ордынского ига состояли в том, что Русь, во-первых, на несколько веков отделилась от Запада и, во-вторых, сама оказалась разделена на две части. Северо-Восточная Русь, зависимая от Орды, была втянута в орбиту её влияния и впоследствии породила Московское княжество и великоросский этнос. А Западная и Южная Русь — наследница Киевской Руси, сумевшая отстоять и сохранить независимость от монголов, была объединена в Литовско-Русское государство, и позднее на этой основе сформировались украинский и белорусский этносы, развивавшиеся в составе союзного федеративного государства Литвы и Польши — Речи Посполитой.

Начавшийся в XII веке процесс разделения Киевской Руси на северо-восточную и юго-западную части был усилен и отягощён монгольским нашествием. По словам современного историка В.Я. Хуторского, «нашествие завершило раскол Русской земли, начавшийся при Андрее Боголюбском». Если, попав в сферу влияния Монгольской империи и стремительно деградировав в социальном, политическом и культурном отношении, северо-восточные русские земли оказались отделенными от сохранивших свободу, самобытность и древнерусскую идентичность западных и южных русских земель (объединённых в Литовской Руси) и от Западной Европы (что усугублялось и нарастанием религиозной розни между католиками и православными), то занятие монголами южных степей окончательно отрезало Русь от Византии. Впрочем, религиозная связь между Константинополем (разгромленным западными крестоносцами в 1204 году) и русской церковью сохранялась: по-прежнему на Русь присылался грек-митрополит. Однако торговые и культурные связи ослабли.

Потоки населения с плодородного, но смертельно опасного юга устремились на негостеприимный и суровый лесной

север в район Оки и Волги — подальше от Орды, а чернозёмные земли Приднепровья, колыбели Руси, надолго (на четыре века!) превратились в незаселённое Дикое Поле. По справедливому замечанию Л.Н. Гумилёва, «Северо-Восточная Русь вошла в монгольский суперэтнос. Именно поэтому преемники Батые... заняли место византийских императоров в иерархии русских геополитических представлений». Теперь в русских летописях «царём» (то есть высшим законным и легитимным повелителем) именовали не императора далёкой и разгромленной крестоносцами Византии, а ордынского хана. Северо-Восточная Русь признала себя периферийной частью Монгольской Империи, подобно тому как Киевская Русь находилась в сфере религиозно-культурно-политического влияния Византии. Впоследствии (в XVI веке) взяв титул «царя», московские правители заявят этим претензию на преемственную связь как с константинопольскими императорами, так и с ордынскими правителями. А в известном литературном памятнике XV века «Задонщина» Московская Русь будет называться Залесской Ордой. По словам историка С.Г. Пушкарёва: «Находившаяся под властью татар Восточная Русь сама превратилась в сознании неосведомленных европейцев в «Татарию»». Итак, разделение Руси на две части — Русь Литовскую (Западную) и Русь Монгольскую (Восточную), отчуждение и отделение Восточной Руси от Европы — религиозное, политическое, экономическое, социальное, культурное — таковы «геополитические» последствия монгольского ига для русской истории.

Социально-экономические последствия монгольского ига были не менее значимы. Запустение наиболее плодородных южных земель, ставших Диким Полем, выпадение Залесской Руси из системы международной торговли, катастрофический упадок ремёсел и торговли, гибель городской цивилизации, истощение и деградация экономики под ордынской данью, регулярные опустошения земель от новых набегов и массовая миграция населения на север и северо-восток — вот наиболее существенные из этих последствий.

Если князь Александр Невский первым начал политику привлечения татарских отрядов на Русь для подавления народных восстаний против своей власти и для борьбы со своими братьями за лидерство, то его сыновья — Андрей и Дмитрий — в борьбе за великое княжение, продолжая дело своего отца, шесть раз приводили на Русь татарские армии. А всего за последние 25 лет XIII века русско-татарских карательных экспедиций было пятнадцать! По словам историков С.Т. Жуковского и И.Г. Жуковской: «Эти княжеские походы во главе татарских туменов, в отличие от усобиц прежних лет, были разорительны прежде всего для мирного населения княжеств: ордынцы приходили в чужую им землю и в награду за помощь получали свободу грабить и уводить в степь огромные полоны для продажи на невольничьих рынках. Снова и снова опустошались, безлюдели и горели города: Владимир — дважды, Рязань, Суздаль, Муром — трижды, Переяславль-Залесский — четырежды».

Тяжелейшем бременем на плечи населения легла татарская дань. Она состояла из нескольких видов: поплужное (дань с плуга), ямские деньги (на содержание почтовой службы), на прокорм послов и баскаков, дань с торговли (тамга), поставка воинов для войск хана («налог кровью»). По словам знаменитого историка и писателя начала XIX века Н.М. Карамзина: «Иго татар обогатило казну великокняжескую исчислением людей, установлением поголовной дани и разными налогами, дотоле неизвестными, собираемыми будто бы для хана, но хитростью князей обращенными в свой доход... Народ жаловался, но платил». Так князей и ордынских ханов сплачивала общность интересов — по усилению власти над покорённым населением, выколачиванием из него средств. Орда получала дань, князья — власть и богатство, за счёт многократного усиления гнета народа. Великие князья, представляющие интересы Орды на Руси, обогащались за счет сбора налогов с соседних княжеств. Как замечает Б. Кагарлицкий: «Дань, наложенная на русские княжества татарами, стала прообразом современной

налоговой системы. В этом отношении монгольские ханы, знакомые с методами китайской бюрократии, стояли далеко впереди многих западноевропейских правителей. Именно благодаря татарам была создана единая и более или менее упорядоченная система сбора налогов в масштабах всей России. Ханский сборщик податей — баскак — стал прообразом российского чиновника». Чиновника, сохранившего в своём поведении и отношении к подвластному народу всю жестокость, неподконтрольность, беспощадность и всемогущество баскака.

Однако навязать такую «эффективную» систему сбора дани населению хотя и обескровленной и лежащей в руинах, но помнящей о былых вольностях страны, было делом нелёгким. Потребовалось полвека жесточайших репрессий, набегов, погромов, разрушение городов, совместные титанические усилия ордынцев и русских князей, чтобы утвердить эту систему на Руси. Да и то оставался полунезависимый Новгород, который не подвергался нашествию Батыя и активно общался с Западом. Он почти не знал баскаков, не поставлял своих воинов в Орду и платил дань великим князьям, игравшим роль посредников в отношениях между Ордой и этой богатейшей частью Руси и мечтавшим прибрать его к рукам.

В 1257—1259 годах во всей Монгольской Империи проводилась перепись населения в целях упорядочения сбора дани. Это вызвало восстания на Руси против «численников» и «баскаков». Особенно мощное восстание произошло в Новгороде, но было (с трудом и с использованием татарского отряда) всё же подавлено князем Александром Невским.

Следующая волна восстаний прокатилась по городам Руси в 1262 году. Недовольство было вызвано как «налогом кровью» — привлечением русских воинов к войне Золотой Орды с Ираном, так и политикой сбора дани татарскими баскаками и откупщиками-«бесерменами». Бесермены были среднеазиатскими купцами, которые, уплатив хану требуемую с данной территории сумму, потом с лихвой взыскивали ее с населения. Это вызвало восстания в Ростове, Вла-

димире, Устюге, Суздале и Ярославле: чиновники хана были изгнаны. И эти восстания были беспощадно подавлены дружиной Александра Невского при помощи татарских войск. Однако они всё же не были совсем напрасными: в результате баскаки и бесермены были отозваны в Орду, система откупов была отменена, а сбор дани передавался из татарских рук в руки русских князей, ставших агентами ордынского влияния, быстро учившимися у монголов беспощадному и эффективному выжиманию податей из населения. Сбор этих податей — поистине «золотая жила», вызывавшая острую конкурентную борьбу между князьями, — позволял князю, получившему от хана ярлык на великое княжение Владимирское, на законных основаниях нещадно грабить население других княжеств. Это ограбление позволяло обеспечить выплату даней в Орду, давало средства на подкуп ханского двора и чиновников, а часть средств, естественно, шла в казну самого великого князя. По словам современного британского историка Гельмута Кенигсбергера: «Чему монголы могли научить и научили русских князей, так это тем практическим навыкам, в которых они показали себя на голову выше европейцев: методам и приёмам выжимания огромных податей со всех классов населения, способам организации и защиты путей сообщения, пересекающих обширные пространства, и умению применять военную технику противников для своих собственных нужд».

В сфере политических и социально-экономических отношений на территории Северо-Восточной Руси, подвластной монголам, произошла радикальная трансформация в сторону азиатского деспотизма. Полностью изменилась и структура русского общества, и отношения между князем и населением, и роль городов, и отношения собственности.

В ходе монгольского нашествия правящая «элита» Древней Руси — князья, бояре, дружинники — была почти полностью истреблена, а «элита», пришедшая на её место, была новой как по составу, так и по внутренним отношениям. Дружинники, бояре и князья, как и города, пытавшиеся дать

отпор захватчикам, были поголовно беспощадно уничтожены. С.Т. Жуковский и И.Г. Жуковская отмечают по этому поводу: «Погибли все те, кто ограничивал власть князя — дружинники, бояре, самоуправляющиеся города. Выжившие князья набирали, вооружали и обучали новые дружины, но это были уже не прежние соратники, «русские рыцари» домонгольских времен, а военные служебники, подданные князя, всецело от него зависимые, с мнением которых князь мог уже не считаться. Место погибших бояр заняли новые землевладельцы, но это были уже не прежние самостоятельные и гордые аристократы, полноправные наследственные хозяева своих вотчин, а приближённые князя, получившие земли по милости князя и лишившиеся владений по его произволу. Обескровленные города были уже не в силах перечить княжеской воле, и вечевые привычки, традиции самоуправления постепенно сходили на нет... Батыево нашествие сломало гордые души большинства русских князей, и они, всё больше закабалая своих подданных, сами проникались покорностью перед всевластным ханом». А современный историк А.Л. Юрганов подчёркивает: «В выборе политического пути развития Руси колоссальную роль сыграла гибель именно господствующего масса... После ордынского нашествия на северо-востоке было расчищено место для расцвета новой знати, формировавшейся уже на почве побеждавших отношений подданства». В.О. Ключевский же так писал о монгольской Руси: «В опустошённом общественном сознании оставалось место только инстинктам самосохранения и захвата».

Потери князей, бояр, дружинников в ходе монгольского нашествия поистине катастрофичны. Так, в Рязани из двенадцати князей погибли девять, в Ростове — двое из трёх, в Суздале - пятеро из девяти. Гибель бояр и дружинников, вероятно, пропорционально соответствует этим числам. В результате, происходит замена вассально-дружинных, договорных отношений на отношения подданничества. Князь — покорный агент и «холоп» хана, начинает воспринимать всё население

Руси, как собственных «холопов». С тех пор только русское слово, обозначавшее человека благородного происхождения («дворянин») имеет признак подчинённости и униженности (происходя от слова «дворовый человек», слуга), тогда как в Европе для этого существовали определения «синьор», «пан», «барон»: «благородный», «господин», «воинственный человек». Немного позднее дворяне будут, в свою очередь, обращаться к князю со словами: «яз холоп твой». Подчинение, служба, зависимость, раболепие — вот черты этой новой служилой аристократии.

Американский историк Ричард Пайпс подчёркивает, что ордынское иго «усугубляло изоляцию князей от населения... и побуждало их ещё более рьяно употреблять силу для умножения своих личных богатств. Оно также приучало их к мысли, что власть по своей природе незаконна... Русская жизнь неимоверно ожесточилась, о чем свидетельствует монгольское или тюркско-татарское происхождение столь великого числа русских слов, относящихся к подавлению, таких, как «кандалы», «нагайка» или «кабала». Смертная казнь, которой не знали законоуложения Киевской Руси, пришла вместе с монголами. В те годы основная, масса населения впервые усвоила, что такое государство: оно забирает всё, до чего только может дотянуться, и ничего не даёт взамен, и что ему надобно подчиняться, потому что за ним сила. Всё это подготовило почву для политической власти весьма своеобразного сорта, соединяющей в себе туземные и монгольские элементы и появившейся в Москве, когда Золотая Орда начала отпускать узду, в которой она держала Россию.»

С монгольским игом на Руси восторжествовала система безудержного деспотизма, насилия, мздоимства, беззакония и произвола. Хань откровенно торговали княжескими ярлыками, давая их тому князю, который проявит большую покорность и даст больше дани. «Издержками» ига для князей были риск для их власти и жизни, необходимость униженно заискивать перед ханом и платить ему дань.

Но зато появлялись и огромные преимущества: укрепление безграничной власти князя и изменение её характера: она становилась всеобъемлющей, безусловной, авторитарной, не подконтрольной ни вечу, ни боярам, ни дружине. Уже князь Александр Невский, осознав все эти преимущества, последовательно и целенаправленно встраивал Русь в Монгольскую Империю, — усердно и жестоко подавляя народные восстания против татар, обеспечивая лояльность и выплату дани и приводя татарские армии на Русь в борьбе за верховную власть. Эту линию опоры на Орду в борьбе с собственным населением и конкурентами, линию на стремление овладеть богатым Новгородом, вслед за Александром продолжили его сыновья. Торжествовала своеобразная «селекция», уничтожавшая свободолюбивых и непокорных и возносившая беспринципных. Так, князь Михаил Черниговский был казнён в Орде за отказ пройти через «очистительные» огни в ставке Бату и поклониться идолам — убит не за веру, а за непокорство. Другие князья были сговорчивее и покладистее и ради власти легко поступались и верой и гордостью.

По ордынским образцам на Руси создавалась и перестраивалась военная организация, фискальная (налоговая) и посольская система, отношения землевладения. Как отмечает В.Я. Хуторской: «Главное последствие монгольского завоевания... — Русь восприняла монгольскую модель политического устройства. Она стала превращаться в деспотическое государство восточного типа. Вече исчезло повсюду, кроме Новгорода и Пскова, да и там позднее оно было ликвидировано Москвой. Сохраняя демократические институты, князья едва ли смогли бы удержать народ в повиновении захватчикам», а тем самым — едва ли смогли бы сохранить и многократно усилить собственную власть над населением.

С.Г. Пушкирёв так оценивает последствия монгольского ига для Руси: «власть русских князей над населением земель не только сохранилась, но и усилилась, ибо теперь она опиралась на внешнюю огромную силу татарского «царя»». Хан отныне

давал «ярлыки» на великое княжение Владимирское тому, кому хотел, иногда считаясь, иногда не считаясь со старшинством очередного претендента на власть. Так, в начале XIV века, по рассказу летописи, «татарские князья» откровенно говорили московскому князю Юрию Даниловичу: «если ты дашь выход (дань — П.Р.) больше князя Михаила Тверского, мы тебе княжение великое дадим». И князья старались вовсю, видя в татарской милости и военной мощи основу собственной безграничной власти над населением, и копируя в своих землях ордынскую модель власти!

По словам С.Г. Пушкарёва: «Влияние татарского ига на внутренние политические отношения в русских княжествах сказалось в усилении княжеской власти над населением и в дальнейшем ослаблении вечевого или демократического элемента в Северо-Восточной Руси. Русские князья перестали быть суверенными государями, ибо они должны были признать себя подданными татарского «царя», но зато, получив от него признание своих владельческих прав, они могли, в случае столкновения с подвластным русским населением, опираться на татарскую силу». А историк и юрист XIX века В.И. Сергеевич подчёркивал: «Нашествие татар впервые познакомило русские княжества с властью, с которой нельзя входить в соглашение, которой надо подчиняться безусловно».

Теперь основным орудием борьбы за власть между князьями становится татарская военная помощь. Источником власти становится не традиция, не воля населения, но исключительно воля хана! Князья задаривают ханов и ордынских чиновников, интригуют, пишут доносы друг на друга, приводят татарские рати на Русь. Это вполне устраивало ханов Золотой Орды, укреплявших свою роль высших арбитров в русских спорах и дававших ярлыки более покладистым и верным князьям, способным обеспечить их большей данью. Князья учились пресмыкаться перед ордынцами, усваивали их политические обычаи (включая взятки, интриги и безоговорочное повиновение), учили татарский язык, пировали в ханских шатрах, женились

(если повезёт) на татарских царевнах, совершали обязательное поклонение языческим идолам. За ярлыками и, сопровождая «выход», они ездили в Орду. В Орде заложниками оставались их сыновья. Взятки требовали в Орде постоянно и повсеместно: чтобы добиться выгодного размера «выхода», получить ярлык, избежать недовольства хана. Взятки давались ханшам, царевичам, придворным чиновникам. В ханском шатре князья соблюдали весь церемониал, присущий ордынцам: падали ниц и целовали ковёр перед тронем хана, на пирах, скрывая отвращение, пили кумыс из кобыльего молока (издавна считавшийся на Руси негодным в пищу). Большинство князей безропотно выполняли всё это, утешаясь полученной ханской «милостью». А вернувшись домой, они спешили в храм: благодарить Бога за сохранение жизни и каяться в исполнении языческих церемоний.

Эта вековая школа отрицательного отбора: унижения, интриганства, доносительства, подлости, хищничества, взяточничества, раболепия, подкупов, беспринципности и предательства не прошла бесследно для русских князей. Из некогда бесстрашных и горделивых рыцарей-викингов они сами превращались в восточных сатрапов и деспотов. По словам современного историка А.Л. Юрганова: «Создавалась генерация покорных князей, для которых закон — это воля хана. Династические проблемы теперь легко решались при помощи ордынских карательных отрядов. Кто больше раболепствовал перед ханами и подкупал их дорогими «поминками» (подарками), тот и становился великим князем».

У монголов хан являлся собственником всей земли, а также считался собственником всего имущества своих подданных. Плано Карпини, посол папы, побывавший в Золотой Орде в середине XIII века, писал: «Всё настолько находится в руках императора (то есть хана — *П.Р.*), что никто не смеет сказать: «Это моё или его», но всё принадлежит императору, то есть всё имущество, выючный скот и люди». Подобные же отношения власти и собственности перенимали русские князья, включённые в орбиту монгольского владычества.

Подобно тому, как на смену вассально-договорным отношениям между князем и боярами и дружинниками шли отношения подданства (полного подчинения князю безо всяких условий), на Руси постепенно устанавливался восточный вотчинный принцип права на землю. Теперь вся она принадлежала князю, а он жаловал ею за службу того, кого сочтёт нужным, и считал и землю, и всех, живущих на ней, собственностью, с которой он мог поступать по своему усмотрению. Безусловная власть сверху и безусловная покорность снизу — эта модель общества теперь восторжествовала в Восточной Руси, из части Европы превратившейся в часть Азии.

Так, разрушив старые социальные связи, институты, учреждения в Северо-Восточной Руси, монгольское иго воссоздало их на совершенно новых принципах — в духе азиатского деспотизма. Князь, бывший раньше военачальником и судьей, зависевшим от веча, дружины и бояр, отныне превратился в раба и агента ордынских ханов, их «служебника», полностью опирающегося на их поддержку и не зависящего от местного населения. Теперь он не зависел ни от бояр, ни от дружины, ни от веча, не вступал с ними в договорные отношения, а рассматривал их, в свою очередь, как «холопов» и слуг. Он отныне владел всей землей и, если и давал её своим слугам, боярам и дворянам, то не в собственность, а в качестве временного и условного держания за службу. Эта вотчинная (подданническая) модель власти и собственности, утвердившаяся в Восточной Руси во времена монгольского ига, сохранилась и укрепилась и после падения этого ига. Многообразие социальных отношений (вассалитет, независимое существование бояр-аристократов, городские веча) сменяется унифицирующим всё самодержавием с военно-бюрократическим и авторитарным типом развития. Московские князья, петербургские императоры и большевистские вожди были в этом отношении полноправными наследниками и продолжателями монгольского периода русской истории.

При монголах в княжествах Северо-Восточной Руси окончательно укрепляются постоянные династии местных правителей (из потомков Ярослава — сына Всеволода Большое Гнездо). Отныне вотчины-уделы становятся владениями, передаваемыми князьями по наследству. Старый родовой порядок «лествичного права» всё чаще нарушается и ограничивается, отчасти сохраняя силу лишь в отношении великого княжения Владимирского. По словам С.Ф. Платонова: «Татары застали на Руси распад родового наследования и зародыши семейно-вотчинного владения; при них продолжался распад, и развивались и крепили зародыши семейно-вотчинного владения». Единство рода слабеет, уделы всё чаще передаются от отца к сыну, князья постепенно оседают на своих территориях. Владимир, как «приложение» к великокняжескому ярлыку, манит князей; но они, добившись великого Владимирского княжения, не идут в него княжить, а управляют им из своих уделов (как было некогда с Киевом). На то, кто именно будет в данный момент великим князем Владимирским, влияли несколько факторов: родовая традиция старшинства, воля ордынского хана, соотношение сил на этот момент. В целом же, по наблюдению русского мыслителя XIX века Александра Ивановича Герцена: «Монгольское иго... нанесло стране ужасный удар... После того как великие князья оставили Киев, характер их власти переменялся. Во Владимире они стали более самовластными. На свои уделы князья стали смотреть как на свою собственность, на свои права — как на нечто неотъемлемое и потомственное».

Чрезвычайно важные социально-политические изменения произошли и с городами Северо-Восточной Руси под влиянием монгольского ига. «Страна городов» — «Гардарика», которой была домонгольская Русь, на семь столетий (вплоть до середины XX века) превращается в «страну деревень». После того, как крупные города Северо-Восточной Руси по два-три-четыре раза были до основания разрушены ордынцами, а их население сократилось во много раз, роль князя и консолидация, отождествление себя с ним со стороны горо-

жан резко возросли. Князь теперь становился единственной защитой горожан, которые стремительно теряют свои права и вольности. В монгольскую эпоху слово «вече» становится ругательным, получая значение «мятежного сборища». Многозначительный симптом!

Если домонгольские города были республиками, коммунами полисного типа со своими правами и вольностями и вступили в период великой общеевропейской коммунальной революции XI-XII веков (наиболее заметной в Новгороде), то постоянное разрушение и разграбление городов ордынцами, их упадок и снижение их социальной роли, привело к исчезновению вечевых институтов и к «заикливанию» горожан на князе, как сильном защитнике и вожде. Изменилась сама социальная природа городов, которые из «полисов», «городов-коммун» — самостоятельных центров ремесла и торговли, сложных социальных организмов со своими правами, традициями и самоуправлением (как в Европе), превратились в города азиатского типа: города-крепости и резиденции правителей, административные центры, ставки ханов. Теперь города в Залесской Руси управлялись или непосредственно князем, или назначаемыми им наместниками, не выступали в роли социальных субъектов (как и боярство, и дружина) и находились в безраздельном подчинении князя. Современный британский историк Гельмут Кенигсбергер, говоря о Монгольской Руси, особо подчёркивал: «За исключением Новгорода, ни один русский город не смог создать автономную городскую общину, объединённую самосознанием и местным патриотизмом, что было характерно для остальной Европы. Весьма показательно, что дома в России выходили окнами не на улицу, как в западных городах, а во двор и отделялись от остальных забором или оградой. При отсутствии регионального самосознания, закреплённого во многих поколениях, и традиций автономных городских корпораций, у русских не было возможностей создать представительные собрания, способные, как на Западе, защищать местные и сословные привилегии против усиливающейся княжеской власти».

А каким было культурное и религиозное воздействие монгольского ига на подвластную Орде часть Руси? Конечно же, вековой гнёт, повсеместное рабство и деспотизм, способствовали формированию психологии той «страны рабов, страны господ», о которой позднее писал с отчаянием М.Ю. Лермонтов. Этому способствовало и распространение телесных наказаний и смертной казни, ранее невиданных на Руси. По словам С.Г. Пушкарёва: «самый факт иноземного покорения, необходимость кланяться чужой власти или гнуться и хитрить перед ней не могли не оказывать вредного влияния на моральный характер русского человека. Опасность, угрожавшая женщинам со стороны властных прищельцев, заставила высшие классы русского общества спрятать своих женщин в терем, а уход женщины с арены общественной жизни способствовал дальнейшему огрубению нравов».

Сравнивая завоевание мусульманами-маврами Испании с монгольским завоеванием Руси, А.С. Пушкин саркастично отметил: «Татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля». Тем не менее, культурные заимствования русскими у монголов имели место.

Помимо военной организации, фискальной системы, почты, правовых норм, политической культуры, посольского обычая (сами слова: «деньги», «алтын», «ям», «ямщик», «тамга», «таможня», «казна» имеют татарское происхождение, так же как и боевой клич «ура»), русские переняли много тюркских вещей, слов и обычаев. Слова: «колчан», «кукла», «богатырь», «сундук» и другие появились на Руси из Орды. Вся топонимика Москвы напоминает об этом: Китай-город (от тюркского «китай» — укрепление), Ордынка (дорога в Орду), Арбат (от арбы), Татарские улицы и многое другое.

В «новую русскую аристократию», пришедшую на смену уничтоженному норманно-славянскому боярству, вошли монголы, составив не менее одной трети всего правящего класса. Нередко «служилые царевичи» (крещёные или

мусульмане) приезжали из Орды к русским князьям в качестве их вассалов и несли пограничную службу, получая щедрое пожалование (особенно этот процесс усилился в начале XIV века, после официального перехода Орды в ислам, когда многочисленные крещёные татары, гонимые и убиваемые в Сарае, хлынули на Русь). Известно более трехсот русских фамилий тюркского происхождения, и среди них такие знаменитые в русской истории, как: Аксаковы, Апраксины, Ахматовы, Бекетовы, Бибиковы, Годуновы, Державины, Карамзины, Курбатовы, Салтыковы, Сабуровы, Шереметьевы, Черкасские, Юсуповы... Ещё в середине XVIII века 20 процентов русской знати составляли потомки выходцев из Орды. Так что влияние монголов на этногенез великоросского народа (особенно его знати) довольно существенно. Впрочем, культурное влияние ига на Русь не было так велико, как его геополитические, социальные и политические последствия. Это связано с тем, что татары жили, в основном, в стороне от русских земель, а русские сохранили свою веру и язык. Конечно, татарские послы и воины часто попадали на Русь, а русские рабы, воины и князья — в Орду, что приводило к этническому взаимопроникновению, языковому и культурному обмену.

К русской церкви монгольские ханы отнеслись лояльно, милостиво и покровительственно, как в силу присущей им в качестве язычников веротерпимости, так и в силу нехитрого политического расчёта. Как подчеркивал Н.М. Карамзин: «Одним из достопамятных следствий татарского господства над Россиею было ещё возвышение нашего духовенства, размножение монахов и духовных имений. Политика ханов, утесняя народ и князей, покровительствовала церкви и её служителям; изъявляла особенное к ним благоволение; ласкала митрополитов и епископов». Активное сотрудничество руководства православной церкви и ордынских ханов было обоюдовыгодным: церковь молилась за ханов и учила население покорности им, невозможности и ненужности сопротивления, способствуя установления на Руси системы монгольского

гнёта, а ханы, взамен, освобождали церковь от уплаты дани и способствовали усилению её политической роли. Представители духовенства поддерживали на Руси представление о том, что нашествие и иго монголов — «наказание за грехи» (то есть за остатки языческих традиций, несоблюдение церковных требований, межкняжеские распри). А, поскольку «всякая власть от Бога», выход — в смирении и покорности. Таким образом, церковь всячески поддерживала монгольскую власть, и монголы, в свою очередь, рассматривали церковь, наряду с князьями, как надёжного союзника в деле управления Русью.

Длительное сотрудничество (коллорабационизм, говоря современным языком) иерархов православной церкви с захватчиками — ордынскими ханами привело к стремительному усилению политической, экономической и духовной мощи церкви на Руси в эпоху монгольского ига — эпоху, оказавшуюся «звёздным часом» для русского православия. В условиях раздробленности страны церковь оставалась единой; в условиях иноземного гнёта церковь воплощала дух самобытности; в условиях всеобщего экономического порабощения, церковь была свободна от выплаты дани; в условиях дробления княжеских и боярских богатств, церковь лишь аккумулировала и концентрировала в своих руках новые и новые земли и сокровища. Глава русской церкви — митрополит — в это время переезжает из Киева во Владимир, что формально закрепляет смещение центра Руси с юго-запада на северо-восток.

Русские митрополиты неуклонно получали от ханов особые «ярлыки», которыми обеспечивались льготы, права и привилегии духовенства и неприкосновенность церковных имуществ. Так, в ярлыке 1267 года (хана Менгу-Тимура) подтверждался церковный иммунитет: «да правым сердцем молят за нас Бога и за наше племя, без печали и благословляют нас, и не надобе им дань и тамга и поплужное, ни ям, ни подводы, ни воина, ни корм». Подобная политика, наряду с политическим и религиозным противостоянием западному христианству (в условиях разгрома крестоносцами Константинополя и их наступления в

Прибалтике), привела к тому, что «латиняне» (католики) стали рассматриваться в Северо-Восточной Руси как главные враги, более ужасные, чем «басурмане» (мусульмане). Политический «железный занавес», отделивший в монгольскую эпоху Восточную Русь от Европы, дополнился религиозным. Показательно, что в это время появляется устойчивое сочетание: «русская вера христианская», а словом «крестьяне» (христиане) в монгольский период стали называть русское сельское православное население в противовес католикам — «латинянам» и татарам — сперва «поганым» (язычникам), а лотом «басурманам» (мусульманам).

Последствия монгольского периода русской истории невозможно переоценить. Истоки всего последующего исторического пути России коренятся именно в этой эпохе. Русь была отброшена в социальном, экономическом и культурном отношениях на века назад, отделена от Европы, разделена надвое и начала трансформироваться в направлении азиатского деспотизма. В завязавшейся борьбе за гегемонию в Залесской Руси в ходе «естественного отбора» на победу была обречена сила, наиболее способная «прогнуться» перед Ордой, полнее и адекватнее выражать и навязывать на Руси её интересы, более последовательно принимать и вобрать в себя её принципы и обычаи, более авторитарно и деспотично относиться к собственному населению, и более других беспринципно и беспощадно относиться к другим русским землям, черпая из них ресурсы для собственного грядущего могущества. Такой силой оказалась Москва — сперва верная проводница ордынского влияния на Русь, а затем преемница Золотой Орды.

Споры в исторической науке о влиянии монгольского ига на историю Руси

Мнения историков по вопросу о последствиях монгольского ига на историю Руси расходятся, порой, диаметрально. (В зависимости от системы ценностей и политических взглядов того или иного человека.) Можно выделить три основных подхода к этой проблеме.

Ряд историков: Н.М. Карамзин, С.Г. Пушкин, А.Я. Юрганов и другие, убеждены в том, что монгольское иго оказало колоссальное и поистине роковое влияние на всю русскую историю, повернув её в сторону деспотизма, рабства, девальвации ценности человеческой жизни, гибели существовавших общественных связей и насаждению тотального военно-бюрократического государства, повернутого спиной к Западу и лицом к Востоку. По их мнению, азиатский деспотизм, самодержавие и крепостное право выросли на Руси из эпохи владычества монголов, преемницей которых стало Московское государство.

Другие историки, и среди них такие значительные, как С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов, напротив, полагали, что монгольское иго не оказало существенного и принципиального влияния на русскую историю, ибо монголы не остались на русских землях и серьёзным образом не повлияли на социально-политические процессы, протекавшие там. Так, В.О. Ключевский писал, что «власть хана... давала хоть призрак единства мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей», будучи, однако, явлением поверхностным. Ещё категоричнее был С.Ф. Платонов, полагавший, что «мы можем далее рассматривать внутреннюю жизнь русского общества в XIII в., не обращая внимания на факт татарского ига».

Существует и третья позиция, диаметрально противоположная первой. Её отстаивали и отстаивают представители так называемого «евразийского» направления в русской исторической науке и общественной мысли: Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский (в 1920-е — 1930-е годы в русской эмиграции на Западе) и Л.Н. Гумилёв (в 1970-е — 1980-е годы в СССР). По их мнению, монгольского «ига» попросту не существовало, и Русь — исконно азиатская страна, заключив равноправный союз с Золотой Ордой, извлекла из него огромные выгоды в борьбе с агрессией Запада. Орда — заботливый защитник и верный партнёр Руси — помогла ей в становлении великого самодержавного государства.

Вопреки историческим фактам, евразийцы отрицают само наличие батыева нашествия, сводя его к отдельным «пограничным недоразумениям», и отвергают сам факт монгольского гнёта над Русью, говоря о равноправных, гармоничных и дружеских отношениях между ордынскими ханами и русскими землями. Так, Н.С. Трубецкой полагал, что «Московское государство возникло благодаря татарскому игу», что «в таких важных функциях государства, как организация финансов и почтовых сообщений, татарское влияние было решающим», и что «персонально значительный процент бояр и других служилых людей московского царя составляли представители татарской знати». Евразиец П.Н. Савицкий писал о монголах: «Действием ли примера, привитием ли крови правящим, они дали России свойство организовываться воедино, создавать государственно-принудительный центр, достигать устойчивости; они дали ей качество — становиться могущественной «Ордой»».

Наиболее подробную и современную версию «евразийства» развил в своих многочисленных, увлекательно написанных, но не выдерживающих серьёзной критики, трудах Л.Н. Гумилёв. Он, в частности, писал: «Ни о каком монгольском завоевании Руси не было и речи. Гарнизонов монголы не оставили, своей постоянной власти и не думали устанавливать.» По убеждению Л.Н. Гумилёва, имел место обычный набег, за которым последовал равноправный и обоюдовыгодный союз Руси и Золотой Орды, союз, начало которому положили два политических гения: хан Бату и князь Александр Невский. По словам Л.Н. Гумилёва: «Там, где вступают в дело татарские войска, крестоносный натиск быстро останавливается. Таким образом, за налог, который Александр Невский обязался выплачивать в Сарай... Русь получила надёжную и крепкую армию... Так союз с Ордой во второй половине XIII в, принёс Северо-Восточной Руси вожделенный покой и твёрдый порядок». Втянутая в сферу влияния Великой Монгольской Империи и ставшая частью «монгольского

суперэтноса», Московская Русь, по Гумилёву, оказалась на пересечении караванных торговых путей и межкультурных контактов. Л.Н. Гумилёв категорично утверждал: «Русь была не провинцией Монгольского улуса, а страной, союзной великому хану, выплачивающей некоторый налог на содержание войска, которое ей самой было нужно». Так сын двух великих поэтов — Анны Ахматовой и Николая Гумилёва — далеко превзошёл своих родителей в полёте смелой фантазии и необузданного воображения.

Золотая Орда и её наследники

«Золотая Орда» — отнюдь не самоназвание значительной части Монгольской Империи. Так её называли на Руси. Сами же ордынцы именовали своё государство «Белая Орда» (Ак-Орда). Представление о Белой Орде, как о верховной власти, сформировавшись в конце XIII века, осталось и позднее. Много столетий спустя мусульмане юга и востока России называли московских царей и петербургских императоров «Белыми царями» (Ак Падишах), считая их непосредственными преемниками власти Белой Орды.

Улус Джучи (по имени старшего сына Чингисхана) или Золотая Орда или Белая Орда возникла в 1240-е годы, как западная часть великой и необозримой империи Чингисидов, подчинённая великому кагану в Каракоруме. Столицей Золотой Орды был город Сарай в Южном Поволжье, основанный ханом Бату (Батыем русских летописей), сыном Джучи и внуком Чингисхана. От Иртыша до Дуная, и от Руси до Закавказья — таковы были пределы Золотой Орды, включавшей в себя Приуралье, Западную Сибирь, Причерноморье, Кавказ и Крым. Она была населена покорёнными половцами (кипчаками), жителями разорённых Хорезма и Волжской Булгарии, а также многими другими народами, которые впоследствии стали именоваться татарами, по имени одного из уничтоженных монголами тюркских племен.

Уже при хане Берке, в 60-е годы XIII века Золотая Орда фактически стала автономной от Каракорума, сохраняя лишь номинальное подчинение ему и ввязавшись в полувековую борьбу с другими улусами (государствами) Чингисидов, правивших в Персии и на Ближнем Востоке.

Основой социально-экономической жизни Золотой Орды был контроль над торговыми путями, работоторговля и нещадное ограбление покорённых территорий. В Орде находилось множество русских рабов и рабынь, ремесленников, заложников, ратников. Кто-то из них приехал в Орду по своей воле (как купцы или наемники), а большинство томились в неволе. Монголы долго сохраняли кочевой образ жизни и свою воинственную языческую религию. Тем не менее, оказавшись на перепутье между христианской Русью и мусульманской Средней Азией, ордынцы, по мере развития государства, нуждающегося в единобожии (цементирующем державу к освящающему власть верховного хана), должны были, подобно князю Владимиру I, сделать новый религиозный выбор. Хотя в Сарае с 1260 года существовала православная епископия, а многие из татар (в том числе, и из числа знати) приняли крещение (часто — в несторианской версии христианства), выбор веры был предопределен тем, что к началу XIV века в Золотой Орде доминировали чиновники-мусульмане и мусульманские купцы из Средней Азии. В 1314 году хан Узбек принял ислам и сделал его обязательной религией Золотой Орды, истребив и изгнав всех несогласных с этим выбором. Так Улус Джучи стал мусульманским султанатом.

Пережив политический и военный взлёт в середине XIII — начале XIV веков при великих ханах Бату, Берке, Ногае, Тохте и Узбеке, Золотая Орда вступила затем в затяжную полосу внутреннего кризиса («великой замятней» метко называли этот период 1360-х — 1370-х годов русские летописцы). Началась ожесточённая борьба различных военачальников и кланов за власть, причем темники (командующие туменами —

десятитысячными отрядами) часто назначали и смещали (убивали) «своих» ручных ханов — марионеток из рода Чингисидов. (Ибо по традиции лишь члены этого рода могли претендовать на верховную власть.)

За двадцать лет в Сарае сменились двадцать пять ханов! Кровопролитная борьба между группировкам ордынцев и различными частями державы, сопровождающаяся массовой резнёй, а также неудачные войны с соседними государствами, ослабили империю Бату. Последний — и поистине смертельный — удар нанёс ей в 1389 и 1395 годах великий среднеазиатский правитель Тамерлан (Тимур), совершивший опустошительный поход в Поволжье и стёрший с лица земли золотоордынские города (им уж не суждено было вновь возродиться).

Золотая Орда как единое государство перестала существовать. Она раскололась на шесть частей, в большинстве своём вернувшихся к кочевому состоянию: Сибирское ханство (за Уралом), Казанское и Астраханское ханства (в Поволжье; при этом Казанское ханство было продолжателем Волжской Булгарии), Большую Орду (пытавшуюся в XV веке продолжать традицию Золотой Орды, — в Северном Причерноморье, Придонье и на Кавказе), Ногайскую Орду (в степях Прикаспия) и Крымское ханство (в Крыму и на Кубани). Первые пять ханств были постепенно, в течение XVI века завоёваны Московским царством, выступившим собирателем ордынских земель, преемником и наследником Золотой Орды в Восточной Европе. А Крымское ханство, став в конце XV века вассалом новой исламской сверхдержавы — Османской (турецкой) Империи, просуществовало до конца XVIII века, когда также было захвачено Российской Империей.

Альтернативы XIII века: главный враг — на Западе или на Востоке?

Подвергнувшись монгольскому завоеванию с Востока и одновременному натиску немецких рыцарей-крестоносцев с Запада, русские земли оказались в середине XIII века перед непростым выбором: где искать союзников и кого считать

главным противником? Этот выбор должен был на многие века определить судьбу Руси. По словам С.Т. Жуковского и И.Г. Жуковской: «Из этой тяжёлой и унижительной ситуации существовало два выхода: либо искать союзников для отпора, либо окончательно забыть о былой самостоятельности и встроиться в монгольскую империю. Оказавшиеся на этом перекрёстке истории русские князья Даниил Галицкий и Александр Невский избрали разные дороги и тем самым во многом предопределили разные судьбы Северо-Востока и Юго-Запада Руси». В то время как Даниил Галицкий искал помощи против монголов на Западе — у папы римского и соседних западных государств (хотя и безуспешно), «Александр Невский активно и последовательно встраивая подвластные ему земли в государственную систему Монгольской империи. На этом пути ему приходилось круто ломать вольнолюбивые привычки своих подданных. Через десять лет после Ледового, побоища победитель рыцарей и защитник Новгорода вновь пришел в город — на этот раз его дружина охраняла татарских чиновников, проводивших перепись населения для сбора дани».

Политика Александра Невского строилась на безоговорочном принятии власти Орды, свирепом подавлении народных восстаний против неё, опоре на татарские войска в борьбе против вольных городов и политических соперников на Руси, и в столь же категорическом неприятии Запада. Князь Александр отверг все предложения папы и других христианских государей о союзе против монголов.

В 1257 году в Новгороде, до того независимом от ига Орды, произошло восстание против установления монгольской власти (проводником которой выступал князь Александр Ярославич) и против переписи населения, проводимой для установления размеров выплаты дани в Орду (эта перепись не только ограничивала вольности новгородцев и ложилась на их спины экономическим бременем, но и напомнила им один из признаков Конца Света,

описанный в Апокалипсисе). Александр Невский сурово подавил это восстание, приведя в Новгород татарский отряд и свою дружину, а зачинщиков восстания приказал жестоко пытать. После этого им, по его повелению, выкололи глаза и отрезали носы (этот чудовищный обычай был позаимствован князьями из Орды, как и многие другие). Своего же сына, князя Василия, поддержавшего восставших, Александр изгнал из Новгорода.

А в 1252 году, когда брат Александра, великий князь Владимирский Андрей Ярославич, заключив союз с Даниилом Романовичем Галицким, попытался восстать против Золотой Орды и сбросить постылое иго, князь Александр Невский поспешил с доносом на брата в Орду. Он сообщил о нелояльности своего брата Сараю и сокрытии им части «выхода» (дани) в Орду, а также о подготовке им восстания, и привёл на Русь татарское войско («Неврюеву Рать»), в союзе с которым, вместе со своей дружиной, разбил своего брата в жестокой битве под Переяславлем. Во главе татарской армии Александр сжёг ряд главных русских городов и, в награду за беззаветную преданность новым хозяевам Руси, сам получил от захватчиков ярлык на великое княжение Владимирское. (В это же время князь Даниил Галицкий сумел разгромить аналогичную монгольскую карательную армию и несколько лет успешно отстаивал независимость своих русских земель).

Подобную политику сотрудничества с ханами, подавления народных восстаний, доносов и привлечения татарских войск на Русь, продолжили и сыновья Александра Невского князья Дмитрий и Андрей. При этом уже в XIII—XIV веках складываются (при активном участии православной церкви и князей-коллаборационистов) мифы о легитимности и непобедимости монгольской державы, о невозможности и незаконности сопротивления ей и нереальности попыток свергнуть монгольское иго, о необходимости покорно принимать его и о «мудрой политике» князей, ведущих себя подобным образом

и будто бы рабской преданностью Орде оберегающих Русь от набегов и «чрезмерного» разорения. Князь Александр Ярославич (через пару веков получивший прозвище «Невский») стал образцом для подражания и центральным персонажем героической и политической мифологии Залесской Руси, а в 1547 году был официально канонизирован как святой. Если Орда поддерживала рост могущества православной церкви на Руси, то разгром Константинополя крестоносцами и наступление немецких рыцарей-крестоносцев в Прибалтике (где они сталкивались с встречной русской экспансией в борьбе за колонизацию и подчинение местного населения: эстов, финнов, ливов, пруссов и др.) сделали католический Рим и Запад вообще главным врагом в глазах русской православной церкви.

В целом, по словам современного историка В.Я. Хуторского, «отразив натиск с Запада, Русь была вынуждена подчиниться Востоку». Если ещё многие византийцы, решая подобную же проблему, говорили, что «чалма лучше тиары» и предпочли двумя веками спустя сдать Константинополь туркам, чем принять помощь и союз от католических стран, то и русские князья и духовенство в Северо-Восточной Руси предпочли покориться «басурманам», чем идти на союз с «латинянами». Напротив, Юго-Западная Русь избрала в этой ситуации противоположный путь: сближение с Западом, объединение вокруг Литовского княжества, спасение от ордынцев, усиление федералистско-договорных тенденций социальной жизни и ослабление тенденций авторитарных.

Оценки этого стратегического исторического выбора в современной науке существенно разнятся. Представители «евразийского» направления восторженно оценивают выбор Александра Невского. Так, историк-евразиец Г.В. Вернадский писал: «Александр Невский, дабы сохранить религиозную свободу, пожертвовал свободой политической, а два подвига Александра Невского – его борьба с Западом и его смирение перед Востоком — имели единственную цель — сбережение православия как источника нравственной и политической силы русского народа.»

По мнению крупнейшего евразийца Л.Н. Гумилёва, натиск Запада грозил Руси потерей не только политической независимости, но и культурно-религиозной самобытности (с обращением в католическую веру). «Союз Руси и Орды», созданный титаническими усилиями Александра Невского, был, по словам Л.Н. Гумилёва, «благом для Руси» как в борьбе с католической экспансией, так и «с точки зрения установления порядка внутри страны».

Иначе оценивает этот выбор американский историк Джон Феннел. По его мнению, проордынский курс Александра Невского способствовал укреплению монгольского владычества, в то время как деятельность князей Даниила Романовича Галицкого и Андрея Ярославича позволяла Руси освободиться от гнёта со стороны Орды уже в середине XIII века. Ведь, если Даниил Галицкий мог успешно противостоять Орде, опираясь лишь на скромные силы своих земель, то присоединение к его союзу с Владимирским князем Андреем Александра (вместо предательского доноса) могло бы переломить ситуацию и освободить все русские земли от монголов. Джон Феннел полагает: «Так называемое татарское иго началось не столько во время нашествия Батыя на Русь, сколько с того момента, как Александр предал своих братьев... Александр не сделал ничего, чтобы поддержать этот дух сопротивления Золотой Орде. Требуется беспредельная щедрость сердца, чтобы назвать его политикой самоотверженной».

Борьба новгородцев со шведами и немцами за колонизацию Прибалтики

В XII—XIII веках немецкие крестоносцы начинают «Натиск на Восток» с целью покорения и крещения в католичество языческого населения Прибалтики (племён эстов, пруссов, карел, ливов и литовцев). Орудием этой политики явился рыцарский Орден Меченосцев, созданный в 1202 году. В то же время подобное проникновение в Восточную Прибалтику предприняли в XII—XIII веках шведы (они, прежде всего, подчиняли и крестили угро-финские племена).

Одновременную интенсивную колонизацию и христианизацию (но уже в православие) балтийских племён (ижоры, води, чуди, карелы, суми (саамов)) вёл Великий Новгород, стремившийся напрямую вести торговлю с ганзейскими городами и собирать дань мехами с захваченных территорий. Естественно, всё это привело к острому конфликту и затяжной конфронтации между новгородцами, немцами и шведами за доминирование на прибалтийских землях. В 1187 году новгородцы вместе с карелами захватили, разграбили и разрушили столицу Швеции Ситгуну (нынешний Стокгольм), увезя в Новгород в числе прочей добычи в качестве трофея церковные ворота, а затем неоднократно нападали на шведские владения в Финляндии. В 1227 году новгородцы принудительно и жестоко провели всеобщее крещение карел по православному обряду — «мало не все люди» (по словам летописи). Что же касается отношений Новгорода с немцами, то здесь интенсивные торговые контакты порой сменялись взаимными вторжениями и набегами.

После того, как Орден меченосцев (разгромленный литовцами в великой битве при Шяуляе в 1236 году) прекратил свое существование, уступив место тевтонскому Ордену, этот Орден начал завоевание земель славян пруссов. Тевтонскому Ордену удалось даже ненадолго подчинить себе Псков в 1241 году (при активной поддержке части горожан, тяготившихся новгородским гнётом), однако город вскоре был отбит войском. новгородцев во главе о князем Александром Ярославичем, 5 апреля 1242 года Александр Невский, возвращавшийся с войском после грабежа земель эстов, был на льду Чудского озера настигнут отрядом крестоносцев и в жестокой битве разбил тевтонских рыцарей.

А в 1268 году в битве под замком Раковором новгородское войско во главе с сыном Александра переяславским князем Дмитрием Александровичем и в союзе с «низовскими» полками нанесло тевтонским рыцарям сокрушительное стратегическое поражение.

Подводя итоги военным столкновениям XIII века за колонизацию Прибалтики, выдающийся современный историк И.Н. Данилевский отмечает: «Речь, очевидно, может идти только о борьбе Новгорода, Пскова и Ордена за раздел «сфер влияния» в восточной Прибалтике. Причём Псков сплошь и рядом оказывался не союзником, а соперником Новгорода и иногда выступал вместе с Ригой (крепостью крестоносцев — *П.Р.*)». Основным же объектом нападений являлось местное население: чудь, ливы, эсты и другие языческие племена Прибалтики, принуждаемые к насильственному крещению в католичество или православие и подвергавшиеся грабежу с обеих сторон.

4.2. Русь Литовская (XIII — XVI века)

Словосочетание «Русь Литовская» кажется сегодня довольно странным и непривычным. А между тем Великое Княжество Литовское и Русское (далее везде сокращённо — ВКЛ, *П.Р.*), возникшее в начале XIV века и раскинувшееся вскоре от Чёрного до Балтийского моря было крупнейшим государством Восточной Европы, подлинным и прямым наследником Киевской Руси, спасителем большей части русских земель от монгольской власти и, наконец, государством, в котором, хотя правящая династия и была литовской, однако русский язык был основным, а русские православные люди составляли более трёх четвертей всего населения.

Появление и рост этого образования приходится на XIII век — эпоху, когда с востока на Русь обрушилось страшное монгольское нашествие, а с запада — экспансия немецких рыцарских орденов, огнём и мечом насаждающих католичество. В это время, когда Северо-Восточная Русь была обескровлена ордынцами, а её князья вступали с ханами во взаимовыгодный симбиоз по совместному порабощению населения (надолго утратив претензии на объединение всей Руси),

когда Даниил Галицкий потерпел поражение в борьбе с Ордой и был вынужден признать её власть, а новгородцы предпочитали откупаться от Орды данью (через посредничество её агентов — великих князей Владимирских), по словам современного историка С.В. Думина: «Лишь княжества Запада Руси сохраняли свободу, надежно прикрытые от ордынских туманов владениями соседей, лесами и болотами. (Кстати, одно из объяснений происхождения названия «Белой Руси» — от свободных земель, земель не плативших дани хану).»

Защитниками и объединителями Западной Руси выступили литовские великие князья, сыгравшие на этом этапе роль, отчасти сходную с ролью норманнских конунгов в Киевской Руси. Как указывает С.В. Думин, возникновение Великого Княжества Литовского и Русского «явилось результатом компромисса, соглашения между литовской знатью и местным восточнославянским боярством. Следует добавить, что подобный компромисс был бы невозможен без поддержки горожан, во многих западнорусских княжествах сохранявших в политических делах решающий голос.» Так возникло балто-славянское объединение — Великое Княжество Литовское и Русское, в котором славяне составили подавляющее большинство населения, а балты (литовцы) дали княжескую династию и часть правящей элиты (впрочем, стремительно русифицирующейся и принимающей православие), подобно тому, как Киевская Русь была норманно-славянским образованием.

Литовцы — небольшой воинственный народ земледельцев, охотников и скотоводов, дольше всех в Европе (до конца XIV века) сохранявший верность язычеству, — под ударами крестоносцев объединился вокруг одного князя и был заинтересован в поддержке со стороны восточных соседей — славян. А те, в свою очередь, нуждались в литовской защите от ордынской угрозы. На почве этой общности интересов и произошло стремительное и добровольное соединение огромных территорий в Восточной Европе в единое (и очень рыхлое)

государственное образование, само двойственное название которого говорило о взаимовыгодности этого союза: Великое Княжество Литовское и Русское.

Поскольку литовские князья, защищая русские княжества от врагов (крестоносцев с запада и монголов с востока), при этом не навязывали никому свою веру и не покушались на вольности городов и привилегии бояр, вхождение русских княжеств в Литовское княжество происходило добровольно и стремительно. Литовские князья приглашались на княжение в русские города и заключали с ними договоры (уставные грамоты), обещая «новин не вводить и старины не рухать». Таким образом, ВКЛ складывалось изначально как федерация различных земель и территорий, основанная на договорных принципах и со слабой центральной властью. Местные княжества и города лишь должны были выплачивать Великому князю небольшую дань и выставлять в общее ополчение отряды своих воинов.

Первым Великим князем Литовским и Русским был Миндовг, провозгласивший себя князем в 1237 году (в том самом жутком году, когда орды Батыя обрушились на Залесскую Русь). Миндовг объединил коренную, языческую Литву и православные княжества, называемые «Чёрной Русью» (со столицей в Новогрудке, куда он был приглашен на княжение). Под властью Миндовга объединились Слоним, Гродно и ряд других русских и литовских городов. Сын и наследник Миндовга, князь Войшелк не только принял православие, но в религиозном порыве даже постригся в монахи. Сам же Миндовг то принимал католичество из рук папы (вместе с короной короля), то затем вышел из него и вернулся в язычество (и то и другое — по политическим мотивам). Это колебание литовских князей между православием, язычеством и католицизмом на два столетия будут характерны для властителей Великого княжества и во многом определяют его историю.

В 1263 году, когда Миндовг был убит заговорщиками, его сын Войшелк расстригся из монахов, жестоко отомстил

убийцам отца, объединил в своих руках юное государство, но сам вскоре был убит. Литовские князья, приглашаемые на княжение в русские земли, вместе с их дружинами, приносили в жизнь этих земель динамичный и воинственно-героический элемент (подобно викингам-варягам в Древней Руси) и воспринимались не как завоеватели или хозяева, но как союзники и защитники. По справедливому замечанию С.В. Думина: «Стремление литовских князей расширять свои владения объективно отвечало реальному стремлению восточнославянских земель к объединению» — объединению добровольному, федеративному и способному противостоять крестоносцам и монголам.

Окончательно объединил ВКЛ и заложил начало правящей династии великий князь Гедимин (1316—1341). Гедимин превратил Великое княжество в центр сопротивления татарскому игу и центр объединения Руси (на тот момент — единственный центр, ибо княжества Северо-Востока Руси в то время погрязли во взаимной борьбе и не помышляли об освобождении из-под власти Орды). Так, при поддержке Гедимины избавился из-под татарского ига Смоленск. В 1339 году город отказался платить дань ханам, был осажден московско-татарским войском (в нём находился и Иван Калита — московский князь и преданный слуга хана), но при помощи литовцев окончательно отстоял свою независимость.

Система союзов и династических браков позволила Гедимину присоединить к княжеству (с новой столицей в Вильно) Витебск, Волынь, Полоцк, Туров, Пинск, Минск, Брест, Чернигов, Киев — около восьмидесяти древнерусских городов. Опираясь на поддержку ВКЛ, западнорусские земли обретали свободу от ненавистного ига. Подобно Миндовгу, Гедимин умело балансировал между западным и восточным христианством, покровительствуя православной церкви и одновременно обещая папе принять католичество, в случае прекращения нападений со стороны крестоносцев. По замечанию С.В. Думина, при Гедимине «в целом

расширение Великого княжества проходило сравнительно мирно, поскольку условия присоединения земель к этому государству способны были удовлетворить наиболее влиятельные круги местного населения: боярства, горожан и (с оговорками) церковь». В то время, как Волынь присоединилась к ВКЛ, галицкие земли в это время были захвачены Польским королевством, а Закарпатская Русь — венграми.

В середине XIV века Русско-Литовское государство простиралось от Карпат до Оки, от Западной Двины и Балтийского побережья до Подолии. Русские земли составили 9/10 территории державы Гедимина и его потомков, а русское население — более трёх четвертей его жителей. Как пишет С.В. Думин, «к XIV — началу XV вв. именно под властью литовской династии оказалась большая часть Киевской Руси». Причём славянское население воспринимало это присоединение не как завоевание и иго (подобное татарскому), а как добровольный союз и восстановление Киевской Руси (что отражено и в названии — «Великое княжество Литовское и Русское»). Важно подчеркнуть, что ВКЛ не только включило в себя основную часть земель Киевской Руси, но и по своему устройству напоминало государство киевских Рюриковичей, сохраняя институты местного самоуправления, традиции, церковь, вече, нормы «Русской Правды», федеративные принципы устройства и, одновременно, давая надежную защиту от Орды. Гедимин и его сыновья женились на русских князьях, многие литовские князья и аристократы переходили в православие. По словам С.В. Думина: «Держава Гедимина по своей административной структуре напоминала свою историческую предшественницу — Киевскую Русь времён первых Рюриковичей. Её правитель не ставил своей целью жёсткую централизацию... Фактически сменились лишь правители: место большинства здешних Рюриковичей... заняли, как правили, родственники Гедимина».

Острым и открытым вопросом на протяжении всего XIV века оставался вопрос об окончательном выборе веры

для княжеской династии — от него зависела дальнейшая судьба Литовской Руси (да и остальной части Руси также). Характерной чертой нового образования с самого начала стала небывалая веротерпимость и плодотворное совместное сосуществование различных этнических и конфессиональных общностей. Так в столице — Вильно соседствовали «русский квартал», населённый православными ремесленниками и торговцами, и два католических монастыря. Помимо славян и литовцев в княжестве жили бок о бок поляки, евреи, армяне, немцы и татары, находя между собой общий язык.

Стремление русских земель к единству было столь велико, что даже традиционное разделение ВКЛ между сыновьями Гедимины после его смерти не привело к распаду государства (как случилось, например, с Киевской Русью после смерти Ярослава Мудрого). Напротив, именно в середине — второй половине XIV века ВКЛ достигает высочайшего расцвета и стремительно продолжает процесс объединения древнерусских земель и их освобождения из под гнета Орды.

Власть в ВКЛ быстро захватил замечательный дуумвират, состоявший из двух великих сыновей Гедимины — братьев-князей Ольгерда и Кейстута. Это был редкий в истории пример братской солидарности и дружбы, столь редкой среди политиков-государей, на протяжении трёх с половиной десятилетий (1341—1377) управлявших государством. Кейстут, признавший Ольгерда Великим князем, управлял западной частью княжества, коренной Литвой (со столицей в Троках) и успешно отбивался от крестоносцев, в то время как Ольгерд вёл героическую борьбу против Золотой Орды и завершал процесс объединения русских земель. Отважный рыцарь, строитель замков, последний язычник и великий воин, Кейстут, и талантливый дипломат и превосходный полководец и политик Ольгерд, хорошо дополняли друг друга. По справедливому замечанию С. В. Думина, при детях Ивана Калиты и Гедимины конфликт между Москвой и Литвой «приобретает характер открытой борьбы за обладание «всею Русью», причём

единственным политиком, способным в тот момент реально выдвигать такую задачу, будет сын Гедимины Ольгерд... Этот человек, за два десятилетия до Дмитрия Донского одержавший ряд блестящих побед над ордынцами, освободивший из-под ханской власти множество русских земель, объединивший под своим скипетром большую часть исторической территории Киевской Руси и вполне реально претендовавший на то, чтобы завершить этот процесс и на Северо-Востоке (при активной поддержке Твери), в трудах большинства российских историков оказывается коварным завоевателем, «находником»». (Что связано, конечно, с неприкрытой оголтело промосковской тенденциозностью отечественной исторической науки, во многом сохраняющейся даже до сих пор и полностью искажающей истинную историческую ретроспективу видения событий). Ольгерд был женат на тверской княжне Ульяне, перед смертью принял православие.

Однако церковные иерархи Северо-Восточной Руси (во главе с митрополитом Алексием) с подозрением и ненавистью относились к Ольгерду и категорически выступили против его объединительной и освободительной политики, оказав поддержку своекорыстной и сепаратистской линии Москвы на раскол Руси и на отрыв Залесской Руси от основной части русских земель. Именно из-за ожесточённого сопротивления этих церковных иерархов не удалось планы завершения объединения всей Руси в рамках ВКЛ. По словам С.В. Думина: «Именно православная церковь видела в литовских князьях (сперва язычниках, затем католиках) своих идейных противников. Преодолеть её нередко скрытое, но мощное сопротивление могло бы только официальное крещение Литвы в православие. При Ольгерде такой шанс еще сохранялся», однако не был реализован. Ольгерд был исключительным, поистине выдающимся правителем, отмечает С.В. Думин: «Талантливый человек, порой вспыльчивый, новеликодушный и щедрый, отважный воин, блестящий дипломат, действительно великий князь, государь Литвы и Руси.

Но история поставила предел его планам, и грандиозная задача возрождения древнерусского государства в прежних и даже более широких пределах не была решена, натолкнувшись на сопротивление северо-восточных княжеств, сплотившихся вокруг регионального центра — Москвы».

Тем не менее, Ольгерду и Кейстуту удалось сделать очень многое: окончательно присоединить к ВКЛ Чернигов, Киев и Подолию, разбить в 1362 году в грандиозной битве у Синих Вод огромное татарское войско, освободив Южную Русь от ордынского ига и расширив границы Великого княжества до Чёрного моря. Хотя именно в это время галицкие земли были окончательно захвачены Польшей, влияние ВКЛ в Пскове и Новгороде несколько ослабло, а в 1348 году литовско-русские войска были разгромлены крестоносцам, братьям-князьям удалось оправиться от всех тяжелых ударов, привлечь в союзники Тверское княжество. Как отмечает С.В. Думин: «Ольгерд и Кейстут выдвинули в 1358 году программу объединения под властью Великого княжества Литовского и Русского всех балтских и восточнославянских земель, программу, направленную прежде всего против Ордена и Золотой Орды... Вильно оказался единственным центром, способным отстаивать общерусскую программу, в тот период имевшую чётко выраженную антиордынскую, освободительную направленность». И эта программа неуклонно и последовательно воплощалась в жизнь.

При Ольгерде и Кейстуте ВКЛ стало самым крупным и мощным государством Восточной Европы, раскинувшимся от Балтийского до Чёрного моря, строящимся на федеративных, договорных принципах, дающим жителям защиту от внешнего врага и не вносящим серьёзных изменений в местную религиозную или социальную жизнь (в отличие от московской централизации, деспотизма и перекройки всех социальных отношений и связей). Вильно, Троки (Тракай), Полесье, Чернигово-Северские земли, княжества Верхней Оки, Полоцк, Витебск, Минск, Киев, Волынь, Туров, Пинск,

Подляшье и Подолия, Брянск — таковы основные центры и территории, вошедшие в состав ВКЛ в это время. Победа в сражении у Синих Вод (за 20 лет до Куликовской битвы), сокрушив власть Орды, подняла престиж великого князя на огромную высоту, показав его признанную роль как защитника Русской земли от монголов.

В 1368, 1371 и 1372 годах Ольгерд в союзе с Тверью трижды ходил на Москву, разбивал армии московитов и осаждал кремлёвскую крепость, пытаясь присоединить и Залесскую Русь к Великому княжеству Литовскому и Русскому — но, увы, безуспешно! Камнем преткновения, не позволившим завершить начатое Ольгердом освобождение Руси от ига татар и объединение, явился вопрос о вере. Антилитовская узкосепаратистская политика возглавляемой митрополитом Алексием церковной иерархии Северо-Восточной Руси (предпочитавшей власть покровительствующей церкви Орды освобождению страны и объединению Руси вокруг ВКЛ) не позволила Ольгерду добиться своего. Впрочем, он боролся за учреждение в Константинополе патриархом митрополии в Киеве, желая возвращения древней столице статуса и церковного центра Руси (ибо московские митрополиты безответственно покинули большую часть своей православной паствы, живущей в ВКЛ).

Подытоживая смысл политики Ольгерда и Кейстута, С.В. Думин пишет: «Для победы над объединённым рыцарством, за плечами которого в тот момент стояла вся католическая Европа, требовалась поддержка боярства русских земель. Лишь общерусская программа гарантировала сохранение Великого княжества Литовского и Русского как единого государственного организма... Сам характер Великого княжества — мощного, динамичного балто-славянского государства — диктовал его лидерам активную объединительную политику, в конечном итоге вполне отвечавшую стратегическим интересам и Литвы, и Руси». В лице Москвы объединительные и антиордынские усилия Литвы и Твери

натолкнулись на противодействие. Московские церковники и князья предпочли остаться слугами хана, чем получить освобождение из рук Ольгерда. При этом большая часть даже земель Северо-Восточной Руси ориентировалась в это время на Вильно: могучая и гордая Тверь была стратегическим и долгосрочным союзником ВКЛ, в Новгороде и Пскове существовали мощные пролитовские группировки, Смоленск и Верховские княжества (на Оке) колебались между Литвой и Москвой.

Однако после смерти Ольгерда (в 1377 г.) шанс завершить объединение Руси был на некоторое время (но пока не окончательно) упущен. Между сыном Ольгерда — Ягайло и братом и племянником Ольгерда — Кейстутом и Витовтом начинается ожесточённая борьба за власть, в ходе которой Ягайло предательски убил своего дядю Кейстута и завладел престолом ВКЛ. Сначала, в 1381 году, Ягайло попытался заключить стратегический союз с Москвией, породнившись с князем Дмитрием (вот и ещё один шанс завершить объединение Руси Литвой!), но в 1382 году Москва была разгромлена и дотла сожжена ханом Тохтамышем и надолго утратила ценность в глазах литовского правителя.

Именно при Ягайло происходит исторический судьбоносный поворот Руси Литовской на Запад — в сторону Польши. Союз Польши и Литвы был основан на общности интересов двух народов и наличии общего противника — Тевтонского Ордена. Начало польско-литовского союза относится ещё к 1325 году, когда князь Гедимин отдал свою дочь Альдону замуж за польского короля Казимира. Другим общим врагом Польши и Литвы были ордынцы и их подручные — русские князья Северо-Восточной Руси. Стремясь к союзу с Польшей, Ягайло одновременно хотел обезопасить себя и от Ордена, и от Орды, и от Москвы, и от своих противников в Литве. Польские же магнаты, со своей стороны, надеялись присоединить огромное Великое княжество Литовское и Русское к польской короне. 15 августа 1385 года в Крево была подписана уния, по которой сын Ольгерда Ягайло

становился польским королем, получал руку юной польской королевны Ядвиги, переходил в католицизм (под именем Владислава) и обещал обратить в католичество языческую Литву (чем, кстати, устранялся формальный повод к нападениям на неё со стороны Ордена) и присоединить Литовско-Русские земли к Польше. Эта уния определила на многие столетия историческое развитие всей Восточной Европы. Союз между польским, литовским и русским народами отвечал их интересам, укреплял торговые связи на восточноевропейском пространстве, вёл к объединению военных усилий этих стран и повлёк за собой дальнейшее ослабление центральной власти и усиление аристократии внутри них, Принятие католицизма на смену древнему язычеству позволяло литовской правящей элите сохранить свое этническое своеобразие, не растворившись в массе православного русского населения, ознаменовало поворот Литовской Руси на Запад, лицом к Европе и — спиной к монголам и Монгольской Руси.

Однако многие литовские бояре и князья (язычники и православные) не приняли вхождения Литвы в состав Польши. Во главе этого мощного движения встал энергичный сын Кейстута и кузен Ягайло Витовт (Витовт Великий, 1392—1430). Ему удалось отстоять независимость ВКЛ от Польши и добиться от Ягайло признания его Великим князем Литовским и Русским. Уния сохранялась, также как сохранялся и союз двух стран против Ордена, но Литовско-Русское государство не поглощалось Польшей. По словам С.В. Думина: «Союз Литвы и Польши был фактическим союзом двух равноправных монархов, и Великое княжество в неприкосновенности сохраняло собственную государственность, суверенитет, лишь постепенно усваивая некоторые польские государственные институты и юридические нормы, приемлемые для местного населения (прежде всего, боярства).» Этот союз дал впечатляющие плоды: в 1410 году объединённое польско-русско-литовское войско наголову разбило войско Тевтонского Ордена в великой битве у Грюнвальда, после чего начинается упадок государства крестоносцев.

При Витовте ВКЛ в последний раз достигает наивысшего могущества и, вероятно, в последний раз предпринимает имевшую все шансы на успех попытку завершить, наконец, объединение русских земель. В 1395 году к ВКЛ присоединяется Смоленское княжество. Витовт присоединяет также Вязму и ряд княжеств на Оке (Верховские земли). В 1427 году Тверь и Псков, а в 1429 году и Рязань признают себя вассалами Витовта, на Литву отныне ориентируются и новгородские бояре. Вассалом Витовта признал себя и Крымский хан. В это время и Москва выступает как «младший брат» и вассал Литовской Руси: московский князь Василий I был зятем Витовта и, умирая, назначил его опекуном собственного малолетнего сына Василия II, передав ему тем самым власть над Московией.

Но победоносное и триумфальное наступление Литовской Руси вновь останавливает неожиданная и страшная, поистине трагическая, случайность! В 1395 году Витовт попытался посадить на ордынский трон в Сарае изгнанного оттуда своего ставленника хана Тохтамыша, бежавшего под его опеку и пообещавшего отдать ему навеки всю Русь во владение. Однако произошла роковая и громадная неправимая катастрофа: в 1399 году на реке Ворскле огромное стотысячное русско-литовско-татарское войско Витовта и Тохтамыша было наголову разбито и полностью уничтожено монгольской армией Едигея и Тимир-Кутлука (противников Тохтамыша), что надолго ослабило ВКЛ (ибо в этой битве пал весь цвет литовского и русского воинства и аристократии) и помешало завершению объединения Руси вокруг Вильно. Если Ольгерду в его борьбе за объединение Руси помешала проордынская и сепаратистская корыстная политика московских князей и сопротивление связанных с ними церковных иерархов, то Витовта постигла неудача из-за страшного и невиданного разгрома 1399 года.

В 1430 году Витовт, впрочем, вновь был близок к своей цели — он получил королевскую корону от императора Священной Римской Империи и готовился окончательно

присоединить к Руси Литовской Москву (в которой в это время бушевала междоусобная война) — но умер в полушаге от желаемого. А после его смерти ВКЛ на десять лет погрузилось в пучину раздоров и конфликтов между православным и католическим населением. Витовт проводил политику централизации, укрепления своей власти в таком рыхлом образовании, как ВКЛ, смещая местных князей с их престолов и заменяя их собственными наместниками. С.В. Думин отмечает «стремление Витовта продолжить дело своих предшественников, добиться создания в Восточной Европе мощного государства, ядром которого, как и прежде, являлись бы восточнославянские земли. И эту программу, как это ни парадоксально, унаследовал правнук Витовта, великий князь Московский Иван III.» Подобно Ольгерду, Витовт оборонялся на Западе от крестоносцев (в союзе с Польшей) и продвигался на восток, объединяя и освобождая русские земли. Будучи католиком, он поддерживал православную церковь как орудие своей политики.

В 1413 году новая уния (Городельская), подписанная между Литовской Русью и Польшей (кузенами Витовтом и Ягайло) признавала независимое существование ВКЛ в союзе с Польской короной. Литовская католическая аристократия отныне получала привилегии (равенство с польскими панам и доступ к высшим должностям), в то время как православное население, не подвергаясь гонениям, в то же время автоматически оказывалось «людьми второго сорта». При этом уния с Польшей сделала личную власть Литовского Великого князя более ограниченной, избираемой (а не наследственной), ослабив центральную власть и усилив литовскую католическую аристократию. Верховной властью в ВКЛ становились отныне сеймы (съезды) литовских панов. Постепенно происходит полонизация (ополячивание) и окатоличивание правящей элиты ВКЛ.

Здесь следует ненадолго остановиться на внутренних порядках, социальной структуре и политических особенностях Литовской Руси XIII—XV веков (от Гедимина

до Витовта). В отличие от Монгольской Руси, в Руси Литовской сохранились и укрепились древнерусские институты общинной демократии, федеративно-договорные принципы социальной жизни. Между великим князем и местными князьями заключались договоры (ряды), как между вассалами и сюзеренами, власть великого князя была предельно ограничена Радой (советом из высших чинов государства) и сеймом (съездом шляхты), города могли изгонять княжеских наместников и приглашать себе новых («на их воле»). На разных землях существовали различные традиции, особенности и обычаи, слабо нарушаемые княжеской властью. Князья были вынуждены выдавать «привилеи» — грамоты о правах и вольностях различным землям, городам и сословиям. По словам С.Г. Пушкарёва: «Литовско-русское государство носило характер федерации областей и земель, сохранявших свое особое областное устройство и объединенных лишь верховной властью господаря великого князя и его панов-рады».

Решающую роль в ВКЛ играли бояре: в отличие от Монгольской Руси так здесь называли не высших чинов великокняжеского двора, а всех служащих государю лиц благородного происхождения (с XVI века под влиянием Польши их будут именовать «шляхтой»). Мощной и влиятельной группой населения были также горожане («мещане»). У них были свои органы местного самоуправления, выборные лица («войты»), широкие права и привилегии. Города совместно владели коллективной собственностью — землёй вокруг города, с выпасами, лесами и рыбными ловлями (всё это вместе называлось «волостью» и напоминало античные полисы). По словам современного историка А.Ю. Дворниченко: ««Волость Полоцкая», «волость Смоленская» и т.д. — обычные выражения документов. Как и в древнерусский период, термин «полочане», «смольняне», «торопчане» и пр. обозначал не только жителей этих городов, но население всей земли... при котором города-государства по-прежнему имели свои рубежи.» При этом город выступал как политический, экономический, военный,

культурный и религиозный центр волости. Как отмечал А.Ю. Дворниченко, «в борьбе с князем община выступала не как разрозненная масса, а организовано, в форме веча». Князь был вынужден подписывать договор с «волостью» о том, что он обязуется защищать эту землю и не будет посягать ни на общий суд, ни на коллективную земельную собственность. Назначаемые князем воеводы и чиновники должны были судить суды при участии представителей местного населения и на основании местного права. Характерными чертами общества в Литовской Руси XIV—XV веков было наличие городского ополчения (как основной военной силы), общинного суда, веча, городского коллективного землевладения, повсеместные федеративные и договорные принципы устройства, слабая сословная дифференциация и очень слабая княжеская власть, а также отсутствие громоздкого государственного аппарата управления.

Лично свободные крестьяне — «люди», живущие большими семьями, коллективно владели землёй. Они были организованы в общины во главе с выборными «старцами», составляли основную массу земледельческого населения и платили небольшую дань великому князю. Существовали также и рабы, и зависимые от знати крестьяне. Но вообще сословия в ВКЛ были слабо дифференцированы.

Многоукладность, терпимость, федеративно-договорные принципы, сосуществование различных земель, конфессий, этносов, постоянное ослабление центральной власти — характерные черты жизни ВКЛ (во всём противоположные Монгольской Руси). В то время как в Монгольской (Северо-Восточной) Руси происходила трансформация в сторону азиатского деспотизма, в Литовской Руси (Западной и Южной) происходило развитие и укрепление киевских вечевых традиций. Городское вече, сохранившееся до середины XVI века, призывало и изгоняло князей и наместников, решало хозяйственные вопросы (подати, торговля, коллективное землевладение), осуществляло высший суд

и решало вопросы внешней политики, формировало ополчение, избирало должностных лиц, заключало договоры. По словам А.Ю. Дворниченко, в ВКЛ «государство практически не принимало участия в осуществлении карательных функций». Литовско-Русское государство отчасти жило по традициям обычного права, отчасти по нормам «Русской Правды». И государственная власть, и крупная земельная собственность долго не получали серьёзного развития в ВКЛ. Суд вершился общиной и, в сущности, являлся земским (общественным), а не государственным органом. Корпорации шляхты, религиозные братства, казацкие республики, городские веча, сельские общины, цеха, объединявшие ремесленников одной профессии, — таково разнообразие социальных форм самоорганизации населения в Литовской Руси.

Однако ситуация начинает меняться в XVI веке, по мере усиления опоясанной католической аристократии (встающей над обществом и концентрирующей в своих руках власть и земельную собственность), роста крупного землевладения, формирования сословий, развития социальной дифференциации внутри городского населения, ведущей к гибели общины. Одновременно с этим начинается упадок местного самоуправления и общинных связей среди населения. В это время, по замечанию А.Ю. Дворниченко, «идёт процесс перехода от древнерусских городов-государств, с их ярко выраженными демократическими традициями, к сословно-аристократической монархии, с её социальными антагонизмами». Постепенно государственное право и суд приходят на смену обычному праву, города-государства подвергаются социальному расслоению и ослаблению, вся политическая власть в стране переходит к земельной аристократии (католической), шляхта резко обособляется от крестьян и слуг, великокняжеская власть ещё более ослабевает, а крестьянство лишается личной свободы. Город замыкается в своих рамках, а сельская округа переходит в руки крупных магнатов-землевладельцев. Реальной властью в стране становятся сеймики — местные

съезды шляхты и великий вальный (общий) сейм всей Литвы (он избирает князя, решает вопросы войны и мира, издаёт законы и назначает подати).

Теперь права и привилегии городов не «выбивались» ими «снизу» в борьбе с князем, а «спускались сверху» по западным образцам («магдебургское право»: его получили Вильно, Троки, Ковно, Луцк, Полоцк, Киев, Минск и др.). Города, получившие от князя «магдебургское право», освобождались от княжеского суда, управления княжеской администрации и от исполнения рабочих повинностей, внося в казну князя небольшую ежегодную плату и выставляя отряд ополченцев. В распоряжение города навечно поступали угодья, мельницы, бани, торговые налоги и сборы. Половина избираемых в городские органы власти «советников» должны были быть католиками, а половина — православными. Они решали все судебные, финансовые и административные дела города. Своих представителей в органы городского самоуправления избирала также еврейская община.

Несмотря на постепенную полонизацию и окатоличивание части литовской шляхты, основная масса населения оставалась православной, а великие князья покровительствовали и православной церкви. По словам С.В. Думина: «Поклоняясь в Литве священным дубравам и принося жертвы Перуну, на русских землях литовские князья окружали заботой православную церковь... Если ордынцы несли в завоёванные страны свою систему управления и эксплуатации, безжалостно уродуя местные общественные структуры, чтобы приспособить их для нужд своей империи, то литовские князья вели себя в русских княжествах так же, как в свое время варяги: принимали местные обычаи, управляли «по старине», сохраняли сложившуюся ранее систему собственности. Литовские феодалы усваивали язык и письменность восточных славян; постепенная славянизация коренных литовских земель, продолжавшаяся в течение нескольких столетий, всё больше ограничивала ареал распространения литовского языка... Именно язык восточнославянского населения этого государства стал официальным

(фактически государственным) языком, сохранив этот статус до конца XVII в. Всё это закономерно предопределило... отношение к Великому княжеству его восточнославянского населения: оно с тем же правом, что и литовцы, считало это государство своим.» Между прочим, древнерусский язык сохранился в Литовской Руси лучше и чище, чем в Монгольской Руси. Своя вера, обычаи, социальные традиции, нормы, язык и культура сохранялись и развивались здесь намного полнее и успешнее, чем на подвластной Орде части Руси, изуродованной татарским гнѐтом и изолированной от Европы.

Православная церковь в Литовской Руси, не будучи господствующей и гонимой, развивалась в сторону демократизации своей структуры. Церковный епископ здесь, как и в Новгороде, был представителем всей общины: в Киеве, Львове, Полоцке и других городах он избирался вечем. Как отмечал А.Ю. Дворниченко, в ВКЛ: «Община контролировала церковную организацию во всех её звеньях. Церковные земли были общей волостной собственностью, а волостные священники — выборной общинной властью». В соборе города хранились важные документы, печати, уставные грамоты. В Киеве в 1458 году по просьбе Литовского князя патриархом константинопольским была учреждена наконец самостоятельная православная митрополия, управляющая епископствами Полоцким, Смоленским, Брянским, Туровским, Луцким, Владимирским, Холмским, Перемышльским, Галицким. Если в Монгольской Руси церковь, усиливавшаяся при поддержке ханов Золотой Орды, стала единолично господствующей политической и идейной силой, непримиримо относящейся к любому инакомыслию, то в Литовской Руси она сосуществовала и вела диалог с уходящим язычеством и распространяющимся католицизмом. По мнению С.В. Думина, «это, кажется, способствовало демократизации местной церковной жизни, в том числе возникновению православных братств, объединений горожан, ограничивавших власть духовенства в церкви, облегчало проникновение идей Возрождения».

В то же время окатоличивание правящей династии и элиты мешало завершить процесс объединения всей Руси вокруг Вильно и порождало порой острые внутренние конфликты в ВКЛ. Как подчёркивает С.В. Думин: «Последствия выбора, сделанного Ягайло в 1385 г., в полной мере ощутили его преемники в XV в., когда конфликт между Литвой и Московским государством постепенно стал приобретать не только политический, но отчасти и религиозный оттенок». Если до этого (в XIV веке) Вильно выступала в роли объединителя всей Руси и избавителя от ига монголов, а Москва — в роли сепаратистского центра и прислужницы и агента Орды, то в XV веке Москва смогла облечься в одеяние защитницы православной веры от польского «латинства». Однако, по справедливым словам С.В. Думина: «В Великом княжестве Литовском и Русском политика веротерпимости была единственно разумной и возможной, и католическое крещение язычников, лишив православие надежды на роль господствующей религии, не ущемило прав православного населения». После долгой борьбы, в 1563 году православное население ВКЛ было окончательно юридически уравнено в правах с католическим и протестантским.

После смерти Витовта ВКЛ уже никогда более не достигало вершин политического могущества и не претендовало на роль объединителя всей Руси, постепенно всё более сближаясь с Польшей и следуя в фарватере её политических, религиозных и социально-экономических особенностей. Постепенно литовская знать смешивается с польской, принимает католичество, перенимает польские обычаи, резко расширяет свои права. Стремительно растёт крупное землевладение. На смену общинным и городским земельным угодьям приходят латифундии земельных магнатов, на которых трудится на барщине крестьянство. Шляхта и боярство отрывается от городской общины и сельского населения, оформляется в правящее сословие, подобно тому как в XVI веке городские жители, окончательно отделившись и от шляхты, и от земледельче-

ского населения своих волостей, обретают почетный статус мещан — свободных горожан, несущих определённую службу государству. Единая до того городская община раскалывается на враждующие части, и происходит упадок городского ополчения как главной военной силы. На смену ему приходит шляхетское войско.

В 1566 году Великий князь Литовский лишается права без участия сейма шляхты издавать государственные законы: Великое княжество превращается (как и Польша) в шляхетскую республику. Местные сеймики выбирали делегатов («послов») на великий вальный сейм, причём им давались точные указы (инструкции) с определёнными полномочиями: а потом «послы» отчитывались о деятельности сейма и своём поведении перед избравшими их на сеймиках. На местах (в «поветах») вводится шляхетский суд, идущий на смену общинному.

В ВКЛ (как и в Польше) к XVI веку складывается политический строй, нередко именуемый «шляхетской анархией», при котором шляхта (около десяти-пятнадцати процентов всего населения) через свои самоуправляющиеся организации правила и вершила судьбу всего Великого княжества. Права шляхты вырастали как за счёт ограничения до минимума центральной (великокняжеской) власти, так и за счёт закрепощения основной массы крестьянского населения, превращаемой в крепостных «холопов». Это было связано с тем, что к XVI веку Литва и Польша стали главной «житницей» Европы, важнейшей частью общеевропейского рынка, в избытке поставлявшей на стремительно вступающий в буржуазную эпоху Запад дешёвое зерно. «Издержки» этого процесса всей своей невероятной тяжестью обрушились на крестьянство, переводимое на барщину и лишённое права свободного перехода на новые земли, а также лишённое отныне права (в 1588 году) иметь собственность на землю. Так достигалась дешевизна продаваемого хлеба (путём нещадной эксплуатации земледельцев).

Несмотря на усиление социальной и религиозной розни, неравенства, торжества аристократических институтов, несмотря на формирование сословной структуры общества и ослабление общинных начал в Литве, в ней и в XVI—XVII веках сохранялись многочисленные «низовые» и корпоративные организации, учреждения и образования, основанные на принципах самоуправления и отстаивающие интересы различных групп населения. В их числе были и развивающиеся институты шляхетской демократии (суды, сеймы и сеймики), и городские православные братства, и сельская община, и возникшая, как реакция на закрепощение и религиозную дискриминацию, казачья вольница — Запорожская Сечь, — своеобразная республика, привлекавшая всех недовольных крестьян, горожан и шляхтичей, и устроенная на вечевых, общинных принципах.

А православное крестьянство, церковь, казачество, горожане и шляхта постоянно боролись против своего «второсортного» положения в ВКЛ, добиваясь уравнивания в правах с католиками. Так после смерти Витовта православные поддерживали сына Ольгерда — Свидригайло против сына Кейстута — Сигизмунда, и, хотя последний победил в долгой и ожесточённой борьбе, он был вынужден распространить все права и привилегии на православное население. Уже при Сигизмунде (в середине XV века) знать всех вероисповеданий получила важнейшую привилегию — гарантию личной неприкосновенности (недопущение арестов без законных оснований). На протяжении последующих полутора столетий эта тенденция продолжала усиливаться и достигла своего апогея в 1569 году — подписанием Люблинской унии, по которой Литва и Польша наконец-то соединялись в единое государство — Речь Посполитую (то есть: «Республику»), с общим, совместно избираемым королем, с общим сеймом и общей внешней политикой.

Но и теперь ВКЛ сохраняло свою самобытность: свой великий вальный (общий) сейм, своё войско, свои законы.

Однако в рамках нового объединения выиграла лишь католическая литовская шляхта: русско-литовское крестьянство закрепощалось, города пришли в упадок, православие было оттеснено на задний план, к Польше переходили Киев, Подолия и Волинь (что привело в конце XVI века к экспансии польских панов на новые земли, и, как следствие, — к массовому бегству крестьян и православной шляхты в Запорожскую Сечь и многочисленным казацким восстаниям против усиления социального и религиозного гнёта). В XVI—XVII веках на земли Южной Руси приходят иезуиты, крепостное право и латиница, постепенно вытесняющая кириллицу. По словам С.Г. Пушкарёва: «Часть русской аристократии, стремясь приобщиться к власти и привилегиям господствующего слоя, принимает католицизм и поддаётся полонизации, тогда как другая часть остаётся верна своей вере и народности, и таким образом возникла в Литовско-Русском государстве... национально-религиозная борьба и вражда».

По словам крупнейшего украинского историка начала XX века М.С. Грушевского: «Если литвины, опираясь на католическую Польшу, теснили православных, то православным естественно было мечтать опереться на православную Молдавию и в особенности на Москву, издавна конкурировавшую с Литвой в собирании земель старого Киевского государства... И пока князья литовские покровительствовали старорусской культуре, местной белорусской и украинской жизни и приноравливались к ней,— до тех пор белорусские и украинские земли сами тяготели к ним, и им действительно можно было думать о том, чтобы собрать в своих руках «всю Русь», как выражался великий князь Ольгерд: великие князья литовские чувствовали себя сильнее Москвы. Но когда Литва начала теснить украинско-белорусские элементы и они стали тяготеть к Москве, это сейчас же подняло дух московского правительства, и литовские правители почувствовали его перевес, хотя и не хотели менять из-за этого своей политики — в своих интересах».

Отныне православные князья и магнаты из ВКЛ, недовольные католической экспансией, активно отъезжали в Москву или даже переходили к Москве со своими землями, а навстречу — из Москвы в Литву, напротив, потоком бежали князья и бояре, недовольные ростом самодержавного деспотизма московского князя. За Литву «цепляются» Псков и Новгород, пытаясь отстоять свою свободу перед лицом московской агрессии (но, увы, тщетно!). По мере подчинения Литвы Польше происходит постепенное усиление Москвы, сумевшей в конце XV века поднять выпавшее из рук литовских князей «знамя» объединения Руси.

По словам С.В. Думина: «После смерти Витовта его преемники отказываются от общерусской программы, сосредоточив свои усилия на сохранении целостности этого государства. Переход Гедиминовичей от наступления к обороне совпадает с успехами объединительной политики Москвы». В конце XV — начале XVI века к Москве отходят Верхнеокские княжества (Новосильское, Одоевское, Белевское, Вяземское, Воротынское, Новгород-Северское). С юга Русь Литовскую теснит стратегический союзник Московии — Крымское ханство. А в 1514 году, после долгой и ожесточённой борьбы Москве удалось на время отбить у Литовской Руси Смоленск, а также Брянск, Чернигов и Путивль.

Так неудавшееся и недозавершённое в XIV—XV веках объединение Руси вокруг Вильно привело к тому, что судьбы двух частей древнерусской общности навсегда далеко и безвозвратно разошлись, породив, с одной стороны, великоросский народ и Московское княжество (православное, централизованное, военно-бюрократическое, крепостническое, продолжающее и умножающее монгольские азиатские традиции), а с другой — белорусский и украинский народы (более европейские, частично православные, частично принявшие религиозную унию с католицизмом, живущие в условиях шляхетской демократии, децентрализации, многоэтничности и широких общественных вольностей при

слабом федеративном государстве, но тоже не избежавшие развития крепостничества). Тем не менее, попытки завершить объединение этих двух, разошедшихся столь далеко и в столь противоположных направлениях, но смутно помнивших о былом единстве, частей Киевской Руси, происходили в XVI—XVII веках, например, когда в 1560-е — 1580-е годы Московские цари (Иван Грозный и его сын Фёдор Иванович) претендовали на опустевший польский трон, или в 1611 году, когда юный польский королевич Владислав едва не стал московским государем и едва не объединил обе Руси.

Однако всё чаще на смену союзу и объединению приходит растянувшаяся на три столетия борьба за земли и наследие древней Киевской Руси. При этом, как нередко бывает и с поссорившимися родными братьями и сёстрами, оказавшимися по воле судьбы по разные стороны баррикад, родные народы, вышедшие из одного корня, одной культурной традиции и одного языка, но реализующие противоположные сценарии развития после монгольского нашествия, воспринимают друг друга с удвоенной враждебностью. Причём, если в XIV—XVI веках в этой борьбе по «перетягиванию исторического каната» явно лидировала и доминировала Литовская Русь, то в XVII—XVIII веках перевес всё более оказывается на стороне Монгольской (Московской, а потом и Петербургской) Руси. В середине XVII века восстание украинского казачества приведёт к переходу части земель (по левому берегу Днепра) к Московскому царству, а попытка казаков создать собственное независимое государство будет беспощадно подавлена Москвией. В конце XVIII века усилившаяся Петербургская Империя и вовсе уничтожит Речь Посполитую, на сто лет оккупировав и захватив польские, литовские и русские земли, входившие в эту федерацию. По словам С.В. Думина: «Лишь в конце XVIII в. «железом и кровью» присоединены будут белорусские и литовские земли к Российской империи». Этот, поистине тектонический, разлом между двумя частями Руси, зафиксировав возможные

альтернативы исторического развития, надолго станет во многом определяющим в судьбе всех наследников Киевской державы Рюриковичей.

Многие современные историки, сравнивая Русь Монгольскую (Залесскую) и Русь Литовскую, говорят о важной «развилке» и альтернативах в историческом развитии Руси. Так А.Ю. Дворниченко отмечает: «Здесь мы имеем определенную альтернативу в политическом развитии Восточной Европы. Русское государство, которое могло здесь возникнуть, было бы, вероятно, гораздо более демократичным, чем более позднее государство на этой территории — ведь оно возникло бы на основе тех земель, которые в наибольшей степени сохранили древнерусские общинные демократические традиции». Но, после многовековых колебаний и драматической борьбы, восторжествовала иная тенденция — курс литовской элиты на Польшу, католицизм, усиление крупного землевладения, зернового рынка, курс на закрепощение крестьян и на всевластие шляхты. Поэтому, хотя в XIV — первой половине XV века именно Русь Литовская лидировала, как общепризнанный центр объединения Руси, защищала русские земли от татар и крестоносцев и превосходила других потенциальных претендентов на эту роль, этот исторический шанс был, к несчастью, упущен и перехвачен Монгольской (Московской) Русью в конце XV—XVI веках. Принятие католичества в качестве официальной религии правящей династии означало поворот Литовской Руси на Запад и увековечивало политический, экономический и культурный раскол русских земель.

Тем не менее и в XVI—XVII веках восточнославянское население ВКЛ продолжало обоснованно считать «Русью» именно своё государство, называя жителей северо-востока по столицам земель и княжеств: «тверичами, москвичами» и т.д., тогда как «русскими» для православных жителей Литвы были, прежде всего, они сами. И в самом деле, ВКЛ и вобрало в себя куда более значительную часть древнерусских

земель, и сохранило в более первозданном виде язык, законы, культуру, традиции, социальные институты Древней Руси, чем Монгольская Русь.

Как справедливо констатирует С.В. Думин: «История Великого княжества интересна для истории России, в частности, как альтернативный вариант развития её государственного строя у восточных славян... В общественном строе, в судебных делах западнорусских земель следы древнерусской традиции проявлялись нередко отчетливее и ярче, чем во Владимирской Руси. В развитии обеих держав можно отметить некоторые черты сходства, даже прямого заимствования... Почти одновременно (в конце XVI в.) завершается в них закрепощение крестьян. Но различия в политическом строе, а затем и религиозные различия все больше «разводят» эти государства... Московские князья, особенно со времён Ивана III, активно разрушают сложившиеся ранее структуры уделов, «выводят» из них местных феодалов, ликвидируют (как это было в Новгороде и Пскове) городские свободы. Правительство Великого княжества Литовского и Русского идёт совсем по другому пути. Сложившись как федерация в результате компромисса между местными феодалами и литовской династией, Великое княжество предлагает своим новым подданным гарантию сохранения «старины», т.е. прежних форм собственности, местного уклада, политических прав населения (разумеется, при условии признания своей верховной власти и участия в общегосударственных делах, прежде всего военных походах).» В то время как Московская Русь шла по пути неуклонного усиления центральной власти (за счет бесправия всех подданных и уничтожения общества), Русь Литовская шла по пути её ослабления и усиления федеративно-договорных начал. В Московской Руси происходила отмена институтов местного самоуправления и городских вольностей, доминирование православной церкви (сросшейся с княжеской властью, абсолютно нетерпимой ко всем прочим конфессиям и исповедующей националистически-ксенофобские идеи).

В Литовской Руси, напротив, права городов укреплялись и проводилась политика веротерпимости (не без сбоев и конфликтов, разумеется).

По замечанию С.В. Думина: «В строе Великого княжества, первоначально очень «традиционном» и даже консервативном, всё более отчётливо заметно влияние «общеευропейских», прежде всего польских образцов. Его строй в конце XIV — первой половине XVI веков трансформируется от почти неограниченной монархии к шляхетской демократии... Вряд ли стоит идеализировать строй шляхетской демократии, но, с другой стороны, нет нужды... видеть в самодержавии, абсолютизме единственный вариант развития, способный сохранить мощь и силу государства... Опыт Великого княжества Литовского и Русского показывает, что на восточнославянских землях было возможно создание не только азиатской деспотии Грозного, но и достаточно эффективно функционировавших демократических институтов многонационального государства, в течение длительного периода довольно успешно решавшего свои многочисленные проблемы.»

Несколько раз, на протяжении XIII—XV веков весьма возможно было окончательное объединение всей Руси и, по обоснованному мнению С.В. Думина, «вплоть до XV в. подобный вариант развития восточнославянских земель был возможен лишь на основе политической программы великого княжества Литовского и Русского».

И какова бы тогда была история Руси? Вопреки общепринятому мнению, «сослагательное наклонение» в исторической науке не только допустимо, но и необходимо, поскольку в противном случае историческое развитие представляется плоско-фаталистическим, теряется многомерность понимания истории, все палачи подучают оправдание, а все герои и жертвы обрекаются на забвение. С.В. Думин правомерно ставит перед собой этот вопрос и так отвечает на него: «Что мог бы дать Руси предложенный Гедиминовичами вариант объединения? Быть может, иные формы государственного устрой-

ства (вместо самодержавия — сословное представительство, сохранение региональных особенностей в течение более длительного времени), свержение ордынского ига раньше, чем это произошло в действительности, выход к Балтике за три-четыре века до Петра I, более смелое включение в местную культуру западноевропейских элементов, решительное восстановление разорванных ордынским нашествием связей с Западной Европой. Существовала ли при этом сколько-нибудь реальная угроза восточнославянской самобытной культуре? Разумеется, нет... На русском языке велось всё делопроизводство великокняжеской канцелярии, местных органов власти (в том числе и в коренной Литве). Можно себе представить, какое колоссальное влияние на культуру этого государства оказало бы присоединение к нему и Северо-Восточной Руси!»

Увы, этого не случилось. Ольгерд не смог взять Кремль. Витовт потерпел сокрушительное и невероятное поражение на Ворскле. Исторический шанс Руси был безвозвратно упущен. С.В. Думин отмечает: «Московская Русь в XIV в. оказалась неспособной помешать успехам Гедиминовичей на западе и юге Руси; но её сил было достаточно для того, чтобы воспрепятствовать завершению объединения русских земель вокруг Вильно. Для того, чтобы выстоять в этой борьбе, от московских князей, однако, требовалось напряжение всех сил. В отличие от правителей Великого княжества, потомки Калиты проводили достаточно «жёсткую» политику. Репрессии, а не льготы и уступки утверждали их власть в захваченных удельных княжествах и феодальных республиках.» Соппротивление церковных иерархов, московских князей и помощь Орды помогли Москве утвердиться как региональному центру сепаратистского движения на Северо-Восточной окраине Руси и, расколов страну на две неравные части, со временем превратиться в новую империю — наследницу Орды и Византии.

Предпринятое сравнение Руси Литовской и Руси Монгольской не только выявляет возможные (но далеко не всегда реализованные) альтернативы русской истории,

но и объясняет то бескомпромиссное ожесточение, с которым эти братские народы и наследники Киевской Руси вели смертельную борьбу между собой в XIV—XVIII веках, — борьбу, во многом определившую внешнюю политику и внутривнутриполитическую историю этих стран.

Другая (забытая) Русь?

Как хорошо известно, историю пишут победители. Поэтому нет ничего удивительного в том, что вопрос о существовании **другой** Руси — Литовской — принципиально и последовательно альтернативной Монгольской (Московской) Руси, и способной объединить Русь на принципиально иных основаниях, часто даже не ставится в исторической науке, с порога отрицающей возможность альтернатив в истории и полагающей, что правота всегда — за сильнейшим и победившим.

По словам С.В. Думина, до сих пор в России существует — и мешает познанию исторической истины — «традиция рассматривать историю взаимоотношений Московской Руси с её западной соседкой именно с «московской колокольни». До сих пор немало историков убеждено, что население Южной и Западной Руси вполне разделяло московскую программу объединения и с нетерпением ожидало момента, когда власть литовская, (чужеземная) сменится властью московской (родной и любимой). Одни и те же явления оценивались и оцениваются историками по-разному — в зависимости от того, в какой части Руси они происходили.

Так, например, с точки зрения большинства авторов отъезда в Москву вассалов Литовского великого князя должны были свидетельствовать, разумеется, о популярности идеи общерусского единства, отстаиваемой потомками Калиты. Бегство в Литву тверских, рязанских и прочих князей и бояр (в том числе родственников московской династии) считается, однако, явлением принципиально иным, доказывающим лишь сохранение феодальной оппозиции прогрессивной централизаторской политике тех же московских князей.

Бегство, скажем, белорусских крестьян в Великороссию считалось и считается до сих пор доказательством их стремления к воссоединению Белоруссии с Россией. Массовое бегство русских крестьян в противоположном направлении (вплоть до XVIII в.), конечно, не доказывает равным счетом ничего, кроме обострения классовой борьбы. Присоединение мелких княжеств к московским владениям всегда считалось явлением глубоко прогрессивным. Рост владений великого княжества Литовского историков, как правило, глубоко огорчает, поскольку тем самым отдалялось осуществление Москвой ее исторической миссии. И, разумеется, московские князья предстают при этом «собирателями», а литовские князья — чужеземными завоевателям, разорителями, «находниками».

4.3. Русь Монгольская: Москва или Тверь? (XIV век: 1303—1389)

В XIII—XV веках на территории части Руси, подвластной Орде (Залесской, Северо-Восточной Руси) начинает формироваться великоросский этнос, всё более противопоставляющий себя Руси Литовской и объединяемый вокруг православной церкви (крайне нетерпимо относящейся к «латинству» и более терпимо — к «поганству» и «басурманству») и всё более деспотических форм социально-политической организации.

В наше время в исторической науке и в массовом сознании всё ещё зачастую бытуют мифы о том, что весь XIV век проходил под знаком «объединения Руси» и «свержения монгольского ига», а также о том, что с самого начала будто бы роль такого объединителя была предназначена Москве. Однако это в корне неверно.

В действительности речь тогда не могла идти о свержении ига (ибо его необходимость и легитимность обосновывала церковь, а князья пользовались покровительством

Золотой Орды для усиления своей власти над русским населением). И речь шла вовсе не об «объединении» Руси, а лишь о доминировании на Северо-Востоке Руси. Орудиями такого доминирования были, во-первых, получение (из рук ханов) ярлыка на Великое княжение Владимирское, во-вторых, установление политического и финансового контроля над Новгородом (самой богатой территорией на Монгольской Руси той эпохи) и, в-третьих, расширение и обогащение собственного княжества за счёт ограбления других. Аргументами в этой борьбе за гегемонию были и военная сила, и древнее «лествичное право», и соперничество за симпатии ханов Орды (при помощи неуклонного увеличения дани с Руси), переманивание князьями друг у друга бояр, и привлечение к себе поддержки церковных иерархов. По словам современного историка Л.М. Ляшенко: «Борьба за Владимирский престол не являлась схваткой сторонников и противников единства Русского государства. В ней решался достаточно частный вопрос, какое из княжеств станет ядром будущего объединения». И всё же с этим «частным вопросом» был связан и другой, более важный, — о том, как, по какому пути будет развиваться новое государство, на каких принципах оно будет строиться.

По словам С.Ф. Платонова: «Добиться владимирского княжения для князей теперь значит добиться материального обогащения и авторитета «великого князя».» Контакты с Золотой Ордой были важной привилегией великого князя — не зря он писал в грамотах к удельным князьям: «мне знать Орду, а тебе Орды не знать». Конечно, поездки в Сарай были небезопасны и требовали больших денежных затрат. Зато — к услугам Великого князя Владимирского были право сбора дани с русских земель, татарские полки и широкие полномочия от ордынской легитимной «царской» власти, которые редко кто из горожан или других князей мог осмелиться оспорить.

В Монгольской Руси в XIV веке окончательно укрепляется система княжеств с постоянными династиями местных правителей-монархов. Если раньше вся Русь считалась родо-

вым владением Рюриковичей, а князья легко переходили с княжения на княжение (по старшинству или по призванию городов-государств), то отныне князья передают власть (всё более возрастающую) в княжествах своим детям и смотрят на свои земли, как на вотчины — постоянные владения семьи. А значит, князья всеми средствами пополняют свою казну, приращивают к своим княжествам новые земли, строят храмы и города, привлекают на подвластные им территории переселенцев — бояр и крестьян, покровительствуют новым монастырям. На смену запустевшему плодородному югу Руси (ставшему на четыре столетия Диким Полем) под влиянием набегов татар и усиленной колонизации дикого Севера, поднимаются новые княжества в Залесской Руси: Переяславское, Нижегородско-Суздальское, Московское, Тверское...

Как верно отметил британский историк Г. Кенигсбергер, «возвышение Москвы отнюдь нельзя считать чем-то заранее предreshённым: здесь нужна была удача в сочетании с той взвешенной и последовательной политикой, которую вели способные московские князья из рода Рюриковичей». Совершенно несправедливо было бы полагать, что Северо-Восточной Руси было с самого начала «суждено» объединиться вокруг Москвы, и что это объединение было и единственно возможным и вполне прогрессивным. На деле были возможны различные пути и центры объединения Руси. Каковы же были реальные кандидаты на эту роль?

Из этого списка следует сразу исключить Новгородскую республику — самую богатую и обширную территорию, находившуюся лишь в частичной зависимости от Орды. (Под иго Великий Новгород принудительно привёл князь Александр Ярославич (Невский)). Новгород всегда стремился лишь к экономической, а не к политической экспансии на Руси. Он был больше повёрнут на Запад — к немцам, датчанам и шведам, чем на Восток — к «низовской Руси» и беспокоился лишь о бесперебойном подвозе оттуда хлеба да о сохранении своих вольностей перед лицом настырного натиска Великих

князей Владимирских, но никак не об объединении страны. По справедливым словам Б. Кагарлицкого, «Новгород вполне удовлетворялся ролью периферии немецкой Ганзы, её восточного форпоста».

Одно время на роль центров Залесской Руси претендовали Рязанское, Нижегородско-Суздальское и Переяславское княжество. Переяславские и суздальские князья даже какое-то время владели Владимирским престолом, но это продолжалось недолго. Все они находились в опасном соседстве с Золотой Ордой, принимали на себя первые удары татарской конницы и регулярно подвергались страшным разгромам, а потому так и не смогли удержать свою роль лидера.

Наиболее реальным и оптимальным центром объединения и освобождения всей Руси на протяжении XIV—XV веков оставалось Великое княжество Литовское и Русское, но, по причинам, описанным выше, оно, к несчастью, так и не смогло завершить это начатое им нелегкое дело. Наконец, в начале XIV века в борьбу за гегемонию — если не во всей Руси, то в Руси Монгольской (Северо-Восточной) вступили два новых наиболее серьезных «игрока»: Тверь и Москва.

Тверь изначально имела куда более предпочтительные шансы стать будущей столицей Руси, чем Москва. И прекрасное расположение — максимально далеко от Орды, на Волге, на торговых путях, по соседству с Новгородом, — и наличие здесь, начиная с 1260 года, епископской кафедры — всё способствовало стремительному политическому, экономическому и культурному взлёту Твери.

Первое упоминание о Твери в летописи относится к 1207 году. В 1247 году здесь появилось удельное княжество. А уже в 1264—1271 годах тверской князь Ярослав Ярославич был Великим князем Владимирским. Именно в Твери в 1285—1290 годах впервые на северо-востоке Руси после Батыева нашествия возобновляется каменное храмовое строительство. Богатая, независимая, с мощным купечеством и славным княжеским родом, Тверь к началу XIV века оказывается

признанным лидером Северо-Восточной Руси. Она опирается и на законное право старшинства, и на мощь и богатство собственного княжества, и на поддержку всей Владимирской земли. В 1293 году, во время «Дюденовой рати», татары, приведённые на Русь сыном Александра Невского Андреем, разрушили Владимир, Суздаль, Москву и Переяславль, но они не решились напасть на могучую Тверь, в которую собрались (и затем остались в ней) беженцы с других земель. Когда в 1304 году тверской князь Михаил Ярославич получил (по закону и с согласия всей земли) Великий стол Владимирский, многие видели в Твери центр объединения Залесской Руси.

Однако именно в этот момент в погоню за лидером включается Московское княжество. Москва, бывшая ещё в XII веке большим селом на границе между суздальскими и черниговскими землями, укрепленным пунктом на юго-западных рубежах Суздальского княжества, лишь во второй половине XIII века стала крошечным удельным княжеством. Постоянная княжеская династия здесь начинается в 1263 году с младшего сына Александра Невского — Даниила, который, в качестве ребёнка и младшего сына и получил в удел это захолустное княжество.

Будучи маленьким городком, Москва обычно доставалась младшим представителям княжеских династий, которые, будучи не в силах тягаться на равных с сильными соперниками, потому развивали в себе необузданный инстинкт накопительства и стяжательства. Покупки, колонизация, захваты, дарения понемногу увеличивали надел московских князей. По словам историка А.Л. Юганова: «Целеустремлённое накопительство — тот фундамент, на котором возникло будущее строение» Московского государства.

Следует указать на такие факторы, способствовавшие постепенному усилению Московского княжества и его вступлению в борьбу за власть над всей Монгольской Русью, как: удачное (срединное) географическое положение, целеустремлённая накопительская, «скопидомская» политика

первых князей, неуклонная поддержка со стороны Золотой Орды своих московских слуг, опора на иерархов православной церкви и бояр, новые принципы передачи власти и собственности, способствующие их неуклонной концентрации и росту в роду Даниила Московского.

Рассмотрим эти факторы несколько подробнее. Географически Москва располагалась хотя и не столь удобно, как Тверь, но тоже довольно удачно — между «верхневолжским севером» и «днепровским югом». Река Москва связывает волжский и окский водные пути. Со всех сторон Москва защищена от неприятеля другими княжествами: Смоленским, Рязанским, Ростовским, Ярославским, Суздальско-Нижегородским, что приводило к оседанию в этих диких неудобных лесных и болотистых местностях беглецов с окраин Залесской Руси. На протяжении семидесяти лет — с конца XIII до середины XIV веков — московское княжество почти не подвергалось вражеским набегам и вторжениям. Спасаясь от татар, массы людей бежали с черноземного юга на дикий север и северо-восток, в лесные и болотистые районы Руси. Как образно выразился В.О. Ключевский: «В Москву, как в центральный водоём, со всех краев Русской земли, угрожаемых внешними врагами, стекались народные силы».

А С.Ф. Платонов писал: «Народ шёл на московские земли, и московские князья строили для него города, слободы, сёла. Они сами покупали себе целые уделы у обедневших князей... и простые сёла у мелких владельцев. Они выкупали в Орде русский «полон», выводили его на свои земли и заселяли этими пленниками, «ордынцами», целые слободы. Так множилось население в московских волостях, и вместе с тем вырастали силы и средства у московских князей... К московским князьям приезжало много знатных слуг, бояр со своими дружинами, с юга и из других уделов Суздальских. Поступая на службу к московским князьям, эти слуги усиливали собой знать московскую, но и сами, служа сильному князю, улучшали свое положение и становились ещё знат-

нее. Быть слугой и боярином великого князя было лучше, чем служить в простом уделе; потому слуги московских князей старались, чтобы великое княжество всегда принадлежало Москве». Так бояре, наряду с Ордой и церковью, стали надёжной опорой власти московского князя.

Положение этнографического центра складывающегося великоросского этноса, занимаемое Москвой, с выгодой использовалось московским князьями. Подытоживая факторы, обеспечившие успех Москвы в борьбе за лидерство, Л.М. Ляшенко отмечает: «её географическое положение (срединное), дающее ей и население, и средства... личные способности первых московских князей..., их политическую неразборчивость и хозяйственность... сочувствие к Москве высшего духовенства... Свою роль сыграла и политическая близорукость Золотой Орды... а также отсутствие по-настоящему сильных соперников... Нельзя обойти вниманием и сочувствие, проявленное к Москве русским боярством, которое всегда стремилось встать на сторону сильного и удачливого».

В.О. Ключевский ярко рисует «фамильный тип личности» первых московских князей: посредственность, «без признаков как героического, так и нравственного величия» (это были «средние люди древней Руси»), нежелание и неумение вести войну, клановая солидарность, целеустремлённость и скопидомство. Будучи младшими князьями в роду Мономаховичей и потому не имея никаких законных оснований для претензий на власть над Русью, московские князья решительно отвергли традицию, введя на место «лествичного права» — «право силы» и «право», опирающееся на волю ордынского хана. По словам В.О. Ключевского: «Благодаря тому, московские князья рано вырабатывают своеобразную политику, с первых шагов начинают действовать не по обычаю, раньше и решительнее других сходят с привычной колеи княжеских отношений, ищут новых путей, не задумываясь над старинными счётами, над политическими преданиями

и приличиями... Они являются зоркими наблюдателями того, что происходит вокруг них, внимательно высматривают, что лежит плохо, и прибирают это к рукам», а затем, «начав своё дело беззастенчивыми хищниками, продолжают его мирными хозяевами, скопидомами, домовитыми устроителями своей земли».

Московский князь XIV века — тип «крепкого хозяйственника» с чрезвычайно развитым «хватательным рефлексом» накопителя и беспринципного интригана, переманивающего к себе людей с соседних земель, всеми силами выслуживающегося перед ханами Орды, привлекающего церковных иерархов своим хлебосольством и почтением и беспощадного к населению всех прочих русских земель. По словам В.О. Ключевского: «Можно различить пять главных способов, которыми пользовались московские князья для расширения своего княжества: это были скупка, захват вооружённый, захват дипломатический с помощью Орды, служебный договор с удельным князем и расселение из московских владений за Волгу».

Рассмотрим теперь, как ничтожное и крошечное княжество на границе суздальских земель накопило свою силу и вступило в борьбу с самой Тверью за господство над Залесской Русью. Пока старшие братья Даниила Александровича Московского Дмитрий и Андрей, подобно их отцу Александру Невскому, опустошали Русь татарскими ратями в борьбе за вожделенный Владимирский стол, Даниил непрерывно укреплял основу собственной силы — наследственное владение, свой удел-вотчину. По замечанию С.Т. Жуковского и И.Г. Жуковской: «Даниил первым из наследников Александра Невского понял, что в конечном счёте прочной победы добьётся тот князь, который сумеет расширить, укрепить, сплотить и передать детям земли, на владение которыми не нужно испрашивать разрешения в Орде». Даниил укреплял Москву и окрестные городки, собирал вокруг себя полностью зависимых от него и преданных ему бояр, привлекал иерархов церкви, накапливал богатства в казне

(его сыну, князю Ивану Калите, будет принадлежать уже 50 сёл с пашнями и лугами, а митрополит и вовсе поселится в хлебо-сольной и безопасной Москве).

В 1301 году Москва впервые вышла на большую дорогу территориальных приобретений, хитростью и обманом захватив Коломну у рязанского князя Константина. Сам рязанский князь был вероломно захвачен москвичами и позднее зверски убит, по приказу московского князя Юрия. В 1302 году Даниил овладел Переяславлем (завещанным ему умершим племянником — бездетным князем Иваном Дмитриевичем) и сумел удержать его в схватке против Твери.

А в 1303 году, когда Даниил умер, его сын, новый московский князь Юрий Красный (столь же властолюбивый, сколь жестокий и беспринципный) также внезапно напал на Можайского князя и захватил его удел. Так за три года Московское княжество выросло в три раза по территории и установило контроль над землями по всему течению реки Москвы.

Эти ловкие стремительные захваты позволили московским князьям ввязаться в неравный и ожесточённый спор с самими тверскими князьями за Великое княжение владимирское. В этой долгой, упорной и кровавой борьбе, по справедливой характеристике В.О. Ключевского, «на стороне тверских князей были право старшинства и личные доблести, средства юридические и нравственные; на стороне московских были деньги и умение пользоваться обстоятельствами, средства материальные и практические».

До 1302 года Тверь и Москва выступали, как союзники в борьбе против Переяславля — тогдашнего (в последней трети XIII века) лидера Залесской Руси, причём Тверь была «старшей» в этом союзе, а Москва играла вторые роли. Но в 1302—1304 годах всё меняется, и между вчерашними союзниками начинается ожесточённая, смертельная борьба, растянувшаяся на три четверти века! Москва силой захватывает Переяславль (на который претендовала Тверь), но тут умирает Даниил Московский, и на его место приходит сын Юрий Красный (1303—1325).

После смерти в 1303 году Даниила (так и не успевшего побывать на великокняжеском престоле во Владимире) его сыновья и вообще потомки по лествичному праву автоматически лишались навсегда возможности даже теоретически претендовать на великое княжение. Это княжение — и по праву старшинства и по праву силы, перешло в руки тверского князя Михаила Ярославича. Михаил был выдающимся дипломатом, замечательным политиком и полководцем, главой сильнейшего княжества в Залесской Руси и законным обладателем великокняжеского престола. Он первым начал именоваться «великим князем всея Руси», подчеркивая этим как общерусский характер своей власти, так и то, что источником её было «лествичное право», а не воля ордынцев. По словам АЛ. Юрганова: «Сама постановка вопроса о суверенности, независимости власти русских князей означала одно — непризнание ханского диктата». Таковым Михаила признали и русские княжества, и хан Золотой Орды Тохта. Однако князь Юрий Красный московский в 1304 году оспорил право Михаила Ярославича на великое княжение.

В завязавшейся борьбе за Владимир и контроль над богатым Новгородом тверской князь апеллировал к своему старшинству, законному авторитету, и вёл довольно независимую от Орды политику, тогда как московский князь, не имея других ресурсов, апеллировал к Орде, обещая увеличить «выход» с русских земель и не останавливаясь перед провокациями и доносами. Как это ни парадоксально, именно явное превосходство Твери среди русских земель и её независимая позиция в отношении татар стала одной из главных причин её поражения в борьбе за лидерство. Против Михаила Тверского выступили не только Юрий Московский, но и свободолюбивые новгородцы, опасющиеся Твери, и хан Орды, побаивающийся слишком независимого русского князя. К тому же Михаил вступил в затяжной конфликт с главой православной церкви на Руси: после смерти митрополита он попытался посадить на митрополию кафе-

дру своего ставленника, но в итоге митрополитом стал Пётр (из галицко-волынских земель), противник тверского князя, а значит, — автоматически — союзник Москвы.

Таким образом, могучая и гордая Тверь неожиданно оказалась одновременно втянута в конфликты с Москвой, Новгородом, Ордой и церковью. И, хотя Михаил Ярославич разбил в битве новгородцев и, перекрыв доступ хлеба, заставил их принять своего наместника, и победил на войне Юрия Московского, его положение серьезно осложнилось. Юрий сумел убедить нового великого ордынского хана Узбека в том, что Михаил недоплачивает дань в Орду и добился того, что хан Узбек выдал свою сестру Кончаку (в крещении — Агафью) замуж за него, Юрия, и передал ему ярлык на Великое княжение Владимирское, послав с ним на Русь татарское войско. В 1317 году с ханским ярлыком на Владимир и ордынскими ратями Юрий Данилович, торжествуя, вернулся на Русь и решил, воспользовавшись ситуацией, добить своего ненавистного соперника. С московским и татарским войском он вторгся в пределы тверской земли.

Михаил Ярославич признал Юрия великим князем, но не мог без боя отдать Тверь на разграбление москвичам и ордынцам. В 1318 году (за 60 лет до Куликовской битвы!) под селом Бортенево (у Твери) он наголову разбил московско-татарских захватчиков. В плен попала и жена Юрия, сестра хана Узбека Кончака-Агафья. Вскоре она заболела и умерла в тверском плену. После этого Михаил с почестями принял татарского посла, сопровождавшего Юрия, уверив в своей послушности и лояльности хану. Так он продемонстрировал и военное мужество, и готовность постоять за свою землю, и достоинство, и принципиальность, и дипломатические способности. Впервые на Руси татары и их приспешники получили достойный отпор. Юрий Московский снова прибег к проверенному и беспроектному способу — доносу в Орду. Он обвинил Михаила в сопротивлении Сараю, недоплате дани, отравлении Кончаки (если первые обвинения имели под собой основание, то последнее было явно абсурдным и нелепым).

Одержав очередную впечатляющую победу на поле брани, Михаил вновь признал Юрия Московского великим князем, отказался от претензий на власть в Новгороде и заверил хана в покорности. Но ему не верили, подозревая в нелояльности Орде. Юрий Московский обещал Сараю полную покорность и существенное увеличение дани с русских земель по сравнению с той, которую собирала Тверь. Михаил был вызван в Орду на суд и, хорошо осознавая, что это для него означает, всё же поехал — жертвенно пострадать за Тверь, за Русь, не допустить опустошительного татарского нашествия. Там он по навету Юрия был обвинён в противостоянии Москве и татарскому войску, в отравлении Кончаки и в утаивании дани, и затем был зверски убит (и вскоре причислен к лику святых, как мученик). Разумеется, слабый, подлый, беспринципный, покорный и готовый платить любую цену за власть над Русью Юрий Данилович был милее хану, чем независимый, отважный и могучий тверской князь, разбивший непобедимых татар и их слуг — москвичей на поле брани.

Однако всё это ещё не означало победы Москвы в споре с Тверью. Гибель Михаила Ярославича оказалась для Юрия Красного «пирровой победой». В 1322 году новый тверской князь Дмитрий Михайлович (сын замученного князя-праведника) получил от хана Узбека ярлык на великое княжение. Лидирующая роль Твери на Руси сохранялась и признавалась, как русскими землями, так и монголами. В 1325 году, приехав в Орду и встретив в ставке хана Юрия Даниловича — убийцу своего отца, молодой и пылкий тверской князь (не зря прозванный «Грозные Очи») не сдержался и... убил его прямо на глазах монгольского владыки! И сам, в свою очередь, был казнен ордынцами (за самосуд при ханском дворе). Впрочем, ярлык на Владимирское Великое княжение (и доминирование на Северо-Востоке Руси) по-прежнему постоянно оставался за Тверью. Он перешел к брату Дмитрия — Александру Михайловичу Тверскому. И своей силой, и авторитетом,

и законными правами Тверь продолжала однозначно превосходить Москву, оставаясь центром объединения Залесской Руси и оплотом антимонгольского сопротивления — чаще скрытого, а порой и явного.

Решающий акт трагической драмы московского и тверского противостояния произошел в 1327 году. Хан Узбек решил возродить на Руси систему баскаков — татарских правителей и сборщиков налогов. В Тверь прибыло большое татарское посольство во главе с Чол-ханом (Щелканом народных песен и преданий), которое начало вытворять всякие бесчинства, заняло княжеский терем и нещадно обижало и грабило горожан. Попытка монголов отобрать на улице у священника кобылу привела к взрыву. Тверичи, во главе со своим тысяцким, не стерпели — подняли восстание. К ним присоединился и отважный князь Александр Михайлович. Он не подавил железной рукой восставших горожан (как обычно делали более «прагматичные» и беспринципные князья, начиная с Александра Невского и кончая его московскими потомками и продолжателями), а позволил им сжечь отряд татар в своём собственном тереме.

За этот героический акт антиордынского сопротивления и солидарности князя с тверичами расплата последовала немедленно. Восстание в Твери, которое, всколыхнув Русь, могло бы послужить сигналом к успешному общерусскому выступлению против ига татар, не было поддержано Москвой. Напротив, новый московский князь Иван Данилович (брат убитого Юрия) радостно поспешил с очередным доносом в Орду и привёл оттуда татарское войско. Московско-татарские отряды дотла сожгли Тверь и вырезали её жителей. После этого страшного удара Тверь так никогда и не смогла вполне оправиться и подняться. Татары и москвичи, по скупым словам летописца, «просто речи, всю землю русскую положиша пусту» — то есть опустошили до крайности. Тверской князь Александр бежал в Псков, но, по приказу из Орды и Москвы, митрополит Феогност отлучил от церкви всех псковичей (!) за сопротивление

законной татарской власти, требуя выдачи непокорного князя на суд монголов. Однако героическое восстание тверичей привело к полной отмене системы баскачества на Руси.

В награду за лояльность и услужливость Иван Московский получил-таки вождеденный ярлык на великое княжение Владимирское и право сбора дани для хана. Этим своим правом Иван, не зря прозванный народом Калитой (Калита — кошель с деньгами) воспользовался сполна, и энергично взялся за дело, жесточайшим образом грабя, разоряя и опустошая соседние княжества и, удвоив выход дани в Орду, одновременно пополнял собранными средствами собственную казну. Так, московские сборщики дани однажды ворвались в древний Ростов, бунтующий против татар, и задолжавший ордынский «выход». Они устроили в нём чудовищный погром и резню, отнимая у жителей последнее под предлогом сбора дани в Орду. Главного боярина Ростова — Авраамия — они повесили вниз головой на площади в устрашение населению (после чего город обезлюдел и вскоре был захвачен Москвой). Иван Данилович Калита добился существенного увеличения дани, выплачиваемой Новгородом татарам.

Сочетая беспощадность, лесть, интриги, хищничество, доносы, скопидомство и жестокость, верный слуга Золотой Орды — Иван Калита выжимал все средства из русских княжеств, добиваясь возвышения Москвы за счёт разорения всей остальной Руси. Такая эффективная налоговая политика Ивана I привела не только к прекращению набегов татар на Русь на несколько десятилетий, но и к чудовищному повсеместному голоду, постигшему русские княжества в 1334—1335 годах и унесшему многие десятки тысяч жизней (известны были даже массовые случаи людоедства). Ведь и ордынские ханы с вельможами и бесчисленными женами ждали выплаты удвоенной дани и «подарков» сверх дани, и церковных иерархов надо было одаривать, да и в московскую казну кое-что отложить.

По словам А.Л. Юганова: «Иван Калита требовал с подвластных земель не «выход» по старине, а значительно больший налог. Иначе и быть не могло: чем ещё понравиться Узбеку?... Московский князь, как никто другой, отвечал требованиям «служебника» хана: рабскую покорность компенсировали жестокость и немилосердие в отношении «христиан», пытавшихся отстоять свою независимость... Учитывая стремление московского князя давать Орде больше других князей, можно представить, какой ценой доставался прибыль собственнй. Так что... не милосердием сохранял авторитет Иван Калита, а жесточайшим корыстолюбием — только оно давало возможность выжить и победить». (Не зря в духовной грамоте (завещании) Ивана Даниловича так любовно и скрупулезно перечисляются все пояса, сосуды, ожерелья и золотые цепи, которые он оставлял своим наследникам!).

На скопленные таким чудовищным путём деньги Иван Калита потихоньку прикупал к Московскому княжеству новые земли (в частности, купил целых три небольших княжества: Углицкое, Галицкое и Белозерское). Подавляющая же часть денег шла на подкупы в Орде. Так, когда хан Золотой Орды решил простить Александра Михайловича Тверского, вернувшегося на свою родину, и вызвал его с сыном в Сарай, Иван Калита, дав баснословно фантастические взятки ордынским вельможам, сумел добиться умерщвления Александра Михайловича и его сына Фёдора, которых постигла мученическая участь их отца и деда — Михаила Тверского, а также брата и дяди — Дмитрия Грозные Очи. В 1339 году их, вняв настойчивым просьбам и уговорам Ивана Калиты, в Орде «розоимаша по частям» (то есть разрубили на куски). Платой за это убийство было окончательное разорение и опустошение Залесской Руси московскими данщиками. Московское серебро, а также политическая и географическая близость Твери к Литве — главному центру антиордынской борьбы на Руси — предрешили страшную и трагическую судьбу тверского княжеского дома. Так, за двойную дань с Руси случилась,

по замечанию А.Л. Юрганова, «страшная по своей жестокости и бесчеловечности смерть русских князей... — едва ли не самый приятный подарок для Ивана Калиты».

События 1327 года, изменившие в пользу Москвы расклад сил в Монгольской Руси, явственно продемонстрировали, что, в то время как Тверь последовательно выступала центром сопротивления монгольскому игу, а её князья проявляли мужество, принципиальность и жертвенность, Москва являлась в XIV веке центральным проводником ордынской политики на Руси, послушным орудием в руках ханов, а её князья демонстрировали крайнюю беспощадность, жестокость, своекорыстие и раболепие. Именно так закладывались не только основы московского господства в Залесской Руси, но и главные принципы последующей московской политики. Власть над Русью, обеспечиваемая ярлыком на Великое Владимирское княжение и правом сбора дани для Орды, в свою очередь, позволяла Ивану Калите обогащаться и тратить полученные за счет крови русского народа богатства на взятки в Сарае, давание денег займы под проценты, и покупку новых земель. Вырученные деньги шли на подкуп ордынских вельмож, щедрые подарки церковным иерархам и привлечение в Москву бояр. В то время, как другие княжества Руси были разорены и опустошены ретивыми московскими сборщиками дани и приходили в упадок, Московское княжество усиливалось, распухало и богатело.

Как отмечает Б. Кагарлицкий: «в XIV веке Москва поднимается главным образом как признаваемый татарами административный центр — благодаря хитрости, а в известном смысле и национальному предательству князя Ивана Калиты, который взялся для хана собирать дань с других русских князей... Как известно, князь Московский Иван Калита, прежде чем стать собирателем земли Русской, стал сборщиком податей для татар. Метод Калиты был прост до гениальности: князья, не имевшие средств на выплату дани, получали от него ссуду, но расплачиваться за это им приходилось своими землями».

Иван Калита создал на Руси отлаженную систему жесточайшего сбора дани, которая сначала работала преимущественно «на Орду», а после её распада осталась к услугам московских правителей. Если в Киевской Руси древляне могли убить князя Игоря Старого, сочтя повторную дань чрезмерной, то теперь подобное было исключено: за московским сборщиками налогов и князьями стояла мощь татарского и московского войска.

По словам историка начала XX века М.Н. Покровского, князь Иван Калита был «чем-то вроде главного приказчика хана». Комментируя это замечание, Б. Кагарлицкий добавляет, что: «Мало того, что он, как свойственно было и позднейшим русским приказчикам, несколько обсчитывал хозяина; он обладал и свободными оборотным средствами, которые мог ссудить соседним княжествам. Не имея возможности расплатиться с кремлевским ростовщиком, князья отдавали свои вотчины... С одной стороны, это был важный шаг по направлению к созданию современного государства, а, во-вторых, вопреки позднейшим представлениям о «все-народной борьбе» против татар, на деле в России сложился своего рода союз между князьями и татарами, направленный на совместную эксплуатацию «черни». Исключением была Тверь, где князь Александр попытался опереться на народ против захватчиков, за что с ним и расправились общими усилиями Москва и Золотая Орда».

Игнорируя всякие нормы удельного права, Иван Калита бесцеремонно скупал сёла и земли в соседних княжествах, беззастенчиво заставлял местных бояр переселяться в Москву и поступать к нему на службу. Скупленные земли он раздавал «в кормление» своим боярам — в обмен на их безоговорочную поддержку. Захватывая территории военной силой, разоряя соседей-конкурентов, скупая, колонизируя новые земли, привлекая (льготами и пожалованиями) бояр и крестьян с других земель, князь Иван непрерывно усиливал мощь Московского княжества (за счет опустошения остальной Руси).

Именно Ивану Даниловичу удалось добиться (помимо ханской милости и покровительства) ещё одного — решающего — успеха: превратить Москву в региональную религиозную столицу Северо-Восточной Руси, резиденцию митрополита. Иван Калита не только сумел привлечь к Москве симпатии митрополита Петра (который часто бывал здесь, гостил у хлебосольного князя, здесь же и умер, был похоронен и канонизирован) и завлечь в Москву на постоянное жительство следующего митрополита Феогноста, но и — уникальный случай! — добиться поставления на митрополичью кафедру (после смерти Феогноста) не грека, как обычно, а русского — Алексия — представителя московской боярской фамилии, тесно связанного с Иваном Калитой.

С Ивана Даниловича же начинается ещё одна характерная особенность московского княжеского дома: умирающий князь не делил, как было принято прежде, своё княжество на равные доли между всеми своими многочисленными сыновьями, но завещал подавляющую часть земель и богатств одному — старшему сыну, который, таким образом, концентрировал в своих руках всю власть и собственность и превосходил по мощи всех своих братьев. В.О. Ключевский в этой связи отмечает «рано усвоенный московскими завещателями обычай нарушать равенство раздела вотчины между наследниками в пользу старшего из них». При этом, князь, по словам В.О. Ключевского, «смотрел на свои владения только как на различные статьи своего хозяйства, а не как на целое общество, управляемое им во имя общего блага». Само обилие дошедших до нас завещаний (духовных грамот) московских князей говорит о том, что они исходили не из традиции и обычая, а из своей воли, распоряжаясь своим уделом, как вотчиной и передавая большую её часть старшему сыну, обделяя всех остальных.

Чуть позднее в московском княжеском роду сложилась такая устойчивая и постоянно возобновляемая традиция: едва сев на престол, очередной князь тотчас отбирал земли и города у своих братьев, а их самих сажал под замок или убивал

(если они раньше не догадывались о его намерениях и не успевали о сбежать в Литву). Так на смену «лествичному праву» и коллективному владению Русью родом норманнов Рюриковичей приходит новое право, в соответствии с которым всё более обширная и единоличная власть отныне переходит от отца к старшему сыну, и всё больше концентрируется в одних руках (окончательно эта система возобладает в XV—XVI веках).

Иван Калита (1325 — 1340) может по праву считаться подлинным создателем могущества Московского княжества и творцом вековой стратегии его правителей. За это его не раз воспевали и продолжают воспевать историки. Подобную позицию тонко высмеял в своём стихотворении, посвящённом Ивану Даниловиче Калите, известный современный поэт Наум Коржавин:

«Был ты видом довольно противен.
Сердцем — подл.
Но не в этом суть!
Исторически прогрессивен
Оказался твой жизненный путь.

Ты в Орде по-пластунски лазил,
И лизал — из последних сил,
Покорял ты тверского князя,
Чтобы хан тебя отличил.

Подавлял повсюду восстанья...
Но ты глубже был патриот,
И побором сверх сбора дани
Подготавливал ты восход.

Правда, ты об этом не думал.
Лишь умел копить да копить.
Но, видать, исторически умным
За тебя был твой аппетит.»

Победой Ивана Даниловича Калиты над Александром Михайловичем (и умерщвлением его вместе с сыном по наущению Калиты) закончился второй — решающий — из трёх «раундов» схватки между Москвой и Тверью. (Первый раунд закончился мученической гибелью Михаила Ярославича Тверского в Орде по наущению Юрия Даниловича Красного). В этой борьбе тверские князья апеллировали к законности (в её средневековом древнерусском понимании), к традиции, общественному мнению, отстаиванию своего достоинства, пытались противостоять Орде, давать ей отпор, мученически принимали смерть от ханов (чтобы не допустить разорения русских земель). Характерно, что за 250 лет своего независимого существования, Тверское княжество не захватило и не присоединило к своей территории никаких чужих земель: экспансионистская, захватническая политика была чужда ему. Напротив, по справедливому замечанию Н.М. Карамзина: «Москва обязана своим величием ханам».

Вся стратегия московских князей опиралась на монгольскую помощь, доносы, интриги, непрерывные хищнические захваты чужих земель, привлечение на свою сторону иерархов церкви, привод на Русь татарских войск, устранение руками татар своих противников. Тверские князья демонстрировали раз за разом независимость, самоотверженность, широту взгляда (поднимаясь до общерусского взгляда на происходящие события), личное благородство, героизм, жертвенность и человеческое достоинство, стремление к антиордынской борьбе и освобождению Руси. Московские — демонстрировали раз за разом ненасытную алчность, своекорыстие, лизоблюдство, цинизм, интриганство, готовность использовать в борьбе любые средства, постоянно апеллируя к Орде в своих корыстных целях и способствуя не освобождению, а всё более полному и тотальному порабощению Руси. Понятно, что в этой борьбе победа, несмотря на изначальный огромный перевес Тверского княжества, должна была остаться за Москвой. В то время, как тверских князей одного

за другим казнили в Сарае по московским доносам, московские князья получали от Золотой Орды всё больше доверия, власти и полномочий и всё больше подкупали татарскую элиту колоссальными приношениями. По словам А.Л. Юрганова: «За возросшую власть именно московского князя стране пришлось платить дорого — постепенным утверждением отношений жестокого господства и подчинения (на монгольский манер) внутри русского общества».

Тверь, дважды в одиночку дававшая татарам военный отпор (в 1318 и 1327 годах) и тяготевшая к Вильно, разумеется, вызывала в Сарае намного большую тревогу, чем Москва, с её постоянной готовностью беспрекословно подчиняться, приносить общерусские интересы в жертву узким и своекорыстным, выплачивать колоссальную дань, доносами сообщать о любых признаках нелояльности к Орде и, приводя монгольские отряды на Русь, последовательно проводить здесь татарскую политику. Поддерживая московских князей, ханы неосознанно готовили себе преемников и выращивали своих достойных продолжателей, органично занявших на Руси их место, когда Золотая Орда под бременем внутренних противоречий и внешних ударов распадётся на части. Напротив, Тверь не угодничала перед Ордой, не захватывала соседние земли, не проводила политику агрессивной экспансии, никогда не приносила общерусские интересы в жертву своим частным. По справедливому замечанию Л.Н. Гумилёва: «И если... тверичи призывали против Москвы литовцев, то татарские отряды, приходившие с Волги, защищали источники доходов хана... Усилиями Ивана Калиты и митрополита Алексия, политическая традиция Киевской Руси была отменена окончательно. Ей на смену пришел абсолютно новый принцип наследственной, династической монархии».

Итак, спор Москвы и Твери носил во многом судьбоносный и принципиальный характер. И от того, как будет называться новая столица Залесской Руси, идущая на смену угасающему Владимиру, во многом зависело и то, по какому

пути пойдет эта, меньшая, но довольно значительная, часть Руси, насколько рано освободится от ига Орды и насколько глубоко впитает в себя флюиды азиатского деспотизма. По мнению А.Л. Юрганова: «Недоказуем тезис, что если бы не покорил Иван Калита Тверь, то погибла бы вся Северо-Восточная Русь. На равных с этим утверждением и такая логика: соединись Иван Данилович с Тверью, и Куликовская битва произошла бы на 53 года раньше».

Ставая вопрос: «была ли в первой трети XIV века иная философия борьбы, отличная от той, которую демонстрировал «дальновидный» Иван Калита?», А.Л. Юрганов отвечает на этот вопрос безусловно утвердительно, приводя в качестве примера позицию тверского княжеского дома: стремление не только к соблюдению узко местных, но и общерусских интересов, тенденция соблюдать нормы древнерусского права, избегать доносов в Орду и привода в свою поддержку татарских войск на Русь, не стремиться захватывать чужие земли и присоединять их к своему княжеству, попытки мужественно и решительно противостоять Золотой Орде (и в 1318 году в битве при Бортенево, и в 1327 году во время восстания в Твери), и жертвенно принять смерть за всю Русь (по словам летописца: «приятн нужную (то есть насильственную) смерть за христиан и за отчину свою»). Потому-то сперва Михаил Ярославич Тверской, а затем его сыновья Дмитрий и Александр и внук Фёдор поочередно приняли в Орде мученическую кончину по наветам и настояниям московских князей, в то время как Москва укрепляла за собой власть в Монгольской Руси.

И всё же Тверь, истекшая кровью в порыве к свободе, упустив более чем реальный шанс стать столицей этой части Руси, первая открыто подняла знамя борьбы с ордынским игом, подала пример другим землям, добилась окончательной отмены посылки на Русь отрядов баскаков и передачи сбора дани в руки Великих князей Владимирских (что оказалось так на руку тем же московским князьям). «Всё-таки не бесполез-

ное дело бороться за свою свободу!» — сочувственно отмечает по этому поводу А.Л. Юрганов и продолжает: «Для исторического развития не имело значения, как будет называться тот город, который станет столицей единого государства. Но в борьбе с игом вовсе не безразлично было, как скоро созреет русское общество для активного сопротивления Орде. И тут вклад тверичей огромен... Так Александр Михайлович своей активной поддержкой тверского восстания показал, что продолжает дело отца... А такое стремление к суверенитету (пусть даже неполному) порождало иное, чем у московских князей, отношение к проявлениям независимости внутри страны... Очевидно, что большая зависимость московских князей от Орды, дававшая им возможность победить в схватке с Тверью, делала их проводниками наиболее деспотического варианта централизации — с утверждением княжеско-подданнических отношений в их холопской форме».

После смерти Ивана Калиты борьба за лидерство на северо-востоке Руси продолжилась с новой силой. В 1340-е — 60-е годы конкурентом Москвы ненадолго становится усилившееся Суздальско-Нижегородское княжество, князь которого даже получает ярлык на Владимир и Великое княжение. В 1352 году на Русь приходит чума — «чёрная смерть», выкосившая до того треть населения Европы. От неё умерли: митрополит Феогност, московский князь Семён Иванович Гордый (1340—1353), его дети и брат Андрей, а также большая часть населения. Недолго прокняжив (1353—1359) умер и брат Семёна, другой сын Ивана Калиты, князь Иван II Данилович Красный.

На московский престол сел девятилетний сын Ивана Красного, мальчик Дмитрий. В эти критические годы, когда ярлык на Владимир ушёл волею Орды и по праву старшинства в Суздаль, и казалось, власть над Владимирской Русью окончательно ускользает из цепких рук московских князей, московское правительство фактически возглавил новый митрополит Алексей (ставленник Ивана Калиты),

поставивший всю духовную, политическую и экономическую мощь подвластной ему части церкви на службу узкомосковским политическим интересам (и явно в ущерб общерусским и общецерковным) и занявший последовательно проордынскую, антилитовскую и антитверскую позицию.

Почему церковные иерархи сделали ставку на Москву едва ли не с самого начала XIV века? (Чем устроили силы московских правителей.) Сначала митрополит Пётр оказался в затяжной ссоре с тверским князем Михаилом Ярославичем и естественным образом подружился с московскими князьями — Юрием и Иваном. Иван Калита щедрыми подарками привечал Петра в Москве: здесь было спокойнее, да и явное покровительство, оказываемое Ордой Москве, дорогого стоило. Пётр умер и был похоронен в Москве (и вскоре был «назначен» её небесным покровителем). А следующий митрополит Феогност и вовсе поселился здесь: ему было по душе хлебосольство московских князей, обеспечиваемое разорением Руси и милостью ханов.

Последовавший за ним митрополит Алексей (из рода бояр Плещеевых, близких к московскому княжескому дому), ценой огромных усилий (и колоссальных взяток в Константинополе, при дворе патриарха и императора — за счёт денег, позаимствованных из недоданной в Орду дани с Руси), посаженный на митрополичью кафедру Иваном Калитой, и вовсе отождествил интересы церкви с интересами Москвы. Он фактически (во время малолетства и юности княжича Дмитрия: в 1359—1378 годы) сосредоточил в своих руках управление как церковью, так и московским княжеством. Алексей более всего опасался, что завершится процесс объединения русских земель вокруг Вильно (что означало крах Москвы как регионального лидера и неопределённые перспективы для доминирующей роли православия на Руси) и употребил все силы на борьбу с Ольгердом, опираясь на помощь Орды и решительно взяв курс на раскол Руси и русской церкви.

Так Москва стала резиденцией русского митрополита и религиозным центром всей Северо-Восточной Руси, что, вместе с монгольской поддержкой, резко повысило её шансы на победу в борьбе за региональное лидерство. По словам В.О. Ключевского: «богатые материальные средства, которыми располагала тогда русская церковь, стали стекаться в Москву, содействуя её обогащению... Это сочувствие церковного общества, может быть, всего более помогло московскому князю упрочить за собою национальное и нравственное значение в Северной Руси».

XIV век, век пика ордынского ига, был одновременно и «звёздным часом» в истории русской церкви, надолго связавшей свою судьбу с Ордой и её послушным орудием — Москвой. Сохранившая единство, поддерживаемая ханами и князьями, укрепившая духовное влияние на население, проводившая монастырскую колонизацию севера Руси, церковь активно вмешивается в борьбу между княжествами. Именно православная вера, наряду с позаимствованным у татар самовластным деспотизмом, составила основу новой социо-культурной идентичности — великоросского этноса. В это время основывались десятки монастырей, церковью осваивались новые земли, под защиту церкви отдавались сотни крестьян. На Руси распространился исихазм — византийский мистицизм (приверженцами его были великий святой, основатель Троицкой обители, Сергий Радонежский и великий иконописец Андрей Рублев). Именно в эту эпоху православие начинает распространяться за Волгой, и возникает устойчивое словосочетание-самоназвание «святая Русь». Усиливается ксенофобская тенденция и крайняя нетерпимость в отношении «латинства» (католичества).

Как отмечал С.Ф. Платонов: «Руководимое св. Алексием русское духовенство держалось его направления и всегда поддерживало московских князей в их стремлении установить на Руси сильную власть и твердый порядок... Духовенство изначала вело на Руси проповедь благодетельности власти

и необходимости правильного государственного порядка. С большой чуткостью передовые представители духовенства увидели в Москве возможный государственный центр и стали содействовать именно ей». Чуткость, и в самом деле, была выдающейся.

Последовательный и жёсткий курс митрополита Алексия усиливал власть московского князя, всемерно опекаемого митрополитом. Он использовал в борьбе любые средства, включая клятвопреступления или отлучения от церкви целых княжеств и городов, противостоящих Москве. Константинопольский патриарх так беспристрастно и проницательно оценивал последствия деятельности митрополита Алексия для церкви и единства Руси: «Призванный учить миру и согласию, увлекся в войны, брани и раздоры». Однако его действия, во многом ослабляя влияние церкви, дискредитируя её и разрушая общерусское единство, неуклонно способствовали возвышению Москвы в 1360-ые годы. Алексей легко устранил опасного конкурента Москвы — суздальско-нижегородского князя — породнив его с московским княжеским домом и включив в фарватер московской политики. Порой этого энергичного, беспринципного, ловкого и талантливого церковного и политического деятеля (позднее канонизированного), сделавшего столь много для создания самодержавного Московского государства, называют «русским кардиналом Ришелье», уподобляя его знаменитому французскому церковному иерарху и первому министру короля, создателю системы абсолютизма во Франции XVII века. Митрополит Алексей, тесно связанный с двором ордынского хана, добился (за огромную взятку) вручения ордынскими владыками грамоты, передающей Великое княжение в наследственное владение роду Ивана Калиты — роду, столь ярко показавшему себя верным проводником монгольской политики на Руси. Так Московское княжество, вновь увеличиваясь в размерах, превращается в Московско-Владимирское. А вымирание от чумы большей части княжеского рода также судьбонос-

ным образом усилило власть московского князя, сконцентрировав её в руках одного человека и устранив большинство его родственников, способных претендовать на неё.

После разгрома 1327 года Тверь надолго пришла в упадок. К тому же Москва, следуя принципу «разделяй, и властвуй», бдительно следила за тем, чтобы это княжество не усиливалось, прибегая к своей обычной тактике — поддержке местных князей против великого тверского князя, находящегося в региональном центре. Так, Москва всегда поддерживала Пронск против столичной Рязани, и Кашин — против столичной Твери.

Лишь в середине 1360-ых годов Тверское княжество оправилось от страшного удара, объединилось вокруг нового талантливого, решительного и благородного князя — Михаила Александровича (внука и сына князей, замученных в Орде) и в последний раз отчаянно вступило в борьбу за лидерство на северо-востоке Руси. Однако, если в начале XIV века в борьбе между Москвой и Тверью перевес явно был на стороне Твери, а Москва могла сопротивляться ей, лишь опираясь на помощь Орды, то теперь, в третьем раунде борьбы, роли поменялись: за Москвой стояло княжество Владимирское, а Тверь могла оппонировать Москве лишь в союзе с Великим княжеством Литовским и Русским, чьим стратегическим союзником она отныне стала.

Первый удар нанесла Москва. Воспользовавшись спором между Тверским и Кашинским князьями, митрополит Алексей предложил маленькому князю Дмитрию вызвать спорящих князей в Москву — на третейский суд Великого князя Владимирского. Михаил Александрович Тверской, справедливо опасаясь за свою безопасность, отказывался ехать во враждебную Москву, но митрополит Алексей, как высший духовный авторитет, крестным целованием лично гарантировал ему неприкосновенность. Однако, едва Михаил прибыл в Москву, Алексей, в нарушение клятвы, потребовал от Дмитрия Ивановича арестовать и казнить опасного тверского князя.

Он, как глава церкви, был готов взять на себя и отмолить страшный грех клятвопреступления и предательства, совершённый во имя высшей государственной необходимости, требующей убийства нового тверского князя. Тот был схвачен и, вероятно, был бы вскоре убит, (как полувеком ранее был убит сидевший в Москве под арестом рязанский князь, отказывающийся признать московскую аннексию Коломны), если бы не приехавшие в Москву татарские послы, которые случайно узнали о произошедшем чудовищном злодеянии и, возмущённые наглým самоуправством московского правителя, запретили Дмитрию своевольничать.

В итоге Михаил Тверской подписал всё, что от него под страхом смерти потребовали Алексей и Дмитрий, и, чудом спасшись от гибели, уехал в Тверь. Разумеется, за этим немедленно последовала большая война, в которой Тверь выступала в союзе с Литовской Русью против Москвы. (Князь Михаил был породнён с Ольгердом, женатым на тверской княжне.) Тверичи и литовцы, наголову разбив московское войско в поле, трижды подступали к Москве (в 1368, 1371 и 1372 годах), но недавно построенные каменные стены Кремля спасли её. Последние попытки изменить баланс сил на Северо-Востоке Руси в пользу Твери провалились.

Ордынцы, напуганные усилением Москвы, передали ярлык на Великое княжение Владимирское Михаилу Тверскому и предложили ему серьёзную военную помощь против Москвы. Понятно, что совокупного натиска Твери, Литвы и Орды Москва бы не смогла выдержать. Казалось, счастье в последний раз улыбнулось Твери. Однако, продолжая принципиальную антиордынскую политику тверских князей — своего деда и отца — и не желая, подобно Юрию Красному или Ивану Калите, становиться повелителем Руси, опираясь на татарские сабли, Михаил благородно отказался от военной помощи, предложенной Сараем. Он предпочёл бесчестной победе честное поражение. Эта принципиальность и предрешила исход третьего, последнего «раунда» борьбы за

гегемонию в Залесской Руси. Напротив, Дмитрий Иванович, подобно своему деду Ивану Калите, дал ордынским вельможам колоссальную взятку, за которую они передали в его руки находящегося в Сарае в качестве заложника Ивана Михайловича — сына Тверского князя, ставшего мощным орудием шантажа в отношениях между Москвой и Тверью. Михаил Тверской, чтобы получить сына живым, не только выплатил Дмитрию огромную контрибуцию, но и отдал целый ряд завоёванных им у Москвы городов и крепостей. В 1375 году московское войско и войска других князей, зависимых от Москвы, осадили Тверь и вынудили Михаила Тверского признать юного Дмитрия Московского «старшим братом» (сюзереном) и навсегда отречься (за себя и своих потомков) от претензий на верховную власть на Руси. Тверское великое княжество, искусно балансируя между Вильно и Москвой, независимо просуществовало ещё сто лет (до 1485 года), но никогда уже больше не могло претендовать на роль центра Северо-Восточной Руси. Отныне эта роль окончательно и бесповоротно перешла к Москве.

Между тем в 1350-е — 70-е годы Золотая Орда погружается в «великую замятню», раскалывается на две части (граница между которыми проходила по Волге), сотрясается непрерывными переворотами и убийствами ханов. Москва искусно пользовалась этой ситуацией, чтобы выгадать себе, как проводнице монгольской политики на Руси, наилучшие условия, ориентируясь на тех ханов, которые могли помочь её возвышению. Конечно, речь ещё не шла о том, чтобы подданный поднял руку на своего хозяина и государя, подручный ордынского «законного царя» московский князь восстал против своего повелителя — но можно было уже выбирать: какого «государя» считать «истинным» и «законным».

Говоря о внуке Ивана Калиты князе Дмитрии Ивановиче, А.Л. Юрганов справедливо констатирует: «внук позволил себе то, за что дед (в своё время) не пощадил бы». И в самом деле: если при Юрии Даниловиче Красном (1303—1325) Москва лишь вступила с Тверью в борьбу за первенство,

при Иване Калите (1325—1340) вырвалась в этой борьбе вперёд, разгромив руками татар своего соперника и превратившись в церковный центр Северо-Восточной Руси, то при Дмитрие Ивановиче (1359—1389) окончательно победила в этой борьбе, закрепив за собой роль военного и политического лидера Монгольской Руси, способного уже, если и не к сопротивлению Золотой Орде, то к поддержке «легитимного» хана (Тохтамыша) против «нелегитимного» «самозванца» (Мамая). По словам А.Л. Юрганова: «Мамай — не «царь», а вассал хана, т.е. равный Дмитрию Ивановичу, осознавшему уже себя общерусским правителем». Внук покорного слуги ордынских ханов и душителя русской свободы Ивана Калиты Дмитрий Иванович во главе соединённых сил Северо-Восточной Руси выйдет на Куликово Поле (8 сентября 1380 года), чтобы решительно вмешаться в борьбу за лидерство между правителями Золотой Орды. В жестокой битве, в которой погибла половина пятидесятитысячного русского войска, была одержана победа над Мамаем. Литовский князь Ягайло (вскоре ставший королём Польши), в тот момент союзник Мамая, не пришёл к нему на помощь, после чего «законный» хан Тохтамыш вторично и уже окончательно разбил «незаконного» Мамаю, вскоре погибнувшего от предательских рук своих союзников генуэзцев.

Не совсем верно представлять Куликовскую битву как акт восстания русского народа против монгольского ига (подобная легенда возникла много позже, как удобная попытка задним числом переинтерпретировать события). О «свержении ига» речи, конечно, не шло. Легитимность и неустрашимость монгольского владычества, всячески поддерживаемые церковью и князьями, (союзниками, слугами и партнёрами Орды на Руси) ещё никем в принципе не ставились под сомнение. А Дмитрий Московский, одержавший громкую победу на Дону, воспринимался лишь как верный вассал и наместник ордынского «царя» (подобно какому-нибудь сегодняшнему «главе субъекта федерации» в рамках РФ), который поддержал одного — более «милостивого» (способного «ско-

стить» дань и оставить за Москвой Великое княжение) и более «законного» правителя Орды — хана Тохтамыша (исконного Чингисида), против другого — «жестокого» и «незаконного» правителя — Мамаю, который не то что потомком Чингис-хана, но даже и монголом-то не был, происходя из кипчаков, а вдобавок требовал от Москвы большей дани и поддерживал претензии Твери на лидерство во Владимирской Руси.

Тохтамыш, победив и уничтожив своего недруга Мамаю, официально поблагодарил своего слугу и вассала Дмитрия за поддержку в восстановлении ордынской законности. Но в 1382 году, в целях «профилактики» и увеличения «выхода» (дани), он всё же внезапно обрушился на Русь новым масштабным набегом. Дмитрий (ставший «Донским» за победу над Мамаем на Дону), в панике бежал из Москвы на север, оставив оборонять город жену с детьми. Как пишет летописец: «То слышав, что сам царь идёт на него со всею силою своею, не стал на бой против его, ни подня руки против царя, но поеха в свой град на Кострому». Тохтамыш разорил Москву, сжёг город, перебил всех его жителей (почти 25 тысяч человек) и восстановил выплату дани в Орду в прежнем объёме, «по старине». Всё же Дмитрий сумел за сохранить собой великое княжение — ценой отправки в Орду заложником своего старшего сына Василия. По замечанию АЛ. Юрганова: «Противоречие эпохи в том и заключалось, что из «своих», привычных для русских князей, монгольские ханы постепенно превращались в «чужих», ненужных новому государственному образованию». Московское государство, заботливо выпестованное Ордой, всецело скроенное по ордынскому образцу и возросшее на монгольской дани, перерастало уютное отеческое «платье», да и строгий «отец» уже дышал на ладан.

И всё же, хотя Куликовская битва отнюдь не привела к свержению ордынского ига (оно просуществовало ещё ровно сто лет — до 1480 года, и, собственно, не было никем «свергнуто», а рухнуло само, вместе с распадом Орды, создавшим политический вакуум в Восточной Европе),

её последствия для истории Залесской Руси и для роста самосознания великороссов были довольно велики. Победа на Куликовом Поле, во-первых, показала принципиальную возможность военного противостояния русских непобедимой доселе монгольской коннице и, во-вторых, закрепила за Москвой роль признанного регионального лидера.

В своей духовной грамоте Дмитрий Донской передавал Владимирское Великое княжество своим детям, как собственную «вотчину». Возможность иных (не из московского княжеского дома) претендентов на него исключалась. И ордынский хан Тохтамыш выполнил просьбу своего вассала, возведя Василия I Дмитриевича (1389—1425) на великое княжение во Владимире (рассчитывая на его помощь в закипевшей борьбе Тохтамыша против Тимура (Тамерлана) — его великого и могущественного повелителя и покровителя). Кроме того, в духовной грамоте Дмитрия Московского говорилось о гипотетической возможности когда-нибудь впоследствии падения монгольской власти над Русью («а переменит Господь Орду», «дети мои не имут выход в Орду платить»). Наконец, в духовной Дмитрия говорилось о том, что, в соответствии с лествичным правом, после смерти его старшего сына Василия, князем Московским должен стать брат Василия Юрий. (Впоследствии именно этот пункт духовной грамоты вызвал многолетнюю опустошительную борьбу за власть над Северо-Восточной Русью среди сыновей, внуков и правнуков Дмитрия Ивановича).

Эпоха, следовавшая за Куликовской битвой, стала эпохой культурного подъёма и пробуждения национального самосознания в Северо-Восточной Руси, эпохой Феофана Грека и Андрея Рублёва, эпохой Сергия Радонежского и Стефана Пермского, эпохой расцвета монастырей (религиозным центром Московии стал Троицкий монастырь, основанный Сергием), эпохой появления таких выдающихся литературных произведений, как «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище». С середины XIV века возникает и крепнет в общественном созна-

нии идея борьбы православных не только против «латинян», но и против «басурман», «агарян-сыроедцев» — татар, и эту идею даже начинают понемногу поддерживать некоторые наиболее смелые и проникательные церковные иерархи (например, пылкий епископ Нижнего Новгорода Дионисий), вовремя оценившие и упадок Сарая, и подъём Москвы. После Куликовской битвы Золотая Орда слабеет (через десять лет великий и страшный Тамерлан уничтожит её, попросту стерев с лица земли), и её наследница Москва продолжит свое усиление.

Помимо победы над Тверью, строительства (в 1366—1367 годах) каменной крепости в Москве и битвы на Куликовом поле, правление Дмитрия Донского ознаменовалось ещё тремя важными событиями — предвестниками новых тенденций в истории Залесской Руси. Первым была многолетняя борьба властного и своенравного князя за полное господство над церковью. Он изгнал из Москвы назначенного в Константинополе преемника Алексия — учёного книжника митрополита Киприана и пытался посадить на митрополичью кафедру своего духовника Митяя, но натолкнулся на дружное и мощное сопротивление как русской церковной иерархии (во главе со знаменитым Сергием Радонежским, недолюбливавшим властного московского князя и близким к его двоюродному брату, главному герою Куликовской битвы, князю Владимиру Андреевичу Храброму Серпуховскому), так и константинопольского патриарха. Ещё не пришло время для полного порабощения церкви деспотической княжеской властью. Дмитрий не понял этого, поспешил и, опережая своё время лет на полтора, проиграл в борьбе против церкви, оставшись в истории со слегка испорченной репутацией. Даже почетное прозвище «Донской» и громкая победа над Мамаем не позволили ему быть канонизированным вплоть до 1988 года (церковь хорошо помнила причинённые ей обиды и совершённые над ней насилия).

Вторым важнейшим и весьма зловеще многозначительным событием было полное упразднение в 1374 году город-

ского самоуправления в Москве. Хотя рост княжеского самовластия был не совместим с вечем, по словам современного историка Ю.В. Кривошеева, в ходе городских антиордынских движений и восстаний конца XIII — начала XIV веков в Залесской Руси, «мы видим, как и в прежнее время, единую городскую общину, сплочённую клятвенным обещанием, грозную для врагов, посягавших на их независимость». Веча созывались во время восстаний в Ростове, Переяславле, Твери, Ярославле. Но к концу XIV века, по мере укрепления власти московского князя, вечевые собрания в городах прекращаются повсеместно, возникая уже не регулярно, а лишь в редких и экстремальных случаях. Как пишет Ю.В. Кривошеев: «вече этих лет — уже в основном собрание городского непривилегированного населения в момент безвластия или безвременья». (Как, например, в 1382 году, во время нашествия Тохтамыша, когда князь Дмитрий Донской в панике бежал из Москвы, и власть в городе на несколько дней перешла в руки народного веча). Представителем горожан, главой ополчения, человеком, связывающим местное самоуправление с князем, был тысяцкий — либо избираемый вечем, либо назначаемый князем с согласия веча, для командования военными силами, судопроизводства, распределения податей. По словам Ю.В. Кривошеева: «Сила тысяцкого состояла в том, что он мог опереться на широкие слои горожан». Должность тысяцкого часто передавалась от отца к сыну (в Москве она принадлежала боярскому роду Вельяминовых). Должность тысяцкого и само вече были упразднены в 1374 году Дмитрием, а тысяцкий и боярин Иван Вельяминов был вскоре в назидание всем публично казнен. (Это была первая на Руси публичная казнь — предвестник многих будущих). Так возвышение Москвы и укрепление княжеской власти шло параллельно с уничтожением последних остатков вольных вечевых институтов.

Третьим событием было систематическое отбирание Дмитрием Донским земель у своих ближайших родственников. Так у своего двоюродного брата — князя Владимира

Андреевича Храброго Серпуховского (главного героя Куликовской битвы и полководца, успешно дававшего отпор нашествию самого Тохтамыша) он отобрал его города Дмитров и Галич. Дмитрий также захватил город Стародуб на Клязьме, выгнав тамошнего князя из его вотчины.

Взаимоотношения как между князьями разных княжеств, так и внутри московского великокняжеского дома (снова разросшегося после поголовного вымирания в ходе «чёрной смерти» 1350-х годов) существенно меняются. Великие князья Тверской и Рязанский обретают статус «младших братьев» (вассалов) Московско-Владимирского князя. Независимость уделов всё ещё сохраняется, так же как и право отъезда бояр — вассалов к другим князьям. Но неуклонно и постоянно удельные князья оказывались во всё большем подчинении у великого князя Владимирско-Московского. Нередко, покупая или попросту отнимая у соседних князей их княжества, московский князь «милостиво» оставлял их управлять ими, но уже не как независимых правителей, а как своих слуг. Умирая, очередной московский князь основную часть своих богатств и земель завещал своему старшему сыну, тогда как остальным его детям доставалось совсем немного (да и то вскоре отбиралось у них новым наследником — хорошо ещё, если они успевали унести ноги в Литву, а не умирали под арестом, от яда или на плахе).

Так, параллельно с территориальным ростом Московского княжества происходил рост власти князя Московского по отношению к своим братьям, боярам, горожанам и крестьянам. Первый среди равных превращался в единственного и самовластного правителя, по-хански взирающего на всё население, как на собственных слуг. Прежние князья убегали или были вынуждены стать «подручниками» московского князя. Земли Москвы начинали злобещим образом окружать со всех сторон территорию соседей: Тверского и Рязанского княжеств, вызывая понятную тревогу у их князей и населения. В то время как другие княжеские роды разрастались

численно (что вело к дроблению их уделов и внутренним распрям), московский княжеский род консолидировался, всё более передавая от отца к старшему сыну основные владения (с ущербом для прочих братьев). Передача же власти от отца к сыну, будучи сначала делом случайности (из-за чумы), сама постепенно превращалась в традицию, устраняя от власти боковые ветви наследников.

К концу XIV века Русь начинает постепенно оправляться от ударов, нанесённых Ордой. В 1360-е — 70-е годы на Руси в нескольких княжествах даже возобновляется чеканка своей монеты, и прекращается «безмонетный период» (XII—XIV века). В середине XIV века на Руси насчитывалось около 130 городов, причём 55 из них — в Залесской Руси, и несколько больше — в Литовской Руси. Возрождаются некоторые ремесла и торговля. Помимо Балтийской торговли — через Новгород, возобновляется Черноморская торговля — через Сурож (Судак) и Кафу в Крыму (то есть через посредство купцов-генуэзцев, владевших этими крепостями и контролировавших Черноморско-Средиземноморскую торговлю). Из Руси на юг везли меха, рабов и воск, а на Русь — пряности и шёлк. По словам Б. Кагарлицкого: «Можно сказать, что татары... были посредниками, поддерживавшими связи (Руси — *И.Р.*) с Италией и Грецией. Другое дело, что политическую цену за это посредничество приходилось платить весьма большую. В отличие от времён величия Киева, новая Россия, формирующаяся под контролем ордынских ханов, уже не господствует на своих торговых путях. Господствующее положение принадлежит немцам на севере, итальянцам и татарам на юге». Эта социально-экономическая отсталость и зависимость, оторванность от морей будет причиной последующего нарастающего отставания Руси от Европы, её полуколониального статуса в мировом сообществе и мучительных попыток страшным рывком преодолеть такое положение дел.

В XIV веке начинают складываться основные сословия русского общества: служилый и тяглый классы, первый из которых служил государству, а второй содержал его.

Упадок городов, непосредственно управляемых теперь князьями и их наместниками, частые «отъезды» бояр, не привели, как на Западе, к формированию устойчивых и влиятельных корпораций аристократов и горожан с развитым самоуправлением и четко определёнными правами. Напротив, усиливалась тенденция к росту безграничной власти московского князя, «скопированной» с ханской власти. Служилые дворяне, окружавшие московского князя, хранили ему верность и связывали с ним всё свое будущее,— но не были связаны с той местностью, где находились пожалованные им «в кормление» земли. По словам Г. Кенигсбергера: «В силу данного обстоятельства в России так и не развилась та устойчивая региональная солидарность, которая объединяла сеньоров и их вассалов в Латинской Европе».

Крестьяне в это время, составлявшие подавляющее большинство населения, делились на три разряда: церковные, боярские и государевы. Хотя несколько возрастает численность первых двух групп (многие крестьяне отдавались под покровительство монастырей в поисках безопасности, а также росли боярские вотчины), преобладали численно государевы крестьяне. Государевы крестьяне, в свою очередь, делились на «дворцовых» (зависимых от князя и обрабатывавших его земли) и «черносошных». «Черносошных» крестьян было большинство, они были лично свободны и платили налоги сами (а не через бояр), жили в сёлах, не принадлежащих князю, боярам или монастырям, могли переходить с места на место и продавать или завещать землю. Их общины называли теперь «волостями», а сами крестьяне именовались «волостными». Крестьянская община помогала своим членам выплачивать дань, избирала на сходе своих представителей (старост), коллективно владела лесами, пастбищами, лугами и реками. В то же время пашнями и усадьбами общинники владели индивидуально. Крестьянин мог свободно покинуть общину, поменять своего хозяина и род деятельности, перейдя в другие группы населения (в отличие от рабов — холопов,

обслуживающих своих хозяев и трудившихся на их земле). Для крестьянской общины XIV—XV веков (в отличие от более поздней общины XVIII—XIX веков) не были характерны уравнительность землепользования, круговая порука, принудительные переделы земли и жёсткое прикрепление крестьян к общине. Крестьянин брал столько земли, сколько мог обработать силами своей семьи. Порой крестьяне протестовали против увеличения податей и барщины, против самовольных захватов общинной земли боярами и монастырями, а то и бежали на новые земли или убивали своих притеснителей.

Переселяясь на боярскую землю, «чёрные» крестьяне заключали с вотчинниками договор, нередко брали у них ссуду, отрабатывая её на барской пашне (прообраз будущей барщины). Податью, платимой государству, облагалась не личность крестьянина, а земля. Бояре и дворяне получали землю с крестьянами от князя в вотчины (безусловное родовое владение) и в поместья (условное владение на время службы). Крестьян, давно живущих у них, владельцы рассматривали как старожильцев (в отличие от новоприходцев), стараясь льготами удержать их у себя и не «перепустить» к соседям, соперникам в острой борьбе за рабочие руки, без которых ценность земли весьма заметно понижалась. (Примерно также относились великие князья к самим боярам — всячески привлекая и переманивая их льготами и пожалованиями и стремясь ограничить их право отъезда к другому князю.) Если бояре переманивали крестьян и стремились их привязать к себе при помощи льгот и ссуд, то великие князья аналогично стремились привязать к себе бояр, начиная отрицать их традиционное право отъезда и взамен наделив их обширными вотчинами и чинами в боярской думе.

В общем, «цветущая сложность» средневекового древнерусского общества, динамизм и разнообразие, характеризующие домонгольскую Русь, в Монгольской (Московской) Руси постепенно сменяются монолитом всё более усиливающейся княжеской «вертикали власти», и всё более серым

одноцветием населения, теряющего свои свободы и вольности в обмен на (относительную) безопасность и (военно-бюрократический) порядок. Подобно тому, как во вьетнамской сказке богатырь, убивший Дракона, сам был обречён стать этим Драконом, Москва, идущая на смену распадающейся Орде, сама становилась «Залесской Ордой», всё более неотличимой от Орды с её тотальным азиатским деспотизмом, насилием, презрением к человеческой личности и произволом.

Итоги жуткого XIV-го века, заложившего основы нового вектора русской истории (на семьсот лет вперёд), были разнообразны, хотя и ещё не совсем окончательны. Монгольское иго и начало борьбы с ним кардинально изменили ситуацию на северо-востоке Руси. Создаётся фундамент мощного самовластного государства, рвущего с киевскими традициями (вече, права бояр, лествичное право князей), во многом похожего на Золотую Орду. Это централизованное, милитаризованное, военное государство с единоличными и деспотичными правителями (превзошедшими в авторитаризме даже суздальских князей XII века — Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского), с жёсткой налоговой системой, непрерывно расширяющее свою территорию и уничтожающее остатки общественных структур, живых связей и вольностей, невытоптаных монгольской конницей. На долгие пять столетий Русь превратится в «театр одного актёра» — государства!

К концу XIV века Московский князь — владелец крупнейшего в Залесской Руси княжества, образец «хозяйственника»-скопидома, политический вождь (после Куликовской битвы) и покровитель церкви, защитник «веры христианской», готовый иногда даже выйти против «безбожных агарян-сыроедцев» за рубеж своего княжества, высший судья и арбитр среди князей Монгольской Руси и непримиримый враг объединения всей Руси (под эгидой Вильно), лидер северо-восточных сепаратистов. Исчезают вечевые собрания в городах, ограничивается и оспаривается право отъезда бояр, независимые князья превращаются в слуг московского князя, а их земли скупаются или

просто нагло хищнически захватываются. Несогласные с таким зловещим развитием событий обычно либо гибнут в борьбе, либо бегут в Литовскую Русь, избравшую принципиально иной путь развития и органично продолжившую традиции Киевской Руси. В начале XIV века Московский князь — безропотный и верный проводник татарской воли, цепной пёс хана, опирающийся на мощь ордынских отрядов, собирающий двойною дань для Сарая, пишуший доносы и приводящий тумены на Русь, опустошающий землю других княжеств татарскими ратями и своими сборщиками татарской дани, беспощадный к населению русских княжеств, жадный и беспринципный накопитель богатств. А в конце XIV века, по мере ослабления Золотой Орды, Московский князь уже — преемник её традиций, единоличный повелитель новой Руси, подражающий ханам в самовластии, перенявший у Орды политические обычаи, отношения власти, собственности, военную и налоговую систему. Воля хана — закон для князя, воля князя — закон для его подданных! Дух повиновения и поголовного рабства снизу доверху теперь пронизывает и конституирует Московскую Русь, как главный и всеобъемлющий признак (наряду с воинственным, фанатично-нетерпимым к иноверию и агрессивным православием). Москва становится признанным центром новой Залесской Руси, постоянным соперником Руси Литовской. Одновременно в ней ликвидируются вечевые институты, равноправные отношения между князьями, остатки киевского федерализма и усиливаются авторитарные тенденции, курс на военно-бюрократическое государство экспансионистского типа, непрерывно расширяющее свои территории за счёт захвата соседних земель и непрерывно расширяющее свою власть за счёт возрастающего порабощения своего населения. Вместо многих — выборных и приглашённых князей на Руси теперь — один, не выбранный никем, самовластный великий князь, получающий свою власть по наследству и ни с кем не готовый её делить. Этот новый вектор вполне определился к концу XIV века, предreshив все последующие столетия русской истории.

Однако многое ещё оставалось незавершённым, неясным, неопределившимся. В это время на землях Руси, помимо Великого княжества Литовского и Русского, существовало ещё три великих княжества: Московское (Владимирское), Тверское и Рязанское. Оставались независимыми вечевые республики Пскова и Новгорода — богатейшие земли Руси. Многие князья помнили о своём происхождении от Рюрика и воспринимали московского князя, как выскочку, удачливого и незаконного любимчика судьбы. Сохраняли многие аристократические традиции боярские фамилии. Независимой от князя оставалась церковь с её политической и духовной мощью и колоссальными земельными богатствами. Да ещё и татарское иго продолжало, как кошмарный призрак, тяготеть над Русью, опираясь на силы страха, инерции и привычки. Окончательную ясность и завершённость в начатое XIV веком внёс век XV — век превращения захолустной Москвы в «третий Рим», а московского князя, «подручника» татар — в полновластного «государя всея Руси».

Семь великих битв XIII—XV веков

Людская память избирательна, мифологична и отрывочна. Если спросить сегодня наших современников, какие битвы отечественной истории, повлиявшие на судьбу древней Руси, они помнят, то почти наверняка будут названы «Ледовое побоище» (1242), Куликовская битва (1380) и, в лучшем случае, возможно, Грюнвальдская битва (1410). Эти сражения, многократно воспетые историками, поэтами, писателями, художниками и кинорежиссёрами, попавшие в школьные учебники, обросли многочисленными мифами и стали важными вехами национального самосознания, поводом для патриотической гордости. Между тем и по масштабам, и по влиянию на ход истории, эти три битвы весьма различны и далеко не исчерпывают перечня важнейших сражений этой эпохи.

Так, в ставшей «хрестоматийной» и общеизвестной (во многом, благодаря поэме К. Симонова «Ледовое Побоище»

и гениальному, но фантастическому по своей недостоверности фильму С. Эйзенштейна «Александр Невский») битва на Чудском озере (Ледовом побоище) 5 апреля 1242 года погибло около 20 немецких рыцарей (а всего — около 500 воинов-крестоносцев). Это сражение было, в сущности, лишь одной из многих стычек между русскими и немцами в борьбе за влияние в Прибалтике и возможность грабить местные племена. Но, благодаря участию в этой битве Александра Невского, она со временем стала одним из ключевых мифов русской истории— именно на этот миф ссылались власти СССР в 1941—1945 годах, воюя с Германией, а сегодня некоторые политические силы даже предлагают отмечать 5 апреля как День Нации.

Куда большее значение для разгрома крестоносцев имели три другие великие битвы. Первая из них произошла под Шяуляем 22 сентября 1236 года, когда русско-литовская армия князя Миндовга полностью уничтожила войско Ордена Меченосцев (в этой грандиозной битве погиб магистр Ордена, 48 рыцарей и более двух тысяч воинов), после чего Орден Меченосцев прекратил своё существование (на его место пришёл Тевтонский Орден), и начался стремительный и триумфальный взлёт Литовской Руси. А немецкие рыцари оказались отброшены далеко на запад, прекратив опустошать земли литовцев и других балтийских племен. «Натиск на Восток» был остановлен на четверть века.

Другая битва с крестоносцами, далеко превосходящая по своим масштабам и последствиям Ледовое Побоище, произошла 18 февраля 1268 года под городом Раковором (на земле эстов). Здесь полки новгородцев, псковичей, переяславцев, смолян и полочан, предводительствуемая князем Дмитрием Александровичем и литовским князем Довмонтом, разбили тевтонское войско.

Третье и, несомненно, наиболее значительное сражение, подорвавшее могущество Тевтонского Ордена, произошло под Грюнвальдом (в Восточной Пруссии) 15 июля 1410 года.

В этой битве союзное польско-русско-литовское войско под руководством польского короля Ягайло (Владислава) и великого князя литовского и русского Витовта (Александра) уничтожило войско крестоносцев, в котором сражался «цвет» всего европейского рыцарства. В сражении с обеих сторон участвовало по сорок тысяч воинов. В нём погибли почти все крестоносцы, включая магистра Тевтонского Ордена Ульриха фон Юнгингена. А между тем, если Ледовое побоище общеизвестно, а о Грюнвальдской битве кое-кто ещё слышал (благодаря известному роману Генрика Сенкевича «Крестоносцы» и его экранизации), то информация о величайших битвах при Шяуляе и Раковоре почти не присутствует в исторической памяти народа, не упоминается в учебниках и популярных книгах.

Сходная ситуация наличествует с битвами XIV века между русскими и монголами. Куликовская битва (8 сентября 1380 года) широко известна и служит предметом национальной гордости (хотя её подлинный смысл и исторический контекст искажается и «модернизируется»: ведь в ходе её вовсе не шла речь о «свержении ига», но лишь о поддержке русским вассалом (Дмитрием Ивановичем Московским) законного правителя Золотой Орды Тохтамыша против незаконного — Мамая). И, хотя Куликовская битва не ставила целью свержение монгольского ига и не привела к нему, однако, и по своим масштабам, и по влиянию на общественное сознание и культуру Руси, она действительно имеет выдающееся значение. (По современным оценкам, с каждой стороны в ней сразилось до 50 тысяч воинов и poleglo почти две трети русской рати. Более массовой была лишь битва на реке Калке 1223 года, в которой стотысячное русско-половецкое войско было целиком уничтожено двадцатитысячным войском монгольской конницы.)

Но совершенно неизвестны широкой публике в России две другие, никак не менее важные, битвы русских против татар, произошедшие в XIV веке и определившие историческую судьбу Руси на многие века. Первая из них произошла в

1362 году, когда Великий князь литовский и русский Ольгерд у Синих вод (притока Южного Буга) разбил монгольское войско князей Хаджибея, Кутлубуги и Дмитрия. Эта битва, в которой сражалось огромное объединённое литовско-русское войско, была первой значительной победой русских над татарами (после победы 1318 года Михаила Тверского под Бортенево) и повлекла за собой освобождение из-под монгольского гнёта всей Южной Руси (Подолии, Киева, Чернигова). Её значение ничуть не меньше, чем значение битвы на Куликовом поле.

Наконец, ещё одна грандиозная битва, определившая на несколько веков ход истории во всей Восточной Европе (и почти неизвестная сегодня широкому кругу образованных людей) произошла 12 августа 1399 года на берегах реки Ворсклы. Здесь сошлись огромная армия Великого князя Литовского и Русского Витовта вместе с его союзником ханом Золотой Орды Тохтамышем против армии хана Тимур-Кутлуга и князя Едигея. В случае победы Витовта (чьи силы в три раза превосходили силы его противников и, возможно, достигали ста тысяч человек) он посадил бы на трон в Сарае своего ставленника Тохтамыша и завершил бы объединение русских земель вокруг Вильно, присоединив, вслед за Смоленском, и Москву (которая в это время находилась в зависимости от него, как и Бахчисарай, Тверь и Рязань). Тем не менее, огромная армия русских, литовцев, немцев и татар с мощной артиллерией и тяжёлой рыцарской конницей потерпела неожиданное и сокрушительное поражение от более малочисленного, но более умелого противника (в битве пало двадцать литовских князей и «цвет» русского и литовского воинства и боярства). Это величайшее сражение, обернувшееся ужасной исторической катастрофой и предопределившее подъём Московии и неудачу Литовской Руси в борьбе за ордынское наследство, также забыто сегодня и вычеркнуто из исторической памяти по понятным идеологическим соображениям.

4.4. От «Залесской Орды» — к «Третьему Риму» (XV век: 1389—1533)

Мучительный, жестокий процесс собирания русских земель вокруг Москвы (или, точнее, захвата независимых русских земель московскими князьями) продолжился и после смерти Дмитрия Донского. Об этом процессе поэт Максимилиан Волошин высказался предельно лаконично и выразительно:

«Уобицы кромсали Русь ножами,
Скупые дети Калиты
Неправдами, насильем, правежами
Её сбирали лоскуты.
В тиши ночей звездяных и морозных,
Как лютый крестовик-паук,
Москва пряла при Тёмных и при Грозных
Свой тесный, безысходный круг...
Ломая кость, вытягивая жилы,
Московский строился престол...»

В 1389—1425 годах московским князем был сын Дмитрия Василий I. В 1392 году он захватил и присоединил к Москве богатое Нижегородское княжество (а также заодно Мешёру, Тарусу, Муром и Городец). На крайнем севере Василий I овладел землями Приуралья (Великой Пермью). На годы правления Василия I приходится сокрушительный разгром Золотой Орды Тимуром (в 1389—1395 годах) и одновременный высочайший взлёт Литовской Руси при тесте московского князя Великом князе Витовте.

По остроумному замечанию современного историка В.Я. Хуторского, «Василий I прекратил платить дань татарам, хотя и не перестал её собирать». Только теперь отлаженная его алчным и жестокосердым прадедом — Иваном Калитой — система жесточайшего выжимания податей целиком

работала на обогащение московской казны. Правда, в 1408 году выдающийся татарский военачальник, победитель Витовта на Ворскле, эмир Едигей совершил масштабное нашествие на Русь, разрушил многие города и осадил Москву (Василий I, подобно отцу, бежал из своей столицы в Кострому), но, ограничившись огромной контрибуцией, отступил. Хотя выплата дани в Золотую Орду после этого была возобновлена, она была нерегулярной и не очень значительной.

Но, полуосвободившись от татар, московский князь оказался в вассальной зависимости от своего всемогущего тестя Витовта Великого, успешно объединявшего русские земли и управлявшего слабохарактерным и бесцветным зятем через свою властную и энергичную дочь Софью — московскую княгиню. Только катастрофический разгром армии Витовта на реке Ворскле в 1399 году татарскими полководцами (унёший жизни многих десятков тысяч его отборных воинов) не позволил окончательно формально присоединить Московию к Литовской Руси. Именно Витовта Василий I назначил, умирая, опекуном своего девятилетнего сына Василия, вручив ему, таким образом, будущую судьбу Владимирской Руси (однако скорая смерть в 1430 году помешала Витовту завершить объединение русских земель).

А вторая четверть XV века принесла на Русь опустошительную и многолетнюю междоусобицу, именуемую сегодня «феодалной войной» (во многом сходную с войной Алой и Белой Роз в Англии XV века). До 1425 года каждый раз, когда в Москве умирал очередной правитель, после его смерти более одного законного претендента на власть не оказывалось. У умерших правителей счастливым образом не оставалось либо сыновей, либо братьев, и Москва избегала усобиц.

Впервые ситуация оказалась иной в 1425 году после смерти Василия Дмитриевича I, когда на московский престол стали на более или менее законных основаниях претендовать сразу два человека: сын умершего девятилетний Василий (за которым стояла поддержка церкви, Орды и Витовта), и брат умершего — пятидесятилетний Юрий Дмитриевич,

князь звенигородский и галицкий. Война между ними и их детьми растянулась почти на тридцать лет. В этой борьбе столкнулись не просто две ветви московского княжеского дома, но два принципа наследования власти, две части московских земель. В этой войне решалось, какой принцип наследования высшей власти восторжествует в Москве: традиционный, освящённый обычаями, лествичным правом и духовной грамотой Дмитрия Донского («по старшинству» — от брата к брагу), рассматривающий княжение как коллективную ответственность всей династии и предусматривающий равенство между князьями, или новый («по первородству» — от отца к старшему сыну), что означало усиление самодержавной власти великого князя.

На стороне князя Юрия Дмитриевича стояли вольные, черносошные земли севера (с городами Галичем, Угличем и Устюгом), ясно выраженная воля покойного отца, законность и традиция, его выдающиеся полководческие и политические таланты, огромный авторитет в обществе. Юрий был замечательным военачальником, не знавшим ни одного поражения, популярным политиком, противником ордынского гнёта, ценителем искусства (он покровительствовал гениальному иконописцу Андрею Рублёву и сделал гербом московской династии Георгия Победоносца — своего небесного тезку и покровителя), человеком, всегда верным данному слову и презиравшим интриги и уловки.

Однако за малолетним княжичем Василием Васильевичем — ставшим позднее на редкость неудачливым, лживым и бездарным политиком, стояли могучие и разнородные силы: его великий покровитель и дед Витовт, Золотая Орда, московское боярство и церковные иерархи. Сначала, в 1431 году, Василий II и Юрий Дмитриевич попытались разрешить свой конфликт в Сарае. На сторону Василия ордынского хана склонил аргумент, выставленный ловким московским боярином Всевожским, заявившим, что Юрий будет княжить на основе грамоты Дмитрия Донского и «старины»,

а Василий станет князем на основе исключительно ханской воли и пожалования, которые выше всех законов, обычаев и грамот. Этот аргумент убедил татар, давших высшую власть в Москве слабому племяннику, а не доблестному дяде. Ордынский посол возвёл Василия II на княжеский престол в Москве (а не во Владимире, как раньше, — отныне Москва стала официальной столицей княжества).

Тем не менее, борьба между князьями продолжалась. Она сопровождалась поочерёдными захватами Москвы враждующими сторонами, приводом татар, изменой союзников, массовыми переходам бояр на сторону победителя, вмешательством церковных иерархов, клятвенными договорами и их нарушениями, взаимными ослеплениями (так, сначала Василий II ослепил своего кузена Василия Юрьевича (ставшего поэтому «Василием Косым»), а потом сам за это был ослеплён другим кузеном Дмитрием Юрьевичем Шемякой (и стал, соответственно, «Василием Тёмным»). Василий II (1425—1462) раз за разом неизменно терпел поражения на войне с дядей и братьями, попал в плен к татарам, сокрушительно проиграв им битву, был отпущен за колоссальный выкуп, опустошивший и возмущивший русские земли, был несколько раз свергнут с престола, ослеплён, торжественно и клятвенно отрекался от власти. Но, как отмечают С.Т. Жуковский и И.Г. Жуковская, «в трудные минуты правителю подставляли плечо и столичное московское боярство, и «подручные» князя, и Церковь». Бояре перебежали к нему, отказываясь служить его противникам, а церковные иерархи снимали с него все данные им на кресте клятвы. По словам современника, Василий II «татар и речь их любил сверх меры, а христиан томил без милости», наводнив Москву ордынцами и раздавая им земли.

Ни антиордынские настроения населения (с безглым отвращением относившегося к Василию II), ни выдающиеся полководческие и политические таланты князя Юрия Дмитриевича, ни законность его притязаний на престол,

ни поддержка его и его сыновей северными землями не помогли галицко-звенигородскому князю и его детям (Василию Косому и Дмитрию Шемяке) победить в борьбе, лишь сделав её более драматичной, долгой и ожесточённой. Совместная поддержка татар, бояр и церкви принесла победу Василию Тёмному, сохранившему власть и передавшему её своему сыну Ивану III. В 1451 году слепой Василий II со своим сыном-соправителем Иваном Васильевичем окончательно утвердился в Москве, а его последний уцелевший соперник — двоюродный брат князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, бежавший в Новгород, в 1453 году был отравлен поваром по его приказу.

Феодальная война резко трансформировала в сторону ожесточения политические традиции Московской Руси: обычным делом теперь становится ослепление противников, массовые казни оппонентов, рост жестокости в ходе внутренних распрей. По словам историка В.Д. Назарова: «В эти годы немало аморальных и безжалостных событий происходило впервые.» Многие тысячи погибших и десятки разрушенных городов — следствие этой войны. Победа Василия II и его сына Ивана III означала окончательную победу нового принципа наследования власти и конец родового совместного владения Рюриковичами Русью. Переход великого княжения от отца к сыну укреплял и концентрировал в одних руках верховную власть. Кроме того, по словам историка Ю.В. Кривошеева, после феодальной войны «Москва уже окончательно и бесспорно становится центром и основной силой территориально—объединительного процесса». Именно в 50-ых годах XV века начинается последний, успешно завершившийся спустя столетие, этап территориального присоединения к Москве наиболее крупных и сильных прежде самостоятельных земель Восточной Руси.

Василий II Тёмный, победив в тяжелейшей борьбе за власть, жестоко расправился со своими врагами: ликвидировал Можайское княжество, преобразовал многие удельные

княжества в уезды, управляющиеся московскими наместниками, посадил своих наместников в Пскове и Рязани (формально ещё сохраняющих автономию). Дань в Орду отныне платилась нерегулярно и в уменьшенных размерах (хотя, по словам А.Л. Юрганова, «психологическая потребность в высшем арбитре у князей ещё оставалась»). Многие знатные татары теперь охотно нанимались на службу к московскому князю, который использовал их в борьбе за гегемонию на Руси и натравливал на их собственных соплеменников, тем более, что по боевым качествам монгольская конница по-прежнему сильно превосходила русскую. Как отмечает В.Д. Назаров: «Очевиден один из приоритетов в межкняжеской политике московских государей: число уделов в московском доме подлежало сокращению, а главное — они не должны, по возможности, превращаться в наследственные». Уроки феодальной войны были осмыслены и выучены: отныне братья Великого князя Владимирского становились, по определению, его злейшими врагами-соперниками и подвергались жесточайшим ограничениям и контролю с его стороны (с арестами, убийствами, запретами жениться (чтобы не оставить наследников), конфискациями имущества).

Решающая роль в завершении создания самодержавного московского государства принадлежит знаменитому сыну бездарного Василия II Тёмного Ивану Васильевичу III Великому (1462—1505), одной из ключевых фигур русской истории, достойному преемнику своего прапрапрадеда Ивана I Калиты и достойному предтече своего внука Ивана IV Грозного. Как отмечают С.Т. Жуковский и И.Г. Жуковская, «именно при Иване III Великом княжество Московское окончательно подмяло под себя всю ту Русь, которая признавала себя данницей монгольских ханов». Именно с эпохой долгого правления Ивана III и с его кипучей и целенаправленной деятельностью связано завершение собирания Залесской Руси под деспотической властью Москвы и создание единого централизованного государства, которое, завоевав всех своих

соседей, разом обрело и независимость, и «национальную идею», заняв освободившиеся места Золотой Орды и Византийской империи в Восточной Европе. По справедливым словам С.Ф. Платонова: «С полным правом Ивана III можно назвать создателем Московского государства».

Уже при своем отце (с 12 лет) Иван был соправителем, а потом единолично правил Московией целых 43 года. В 1462 году он получил от отца Московское княжество, территория которого равнялась 400 тысячам квадратных километров, а в 1505 году сыну Василию III оставил государство с площадью два миллиона квадратных километров!

Иван III был плохим военачальником, но превосходным политиком и дипломатом макиавеллистского склада (не забудем, что циничный флорентиец, автор «Государя», был современником Ивана Васильевича): властным, трусливым, целеустремлённым, жестоким и умным человеком, выдающимся и умелым интриганом, мастером манёвров и уловок. Для его политического стиля характерна неторопливость, методичность, беспощадность и постепенность. Захваты новых земель происходили в несколько этапов и сопровождались мощной пропагандистской и дипломатической кампанией. Московский владыка всегда ловко стремился представить свои тотальные нововведения по полной перекройке и переустройству Руси — под видом восстановления древних обычаев, а свою хищническую захватническую политику обосновать защитой «русской веры» (автоматически представив своих противников изменниками делу Руси и веры). Отсюда многократно возросшая роль политической демагогии и мифологии, призванной переписать историю и, объявив новое обрётённым «старым», создать новую легитимность стремительно утверждающейся на обломках бывших вольностей самодержавной власти.

Одной из главных задач политики Ивана III стало уничтожение Новгородской республики и оккупация новгородских земель. Как отмечает С.Ю. Шокарев, «укоренившиеся

в этом городе-государстве демократические традиции Древней Руси представляли для формирующегося московского самодержавия одну из главных опасностей». А колоссальные богатства и земли Новгорода манили жадных московских правителей. Без власти над Новгородом не могло быть и речи о власти над Русью.

Уже при Василии III (в 1456 году) начинается военно-политическое подчинение Великого Новгорода Москве, ограничение его автономии. Единственной надеждой новгородцев на сохранение свободы и независимости была помощь дружественной Литовской Руси — ослабевшей к тому времени и едва ли способной на оказание эффективной поддержки новгородцам. Политика лавирования между Московской и Литовской Русью, проводимая Новгородом (как и Тверью), в итоге вела их к гибели. По мере уменьшения числа русских княжеств в XV веке, новгородцы теряли свободу маневра — какого князя пригласить к себе. Теперь их выбор сводился к пролитовской или промосковской ориентации. Литва была в это время (после Витовта) на спаде своих сил и никак не могла угрожать независимости Новгорода, его старым полуобветшавшим вечевым порядкам (но, как оказалась, не была способна и существенно помочь ему). Однако кое-кто в Новгороде был напуган распространением в Литовской Руси, наряду с православием, католицизма. Напротив, Москва представляла смертельную угрозу для независимости Новгорода и сохранения его традиций. Действовать надо было решительно и быстро. Поэтому в Новгороде в середине XV века решительно возобладали пролитовские и антимосковские настроения. Ближайшее будущее показало оправданность такого выбора новгородцев.

Антимосковскую группировку возглавила вдова посадника Исаака Борецкого Марфа Борецкая — героическая и энергичная женщина, вдохновенный оратор, влиятельный (хотя и неформальный) политик, подлинный лидер Новгорода в страшные и последние дни его свободы, глава общественного и богатого боярского клана. (Напоминавшая

Демосфена или Катона Младшего в их трагической, славной и обречённой борьбе за свободу своих полисов против надвигающихся империй). Отмечу особо: только в вечевых республиках Руси возможно было активное участие женщины не княжеского рода в публичной политике — здесь уровень свободы был пока несравненно выше, чем в Московии, перенявшей ордынские нравы, с её растущими всепоглощающими патриархально-авторитарными тенденциями, на многие века устранившими женщин из общественной жизни и загнавшими их в домостроевскую тюрьму-терем.

Однако усиливающиеся олигархические тенденции, эрозия институтов самоуправления, растущее социальное неравенство вели к тому, что многие рядовые новгородцы недальновидно не желали воевать за ставшие полупризрачными вечевые вольности (не ведая беспечно, какая страшная участь скоро ждёт их всех под игом Москвы). А новгородское ополчение было бессильно справиться с московским дворянским войском. К тому же новгородские «пригороды» (Торжок, Псков и другие), выслуживаясь перед московским князем и припомнив старые обиды, в решающий момент предали на гибель своего властного и гордого «старшего брата», не поддержали новгородцев в их отчаянном и отважном противостоянии московским захватчикам (и этим обрекли и себя самих на скорую и ужасную гибель).

В борьбе за Новгород Иван III умело использовал религиозные лозунги, представляя себя «защитником веры православной» в Новгороде, против литовцев, борцом с «отступниками от веры». Конечно же, его противники вовсе не выступали за католицизм, но лишь за военно-политический союз с Русью Литовской (которая в то время и не могла и не хотела присоединять к себе Новгород). Иван III же сумел представить этот союз как «измену вере» и русскому народу. (Подобно тому, как бояре, использующие своё старинное и дотоле нерушимое право отъезда от князя и уезжавшие в Литву, отныне осуждались, как «изменники»). Иван III в агрессии против

Новгородской республики использовал не только религиозную фразеологию (борьба против «латынства» за «истинную веру»), но и социальную демагогию, делая вид, что покровительствует простым новгородцам против боярской олигархии. Эти лозунги — насквозь лживые и фальшивые — дали свои плоды, внеся разброд в нестройные ряды новгородцев.

Покорение Новгорода проводилось Иваном III последовательно, неторопливо, в несколько этапов, растянувшись на десять лет (1471—1479). Договор Новгорода с Литовским Великим князем Казимиром был объявлен Иваном III «предательством» и послужил поводом для начала агрессии Москвы против новгородской республики. В критический момент Литовская Русь не пришла на помощь гибнущему Новгороду, оставив его один на один с москвитями. Архиепископ новгородский Феофил предал своих сограждан и тайно поддерживал Ивана III, видя в нем покровителя православия (несколько позже архиепископ также падёт жертвой репрессий со стороны этого «покровителя»). В решающей битве на реке Шелонь в июле 1471 года десяти тысячное московско-татарское дворянское войско наголову разгромило сорок тысячное новгородское ополчение. В рядах новгородцев не было единства: предатели заколотили пушки (так что они не могли стрелять), а «владычный» (архиепископский) полк даже не вступил в битву.

Иван III впервые поступил с побеждёнными новгородцами не как с представителями другого независимого русского государства, а как с изменниками, зверски расправившись с пленными. Многим воинам отрезали носы, рты и уши, а четырем боярам (в том числе, сыну Марфы, отважному посаднику Дмитрию Борецкому) отрубили головы — вместо освобождения за выкуп, как тогда было принято. Иван III утверждал, вопреки очевидности, что Новгород — его исконная «отчина», как... и вся Русь. Обескровленный поражением город вынужден был признать это, выплатив Москве колоссальную контрибуцию и признав Ивана III своим «государем» (то есть господином).

А в 1478 году, после отчаянной попытки восстания, Новгород окончательно капитулировал перед полками захватчиков-москвичей. Последствия этого были катастрофическими и глубоко трагичными не только для вечевой республики, но и для всей русской истории. Опять несколькими боярам отрубили головы. Вече было навеки упразднено, а вечевой колокол как трофей отвезли в Москву. В Великом Новгороде сел московский наместник, управляющий отныне городом вместо избранных жителями тысяцких и посадников. Иван III приказал немедленно закрыть Немецкий и Готский торговые дворы в Новгороде (чем в корне подорвал основу новгородской торговли и могущества и разорил ненавистный город). Одной из главных обязанностей новгородцев отныне становится взаимное доноительство друг на друга.

Новгородский архиепископ был арестован, а его земли конфискованы в пользу князя. Семь тысяч семей — все знатные и богатые новгородцы, купцы и бояре — были насильственно переселены в глубь Московии, а их земли были конфискованы и переданы московским служилым людям, всецело зависящим от князя. Целями этих мер, регулярно повторявшихся затем московскими князьями на захваченных землях, было разорвать существующие там социальные связи, ослабить региональную оппозицию и, обеспечивая дворян землёй, создать социальную базу для поддержки режима московского князя. В Новгороде Иван III покусился не только на частное, но и на церковное землевладение, захватив архиепископские земли (и хотел повторить подобное затем в отношении всех церковных земель в Московии, но не смог из-за ожесточенного сопротивления церковных иерархов). После похода 1478 года на Новгород, Иван III вывез в свою столицу не только вечевой колокол оккупированного города, но и триста возов награбленного у завоёванных новгородцев имущества.

Казни, массовые переселения и конфискации, разорение новгородской торговли быстро ослабили Новгород и привели

его к упадку под властью захватчиков-москвичей и к забвению о былых вольностях. Последний оплот свободы на Руси был уничтожен, и последнее «окно в Европу» заколочено на пару столетий. Новгород пришёл в запустение. Московским властям важно было искоренить даже память о былых вечевых свободах. По словам Г. Кенигсбергера: «Для великого князя Московского присоединение Новгорода с его богатой торговлей и обширными территориальными владениями означало принципиальное усиление своего положения, богатства и влияния. Но было ли падение единственного независимого города-государства выгодно для Руси в целом — это весьма спорный вопрос. С Новгородом исчез последний противовес московской автократии, которая не встречала серьезного противодействия вплоть до XX века».

Однако и присоединённый к Московии Новгород, Новгород, опустошённый и ограбленный оккупантами, Новгород, лишённый значительной части своего населения, лишённый своей заморской торговли и веча, всё ещё был страшен московским правителям. Не зря Иван III трижды (!) повторял разгром и разорение этого города, с массовыми казнями, переселениями и конфискациями. Именно здесь чуть позднее, в конце XV века будет один из оплотов еретических вольнодумных движений. Здесь ещё помнили о былом величии и свободе.

Уже в 1479 году была предпринята отчаянная, решительная и героическая попытка восстановить независимость Новгорода, оккупированного Москвой. Восставшие горожане, прогнав московского наместника, надеялись, что Ивану III, занятому в это время войной с Ливонским Орденом, Литвой, Ордой и собственными мятежными братьями, будет не до Новгорода. Они восстановили вече, избрали посадника и тысяцкого. Но Иван III вновь с войском подступил к Новгороду и жестоко расправился с восставшими. Московские каратели перебили часть населения непокорного города. «Чистки» в Новгороде на протяжении 80-ых годов XV века Иван III повторял раз за разом — казня и ссылка множество

новгородцев и захватывая их земли, на которых «испомещал» своих дворян. По мнению Б. Кагарлицкого: «Поражение Новгородской республики... свидетельствует, что российское государство развивалось по той же общей логике, что и остальная Европа, где абсолютная монархия тоже не могла объединить и упорядочить страну, не покончив с остатками средневековых вольностей».

За Новгородом последовали завоевания москвитями остальных русских земель. В 1485 году Москва захватила Тверское княжество, поставив точку в долгом противоборстве этих двух центров Северо-Восточной Руси. Последний тверской князь Михаил едва успел бежать в Литовскую Русь, оставленный своими боярами, чутко державшими «нос по ветру» и вовремя сумевшими сориентироваться в ситуации и переметнуться к Ивану III. Ещё в 1463 году Иван III ликвидировал Ярославское княжество, а в 1477 году — Ростовское, захватив их территории. В 1489 году Иван III захватил вольную Вятку, а чуть позднее — далёкую Пермскую землю, И здесь активные противники Москвы были казнены, а жителей массово переселяли в центр Московии. На ханский трон в Казани был посажен московский ставленник.

Где подкупом бояр, где посредством династического брака, где через протекторат с завещанием умершим князем своего княжества Москве, где путем прямой военной агрессии, Москва вбирала в себя остатки независимых прежде русских земель, всемерно ослабляя и грабя их и посредством этого усиливаясь сама. При этом Иван III не делился (как было прежде) со своими братьями — удельными князьями — захваченными землями, и отвергал старинное право отъезда своих бояр к его же собственным родным братьям-князьям. Самодержавные принципы стремительно утверждались в Москве XV века. По словам В.О. Ключевского, «князья удельные превращались в князей служебных». Продолжая московские традиции, Иван III забирал уделы своих братьев и других родственников, их самих арестовывая или даже казня.

На всех захваченных землях московский государь проводил примерно одну и ту же политику, призванную ослабить присоединённые территории, разрушить существующее там общество, и возвысить Москву. По словам С.Т. Жуковского и И.Г. Жуковской: «Московские князья всеми правдами и неправдами присоединяли к себе всё новые территории, ликвидировали там власть местных правителей, органы городского самоуправления и назначали своих воевод-наместников... самовластие московских великих князей продолжало усиливаться, зачастую приобретая характер грубого произвола... Былое самоуправление старинных городов и княжеств вызывало в новой столице сильное раздражение. Единство Московского государства укреплялось распространением на все подвластные территории московских порядков. В состав Московской Руси вошли земли, сильно отличавшиеся по своим традициям, обычаям, приёмам управления, но постепенно местные самобытности, особенности, уходили в прошлое, заменяясь московским единообразием».

Массовые переселения местных «элит», казни, конфискации их земель, заселение княжеств новыми, всецело зависящими от Ивана III дворянами — эта социальная перекройка путём насилия была основой политической трансформации, предпринятой с тем, чтобы на смену многообразным старым живым институтам самоуправления снизу и общественным связям можно было поставить централизованную самодержавную власть сверху, предварительно уничтожив все общественные связи и структуры, нелояльные захватчикам. На смену пёстроу и живому конгломерату княжеств и республик, с развитыми местными традициями социальной жизни и культуры пришёл серый унылый монолит самодержавной власти московского государя. Не удивительно, что обычно, за присоединением к Московскому княжеству других русских земель происходил их стремительный политический, культурный и экономический упадок. Это было связано с тем, что старая знать разбегалась

(отчасти в Литву, отчасти в Москву — искать милостей при дворе новых хозяев Монгольской Руси), а новые московские наместники безжалостно разоряли присоединённые земли, стремясь нажиться сами и сломать существующие здесь региональные связи и особенности. Как правило, современные археологи, раскапывая старинные русские города, обнаруживают, что в городах, захваченных Москвой в XV—XVI веках, с момента их оккупации прекращается мощение брёвнами уличных настилов — характерный и яркий симптом всеобъемлющего упадка! Централизация и унификация Московской Руси достигались за счёт умерщвления всего живого и самобытного в захваченных регионах и перекачивания из них средств, людей и ресурсов в пухнущую и поднимающуюся как на дрожжах столицу.

Несмотря на стремительный территориальный рост Московского государства в XV веке, по словам С.Т. Жуковского и И.Г. Жуковской, «приращение территорий доставалось ему скорее из-за слабости соседей, нежели благодаря его собственной мощи». В XV веке Московия всё ещё оставалась глухой окраиной христианского мира, далёкой от общеевропейских процессов. Московия возникла в своеобразном вакууме силы после одновременного развала Золотой Орды и взятия (в 1453 году) Константинополя турками, и поневоле втягивалась в этот вакуум, понемногу захватывая территории, бывшие прежде ордынскими, и продвигаясь на север, юг и северо-восток — за Волгу. Если в начале княжения Ивана III Московия была окружена со всех сторон землями других русских княжеств, то в конце его правления все они вошли в состав Московии.

Разумеется, это усиливало амбиции московского правителя, делая его в собственных глазах преемником Орды и Византии, повелителем всей Монгольской (и не только) Руси, защитником православной веры (а его противников — «изменниками» Руси и вере). По С.Ф. Платонову: «Одно это обстоятельство должно было изменить его политику.

Ранее, окружённый такими же, как он сам, владельцами, Иван был одним из многих удельных князей, хотя бы и самым сильным; теперь, уничтожив этих князей, он превратился в единого государя целой народности. В начале своего княжения он мечтал о примыслах, как мечтали о них его удельные предки; в конце же он должен был думать о защите целого народа от иноверных и иноземных его врагов. Коротко говоря, сначала его политика была удельной, а затем его политика стала национальной». А В.О. Ключевский, в свою очередь, отмечал: «Вобрав... в состав своей удельной вотчины всю Великороссию... Московский государь стал заявлять требование, что все части Русской земли должны войти в состав этой вотчины». Пределы же Московии «в каждый данный момент были случайностью, раздвигаясь с успехами московского оружия и с колонизационным движением великорусского народа». По справедливому замечанию В.Д. Назарова, к середине XV века «Вильнюс перестал быть потенциальным центром государственно-политического объединения Северо-западной и Северо-Восточной Руси». Теперь эта роль постепенно переходит к Москве. Так, становящаяся самодержавной, Москва к концу XV века захватила всю Залесскую Русь и встала на путь непрерывной военной экспансии, продолжавшейся затем несколько столетий.

Но прежде надо было окончательно покончить счёты с ордынским игом, ослабевшим за последние полвека, но по инерции все ещё гнетущим Русь. По мере развала Золотой Орды уменьшался её контроль над Русью и слабело представление о легитимности её власти на Руси. Однако привычка — пресмыкаться перед монголами и страх перед призраком непобедимой степной конницы всё ещё прочно владели сердцами великих князей Владимирских. Осмелевшая церковь — некогда надёжный союзник Золотой Орды и её главный помощник в деле владычества над Русью и угнетения её жителей — теперь начинает призывать робких московских князей, трепещущих перед вчерашними повелителями и хозяевами,

к сопротивлению им под флагом защиты веры. Отдельные шайки, отряды и осколки рассыпающейся Орды нападают на Русь или поступают в услужение к московскому князю. Порой ордынские отряды, грабящие окраины Московии, получают отпор, порой — опустошают целые города и княжества. Однако эти набеги уже были не сопоставимы по масштабам с нашествием Батыя, набегом Тохтамыша, с «Дюденевой» или «Неврюевой» «ратями» и набегом Едигея. А удачные попытки воевать с мелкими отрядами татарских царевичей пробуждали в московских князьях робкую и смутную надежду на возможность окончательной победы над татарами.

По словам В.О. Ключевского: «Само собою, без бою, при татарском же содействии, свалилось с плеч ордынское иго...». С 1476 года Иван III начинает посылать в Золотую Орду не постоянную дань, а лишь эпизодические дары. Хан Ахмат, попытавшийся в последний раз восстановить мощь Большой (Золотой) Орды, в 1480 году пошёл походом на Москву, чтобы поставить расхраб्रившегося князя «на место». Он предложил Ивану капитуляцию. При этом образовались две мощные военно-политические коалиции: союзниками Москвы выступали Касимовское ханство (созданное «служебником» Василия II татарским царевичем Касимом на русских землях как буферное государство между Московией и Ордой) и могучее Крымское ханство, а её противником (и союзником Ахмата) — Литва. Одновременно произошли: нападение Ливонского Ордена на русские земли, восстание в Новгороде против гнёта Москвы и мятеж братьев Ивана III, недовольных его наглым самовластием. Однако Ивану III удалось по отдельности подавить своих противников и натравить крымское войско на Литву и Сарай. Братья помирились с Иваном перед лицом татарского вторжения, новгородцы были сурово усмирены и частично вырезаны, немцы отбиты, а литовский князь Казимир был парализован действиями стратегических крымско-татарских союзников Ивана III.

Тем не менее Иван III — столь же робкий полководец, сколь талантливый дипломат и жестокий тиран, — был склонен капитулировать перед войском хана Ахмата и, по обычаю предков, бежать из Москвы (как поступали в подобной ситуации его дед и прадед). Однако москвичи резко заявили ему (по сообщению летописи): «Ты, государь, княжишь над нами так, что пока тихо и спокойно, ты обираешь нас понапрасну, а как придёт беда, так ты в беде покидаешь нас». Князя пристыдили и решительно настроенные церковные иерархии (в частности, его духовник, ростовский архиепископ Вассиан Рыло), назвав «бегуном» и убедив сопротивляться «безбожным агарянам», «сыроедцам», и всё же поехать на войну.

Осенью 1480 года московские и татарские войска сошлись на берегах реки Угры (притока Оки). Каждый боялся вступить в битву (особенно это касалось Ивана III, многократно порывавшегося бежать от своего войска в Москву), и каждый поджидал своих союзников. О «стоянии на реке Угре» осенью 1480 года летописец тонко и не без иронии отмечает: «едини других бояхуся» (одни других боялись). Армии вяло перестреливались через реку Угру из луков и пушек, прощупывая позиции друг друга.

Союзник хана Ахмата, литовский Великий князь Казимир так же не явился к нему на подмогу, как чуть раньше он не пришёл на помощь к гибнущим новгородцам. Литовская Русь вступила в стадию стагнации, выжидания и утраты стратегической инициативы и натиска. Зато союзник Ивана III — крымский хан — нанёс удар по тылам Ахмата, опустошая его земли. В итоге к зиме река встала, и обе противоборствующие армии в ужасе пустились наутёк друг от друга, не решившись вступить в сражение. А вскоре хан Ахмат был убит в Орде, которая к 1502 году окончательно и бесповоротно развалилась под ударами Крымского хана Менгли-Гирея.

Так иго не было свергнуто Москвой — оно свалилось с Руси само собой, даже, пожалуй, к некоторому изумлению московских князей, привыкших раболепствовать перед ханами

и опираться на их помощь. Главные герои и виновники «падения ига»: великий завоеватель Тимур, растоптавший Золотую Орду в конце XIV века, и её основные соперники — крымские ханы Гирей, в XV веке завершившие начатое им. История «стояния на Угре» — по-своему комична. Иго монголов, которое два с половиной столетия до того начиналось величайшей трагедией Батыева нашествия, завершилось фарсом «стояния на Угре».

Отныне московский князь чувствовал себя «на равных» с татарскими ханами — такими же наследниками обломков Золотой Орды, как и он сам. Ведь Москва была такой же частью распавшегося государства, как и Крым или Казань. Наиболее сильным и долговечным из этих ханств оказалось Крымское ханство — сначала (во второй половине XV века) стратегический союзник Московии против Большой Орды, а затем (оно просуществовало три века) — вассал могущественной Османской империи и постоянный опасный противник Москвы, опустошавший Русь набегами и грабежами. Крымское ханство контролировало (помимо собственно Крыма, заселённого, в основном, татарами) также Кубань и Причерноморье. А с середины XV века возникает Казанское ханство на средней Волге — преемник как ордынских традиций, так и древней Волжской и Камской Болгарии — богатое купеческое государство, повелевавшее многими народами Среднего Поволжья. В нём московский князь то сажал своих ставленников-правителей, то обретал опасного и могучего противника. Куда слабее были Ногайская орда в Прикаспии, Сибирское и Астраханское ханства.

С конца XIV века и весь XV век идёт массовое переселение ордынской знати на русские земли, воспринимавшееся как перемещение внутри территории, подвластной ханам Сарая. С одной стороны, ордынские царевицы (часто принимавшие крещение) служили Москве, рекрутировавшей из них своих ставленников на троны в Казани и Бахчисарае, а с другой, они по-прежнему смотрели на московских князей, как на своих вассалов и данников.

До XVI века ордынская аристократия считалась на Руси правящей, а принявшие православие татары вливались в ряды высшей русской знати.

Василий II пожаловал татарскому царевичу Касиму земли на Оке и Волге, создав Касимовское ханство. Парадокс, но и в XVI — XVII веках московские князья и цари, считавшиеся по рангу ниже Чингисидов, платили в Касимов символическую дань («ясак») своим же «служебникам»! Однако Москва могла теперь уже на равных говорить с монгольскими правителями, играя на противоречиях между ними и всё чаще заменяя тяжелую и регулярную дань эпизодическими «подарками». Тем не менее, по словам современного историка Р.Г. Ланды, «в сознании татарской знати как этих ханств, так и Касимовского царства и других вассальных от Руси владений, да и среди потомков татарской знати в среде московской аристократии ещё долго, вплоть до середины XVI в., было живо убеждение в праве господствовать над Москвой и всеми её землями». Не случайно позднее Иван IV Грозный «уступит» (пусть номинально) свой трон татарскому царевичу Симеону Бекбулатовичу, а потомок татарского рода Борис Годунов сядет на опустевший трон Рюриковичей.

Ханы Казани, Крыма и Астрахани требовали от Москвы выплаты дани и изъявления покорности, претендуя на наследование власти Золотой Орды, нападали на Русь, уводили рабов — но всё это было не сопоставимо по масштабам с прежним игом. К тому же Москве удавалось сталкивать между собой различные ханства и постепенно захватывать их. Как подчёркивает Р.Г.Ланда: «С начала XVI в. в грамотах крымских и ногайских ханов московского государя уже именovali «Великого улуса великий князь»». Тем самым правители Москвы признавались законными и главными преемниками власти ханов Золотой Орды, ибо только эта держава ранее называлась Великим Улусом. В правление Василия III (1505—1533) в титулатуре московского правителя появляется титул «Белый царь» — то есть преемник правителей Белой

Орды улуса Джучи, правивших до этого в Сарае. Так, к середине XVI века московские государи фактически воссоздали государство в пределах бывшей Золотой Орды, продолжающее её основные традиции — но со столицей уже не в Сарае, а в Москве.

При Иване III, его сыне Василии III и внуке Иване IV Московия начинает успешную борьбу за контроль над Волгой. И тому были веские экономические причины. После падения Константинополя в 1453 году связи Европы с Востоком, идущие прежде через Византию и итальянские города, были прерваны. Вскоре, в поисках нового пути на Восток, европейцы двинутся в обход Африки и в Атлантику и начнут этим эпоху Великих Географических Открытий. Но во второй половине XV века резко возросло значение волжского торгового пути, что способствовало возвышению Московии и её экспансии в этом направлении. (Не случайно, именно в конце XV века тверской купец Афанасий Никитин в своём «хождении за три моря» добрался до Индии). А в XVI веке Московская Русь подвинулась на Волгу, начав превращать её, до того татарскую реку Итиль, в «русскую реку», «матушку», «кормилицу», сокрушив татарские ханства на Волге (Казань и Астрахань) и стремительно подчиняя многие земли и народы в своём движении на восток.

По мнению Б. Кагарлицкого: «Московии удалось не только за кратчайший срок захватить, но и удержать эти обширные владения именно потому, что объективная потребность в поддержании порядка на волжском торговом пути требовала соединения этих земель под единой властью, и для татарской знати и купечества это было не менее очевидно, чем для русской. Так же, как Римская империя в древности, объединяя средиземноморское экономическое пространство, интегрирует в единую цивилизацию проживающие там народы, так и Московская Русь формирует себя как нацию, устанавливая единую власть на речных путях... Но походы на Волгу, сколь бы успешными они не были, существенно

запоздали. В тот самый момент, когда волжский путь полностью и окончательно переходит под власть Москвы, мировые торговые пути смещаются на запад». Таким образом, по мнению Б. Кагарлицкого, именно «открытие» и колонизация европейцами Нового Света стали отправной точкой для формирования мировой экономической системы, развития буржуазных отношений и — для окончательного, радикального и безнадёжного, отставания Руси от европейского экономического «центра», отныне властно диктующего миру свою волю. Б. Кагарлицкий отмечает по этому поводу: «Москва опоздала... Московские правители должны ответить на вызов времени. Находясь в глубине европейского континента, Россия не имела прямого доступа к новым торговым путям. Ничего не получая от расцвета европейской торговли, начавшейся после открытия Америки, Россия неизбежно оказывалась и на периферии мирового экономического развития, фактически выпадая из формирующейся мировой экономической системы. Таким образом, именно конец XV — начало XVI века стали решающим рубежом, предопределившим дальнейшую судьбу России — борьбу с отсталостью и изоляцией».

Итак, при Иване III Монгольская Русь была объединена вокруг Москвы и перестала (отчасти) быть «монгольской», то есть зависимой от ханов Сарая (ибо наследник власти и титулов ханов Орды, столь же самовластный, агрессивный и деспотичный, теперь сидел в самой Москве). Разумеется, эти перемены потребовали изменения социальной политики, создания новых инструментов управления, что и было сделано Иваном III.

В.О. Ключевский отмечал: «С конца XIV в. поднялось усиленное переселенческое движение из междуречья на север за Волгу. Размещаясь мелкими посёлками, ведя более двух веков дробную работу по местам, но при сходных экономических и юридических условиях, переселенцы со временем сложились всюду в сходные общественные типы, освоились между собою, выработали на значительных пространствах известные взаимные связи и отношения, юридический быт

и хозяйственный оборот, нравы, ассимилировали окрестных инородцев, и из всех этих этнографических элементов, прежде рассыпанных и разъединённых, к половине XV в. среди политического раздробления сложилась новая национальная формация. Так завязалась и окрепла в составе русского населения целая плотная народность — великорусское племя».

Население, забившееся в леса и болота Северо-Востока, измученное внешними набегами и внутренними раздорами, желало единства, покоя и порядка, нередко даже поддерживая завоевание Залесской Руси московскими князьями. К XVI веку в Московии было уже около пяти миллионов жителей. Это население было крайне редким, разбросанным кое-где по крошечным посёлкам (обычно в два-три двора), но ведущим интенсивную внутреннюю колонизацию, распашивая поля и основывая новые деревни. По мнению историка В.Д. Назарова, «по комплексу экономических примет столетие с 60-70-х годов XV в. можно полагать «золотым веком» российской деревни» и можно говорить «о значительном расширении ареала обрабатываемых земель, заметном демографическом подъёме в деревнях, развитии в них промыслов». Это время — эпоха начала активного каменного строительства в Москве и в некоторых других городах Руси.

К этому времени слово «крестьянин» (от «христианин») становится самоназванием сельского жителя — землепашца, не находящегося в холопской зависимости. По верному замечанию В.Д. Назарова: «несомненно, что появление нового смысла у термина «крестьянин» было обязано успехам русской церкви в евангелизации сельских жителей... Прозрачны государственно-политические мотивы: сообразно территориально-политическому объединению шла постепенная унификация сословных статусов, а значит, унифицировалась система терминов».

Крестьяне платили государству налоги двоякого рода: дань и повинности общегосударственного масштаба (на строительство крепостей, содержание ямщиков) и платежи

и сборы в пользу представителей великокняжеской власти на местах («кормления»). В это время вводятся новые поборы и налоги, растёт число внутренних пошлин на торговлю, занятие промыслами, число судебных штрафов и пошлин (наряду с ростом произвола местной администрации). И всё же, по мнению В.Д. Назарова, в конце XV века «среднее крестьянское хозяйство отдавало от 20 до 30 % своего совокупного продукта» в виде различных налогов и поборов, а значит: «Государство и феодалы ещё не изымали у крестьян всё, что находилось за пределами минимальных хозяйственных и житейских потребностей... Однако стали обрисовываться контуры грядущего исторического выбора — между крепостническим и некрепостническим развитием страны и общества».

Городов в Московской Руси в эту эпоху было не более сотни — совсем немного (если учесть огромные территории и потребности управления страной). В отличие от Киевской Руси, Московская Русь была не Гардарикой (страной городов), но страной деревень — вплоть до середины XX века. В Великом Новгороде жили свыше 30 тысяч горожан, в Москве — чуть больше, а в большинстве городов жило менее тысячи жителей. В целом, городское население составляло в XV веке два процента от общего числа жителей Руси и почти не влияло на её политическую жизнь /в отличие от Киевской эпохи/. И это очень легко объяснить — ибо, по словам В.Д. Назарова: «Город изначально стал главным объектом эксплуатации со стороны ханской власти» и наиболее пострадал в период монгольского ига. Существовали различные корпоративные организации населения: крестьянская община, корпорации служилых людей (дворян, которых в XV веке называли «детьми боярскими» — то есть слугами бояр) по уездам, корпорации («сотни») купцов. А вот цехов ремесленников и городов-коммун Московия уже не знала (по понятным причинам).

По словам историка Л.М. Ляшенко: «В конце XV в. государство переходит в наступление на права и свободы крестьян. Выполнение этой задачи облегчалось тем, что эти

права и свободы почитались как традиция, но не охранялись законом». Растёт налоговый гнет, ограничивается (Судебником 1497 года) срок перехода крестьян к новым хозяевам: неделя до Юрьева дня (26 ноября) и неделя после (с обязательной выплатой «пожилого» — платы за пользование своей землёй — и всех ссуд).

По мере усиления гнёта со стороны государства и одновременного продвижения территории Московии на юг и восток (и захвата татарских ханств), массы непокорных крестьян бежали в Дикое Поле, на границы Московии и Литвы. Так возникло (в XV—XVI веках) казачество: Донское, Днепровское (Запорожское), а чуть позднее — Яицкое. Казаки пользовались автономией, решали все вопросы на общем «кругу», выбирали своих предводителей-атаманов. Они непрерывно воевали с татарами, турками, царскими воеводами, грабили купцов. В попытках «усмирить», «приручить» и подчинить казаков московское правительство то посылало против них войска, то брало их на денежное содержание и отправляло им хлеб, свинец и порох (ибо казакам по их обычаям строго запрещалось заниматься землепашеством).

В XVI и в XVII веках действовал неписанный, но священный и нерушимый принцип: «С Дона выдачи нет!» Человек, сумевший убежать на Дон от московских чиновников и налогов, не мог быть возвращён прежнему владельцу и становился вольным казаком — свободолюбивые авантюристом, бродягой и бунтарем. По словам современного экономиста Г. Гловели: «На Руси свободными беглых крепостных людей мог сделать не воздух городов, как на Западе, а разгульный воздух южных степных «украин», где в низовьях Дона, Волги и Яика сложился особенный уклад жизни — казачество». В XVII—XVIII веках казакам выпадет важнейшая роль в русской истории: миссия застрельщиков громадных и героических народных восстаний, миссия зачинателей сопротивления государственному гнёту. А в XIX веке государство ломает-таки хребет казачеству, «купит» его

и превратит (репрессиями и привилегиями) из независимой и бунтарской силы в покорный оплот своей власти. Однако в XV—XVI веках казаки лишь начали оформляться, как особая категория и уникальная «субкультура» населения Руси, в чём-то похожая на ушкуйников Новгорода.

Как ни парадоксально и ни удивительно, если чернозёмная Киевская Русь в основном занималась не земледелием, а посреднической торговлей, то Московия (с её скудной, неплодородной, заболоченной, суглинистой почвой, непроходимыми дебрями лесов и суровым северным климатом) стала усиленно развивать с начала XVI века зерновое хозяйство. Это было связано с ростом международного спроса на зерно к началу XVI века. По замечанию Б. Кагарлицкого: «По мере того, как зерно становится мировым товаром, Россия, вслед за Польшей, превращается в мирового экспортёра». Впрочем, своего пика международная торговля зерном из России достигнет чуть позже — в XVII—XX веках, когда Россия, уничтожив Речь Посполитую, станет полуколонией, сырьевым придатком и житницей Европы. Но уже к началу XVI века из Москвы на запад продётся во всё возрастающих количествах зерно, а также лён и пенька — сырьё для бурно растущей кораблестроительной промышленности Европы. Однако, по Б. Кагарлицкому, к началу XVI века, «парадокс в том, что экономический подъём сопровождался и усилением отставания России от Запада. Это кажущееся противоречие вызвано тем, что, будучи вовлечённой в общий процесс развития и социально-экономического преобразования, Россия оказывается на его периферии» — и, чем дальше, тем больше, несёт на себе его издержки (подобно другим окраинам, колониям и полуколониям формирующегося мирового индустриально-буржуазного центра).

Эпоха Ивана III — время активного формирования дворянства и боярства, поместной и вотчинной системы землевладения на Руси. Как отмечает В.Я. Хуторской: «Не имея денег для содержания профессиональной армии и бюрократического аппарата, государство было вынуждено платить

жалованье деревнями и сёлами». Возвышая по своей воле «служилых людей» («детей боярских»), московские владыки подчиняли им прежде свободных крестьян, селили их на оккупированных землях соседей. А, по словам В.Д. Назарова: «Мы вправе говорить о государственно-корпоративной собственности ассоциаций бояр и вольных слуг во главе с монархами-князьями на все тяглые земли в городах и сельской местности, а в определённом смысле — и на самих тяглецов, горожан и крестьян». (Тяглыми людьми назывались все те, кто платил подати и дани государству и его людям).

Иваном III широко использовались поместья — участки княжеской земли с крестьянами, розданные служилым людям не в собственность, но лишь во владение на время службы. Понятно, что именно дворяне — государевы холопы, получавшие поместья — становились наиболее преданными слугами великого князя и связывали с ростом его власти свой успех и благополучие. А складывание самодержавия и крепостной системы на Руси — не просто параллельно идущие процессы, а, в сущности, две стороны одного и того же процесса порабощения населения государством. Как отмечают С.Т. Жуковский и И.Г. Жуковская: «В руках московских государей сконцентрировалась гигантская земельная собственность, и материальное благополучие знатных родов всё больше зависело от царских пожалований». Подобно тому, как некогда утеря русскими князьями независимости под властью ханов Орды компенсировалась ростом их могущества в отношении своих подданных, также и теперь порабощение бояр и дворян московскими правителями компенсировалось таким же ростом их власти над крестьянством. Начинается резкое ужесточение гнёта над крестьянами, раздачи дворянам поместий и усиление личной зависимости крестьян от помещиков. Московские князья давали боярам и дворянам новые пожалования, взамен отбирая старые вольности и права.

Иван III «испомещал» захваченные земли своим служилым людям, которые за это исполняли военные, посольские или административные обязанности. Дворянство

(наряду с церковью) становится мощной опорой великокняжеской власти, вытесняющей старое боярство, представляющее региональные интересы, местные княжеские династии, приходящие в упадок, и «обременённое» аристократическими представлениями о своей личной и родовой «чести» и «свободе». Дворянское ополчение составляло основу московского войска.

Так начинается неуклонный, зловеющий и роковой процесс закрепощения крестьян (в то время как в Западной Европе XIV—XV веков происходит обратное: отмена личной зависимости крестьян). Княжеские холопы и слуги, эмигранты из Орды и Литовской Руси становились московскими дворянами, получая либо «кормления» (право на сбор податей в свою пользу с определённой местности), либо «государево денежное жалование». По словам В.Д. Назарова, складывается «сознание, что только несущие ратную службу... имеют право на земельное владение с крестьянами». К началу XVI века на Руси дворян (с семьями) было уже свыше ста тысяч человек или около двух процентов от численности всего населения Московии. В функции дворян и бояр входила защита государства и управление «тяглецами», то есть зависимыми от государства крестьянами.

Особое место в Московии Ивана III занимало боярство, существенно меняющееся в это время по своему составу, происхождению и функциям. К началу XVI века «боярин» — это уже не обязательно аристократ-вотчинник, но — член Боярской Думы, чин, который жалует великий государь. Те бояре, которые постоянно находились при особе государя, именовались «государевым Двором». Московские бояре из вотчинников-аристократов, владеющих своими сёлами и землями, понемногу превращаются в «холопов» великого князя — верховного собственника всей земли, а значит, всецело зависят от его милостей и пожалований. По мере того, как удельные князья становились служилыми князьями, теряя свои вотчины по воле государя Москвы и отправляясь на

службу, «куда пошлёт князь великий», складывается корпорация высшего боярства — и Великий князь теперь строит с ним отношения не на индивидуальной, но на корпоративно-групповой основе. В XV веке вновь приехавшие в Москву князья: Гедиминовичи, Рюриковичи, Чингисиды вытеснили старую московскую знать с её позиций и составили большинство в Боярской думе. Отношение московского государя к подданным (включая и бояр) строилось отныне не на договоре, не на традициях, не на «старине», но на их безусловном подчинении его всевластию.

Формируясь из бывших удельных князей и вельмож, боярство в конце XV — начале XVI века всё же отчасти сохранило аристократический дух и, в то же время, подверглось систематическому ущемлению и ограничению своих прав (права совета — участвовать в принятии князем решений, и права отъезда к другому князю) со стороны Великого князя, смотрящего на бояр, как на своих слуг. Если Дмитрий Донской в своей духовной грамоте завещал детям: «бояр своих любите, честь им достойную воздавайте по их службе, без воли их ничего не делайте», то уже Иван III смотрел на бояр, как на собственных «холопов» (в то время как многие из бояр всё ещё воспринимали князя, как первого среди равных). По мнению бояр, московский государь, управляя всей Русью, должен был опираться на них — тех, чьи предки некогда владели частями этой земли. Это неизбежно вело к конфликтам, придворным интригам, опалам и казням. Великий князь всё более был склонен опираться на своих дворян и на незнатных чиновников-дьяков, из которых формировался административный аппарат управления. В.О. Ключевский отмечал: «Теперь, когда потомки прежних владетельных князей собрались в Москве, их прежняя власть, унаследованная от отцов, из одиночной, личной и местной превратилась в собирательную, сословную и всеземскую».

Это, разумеется, не могло нравиться московскому правителю. Он постоянно ограничивал «право совета» бояр

(решая всё единолично) и «право отъезда». Как отмечает С.Г. Пушкирёв: «Право отъезда бояр и вольных слуг могло существовать только до тех пор, пока Русь была политически раздроблена; с конца XV в., когда уделы были уничтожены и крупные областные княжества присоединены к Москве, «отъехать» практически было некуда, кроме Литвы, но такой отъезд рассматривался уже как измена и побег и вёл к конфискации имений бежавшего. Таким образом, с конца XV в. все бояре и слуги московских государей становятся уже фактически слугами «невольными», т.е. они обязаны служить московскому государю и никому иному». Иван III, объявляя себя повелителем всей Руси и отождествив своё самодержавие с интересами православной веры, одновременно объявлял всех бояр, покидавших его, «изменниками» (даже если они ехали в Литовскую Русь, имевшую не меньше оснований, чем Московия, считаться русским государством).

До середины XV века между московским князем и боярами заключались договоры, по которым боярин должен был «служить» князю, а князь — «кормить» его, и каждый боярин имел право на отъезд и участие в совете князя. Таким образом, в это время, по С.Ф. Платонову, «московские князья и бояре составляли одну дружную политическую силу». Но при Иване III ситуация радикально изменяется: усиливается приезд бояр к московскому князю (из Литвы, Орды, других русских земель, захваченных москвичами). Складывается порядок местничества, определявший (на основе прецедентов) отношения между боярскими родами и порождавший постоянные споры. Теперь Боярская Дума становится постоянным органом с фиксированным членством. При этом вчерашние удельные, а ныне служебные князья не переставали помнить о том, что они — Рюриковичи, Чингисиды, Гедиминовичи, лишь злой волею судьбы поставленные ниже московского правителя. С.Ф. Платонов отмечал: «Помня своё происхождение, зная, что они потомки прежних правителей Русской земли, они смотрят на себя и теперь, как на хозяев Русской земли, с той только разницей, что

предки их правили Русской землёй по одиночке, по частям, а они, собравшись в одном месте, около московского князя, должны править все вместе всей землей. Основываясь на этом представлении, они склонны требовать участия в управлении страной, требуют, чтобы князья московские советовались с ними о всех делах». Московские же князья последовательно ограничивали все права своих бояр, сурово расправляясь с непокорными.

Для управления Московией Ивану III нужны были и новые законы, и аппарат управления. В 1497 году Иван III издаёт Судебник — общерусский свод законов, унифицирующий правовые нормы и упорядочивающий процесс судопроизводства. Московское право становилось теперь общерусским правом. В Судебнике рассматривались вопросы организации судебной и административной системы в центре и на местах, социальные отношения (в частности, возможность ухода крестьян от помещиков лишь в Юрьев день). По Судебнику почти все уголовные преступления карались смертью (тогда как «Русская Правда» Киевской Руси вообще не знала такой меры наказания), а за мелкие кражи полагалось битье кнутом. Допускались и пытки в ходе следствия и кулачные поединки («поле») истцов с ответчиками. В общем, Судебник 1497 года ярко отразил общую чудовищную деградацию общества Монгольской Руси в сравнении с Русью Домонгольской — в сторону огромного роста несвободы, жестокости и государственного насилия над человеком.

Централизованное государство и самодержавная власть, объединяя завоёванную ими страну (через захват и подчинение) и методически разрушая все существующие горизонтальные общественные связи и структуры, взамен нуждалось в разветвлённом бюрократическом аппарате управления, пронизывающем общество сверху донизу. И он, конечно же, вскоре появился. Система управления, сбора налогов и организации войска была позаимствована Московией у монголов (в свою очередь, некогда позаимствовавших всё это у Китая), а придворный этикет, религиозное обоснование и «национальная идея» — у византийцев.

На верхушке пирамиды власти находился сам московский великий князь, издающий законы, назначающий высших должностных лиц, ведущий суд и порой — всё реже и реже — командующий в важнейших военных походах. Князь советовался с Боярской Думой — постоянным совещательным органом, насчитывающим 15—20 человек, одновременно ставшим ядром сословной организации «благородной» части общества. Как подчёркивает историк Л.М. Ляшенко: «Власть царя постепенно становилась самодержавной, не терпящей противоречий и неподчинения. Боярская Дума, совещательный орган при великом князе, лишь внешне напоминала древнерусских советников-дружинников, поскольку не имела решающего голоса при обсуждении важнейших вопросов жизни государства... Так рушился ещё один возможный оплот ограничения великокняжеской власти: бывшие удельные владыки превращались из вассалов в подданных Москвы».

Следует отметить, что Иван III почти завершил дело ликвидации удельной системы, арестовывая своих братьев и отбирая их территории. По словам С.Ф. Платонова: «Дмитрий Донской дал старшему из пяти сыновей треть всего имущества, а Василий Тёмный — половину. Иван III уже не хотел довольствоваться избытком одних материальных средств и желал полного господства над братьями. При первой возможности он отнимал уделы у своих братьев и ограничивал их старые права. Он требовал от них повиновения себе, как государю от подданных... Словом, везде и во всём Иван проводил взгляд на великого князя, как на единодержавного и самодержавного монарха, которому одинаково подчинены как его служилые князья, так и простые слуги... Так, вместе с объединением Северной Руси совершалось превращение московского удельного князя в государя-самодержца всей Руси».

При Иване III начинают формироваться приказы — органы центральной исполнительной власти, управляемые дьяками — бюрократами, выходцами из незнатной среды. На смену временным поручениям, даваемым боярам, возни-

кают постоянно действующие учреждения и присутственные места: казначейство, приказ Большого Дворца, Разрядный и Разбойный приказы. Усиливается влияние не родовитых, но грамотных чиновников-дьяков. Так было положено начало русской бюрократии, хотя общее число её представителей в эпоху Ивана III ещё не превышало 200 человек. Московия в административном отношении была поделена на уезды, станы и волости. Наместники территорий и «волостели» (мелкие местные начальники) присылались из Москвы и получали управление землями «в кормление» (состоявшее из части налогов и судебных пошлин) — в вознаграждение за их службу.

Главными ведомствами становятся Дворец и Казна. Дворец ведал великокняжескими землями и тяжбами о земельной собственности. Казна же была не только финансовым хранилищем, но и государственным архивом и внешнеполитическим ведомством. Дьяки вели делопроизводство и выполняли все технические функции.

К концу XV века в Московии сложилась система неограниченной единоличной власти великого князя. Повсеместно устанавливались отношения, подданства, выразившиеся в обращении бояр и князей к московскому правителю: «яз холоп твой». Князья Москвы, обладая безграничной властью, требовали безусловной покорности от своих подданных, воспринимали и крестьян, и бояр, и князей, как своих холопов. При этом в управлении страной московские владыки прежде всего делали ставку на насильственные военные методы, рассматривая Русь, как завоёванную территорию, ставшую их беззащитной добычей.

Драматично складываются в XV — начале XVI века и отношения между княжеской властью и церковью, постепенно утрачивающей свою независимость и взамен получающей покровительство со стороны московских государей и временное сохранение своих несметных богатств. Первым шагом на этом пути стали бурные события, случившиеся на Руси

в княжение Василия II Тёмного и связанные с Флорентийской унией 1439 года — союзом восточного и западного христианства, заключённым между византийской православной церковью и римско-католической церковью. Уния была призвана помочь Константинополю выстоять в борьбе против натиска турок-османов (но не помогла: через 14 лет турки захватили великий город!) и ознаменовала долгожданное объединение христианского мира, причём православные сохраняли свои обряды и признавали главенство папы римского. Присутствовавший на объединительном великом Флорентийском церковном соборе глава русской церкви митрополит Исидор (грек, как и почти все предыдущие русские митрополиты) был горячим сторонником союза церквей, противником раскола христианского мира, и от имени русских христиан подписал унию. Однако ни московские церковные иерархи, ни князь Василий II не приняли этого.

Причины случившегося хорошо объясняют С.Т. Жуковский и И.Г. Жуковская: «Еретиками на Москве считали и католиков, и протестантов, и униатов... Даже недавние учителя в вопросах веры — греки — вызывали сильное подозрение в «нечистоте» православия (как, впрочем, и все остальные православные христиане, не являвшиеся подданными Москвы)... Вера в ту эпоху не связывала Русь с остальным христианским миром, а наоборот, отделяла от него. Чем дальше, тем больше православие воспринималось как религия одной нации, государства: его так и называли «русская вера». Само собой разумеется, что католиков и протестантов христианами не считали, всякое общение с ними, даже бытовое соприкосновение запрещалось (считалось, что православный русский человек осквернится даже тогда, когда сядет за один стол с армянином, хотя Армения восприняла христианство из той же Византии задолго до Руси)... «Истинность» и «чистота» христианской веры для большинства священнослужителей (даже высших) сводилась к точному исполнению обрядов, которым фактически придава-

лось значение магического ритуала». Считалось, что лучшим способом спасения души является пострижение в монахи (хотя бы перед смертью), а в миру — щедрое пожертвование на церковные нужды и неуклонное соблюдение всех обрядов. Неудивительно, что монастырские земли не дробились со временем (как у светских хозяев), а, будучи собственностью единого хозяина — церкви — концентрировались и накапливались с течением лет.

Всё это вполне объясняет, почему в Москве не приняли ни Флорентийскую унию, ни воссоединения христианского мира, ни позицию греческого патриарха, ни даже собственного (но тоже греческого) митрополита Исидора. Ведь для русского православия, веками воспитывавшегося в духе ненависти к «латынству» и невежественного ощущения собственной исключительности, была характерна крайняя националистическая и ксенофобская нетерпимость и буквалистское, непросвещённое, ритуально-магическое, по сути, наивно-языческое понимание христианства («обрядоверие»). Прибыв в Москву в 1441 году с известием об объединении всех христиан, Исидор был немедленно арестован Василием II, желавшим подчеркнуть свою ортодоксальность и привлечь к себе церковных иерархов, чья поддержка нужна была ему в феодальной войне, сотрясавшей тогда Русь. Исидор был низложен и лишён сана митрополита (позднее он бежал за границу). Выступая против Флорентийской унии, Василий II сыграл роль рьяного защитника незыблемости православия, чем завоевал симпатии русских епископов, которые активно помогли ему в борьбе за власть с его военравными кузенами — Василием Косым и Дмитрием Шемякой.

Церковные деятели Монгольской Руси охотно поддерживали укрепление власти московских князей и их противостояние многоконфессиональной и веротерпимой Литовской Руси, и обосновывали этот процесс, взамен получая абсолютный контроль за духовной жизнью населения и щедрое пожалование. После низложения Исидора, нового митрополита —

бывшего рязанского епископа Иону — избрал в 1448 году уже собор русских церковных иерархов по указанию великого князя московского, а не по назначению константинопольского патриарха.

Это знаковое событие означало обретение русской церковью автокефалии (независимости) от Византии и, одновременно, попадание её в зависимость от воли московского правителя. О последствиях этих событий историк С.Ю. Шокарев пишет: «Отныне глава русской церкви более не присылался из Византии, а «избирался» на соборе русских владык или, точнее, назначался великим князем. В борьбе церкви и государства, которая началась ещё в последней трети XIV в., *(то есть при Дмитрии Донском — П.Р.)* в середине XV в. верх одержала государственная власть. Великий князь теперь считался не только опорой и надеждой всех православных, но и, фактически распоряжаясь митрополичьим престолом, стал главным арбитром в решении церковных и даже многих догматических вопросов».

На Руси связывали между собой Флорентийскую церковную унию 1439 года и вскоре последовавшее падение Константинополя в 1453 году, считая, что гибель Византии — прямое следствие её отступления от истинной веры. В то же время в Литовской Руси, в Киеве появилась особая митрополия, принявшая униатство и объединение христианских церквей, причём её митрополиты по-прежнему назначались из Константинополя (что углубило религиозно-культурный раскол Руси на Московскую и Литовскую части).

Однако определённой автономией от власти князя московская церковь до конца XV века всё ещё обладала, изо всех сил отстаивая свое право на владение огромными земельными владениями и свирепо борясь с любыми ересями. Так, в 1479 году Иван III начал было учить митрополита Геронтия, как правильно исполнять религиозные ритуалы. Митрополит обиделся — и Ивану III пришлось уступить и извиниться.

По В.Д. Назарову, церковные иерархи XV — начала XVI веков «постепенно формировали и формулировали (в текстах и на практике) политическую доктрину Российского государства как полностью суверенного христианского православного царства». Теперь борьба с Ордой и её обломками была объявлена борьбой с «басурманством». И соответствующим образом начала переписываться и фальсифицироваться недавняя история, так что вчерашние верные слуги и союзники ханов — церковные митрополиты и московские князья — стали представляться героическими борцами с татарским гнётом. А противостояние Литовской Руси в её попытках освободить и объединить русские земли объявлялось священной борьбой с «латинством».

В конце XV века в Московии (прежде всего, в крупных городах, центрах книжной культуры, — Новгороде и Москве) возникают немногочисленные еретические движения, во многом сходные по своему социальному составу и идеям с аналогичными и синхронными им предреформационными движениями в Европе (вспомним гуситов в Чехии или Джона Виклифа в Англии). Русь всё ещё шла в ногу с Европой, хоть и существенно отставая в масштабах социально-культурных процессов. Еретики-вольномудцы, находя поддержку среди наиболее образованных и мыслящих слоёв населения — горожан, низшего духовенства, дьяков и купцов, критиковали церковную иерархию, поклонение иконам и мощам (как языческое идолопоклонство), отвергали культ Троицы (как пережиток многобожия), коррупцию и катастрофическое нравственное разложение в церковной среде. В частности, еретики саркастически высмеивали эсхатологические утверждения церковных ортодоксов о том, что в 1492 году (семитысячном году от Сотворения Мира) непременно наступит Конец Света. Как известно, он тогда ещё не наступил, хотя именно в этом году Христофор Колумб открыл Новый Свет, а Иван III именно в этом году впервые назвал себя «государем всея Руси».

Русские церковные иерархи — нетерпимые, фанатичные, властные, воинственные (а часто и малообразованные), разумеется, резко выступили за немедленную беспощадную расправу с еретиками, требуя от княжеской власти «принять меры», следуя образцу католической инквизиции (в этом единичном случае призывая кое-что перенять у ненавистного Запада). Так, крупнейший церковный деятель конца XV века Иосиф Волоцкий недовольно писал в те годы: «ныне и в домех, и на путях, и на торжищах иноци и мирсии и вси... о вере пытаются... от еретиков». А приверженец Иосифа Волоцкого (иосифлянин) новгородский архиепископ Геннадий писал в конце XV века с поразительной простотой и прямо-той: «Люди у нас просты, не умеют по книгам говорить; так лучше уж о вере никаких речей не плодить, только для того и собор учинить, чтобы еретиков казнить, жечь и вешать».

Однако не все в церкви придерживались такого однозначного мнения о методах полемики с инакомыслящими. В последние годы княжения Ивана III в русской церкви возникли два противостоящих друг другу течения: иосифляне и нестяжатели, — борьба между которыми растянулась почти на сто лет и оказала огромное влияние не только на церковную, но и на политическую, социальную и духовную историю Московской Руси.

Представителями одного из этих течений — «нестяжателями» или «заволжскими старцами» (ибо многие из них жили в глухих отшельничьих скитах за Волгой) были: Нил Сорский, Вассиан Патрикеев и Максим Грек. Они были людьми святой жизни, мистиками-исихастами, аскетами, книжниками и духовными просветителями Руси, понимая христианство как любовь и нравственное преображение личности, её «обожение» (экстатическое слияние с Богом). Нестяжатели критиковали чисто внешнее, формальное благочестие, проповедовали мистические практики исихазма, аскетизм и неуклонное личное самосовершенствование. Они резко осуждали церковные богатства, выступали за добровольный отказ церкви от землевладения,

за мирное увещание еретиков и за духовную свободу личности перед лицом светской власти. Они представляли мистическое («исихастское»), идущее из монастырей Афона, течение в русском православии, отличались высокой нравственностью, свободолюбием и огромной эрудицией. Их отличала независимость и принципиальность суждений, бесстрашное осуждение как пороков церкви, так и самих московских князей, когда те поступали, по их мнению, бесчеловечно и несправедливо (нестязательство стало духовной основой оппозиций XVI века).

По мнению нестяжателей, церковь была призвана духовно изменять людей, а не быть частью существующей «земной» власти. Поэтому огромные богатства, накопленные церковью, следовало отдать, а монахи должны были жить вне «мира», добывая сами себе пищу физическим трудом, ибо роскошь и богатство вели к неизбежной деградации и паразитизму духовенства (в монастырях тогда повсеместно процветали пьянство, обжорство, невежество и разврат, вера понималась поверхностно-магически, а церковные должности продавались за деньги). Христианство, в понимании нестяжателей (пользовавшихся огромным духовным авторитетом в обществе) — это любовь, милость, созерцание, свобода и мистическое соединение с Богом. Впрочем, и население, и князья, и большинство духовенства, уважая нестяжателей за обширные знания и святую жизнь, не понимали и не принимали их высоких идей.

Противоположное течение (явно преобладающее в русской церкви) называлось «иосифлянами» — по имени их вождя, неистового Иосифа Волоцкого, игумена и публициста. Иосифляне, осуждая уход из мира и «умствования», выступали за неуклонное и буквальное следование букве религии (обрядовое), за активное действие церкви в обществе, её союз и слияние со светской властью, сохранение и преумножение церковных богатств (чтобы помогать нищим, больным и убогим) и тотальное физическое истребление еретиков. Многие свои идеи иосифляне, ратуящие

за чистоту православия, как ни парадоксально, позаимствовали у католиков — в частности, идеи теократии и инквизиции. Именно иосифляне взяли на себя миссию обоснования самодержавной и священной власти московских государей.

Церковный собор 1504 года осудил еретиков на смерть: они были сожжены. На Руси, как и в Европе, запылали костры для тех, кто иначе верил в Христа. А в 1503 году на церковном соборе нестяжатели, поддержанные Иваном III, предложили, «чтобы у монастырей сёл не было, а шли бы чернецы по пустыням и кормили бы себя рукодельями». Однако большинство церковных иерархов не допустили принятия такого решения. Московские князья (Иван III, а потом его сын Василий III) сначала поддерживали нестяжателей, поскольку их весьма привлекала идея наложить руку государя на церковные богатства (чтобы, как в оккупированном Новгороде, было чем «испомещать» дворян). Однако потом великие князья обратились к союзу с иосифлянами, готовыми поддерживать всевластие московского государя и все ему простить (при условии расправы с еретиками и сохранения нетронутым церковных богатств). Сговориться с прагматичными и авторитарными иосифлянами князьям оказалось куда проще и понятнее, чем с принципиальными и независимыми нестяжателями — поборниками свободы и достоинства личности.

Победившая в борьбе иосифлянская церковь стала надёжной опорой и служанкой самодержавной власти. Еретики и нестяжатели пали жертвой репрессий со стороны государства и церкви, чей союз был навеки скреплён их жертвенной кровью. В церкви победила «линия» на жесточайшее преследование любого вольнодумства, ксенофобию и мессианскую нетерпимость, уничтожение любых уклонений от «буквы» православия (при забвении любящего и универсального духа христианства) и на полную поддержку власти московских государей, что бы они не вытворяли с Русью и её населением.

Сыграла свою роль и связь московских еретиков с придворной группировкой, объединившейся вокруг наследника престола — Дмитрия Внука, проигравшего кровавую и жестокую борьбу за власть в конце правления Ивана III своему дяде Василию. Падение и гибель этой придворной группировки (во главе с Еленой Волошанкой — невесткой Ивана III и матерью Дмитрия Внука) означали одновременно и жестокую расправу над еретиками, которым она явно покровительствовала.

Немаловажным обстоятельством в борьбе между иосифлянами и нестяжателями в первой половине XVI века явилась, как ни странно, семейная жизнь московских государей. Любвеобильные и самодурные московские князья женились по нескольку раз (Василий III — дважды, а Иван IV — семь раз), причём при живых женах. В то время, как угодничающие церковные иерархи-иосифляне склонны были смотреть на эти причуды московских правителей «сквозь пальцы» (хотя развод и повторный брак в православии не допускаются), принципиальные и бесстрашные священнослужители-нестяжатели обличали и порицали московских государей за их нечестивые поступки — и за это, разумеется, поплатились своими головами и гибелью своего дела.

Нестяжатели с их неуступчивостью, бесстрашием, проповедью искренней (а не показной) веры, милосердия и духовной свободы в «стране рабов, стране господ» проиграли поединок с иосифлянами, отстаивающими теорию Божественной природы верховной власти. С.Т. Жуковский и И.Г. Жуковская по этому поводу пишут: «Подавляющее большинство духовенства... с готовностью подчинялось монарху во всём: царь назначал и отстранял от должности митрополитов, при желании мог активно вмешиваться во внутрицерковные дела, не терпел ни малейшего неодобрения своих действий со стороны духовной власти. Единственное право, которое дружно и сплочённо отстаивало большинство духовенства от посягательств светской власти, было право церкви владеть накопленными земельными

и иными богатствами». В итоге победило иосифлянское большинство в русской церковной иерархии, пойдя на признание священной и абсолютной власти государя, сохранив (до поры) церковные богатства и, опираясь на власть великого князя, сурово расправившись с еретиками, а потом и с нестяжателями.

Победа иосифлян означала долгосрочный стратегический компромисс между церковью и великим князем, новый шаг по пути порабощения церкви государством, торжество принципов самодержавной власти, узконационального мессианства и внешнего благочестия над идеями духовного творчества, братской любви, внутренней свободы и духовного преображения человека. По словам С.Г. Пушкарёва: «Тесный союз высшей духовной и светской власти продолжался, однако с явным перевесом со стороны последней». А Г. Кенигсбергер отмечал, что: «Русская церковь заимствовала у Византии идею гармоничного единения церкви и государства. Правда, государство было неизмеримо более сильным партнёром, и предполагаемая гармония обернулась на деле господством государства над церковью».

Церковные иерархи сыграли ключевую роль в формировании новой идентичности Московии, новой легитимности московских правителей, новой религиозно-политической мифологии, призванной объяснить сложившуюся в эпоху Ивана III политическую ситуацию. По византийским традициям глава государства — император — был носителем абсолютной, неограниченной власти, а также хранителем веры, главой и покровителем церкви, блюстителем человеческих и Божественных законов. В конце XIV века патриарх Константинополя Антоний писал князю Василию I, разъясняя византийское понимание православной веры: «невозможно христианам Церковь иметь и не иметь императора. Ибо Церковь и Империя имеют совершенное единение и общение и невозможно им разделиться».

На Руси хорошо усвоили этот важный урок уходящих византийцев. Иосиф Волоцкий в послании к Василию III писал, что «царь естеством подобен человеку, а властью же подобен есть вышнему Богу». Иосиф поучал своего адресата, что власть московского государя абсолютна, распространяется как на светскую, так и на духовную сферу (он должен не только бороться за поддержание порядка в обществе, но и карать «еретичество»). Духовник Ивана III, ростовский архиепископ Вассиан Рыло называл князя «христианским царём Русьских стран» (обратим внимание на множественное число «стран»!). Иосифлянские церковные иерархи охотно славили монарха как главного защитника веры, «в православии просиявшего, благоверного и христолюбивого». И вчерашние пугливые холопы татарских ханов сами проникались ощущением своего могущества, значительности и вседозволенности, внимая этим пышным и льстивым речам.

Принципиально новая ситуация, сложившаяся в Восточной Европе во времена Ивана III: захват Москвой Новгорода и Твери, падение Константинополя, распад Золотой Орды — вынуждала осмыслить происшедшее. Но средневековое мышление крайне консервативно. И потому, чем больше Москва изменяла старые обычаи, разрушала региональные связи и структуры, перекраивала границы, создавала новые, централизованные, искусственные и насильственные учреждения, тем чаще и настойчивее её правители решительно и нагло ссылались на «старину», начав тотальное переписывание истории. Новые реалии нуждались в новых масштабных и эффективных мифах. Новые процессы в Московской Руси долго развивались в рамках и обличьях старых формул и представлений (вроде того, что Новгород-де всегда был «отчиной» московских князей, а новгородцы — не борцы за свою вечевую старину, а подлые изменники делу веры, или что московские, князья и духовенство всегда боролись с татарами). Однако теперь нужно было сменить сами эти формулы и представления,

восходящие ещё к киевским временам, представить принципиально новое — старым и привычным. В этой ситуации колоссальной и незаменимой стала роль исторической мифологии, призванной легитимизировать новые отношения и оправдать насильственный слом и уничтожение старых учреждений и вековых традиций.

Два века московские князья были подручными верными слугами ордынских ханов и, находясь на периферии византийской империи, принимали митрополитов из Константинополя, глядя на византийских и сарайских «царей» с почтением и подобострастием. Веками они лишь инстинктивно скопидомничали и исподтишка захватывали чужие земли, не думая ни об «объединении Руси», и, тем более, о «противостоянии басурманам» ни, конечно же, о возможности сколько-нибудь на равных конкурировать с более могущественной Литовской Русью. И вот теперь они вдруг оказались хозяевами Залесской Руси, скороспелыми и неожиданными наследниками рухнувших Орды и Византии, правителями единственной православной державы мира, владыками и лидерами всего православного Востока. Было от чего растеряться и потерять голову! Раньше высшим арбитром в церковных спорах на Московской Руси был патриарх Константинополя, как высшим и признанным арбитром в политических спорах князей был хан Золотой Орды. Отныне ситуация кардинально меняется и требует нового осмысления и обоснования. Надо убедить всех внутри и вовне Московии (и, прежде всего, самих себя!) в том, что Москва самым Богом предназначена быть центром всемирной православной империи и всегда играла эту роль.

Прежде всего, складывается идея самодержавия. До того «царями» (то есть легитимными и высшими правителями) на Руси именовали лишь византийского императора и татарского хана — теперь легитимность и сакральность их власти переходит из Константинополя и Сарая к московскому князю, занявшему их место в Восточной Европе.

Слово «самодержавие», которое в это время возникает и входит в обиход — очень ёмкое и многозначное, примерно включающее в себя и латинский «суверенитет», и греческую «автаркию» и греческо-византийскую «автократию». В этом слове сочетается ряд смыслов: и национальная самостоятельность царской власти, её независимость ни от кого, кроме Бога — ни от Сарая, ни от Константинополя, ни от веча, ни от бояр (она — сама по себе — «самодержавна»), и её абсолютность, неподконтрольность никому в обществе, невозможность её ни с кем разделить и ничем ограничить. Иван III начинает именовать себя «милостью Божьей великим князем всея Руси», подчеркивая этим титулом и обретенную суверенность, независимость от Орды (ибо его власть ныне — от Бога, а уже не от хана), и претензию на общерусское наследство, и то, что этот титул равен королям Европы. Когда император Священной Римской империи Фридрих III предложил Ивану III королевскую корону, московский государь высокомерно ответил: «Мы Божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, и поставление имеем от Бога, как наши родители, так и мы». Это, конечно, была полная и явная неправда, но неправда очень многозначительная и претенциозная — нуждающаяся в мифах и символах, которые бы её подкрепили и утвердили.

Средневековое мышление насквозь глубоко символично. Оно основано не столько на абстрактных, рациональных идеях, сколько на зримых образах. Поэтому в Московии стремительно возникают те символы власти, которые призваны подкрепить новые притязания новоявленного «государя всея Руси». Среди них и величественный московский кремль (правда, с соборами, построенными итальянцами, несущий на себе печать итальянского Возрождения) — символ могущества государства. И скипетр, держава, «шапка Мономаха» (золотая тюрбетка, опушенная мехом, и в действительности подаренная Ивану Калите ханом Узбеком) — она символизирует преемственность власти московских

князей от византийских императоров (якобы её послал император Константин Мономах своему родственнику Владимиру Мономаху, как символ царской власти, предчувствуя грядущее величие ещё не основанной тогда Москвы). Вводится пышный византийский придворный ритуал (с падением ниц перед государем и целованьем руки великого князя), герб — двуглавый орёл (исконно римский имперский символ, а затем символ Византийской и Священной Римской Империй).

Иван III вторым браком женился в 1472 году на Софье Палеолог — племяннице последнего византийского императора, через что московские князья породнились с византийцами. (Посредником в организации этого брака выступил римский папа, наивно рассчитывавший так привлечь Москву к унии, но — тщетно). Свою преемственность от Византии Московия выводила теперь и по православному христианству, и по политическому могуществу, и по брачному родству.

В рамках сотворения новой мифологии, появляется совершенно фантастическое произведение «Сказание о князьях Владимирских», прямо и без затей объявляющее предком московских князей ни много ни мало... римского «кесаря Августа», первого римского императора, чья власть имела божественное происхождение. Да и титул «государь всея Руси» означает отныне нескрываемое стремление Москвы захватить земли Литовской Руси, претензию не только на наследство Орды и Византии, но и на всё наследство древнего Киева. Инициатива Вильно по объединению Руси была теперь перехвачена окрепнувшей Москвой (и начинается долгая полоса войн с Литвой: за 90 лет (1493—1582) 40 лет шли эти войны между двумя частями Руси).

Все эти новые символы были спешно созданы и сфабрикованы за несколько десятилетий и стремительно облекли плотью и кровью новый основополагающий государственный миф, обретший окончательное чеканное завершение в краткой и амбициозной формуле: «Москва — третий Рим». Эту формулу высказал в начале XV века старец псковского Елеазарова

монастыря Филофей. По его словам, история — смена различных «царств», воплощающих в себе Божественный Промысел. Первым была Римская империя, которая быстро впала в грех «латынства» и потому утратила свою миссию. Затем возник «второй Рим» — Византия, которая, однако, пошла на Флорентийскую унию и тем подорвала чистоту своей веры и оттого пала под ударом турок. Третий Рим последних времён, который будет хранить чистоту православия незамутненной до Конца Света (ибо «четвёртому не бывать») — это Москва. Православие в ней не искажено «латинством», не подчинено «басурманству» и не заражено ересями. Так задача создания централизованного самодержавного Московского государства ставилась во всемирно-исторический контекст, увязывалась с задачей религиозного спасения всего человечества. В лозунге «Третьего Рима» соединились в лаконичной форме имперская, державная, религиозно-мессианская, эсхатологическая и националистическая идеи: наследие первых двух «Римов», нетерпимость к иным верам и народам, энтузиазм, абсолютность власти царя — мирской и духовной, претензия на мировое господство.

В своём послании к Василию III инок Филофей писал: «все царства православные христианской веры снисдошася в твоё едино царство. Един и во всей поднебесной христианам царь... Яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвёртому не быти...». То есть пророчествуется, что до Конца Света и Второго Пришествия Христа Москва останется единственным оплотом истинной веры. «Русская вера» отныне превосходила «греческую». Религиозное первенство Константинополя отныне отрицалось Московией точно также, как отныне Москвой отрицалось политическое первенство Сарая. Московский «ребёнок» Орды и Византии подрос и отрёкся от своих «родителей».

По словам Филофея, подданные не только были обязаны безоговорочно подчиняться государю во всём, но даже и в мыслях не могли никак осуждать его, поскольку воля государя — непосредственное и прямое проявление

Божественной воли, а роптать на него, всё равно, что роптать на Бога. Так власть московского деспота соединила в себе высшую светскую и духовную власть («цезарепапизм»), а церкви придавалось значение одного из орудий в руках государственной власти. В обязанности государя теперь входил контроль за всеми религиозными делами, назначение епископов и митрополитов, руководство церковными соборами. Сопротивление же соседних княжеств московской захватнической политике толковалось не иначе как сопротивление Божественному Закону, то есть как тяжкий грех. Не случайно в начале XVI века у москвичей появляется характерная поговорка: «То ведаёт Бог да великий государь».

Так московские правители вступили в пользование наследством Киевской Руси (ибо они «государи всея Руси» — и потому уже вечные непримиримые и заклятые враги Руси Литовской, во владениях которой русских людей жило значительно больше, чем в Московии), наследством Золотой Орды (заняв место хана и в своем неуклонном экспансионистском движении на Восток захватив почти всю территорию Улуса Джучи), наследством Византии (став «третьим Римом», главной православной державой). Теперь даже и на ханов Касимова, Казани, Астрахани, Сибири, Бахчисарая, и на литовских великих князей можно было московским владыкам смотреть свысока. И с боярами и князьями своими Иван III, женившийся на властной и гордой византийской принцессе и введший у себя после этого придворный византийский церемониал, стал обращаться не как равный с равными, а как восточный повелитель с рабами. (Бояре долго потом жаловались друг другу втихомолку на иноземных «жён-злодеек», — Софью Витовтовну, Елену Волошанку и Софью Палеолог, — от которых-де «старина порушилась»).

Византийские: ортодоксия, цезарепапизм, мессианство, имперские амбиции, придворные подковёрные интриги и лютая ненависть к католическому миру органично слились в Московии с ордынским азиатским деспотизмом, беспра-

вием и самовластием, составив ядро формирующейся новой идентичности, новой легитимности и нового государства. Концепция «Москва — третий Рим» — претенциозная, ёмкая, простая и доходчивая — сперва искусственно сконструированная и разработанная в церковных кругах, постепенно, в течение XVI века распространялась в широких кругах населения, став поистине национальной идеей, существенным элементом великоросского менталитета и психологии. Теперь уже миссией московских князей, как они её сами стали понимать, являлись не просто захваты соседних русских земель и даже не объединение Руси против «басурманства» и «латинства», но — сохранение подлинного христианства, провиденциальная и всемирная миссия. Автоматически, враги агрессии Москвы и противники московского князя оказывались теперь предателями «веры русской православной» и изменниками. Если Москва была преемником Рима, Византии, Киева и Сарая, то русский народ отныне осознал себя избранным хранить «истинную веру», народом-богоносцем, эсхатологически напряженно ожидающим скорого Второго пришествия Спасителя. Такой фантастический взлёт вчерашних подданных Орды и «варваров», почтительно внимавших учителям-византийцам, оказал колоссальное, пожалуй, решающее влияние на всю дальнейшую историю русского государства и на самосознание русского народа.

По словам С.Г. Пушкирёва: «С конца XV в. постепенно прекращается господствовавшая ранее простота отношений и непосредственное обращение государя со своими подданными, и он поднимается над ними на недостижимую высоту». В международных отношениях Иван III уже порой употреблял в отношении себя и титул царя (цесаря) — и именно царём короновал своего наследника Дмитрия Внука, ставшего, таким образом, первым русским царём (вскоре, впрочем, низложенного переменчивым дедом и заменённого на сына Василия). Иван III заявлял: «вся Русская земля из старины от наших прародителей нам отчина» (включая даже

Киев, Смоленск или Полоцк). По словам В.О. Ключевского: «Эта мысль о государственном единстве Русской земли из исторического воспоминания теперь превращается в политическое притязание, которое Москва и спешила заявить во все стороны, как свое неотъемлемое право... Иван III мог теперь считать себя единственным оставшимся в мире православным и независимым государем, какими были византийские императоры, и верховным властителем Руси, бывшей под властью ордынских ханов... Объединение Великороссии повело к мысли о соединении всей Руси под одну властью и к стремлению придать этой власти не только всероссийское, но и вселенское значение... Выработался довольно сложный, но недостаточно определённый, образ верховной власти, в котором с некоторой ясностью обозначились три черты: божественное происхождение, вселенское представительство православия на основе церковно-исторической связи с павшей Византией и национальное всероссийское значение на основе прямого преемства от великого князя Владимира Мономаха». А, по словам В.Д. Назарова, во времена Ивана III «Россия стала в полной мере наследственной монархией, с собственным источником легитимности». Историк В.Я. Хуторской подытоживает: «В истории России Орда и Византия сыграли сходную роль. Освободив Русь от монголов, Иван III и Софья Палеолог продолжили начатое ими дело. В формировании русского самодержавия их брак явился вторым после монгольского завоевания шагом. Соседство с восточными деспотиями, таким образом, на долгие века обусловило русский государственный строй».

Однако, продвигаясь на Восток, завоёвывая Поволжье и захватывая земли бывшей Золотой Орды, то воюя, то договариваясь с новыми ханствами, Иван III первым из московских правителей одновременно вывел Московию на общеевропейскую политическую сцену. По меткому замечанию С.М. Соловьёва, Европа открыла Московию одновременно с Америкой — в конце XV века. При Иване III Моско-

вия не только становится одним из крупнейших государств Европы, но и устанавливает дипломатические связи со многими государствами, начинает проводить целенаправленную внешнюю политику. До этого весь кругозор московских князей сводился к отношениям с Литвой, Византией, Большой Ордой, Казанью и Ливонским орденом, теперь же Московия вступает в сложные и разнообразные отношения со многими государствами Европы и Азии, создавая союзы, плетя интриги, образуя коалиции, отправляя посольства, заключая династические браки.

Москва установила прочные отношения с Римом и итальянскими государствами, с Молдавией, Венгрией, Священной Римской империей. В XV веке на Русь бегут многие византийцы, спасающиеся от турецкого нашествия. Среди них: великий иконописец Феофан Грек и выдающийся богослов, мистик и мыслитель Максим Грек (ставший нестяжателем и замученный иосифлянами). Из Италии приезжают мастера — литейщики, зодчие, из Рима приходят инквизиция, водка и венерические болезни, из Германии — лекари, ювелиры и офицеры. Знаменитый зодчий итальянец Аристотель Фиораванти, приглашённый по совету Софьи Палеолог, возвёл в Кремле величественный Успенский собор, ставший главным зданием Московской Руси: в нём венчали на царство и объявляли важные государственные решения. Другие итальянские мастера построили Грановитую палату, колокольню Ивана Великого, Архангельский собор (усыпальницу московских правителей). Впрочем, иностранцы в Московии были столь же бесправны и беззащитны перед государственным произволом, что и русские: их легко могли казнить, им запрещалось вернуться на родину. Максима Грека за независимый образ мыслей подвергли гонениям и заточению в иосифлянском монастыре. А придворного немецкого врача, не сумевшего вылечить одного татарского вельможу, подручного Ивана III, московский государь в сердцах повелел «зарезать, как овцу».

Последние годы правления Ивана III ознаменовались ожесточённой борьбой за власть между его возможными наследниками. Дмитрий Внук — сын рано умершего Ивана Молодого — сына Ивана III от первой жены (тверской княжны) и его мать Елена Волошанка (дочь правителя Валахии) столкнулись с сыном Ивана III от Софьи Палеолог Василием. Борьба шла ожесточённая — с интригами, заговорами, отравлениями, опалами на бояр и их казнями. Сперва Иван III провозгласил Дмитрия «царём», своим соправителем и наследником, но затем изменил свою позицию и наследником сделал Василия. Победив в борьбе, Василий III (1505—1533) вскоре после прихода к власти приказал убить своего племянника и соперника Дмитрия. (Жертвами пали и еретики, близкие к нему.)

В это время в московском государе, по словам В.О. Ключевского, «борется вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти». В качестве первого московский князь завещал всем своим детям мужского пола части своей земли в удел, а в качестве второго непрерывно сокращал уделы, даваемые его младшим сыновьям. А С.Ф. Платонов утверждал: «Московские князья держались в своих завещаниях начала семейного наследования, а не родового, и сами звали себя «вотчинниками» великокняжеских и своих удельных земель».

Процесс ликвидации удельной системы и формирования самодержавия завершился, в целом, при Василии III. Он получил по завещанию своего отца 66 крупных городов, а четверо его младших братьев все вместе — всего 30 мелких, причём им запрещалось чеканить монету или претендовать на Великое княжение. Только Великий князь мог отныне претендовать на выморочные (оставшиеся без наследников) уделы. Придя к власти, Василий III ликвидировал большинство удельных княжеств, отбирая их у своих братьев. При этом своим братьям он запретил жениться (так как сам долго не имел детей и боялся возможных претендентов

на московский престол). К концу его княжения в Московской Руси оставалось всего два удельных княжества, где ещё правили его братья: Дмитровское и Старицкое.

Василий III был властолюбивым правителем, столь же тираничным и свирепым, сколь и его отец Иван III, но без его выдающихся государственных талантов. Он систематически ликвидировал остававшиеся независимыми земли на территории Залесской Руси. В 1510 году псковичи пожаловались московскому князю на московского наместника, жестоко притеснявшего и грабившего их. Великий князь по-своему ответил на эту жалобу: отменил псковское вече, вывез в Москву вечевой колокол, переселил тысячи псковичей вглубь Московии, а их земли конфисковал и отдал своим слугам. В 1521 году Василий III окончательно оккупировал и присоединил к Московии великое Рязанское княжество. По С.Ф. Платонову: «Как и во Пскове рязанцев толпами выводили в московские волости, и на их место селили москвичей. Такой «вывод» из покорённых земель делали для того, чтобы уничтожить в них возможность восстаний и отпадений от Москвы».

В конце XV — начале XVI века в связи с усилением католиков в Литве происходит эмиграция части русской православной знати из Литовской Руси в Московию, что способствовало захватам Москвой литовско-русских земель. В 1514 году после долгой войны Москва захватила у Литовской Руси Смоленск, а также Вязьму, Чернигов, Гомель, Брянск, Путивль. Василий III также лишил земель и городов князей верхнеокских княжеств, немного ранее добровольно присоединившихся со своими территориями к Московии. Многие из них теперь горько пожалели о том, что изменили Литовской Руси, польстившись на московские посулы, но было поздно! При Василии III главными врагами Московии остаются Литва и Крым (бывший до того полвека стратегическим союзником Московской Руси против Вильно и Сарая), с которым идёт борьба за влияние в Поволжье и, в частности, в Казани. Решается вопрос о том, кому —

Бахчисараю или Москве — быть главным преемником и наследником Золотой Орды. По повелению Василия III на дальних южных рубежах Московской Руси строятся крепости, призванные защитить столицу от набегов крымцев и казанцев: Калуга, Тула и Зарайск.

В отношении церкви, своих братьев и бояр Василий III вёл себя, как настоящий необузданный деспот. Своих противников он безжалостно казнил или постригал в монахи. Обычным делом стали «опалы» — удаление того или иного князя или боярина от двора с конфискацией его имущества в пользу великого князя. Церковь уже почти не рисковала пользоваться своим древним правом «печалования» за опальных или осуждения несправедливых поступков кровожадного государя.

Когда Василий III, страстно желая произвести на свет наследника, развёлся со своей женой Соломонией Сабуровой, с которой до того прожил в счастливом браке двадцать лет (обвинив её в бездетности), принципиальные священники нестяжатели: Вассиан Патрикеев и Максим Грек выступили с осуждением государя, грубо поправшего церковные каноны. Нестяжатели были немедленно разгромлены, многие бояре казнены — государь показывал свои крутой нрав. Теперь уже никто и ни в чём не должен был перечить ему. Его братья, которым он, сам дважды женатый, воспретил жениться, робко сидели на своих последних уделах, ожидая репрессий. Всякая возможность диалога между государем и боярами окончательно исчезла. По словам боярина Берсенья Беклемишева, неосторожно сказанным в частной беседе с Максимом Греком, ныне «государь, запершись сам третий у постели, всякие дела делает» (то есть решает всё с парой приближённых), не желая более советоваться с боярами и не терпя возражений. За такие речи против государя Беклемишеву отрубили голову. Назревали новые конфликты между недовольными боярами и великим князем (опиравшимся на иосифлянскую церковь и дворянство).

Когда Василий III в 1533 году умер, его вторая молодая жена, ставшая правительницей Московии, Елена Глинская (1533—1538) начала своё правление вполне традиционно: с ареста и убийства двух последних братьев своего мужа (князей Андрея Ивановича и Юрия Ивановича) и уничтожения их удельных княжеств. Жестокая логика борьбы за самодержавную власть неумолимо вела к самоистреблению членов московского княжеского рода (а затем — к его вырождению и угасанию). Правительство Елены Глинской провело денежную реформу, введя на Руси единую денежную систему и ликвидировав монетные дворы по чеканке денег в отдельных землях, захваченных Москвой, Главной денежной единицей Руси надолго стала копейка (на ней был изображен всадник с копьем), равная двум деньгам и четырём полушкам.

Итак, начатое Иваном Калитой в начале XIV века дело было в общем закончено двести лет спустя его прапраправнуком и тёзкой Иваном III. Окончательно определился новый вектор русской истории. Москва полностью подчинила себе всю Северо-восточную Русь, освободилась из-под обломков рухнувшего татарского ига, осознала себя «Третьим Римом» и начала наступательное движение против Литовской Руси, претендуя на все русские земли. Успеха усиливающегося и централизующегося Московского государства были оплачены разрушением общества, разорением страны и порабощением населения. Вся история возвышения Москвы и создания Московского государства — это история последовательного насильственного разрушения существующих общественных структур и их замены государственным управлением «сверху вниз», история движения от древнерусских традиций общественной жизни — к ордынским (и, отчасти, византийским), история введения новых обычаев под видом восстановления «старины».

Независимое централизованное русское государство во главе с Москвой было создано. «Издержками» этого процесса и платой за него явилось формирование новой — деспотической политической системы, уничтожение общественных

связей и институтов, порабощение личности государством (именно в конце XV века на Руси впервые появляется само слово и понятие «государство», от слов «государь, господин», и Москва становится «русским государством», «Залесская Орда» — «Третьим Римом»), уничтожение былых корпоративных, сословных и городских вольностей и прав.

Если к началу XVI века в Западной Европе крепостная зависимость крестьян была уничтожена, на Руси она лишь начинает формироваться. Если Западная Европа этого времени представляла из себя общество «цветущей сложности», общество пёстрое, живое, динамичное — с многообразными и уравнивающими друг друга социально-политическими субъектами (король, церковные феодалы, города, аристократия) и с более или менее чётко очерченными правами, привилегиями, необходимостью договариваться между собой (что привело к появлению сословного представительства и «амортизировало» наступающий абсолютизм), то Московия начала XVI века представляла собой монолитное общество с одним субъектом политики — самодержавной властью государя (собственника всей земли и главы церковной власти), с подчинённой его произволу церковью, ликвидацией последних уделов, уничтожением городского самоуправления и ограничением боярской аристократии. Эта исключительная роль военно-бюрократического, освящённого церковью, самодержавного государства станет важнейшей и определяющей чертой последующей русской истории (с XIV по XX века). А созданное в этот период государство, скроенное по ордынско-византийскому имперскому образцу, встанет на путь непрерывного внутреннего и внешнего роста — завоеваний окрестных земель и усиления гнёта над собственным населением. А.И. Герцен писал в середине XIX века о процессах века XV: «События сложились в пользу самодержавия, Россия была спасена, она стала сильной, великой, — но какой ценой? Это самая несчастная, самая порабощённая из стран земного шара; Москва спасла Россию, задушив всё, что было свободного в русской жизни».

При этом в этот период начинается тотальное и роковое политическое, социально-экономическое и культурное отставание Руси от Европы, её превращение в периферию, выносящую на своих плечах (наряду с другими периферийными землями) все издержки экономического роста капиталистического Запада и поставляющую ему сырьё (зерно, меха, лён, воск, пеньку, лес). По мнению Б. Кагарлицкого, лозунг: «Москва — третий Рим» выполняет «роль идеологической компенсации. Чем более Россия становилась периферией мировой системы в реальности, тем более старалась она заявить о себе как о центре мира на уровне культуры...» Эта концепция была призвана «(вопреки сокращающимся возможностям в реальном мире) утвердить символическое значение России как ведущей европейской державы», будто бы восходящей ещё к Римской империи.

По справедливому замечанию Б. Кагарлицкого (и вопреки господствующим по сей день мифам): «Не Москва объединила «русские земли», а земли, объединённые вокруг Москвы, стали впоследствии Россией. Вот почему Россия в XIV — XV веках смещается на восток». Основой новой этнической, культурной и политической идентичности стали ордынский деспотизм, византийский мессианизм и цезарепапизм, православие (воинственно настроенное в отношении любого диалога с ненавистным «латинством»), резкое противостояние Руси Литовской, а затем и новая религиозно-политическая мифология, воплощенная в концепции «Москва — третий Рим».

В середине XVI века английский посол Джильс Флетчер напишет о москвитях: «Правление у них чисто тираническое: все действия клонятся к пользе и выгодам одного царя и, сверх того, самым явным и варварским образом». По словам историка А.Л. Юрганова: «В формуле «яз холоп твой» отражена история становления деспотического самодержавия, становления власти, не имеющей границ. Поэтому отношение всего класса русских феодалов с великим князем (царём) можно обозначить «государь-холоп»».

Даже удельные князья часто спешили распрощаться с остатками независимости (очень небезопасной), променяв её на «тёплое местечко» в Боярской Думе, в роли «слуг» великого князя.

Сравнивая домонгольскую и послемонгольскую Русь, можно отметить, что в конце XV века европейцам открылось новое огромное самостоятельное государство, которое было мало похоже на свою предшественницу — Киевскую Русь, намного меньше, чем Русь Литовская. Домонгольская Русь — коллективное владение княжеского рода, где действует система «лествичного права». Все князья в принципе были равны (хотя имелись и «старшие»). В городах были веча и они активно влияли на ситуацию. Существовали различные региональные традиции и особенности. Бояре были аристократами, хозяевами своих вотчин. Дружина могла отказать князю в повиновении и заключала с ним договор. Всё в обществе строилось на договорных и федеративных принципах. У каждой категории населения были свои права и привилегии.

Теперь всё круто изменилось. Новая — послемонгольская — Русь ничем, кроме своего названия, религии и династии князей-Рюриковичей, не походила на свою предшественницу. По словам С.Т. Жуковского и И.Г. Жуковской: «В Московском государстве никаких «старших и младших братьев» быть не могло — удельные князья признавали себя «слугами» великого князя. Исчезло древнее право бояр выбирать, какому князю служить: любые попытки «отъезда» из Москвы начинают расцениваться как измена. Единственное право, которое сохранялось у боярина, — это право не подчиняться людям менее родовитым, чем он сам... В Московском государстве по отношению к государю все были равны — равны в бесправии. Если в западнохристианском мире различные слои населения (крестьяне, горожане, рыцари, аристократы) отличались друг от друга тем, что обладали разными правами, то в Московской Руси они разнились обязанностями перед самодержавным правителем. Конечно,

крестьяне, посадские люди..., служилые люди, бояре различных степеней имели неодинаковые права, но это проявлялось только в их взаимоотношениях, а перед лицом государя они были одинаково незащищёнными от его воли».

К XVI веку источником всех милостей и кар, всех важных решений был государь (поскольку все общественные связи были целенаправленно и насильственно разрушены, а на их место пришли холопская психология и централизованно-бюрократическое управление). Единственным правом церкви оставалось пока право на сохранение её богатств. Единственным правом бояр оставался местнический порядок занятия должностей. Единственным правом крестьян оставался уход в Юрьев день от хозяина. Но и эти права в скором времени будут ликвидированы. Формой сопротивления растущему государственному деспотизму в Московии оставалось бегство. Крестьяне бежали на Дон, становясь казаками, а бояре и князья бежали в Литовскую Русь. Своей кульминации процессы, начавшиеся в Монгольской Руси, достигли при внуке Ивана III — первом московском царе Иване IV Васильевиче (Грозном).

Местничество

К XVI веку в Московском государстве среди боярства сложилась подробно разработанная система занятия высших должностей, основанная на происхождении боярина и прецедентах, связанных с его родственниками — местничество. Как отмечают С.Т. Жуковский и И.Г. Жуковская: «В специальных родословных и разрядных книгах вёлся строгий учет боярских родов «по старшинству», и каждый род внимательно следил за тем, чтобы ни один из его членов не нанёс урон общей чести, приняв неподобающе низкое место на царской службе или за царским столом. Только в местнических спорах случалось открытое неповиновение бояр государственной воле: царь мог отобрать у спорщика все вотчины, отправить самого его в далёкую ссылку, но заставить принять «невместную» должность был не в силах».

Систему местничества подробно изучил величайший российский историк В.О. Ключевский. Он отмечал, что, если в современном обществе назначая лиц на должности, сравнивают их личные качества, пригодные для службы, то «в Москве XVI в. при замещении высших должностей служилыми людьми соображались не с личными качествами назначаемых, а с относительным служебным значением фамилий, к которым они принадлежали, и с генеалогическим положением каждого из них в своей фамилии». Поэтому «иерархическое отношение между сослуживцами не устанавливалось при их назначении на должности по усмотрению назначившей их власти, а заранее указывалась помимо неё фамильным положением назначаемых».

Учёт всех назначений вёлся в Разрядном приказе и сводился в погодные разрядные книги. Постоянно ссылаясь на прецеденты, бояре непрерывно вели местнические споры, жаловались в своих челобитных на «поруху в отечестве». Вся история Московии XVI — XVII веков наполнена такими спорами. В.О. Ключевский отмечал: «Позднейшие поколения родословных людей должны были размещаться на службе и за столом государя, как размещались и первые поколения... Итак, местничество устанавливало... наследственность служебных отношений между фамилиями... Теперь — по известной поговорке место красит человека; тогда думали, что человек должен красить место».

Система местничества сложилась в Москве в эпоху Ивана III и Василия III, во время (и в результате) массового «наплыва» родовитых людей — князей и бояр, когда личные соглашения великого князя с новым слугой приходилось заменить общей системой оценки служебного достоинства бояр. По В.О. Ключевскому, местничество «ставило служебные отношения бояр в зависимость от службы их предков, то есть делало политическое значение лица или фамилии независимым ни от личного усмотрения государя, ни от личных заслуг или удач служилых людей... Служебное соперничество

становилось невозможно: должностное положение каждого было предопределено, не завоевывалось, не заслуживалось, а наследовалось... Каждый род выступал в служебных столкновениях как единое целое; родовая связь устанавливала между родичами и служебную солидарность, взаимную ответственность, круговую поруку родовой чести, под гнётом которой личные отношения подчинялись фамильным, нравственные побуждения приносились в жертву интересам рода». При помощи системы местничества, констатирует В.О. Ключевский, «служилая знать защищалась как от произвола сверху, со стороны государя, так и от случайностей и происков снизу, со стороны отдельных честолюбивых лиц, стремившихся подняться выше своего отечества, наследственного положения».

Таким образом, местничество создавало боярскому сословию «политическое право или, точнее, привилегию на участие в управлении, т.е. в деятельности верховной власти. Этим местничество сообщало боярству характер правящего класса или сословной аристократии». Государь мог пожаловать своих любимых слуг богатством и поместьями, но не родovitостью! Это несколько ограничивало государя в выборе исполнителей своей воли, сдерживало его произвол и часто вносило хаос в систему управления. Поэтому местничество вызывало недовольство со стороны великого князя, предпринимавшего то и дело попытки ограничить местничество (окончательно же оно было отменено лишь в 1682 году по инициативе царя Фёдора Алексеевича). При этом, защищая и консолидируя боярство как сословие, местничество одновременно раскалывало его, порождая межродовые склоки, зависть, соперничество, ослабляя политическое влияние боярства.

«Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна

В 1517 и 1526 годах Московию посетил посол Священной Римской империи барон Сигизмунд Герберштейн. Он более года провёл в Московском государстве и позднее издал «Записки о Московии», — книгу, сразу переведённую

на многие языки, многократно переиздававшуюся и ставшую для европейцев важнейшим источником сведений о быте, порядках и нравах московитов.

Вот что писал Герберштейн об отношениях между Великим князем Московским и его подданными: «Властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира... Всех одинаково гнетёт он жестоким рабством... Свою власть он применяет к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников, которые есть у него; ни один не является столь значительным, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они прямо заявляют, что воля государя есть воля Божия, и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божией... Все они называют себя холопами, то есть рабами государя... Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе».

А вот что писал Герберштейн о домашнем быте московитов: «Положение женщин весьма плачевно... Московиты не верят в честь женщины, если она не живёт взаперти дома и не находится под такой охраной, что никуда не выходит».

О московском войске начала XVI века посол отзывался не слишком лестно: «При первом же столкновении они нападают на врага весьма храбро, но долго не выдерживают, как бы придерживаясь правила: «Бегите или побегим мы»».

V. МОСКОВСКАЯ РУСЬ (XVI — XVII века)

5.1. Грозный государь: от реформ к опричнине (1547—1584)

После периода междоусобицы и боярского правления, последовавшего за смертью Елены Глинской, на московский престол вступил сын Василия III и Елены Глинской, первый русский царь Иван IV Васильевич (Грозный), в деятельности которого самодержавная тенденция и борьба власти против собственного населения достигли своего апогея.

Выросший сиротой (потеряв отца в три года, а мать — в восемь), в атмосфере придворных интриг, борьбы между боярскими группировками, лести, казнокрадства и переворотов, Иван IV глубоко впитал в себя страх, недоверие к людям, жестокость, желание мести и подозрительность. В Иване причудливо сошлась кровь двух противников, сражавшихся некогда на Куликовом поле: Дмитрия Донского и Мамаю (по матери он был прямым потомком Мамаю).

Н.М. Карамзин писал об Иване IV: «Несмотря на все умышленные изъяснения, характер Иоанна, героя добродетели в юности, неистового кровопийцы в летах мужества и старости, есть для ума загадка». Про «кровопийцу в летах мужества и старости» — сказано, бесспорно, верно. А вот «героем добродетели в юности» Иван IV, конечно же, не был. Он с детства развлекался, сбрасывая с вершины терема кошек и собак, топтал конём и грабил прохожих на улицах. Он в тринадцать лет приказал своим псарям резать боярина Андрея Шуйского — правителя Московии. А, когда к семнадцатилетнему царю с жалобой на произвол псковского наместника прибыла делегация почтенных псковичей, он велел в ответ поджечь им бороды!

И всё же в словах Карамзина есть доля истины, поскольку правление Ивана IV распадается на два, существенно различающихся, этапа, Первый (1547—1560) обычно называют эпохой правления «Избранной рады» (то есть кружка приближённых к царю людей, фактически, управляющих страной). А второй (1560—1584 годы) — обычно связывают со зловещим и жутким словом «опричнина» (хотя собственно опричнина, как учреждение, существовала с 1565 по 1572 год).

Личность Ивана IV — необычайно яркая и зловещая — всегда привлекала внимание историков, одних чаруя магией силы и таланта, других ужасая своими утончёнными и необузданными злодеяниями. По словам историка Л.М. Ляшенко: «У Ивана IV одновременно были задатки крупного государственного деятеля и деспота, тонкого, красноречивого литератора и палача». Неуравновешенный, скрытный, подозрительный человек с явными психическими патологиями, садист, маньяк и палач, убийца собственного сына и некоторых жён (которых только официально у него было семь!), распутник (похвалявшийся тем, что лично растлил тысячу дев), самодур и изверг, заливший Русь кровью и, одновременно, умный и талантливый правитель, образованный и набожный человек, замечательный писатель, изощрённый психолог, сочинитель церковном музыки, — всё это различные ипостаси одного человека, поистине ренессансной личности, современника Чезаре Борджиа и Генриха VIII — Ивана IV Московского.

Нередко все споры вокруг его правления сводят к единственному вопросу — о психиатрическом диагнозе. Хотя это, в целом, и неправомерно (ибо у его политики были свои причины, своя логика, и законченным безумцем царь отнюдь не был), но некоторая доля истины в подобной постановке вопроса есть. В личности Ивана IV несомненны психические отклонения: приступы подозрительности, зверства и бешеного гнева (во время одного из них он избил свою беременную невестку — отчего она разрешилась мёртвым ребенком, а своего сына Ивана, вступившегося за жену,

убил ударом посоха в висок). Иван IV легко переходил от показного и беспредельного смирения и самоуничижения к злобе и высокомерию, любил всяческие маскарады и яркие внешние эффекты и артистические импровизации. Для него был характерен чудовищный (даже для его эпохи) садизм: мучения жертв доставляли царю истинное и глубокое наслаждение. Он неутомимо и вдохновенно изобретал для них самые мучительные казни и пытки. Одних он взрывал на бочке с порохом, других варил в котлах кипящей смолы, с третьих сдирали кожу, приказывал сыну убить отца. По словам историка В.Б. Кобрин (крупнейшего современного исследователя эпохи Ивана IV): «Ведь для политических целей было вполне достаточно простого отсечения головы или повешения; не было нужды поджаривать князя Воротынского на медленном огне, резать живым на куски дьяка Ивана Висковатого, взрывать бочки с порохом, привязав к ним монахов, зашивать людей в медвежьи шкуры и травить собаками».

И эти нескончаемые и изобретательные пытки, казни, оргии, обжорство и пьянство сочетались в царе с глубокой религиозностью: он непрерывно каялся в грехах, щедро оплачивая молитвы монахов за упокой душ невинно убиенных им людей, надеясь купить этим билет в рай (ведь за смерть умерших без покаяния должен ответить виновник их гибели). Иван IV заносил имена своих жертв в специальный список (синодик) и давал монастырям большие суммы на помин души замученных. Личность царя, таким образом, являла собой отвратительное и удивительное сочетание: ума и безумия, набожности и сатанинского садизма и богоборческого юродства, скоморошества и религиозности, зверства и фиглярства, трезвого расчёта и необузданного извращённого воображения, безграничного властолюбия и истерического самобичевания. По словам С.Т. Жуковского и И.Г. Жуковской: «При этом монарх глубоко страдал от того, что его называют «кровопийцей», что им пугают детей и никто не понимает, что он выполняет свой тяжёлый

долг царя избранного народа — очищает подданных от греховной скверны накануне Страшного суда и устраивает своё государство в соответствии с Божиим замыслом. После кровавых погромов и массовых казней царь Иван истово молился вместе со своими верными опричниками и рассылал по монастырям длинные списки загубленных им людей — для молитв о прощении грехов своих ослушников». В этих списках: почти все возможные имена людей, живших в то время.

Однако, «пожар лютости», по словам близко знавшего царя человека — князя Андрея Курбского (сперва его соратника, а потом противника), разгорелся в Иване IV не сразу. Первый этап его правления, казалось, не предвещал такого развития событий.

16 января 1547 года 17-летний, недавно женившийся, Иван IV венчался на царство в Успенском соборе московского Кремля. Царский титул значительно повысил международный престиж московских правителей (ведь «великий князь» приравнялся к европейскому «герцогу», тогда как «царь» был по рангу никак не ниже «короля»). По замечанию В.Б. Кобрин: «Новый титул не только резко подчёркивал суверенность русского монарха во внешних отношениях, особенно с ордынскими ханствами... но и чётче, чем прежде, отдалял государя от его подданных: не только эпитетом «великий» отличался он теперь от находившихся у него на службе князей — нельзя уже было заподозрить в нём первого среди равных. Царский титул закрепил превращение князей-вассалов в подданных». Первая жена царя Анастасия (из боярского клана Захарьиных-Юрьевых (позднее — Романовых)) смогла немного смягчить буйный и свирепый нрав мужа, отвлечь его от разгульной жизни и крайнего душегубства.

Царствование Ивана IV началось со страшного пожара в Москве и вызванного им восстания 1547 года. Эти события напугали и потрясли впечатлительного Ивана IV, заставив действовать, и вознесли на вершину власти группу замечательных людей, составивших так называемое правительство

«Избранной Рады» (так это неформальное сообщество советников царя впервые назвал князь Андрей Курбский). В их числе был священник-нестяжатель Сильвестр, духовник Ивана IV и протопоп кремлевского Благовещенского собора (замечательный проповедник и составитель знаменитого «Домостроя»), который сумел убедить царя в том, что пожар и бунт в Москве — кара за его грехи и за плохое устройство государства. Сильвестр внушал (и на какое-то время внушил) Ивану, что христианское поведение монарха состоит не в соблюдении всех ритуалов и не в непрерывных богомольных поездках по святым местам, а в борьбе с собственными дурными страстями и в служении вверенному ему Богом народу. Начав царствовать, Иван IV обещал навести порядок в государстве, провести реформы и советоваться с населением. В эти годы восторжествовала возможная альтернатива будущей опричнине. Как пишет В.Б. Кобрин: «самодержавная монархия «с человеческим лицом» — даже начала осуществляться в годы правления «Избранной рады»».

Помимо священника Сильвестра, в Избранную Раду входили думный дворянин Алексей Фёдорович Адашев (глава Челобитного приказа, разбиравшего жалобы царю — человек очень умный, волевой и религиозный), митрополит Макарий (глава церкви, составитель свода житий русских святых «Великие Четьи-Минеи», иосифлянин, инициатор церковных реформ), князь Андрей Михайлович Курбский (блестящий аристократ-Рюрикович, талантливый писатель, ученик нестяжателей, выдающийся полководец), а также дьяк Иван Висковатый (глава Посольского приказа) и боярин Михаил Иванович Воротынский (крупный военачальник).

Избранная Рада, во главе с А.Ф. Адашевым, на протяжении более чем десяти лет играла роль неформального правительства при Иване IV, ещё не ставшем «Грозным» для своего народа. Курс Избранной рады означал политику межсословного компромисса, радикальных реформ управления государством, армией и церковью, с опорой на поддержку общества

и оглядкой на общественное мнение. Избранная Рада признавала право бояр на «совет» государю, право церкви на «печатование» о гонимых и опальных, право посадских в служилых людей участвовать в выработке стратегических решений. Регулярно созывались церковные соборы, и начали созываться земские соборы, призванные наладить диалог власти с обществом,

Земские соборы (начиная с 1549 года) представляли собой созываемые царем совещания, включающие Боярскую Думу, Освященный собор (высшее духовенство), высших чиновников, выборных людей от дворян, купцов и ремесленников. Хотя соборы созывались нерегулярно, по инициативе и надобности власти и носили сугубо совещательный характер, их мнение учитывалось при проведении важнейших мероприятий.

В 1560 году был принят новый Судебник — свод законов, лучше систематизированный, упорядоченный, чем Судебник 1497 года, и предусматривающий даже наказания для взяточников (дьяков и бояр). Он ограничивал переходы крестьян с места на место, увеличивая их зависимость от хозяев.

Избранная Рада также провела ряд мер по ограничению местничества (сократив число лиц, на которых распространялись местнические споры). Была организована система приказов: центральных органов управления государством, с продуманной специализацией. Челобитный приказ (во главе с А. Адашевым) рассматривал жалобы, поступавшие на имя царя и, фактически, отвечал за кадровую политику, назначение на должности. Посольский приказ ведал иностранными делами (его умело возглавлял дьяк Иван Висковатый). Поместный приказ занимался распределением земель (поместий и вотчин) между служилыми людьми. Разрядный приказ выполнял функции штаба вооружённых сил в призывал дворян на службу. Разбойный приказ боролся с «лихими людьми». А Земский приказ ведал порядком в Москве.

Правительство Избранной Рады также предприняло масштабную реформу местного управления (в 1556 году).

Были отменены «кормления» и введён единый общегосударственный налог на содержание местной администрации. Кроме того были введены даже элементы местного самоуправления (поскольку у государства ещё не было возможностей и кадров для создания мощного бюрократического аппарата управления на местах). Отправление власти в регионах было частично возложено на выборных представителей населения (которые должны были делать это бесплатно, «на общественных началах»): дворяне выбирали губных старост, а крестьяне и горожане — земских старост из своей среды. Им в помощь также выбирали целовальников (тех, кто давал присягу, «целуя крест») и губных или земских дьячков — своего рода секретарей. Правда, нашлось немного желающих безвозмездно выполнять все эти функции. Поэтому, по словам В.Б. Кобрин: «новоявленных администраторов приходилось ловить, сажать в тюрьму (на время, чтобы не начинать снова поисков нового губного старосты) и насильно отправлять в свои уезды», чтобы ловить разбойников и решать вопросы местной жизни. Таким образом, насаждение урезанного и куцевого местного самоуправления «сверху» проходило туго и противоречиво.

Ещё одним важнейшим делом правительства Избранной Рады стала военная реформа. Новое «Уложение о службе» (1555—1556), чётко регламентировало порядок прохождения и обязанности служилых людей (сколько воинов надо было выставлять с какого количества земли и какими были сроки их службы). Избранная Рада упорядочила подбор кадров: составив «Дворовую тетрадь» — полный список дворян, царскую номенклатуру. В 1550 году было начато и формирование стрелецкого войска, дополнившего собой дворянское конное ополчение. Стрелецкое войско было постоянным, полупрофессиональным; им ведал Стрелецкий приказ. В начале стрельцов было три тысячи человек, а затем их число выросло аж до двадцати тысяч. Стрельцов вооружали ружьями, саблями, бердышами, выдавали

им форму за казённый счёт, но кормили себя они сами. Главным источником существования стрельцов было не денежное жалование, а земельные пожалования и возможность свободно заниматься ремёслами, огородничеством, промыслами и торговлей. Стрелецкий полк селился особой слободой в городах, и стрельцы вели свои хозяйства. Дворяне и бояре отныне являлись служилыми людьми «по отечеству» (происхождению), а стрельцы, пушкарки и городские стражники — «по прибору» (призыву). Порой, в случае необходимости, собиралось также и ополчение посадских людей и черносошных крестьян.

В 1550-е — 1560-е годы в Москве (через сто лет после Европы) — начинается книгопечатание. Впрочем, вскоре перепечатники сбежали из Московии в Литовскую Русь.

Не прошло правительство реформаторов и мимо церковных дел. В 1551 году был созван церковный собор, получивший название Стоглавого (поскольку его решения состояли из ста глав). Целью собора было наведение порядка в церкви, усиление контроля за духовенством, запрет симонии (продажи церковных должностей), унификация обрядов, ограничение церковного землевладения, принятие общего пантеона русских святых. Стоглавый собор, сделав «местночтимых» святых общерусскими и упорядочив церковные ритуалы (в частности, окончательно утвердив двуперстное крещение) и приняв каноны иконописания (взяв за образец Андрея Рублёва), стал важной эпохой на пути окончательного оформления концепции «Москва — третий Рим», складывания общерусской церковной системы и полного подчинения церкви государству. Собор запретил языческие праздники, скоморошество, шахматы, кости, карты, гусли, женские пляски и театральные зрелища. Стоглавый собор выступил против разврата и невежества, царящих среди духовенства и монахов; он констатировал, что священники — малограмотны, много пьют и часто дерутся между собой, сквернословят в храмах. Духовенству было запрещено

сквернословить и напиваться во время церковной службы, а также не рекомендовалось совместное проживание монахов и монахинь (что тогда было широко принято).

В целом, курс Избранной Рады был курсом на долговременные структурные реформы по обновлению государственного управления и на диалог с обществом, тогда как восторжествовавший позднее режим опричнины стал политикой террора, запугивания и диктатуры. В.Б. Кобрин полагает, что, хотя опричнина Ивана IV не была случайностью или капризом царя-самодура, но имела глубокие причины и корни в русской истории (вспомним эпоху его отца и деда — Ивана III и Василия III), однако «реальная альтернатива опричной политике... существовала и даже осуществлялась в течение примерно десятилетия».

Реформы 1550-ых годов укрепили Московию, позволив ей добиться огромных успехов во внешней политике. В 1552 году московское войско захватило Казань, а в 1556 году — Астрахань. В 1581 году отряд казаков во главе с Ермаком Тимофеевичем, перейдя через Урал, разгромил и Сибирское ханство, начав русскую экспансию в Сибири. Подобные действия позволяли обезопасить страну от татарских набегов и установить контроль над волжским торговым путём. В то же время Крымское ханство оставалось неуязвимым для московской агрессии, находясь под защитой могущественной и крепнущей Османской империи.

Захватив Казань и истребив её жителей, москвиты покорили и подвластные Казани народы: мордву, чувашей, удмуртов, башкир. Вассалом Москвы признала себя Ногайская Орда. После взятия Казани на протяжении многих лет местные жители упорно сопротивлялись оккупантам, ведя партизанскую войну. Ивану IV пришлось прибегнуть к многократно проверенному приёму — переселению в Поволжье масс русских колонистов из глубины Московии, что изменило демографическую ситуацию в регионе в пользу русских завоевателей. Захват всей Волги открывал Москве торговлю с Персией через Каспий.

Завоевания 1550-ых годов имели огромные последствия для русской истории. С.Т. Жуковский и И.Г. Жуковская отмечают: «После того как три татарских ханства пали, восточные границы Московского государства стали совершенно размытыми: власть царя простиралась до тех географических пределов, до каких были в состоянии дойти русские землепроходцы-колонисты... В XVI в. под руку московских царей попали многочисленные народы разных вероисповеданий, Россия стала многонациональным и многоконфессиональным государством. Знатных инородцев охотно принимали на царскую службу — но лишь при условии, что они примут православие». А В.Я. Хуторской подчёркивает: «Победа над Казанью доставила царю Ивану колоссальный авторитет, дивидендов с которого хватило на всё его царствование... Прежде русские служили татарам. Иван заставил татар служить русским. Предки царя присоединяли к Москве русские земли. Грозный подчинил ей чужие народы. С середины XVI в. Россия превращается в империю». На смену захвату русских земель приходит захват земель других народов и, выражаясь знаменитыми словами М.Ю. Лермонтова, — «слава, купленная кровью». За эти успехи в военной экспансии население нередко готово было простить царю любые зверства и террор внутри страны. Но и, напротив, отныне и навсегда в истории России военные неудачи дискредитировали режим и порождали недовольство и смуту.

Опьянённый победами на востоке и стремясь завязать прямые торговые отношения с Англией (с которой Россия торговала, начиная с 1555 года через Белое море), Иван IV решил захватить земли в Прибалтике, напав на ослабевший Ливонский Орден. Началась сперва победоносная, а затем катастрофическая для Московии Ливонская война, растянувшаяся на 25 лет и закончившаяся столкновением со Швецией и Речью Посполитой и закономерным поражением.

В конце 1550-ых годов происходит постепенная смена курса Ивана Грозного. отстранение от власти правительства

Избранной Рады. Этому способствовала и смерть жены царя Анастасии, и его усиливающееся стремление царствовать самому, не опираясь на умных, энергичных и независимых советников, и роковые события 1553 года. Тогда Иван IV был тяжело болен, казалось, что ему не выздороветь. И бояре, окружавшие его, повели себя недостаточно лояльно, не желая присягать сыну царя — грудному младенцу Дмитрию (вскоре он погиб) и собираясь сделать правителем его двоюродного брата, удельного князя Владимира Андреевича Старицкого. Ведь воцарение грудного ребёнка означало новую полосу смут и междоусобиц и новый виток борьбы между придворными кликами за власть. Иван IV выздоровел, однако затаил злобу на бояр и своего опасного кузена.

К режиму единоличной диктатуры и репрессиям против бояр царя подталкивали не только его подозрительный характер, но и многие окружающие — и родственники покойной царицы бояре Захарьины-Юрьевы, нащёптывавшие мнительному Ивану, что её-де «извели» деятели Избранной Рады, и видный дворянский публицист Иван Пересветов. Пересветов в своих произведениях призывал Ивана IV перебить бояр и править, опираясь на дворянство, самодержавно, без оглядки на общество (причём в качестве образца для подражания православного царя приводился... турецкий султан и его верные янычары).

Иван IV вполне разделял такой взгляд на вещи, отождествляя государство и свою персону и приравнивая противостояние себе к государственной измене. Власть его, по убеждению царя, была получена от Бога, некем и ничем не ограничена, а всё население Руси было «холопами», рабами царя. «Жаловать есмь своих холопов вольны, а и казнить вольны же», — писал Иван IV. С.Т. Жуковский и И.Г. Жуковская так комментируют это знаменитое программное высказывание грозного царя: «Эту несложную политическую идею Грозный доказал, пролив реки крови и ни разу не столкнувшись со сколько-нибудь организованным сопротивлением общества. Русские люди были

уверены, что сопротивление власти законного царя — тягчайший грех перед Богом». (Только бегство изредка было пассивной формой сопротивления царю-изуверу).

Внешнеполитические неудачи в Ливонской войне побудили Ивана IV к решительным действиям внутри страны, к переходу к политике прямого массового террора и насилия, к уничтожению правительства Избранной Рады и целенаправленному укреплению личной власти. Избавившись от Сильвестра, Иван IV слушал теперь лишь придворных льстецов и доносчиков, распалявших его кровожадную натуру, и искоренял всякую независимую мысль, даже потенциальную крамолу. В 1560 году царь сослал Сильвестра в Соловецкий монастырь, Адашева в Ливонию (затем он был посажен в темницу, где и умер). Теперь в «попе» и «собаке Алексее» Иван IV видел виновников всех своих неудач. В 1564 году, не дожидаясь неизбежной опалы и казни, бежал в Литовскую Русь талантливейший воевода, главный герой взятия Казани, князь Андрей Михайлович Курбский, главнокомандующий русскими войсками в Ливонии. Новые поражения в войне, страх перед «изменами» порождали всё более массовые казни среди бояр по приказу царя.

Решающие роковые события наступили в декабре 1564 года, когда Иван IV, забрав свой двор, церковные реликвии и всю казну, отправился на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, но не вернулся оттуда в Москву, а остановился в Александровой слободе. В январе 1565 года гонец привёз в Москву две удивительные грамоты от царя. В первой боярам сообщалось, что государь положил свой гнев в опалу на всех бояр и духовенство, поскольку служилые люди и бояре изменили ему, плохо служили и казнокрадствовали, а церковные иерархи покрывали их грехи своим заступничеством. Потому он, Иван IV, ныне уходит от власти. Вторая грамота была адресована простому посадскому люду Москвы. В ней государь заверял, «чтобы они себе некоторого сумления не держали, гневу на них и опалы некоторые нет».

Так Ивану IV удалось ловким приёмом столкнуть московское население со знатью и самому выступить «над схваткой» в роли «заступника простых людей», не менее царя имевших претензий против бояр и дьяков. Под их давлением к царю явилась делегация перепуганных бояр и духовенства, умолявшая его возвратиться в Москву на любых его условиях. Государь милостиво согласился вернуться на престол, но с двумя условиями: на всех непослушных ему «опала своя класти, а иных казнити» и «учинити ему на своём государстве себе опричнину». В опричнину (от слова «опричь» — «кроме»; кроме остальной земли — «земщины», номинально управляемой по-прежнему Боярской Думой) Иван IV выделил ряд важнейших городов и земель и создал своё опричное войско (получив, таким образом, общественную санкцию на террор и инструмент террора).

В опричнине отнимались земли «земских» бояр (что вело к частичной экспроприации крупной аристократии), создавалась своя собственная Боярская Дума, казна, приказы и своё войско. В опричнину Иван IV забрал часть Москвы и месторождения соли, торговля которой приносила огромные доходы. Так, борясь с удельной системой, царь создавал свой удел — в полгосударства. Расколов Русь на части, он стремился натравить одну часть на другую, чтобы «зачистить» всех, потенциально недовольных и несогласных. В опричное войско вошли как представители знатных родов, так и простые служилые люди и многочисленные иноземцы. По словам В.Б. Кобринина: «Дело было не в якобы демократическом происхождении опричников, потому будто бы вернее служивших царю, чем знать, а в том, что опричники стали личными слугами самодержца, пользовавшимися, кстати, и гарантией безнаказанности».

Численность опричного войска росла — с тысячи до пяти тысяч человек. Это войско (подобно римским преторианцам и турецким янычарам) выполняло роль личной стражи царя и основного инструмента развязанного им против

своего населения тотального террора. Символами опричников были метлы и собачьи головы, притороченные к седлу: они стремились выметать и выгрызть любую измену царю. Вступая в опричное войско, царские слуги давали клятву на верность царю и обещали не общаться ни с кем из земских, включая близких родственников. Ивану IV важно было разорвать все человеческие связи, соединяющие опричников с обществом и превратить их в полное орудие своей воли. Тем не менее царь регулярно казнил верхушку опричного войска, и лишь зловещему «Малюте» Скуратову «повезло» умереть не от руки палача, а от пушечного ядра на Ливонской войне.

Иван IV умело использовал социальную демагогию, представляя свои репрессии, как гонения лишь против «верхов» и в защиту «низов» общества, сумев ввести в заблуждение не только многих современников, но и некоторых потомков (хотя, по примерным подсчётам, на каждого погибшего в годы террора боярина приходилось два-три дворянина и полсотни простых людей). Царь нередко обращался (как при учреждении опричнины) к «простому люду», порой устраивая казни наиболее одиозных представителей своего окружения и списывая на них все бесчинства и «перегибы». Миф о «добром царе» и «злых боярах», столь глубоко вошедший в русский менталитет, восходит именно к эпохе Ивана IV. Иван не раз умело натравливал «меньших людей» на знать, укрепляя свою власть, пополняя казну и выставляя себя защитником всех слабых и убогих от притеснителей — бояр, воевод и дьяков.

Английский посол в Москве Джильс Флетчер, посетивший Русь во времена Ивана Грозного, так описывал тактику Ивана IV в делах управления: «О мерах к обогащению царской казны имуществом подданных. Не препятствовать поборам и всякого рода взяткам, которым князья, дьяки и другие должностные лица подвергают простой народ в областях, но позволять им всё это до окончания срока их службы, пока они совершенно насытятся; потом выставить их на правёж (или под кнут) за их действия и вымучить из них всю

или большую часть добычи (как мёд высасывается пчелой), награбленной ими у простого народа, и обратить её в царскую казну, никогда, впрочем, не возвращая ничего настоящему владельцу, как бы ни была велика или очевидна нанесённая ему обида... Показывать людям публичный пример строгости к должностным лицам... дабы могли думать, что царь негодует на притеснения, делаемые народу, и таким образом сваливать всю вину на дурные свойства его чиновников».

Опричнина была не только «государством в государстве», личной гвардией царя и огромным механизмом перераспределения собственности (в пользу царских «слуг»), но своеобразным религиозным «орденом» (со своими «игуменами, иереями, пономарём, звонарём»). В опричных мероприятиях царя проглядывало нечто глумливо-сатанинское: смесь молитвы и скоморошества, зверств и благочестия, оргий и покаяния, кощунства и набожности. Не случайно население часто называло опричников «кромешниками» («опричь» — «кроме» напоминает об адской «тьме кромешной»), то есть «сатанинским воинством», посланным русскому народу за его бесчисленные грехи, видя в них (но не в царе!) служителей абсолютного зла, метафизического небытия, одержимых ненавистью к миру.

По словам С.Т. Жуковского и И.Г. Жуковской, созданное Иваном IV опричное войско «представляет собой по сути военно-монашеский орден, целиком и абсолютно подчинённый государю — единственному ответчику перед Богом за все дела подданных». Опричники были людьми, полностью вырванными и изолированными от общества, а потому полностью зависящими от гнева и милости государя, стоящими вне любых человеческих и божественных норм. По словам В.Я. Хуторского: «Опричник мог подбросить земскому в лавку свою вещь и обвинить его в воровстве, заговорить с земским и обвинить его в том, что он сказал «поносное слово». Руководствуясь царским указанием «судите праведно, наши виноваты не были бы», судьи неизменно принимали решения в пользу

опричников... Опричники рыскали по городам и сёлам, хватали тех, на кого падал царский гнев, громили их дворы, насиловали их жён и дочерей... Приговоры выносились заочно, на эшафот выводили немногих. Осуждённых, как правило, убивали дома или на улице. На труп боярина опричники клали записку с указанием его «вины». Других признаков, что совершилось не преступление, а правосудие, не существовало».

Убийства совершались хаотично, массово и изощрённо. Князь М. Репнин был казнён по дороге в церковь за отказ плясать на пиру в шутовской маске, а боярин Д. Овчинин — за ссору с царским фаворитом и любовником опричником Фёдором Басмановым. Самому же Фёдору Басманову Иван Грозный повелел в знак преданности зарезать собственного отца, что он и сделал — после чего и сам был казнён. (Иван IV ценил послушание, но любил и изуверски «поразвлечься»).

Вскоре после учреждения опричнины начались массовые казни аристократии. При этом истреблялись родственники казнимых, включая жён и детей, а также их слуги.

22 марта 1568 года митрополит Филипп (из рода дворян Колычёвых) в Успенском соборе публично осудил злодеяния опричнины и отказал царю в благословении. Опричники немедленно схватили бояр митрополита и забили их насмерть железными палицами. Царь казнил нескольких видных членов Боярской Думы и около тысячи их слуг, дворовых людей, крестьян или родственников. А потом, по его приказу, церковный собор, выслуживающийся перед государем, низложил митрополита Филиппа и сослал в Отроч монастырь под Тверью, где он вскоре был задушен Малютой Скуратовым по велению царя. Многие служилые люди, попавшие в опалу, были переселены в Казанский край, а их имения отошли к опричникам.

В 1569 году Иван IV приказал своему двоюродному брату князю Владимиру Андреевичу вместе с его женой и дочерью принять яд; одновременно опричниками были убиты заточённая в монастырь мать князя и ещё 12 монахинь.

В 1569 году царь получил долгожданный донос на новгородцев, обвинявший их в измене. И опричное войско во главе с неистовым царем выступило в поход. Это нашествие государя завоёванной его предками Москвитии на свои же города было пострашнее Батыева. По дороге были разгромлены Клин, Тверь, Верхний Волочёк и Торжок, перебиты тысячи их жителей. В январе 1570 года начался погром Новгорода, который продолжался более месяца и в ходе которого было убито от десяти до пятнадцати тысяч человек. В деревнях Новгородской земли зверствовали шайки опричников, убивавшие жителей, опустошавшие помещичьи усадьбы. В Новгороде опричники обливали жителей горячей смесью и поджигали, сбрасывали в проруби Волхова. Вырезались и насиловались женщины, уничтожались дети и духовенство, всё их имущество было отнято.

Опричник-немец Генрих Штаден с удовольствием вспоминал, что вернулся из Новгорода «с 49 лошадьми, из них 22 были запряжены в сани, нагруженные всяким добром» (а ведь он был рядовым членом опричного войска!). Современный историк Р.Г. Скрынников так описывает новгородский погром. Опричники «произвели форменное нападение на город.. Они разграбили новгородский торг и поделили самое ценное из награбленного между собой. Простые товары, такие, как сало, воск, лён, они сваливали в большие кучи и сжигали. В дни погрома были уничтожены большие запасы товаров, предназначенных для торговли с Западом. Ограблению подверглись не только торги, но и дома посадских людей... Горожан, которые пытались противиться, убивали на месте. С особой жестокостью царские слуги преследовали бедноту. Вследствие голода в Новгороде собралось множество нищих. В сильные морозы царь велел выкинуть их всех за ворота города. Большая часть этих людей погибла от холода и голода». После разгрома гордый Новгород уже не смог оправиться и превратился в небольшой захолустный уездный городок, утратив значение второго города Руси.

А 15 июля 1570 года в центре Москвы состоялись массовые публичные казни, в ходе которых было зверски замучено более ста человек, обвинённых в государственной измене и других преступлениях (которых они не совершали). В центре Москвы, при массовом скоплении народа, были поставлены виселицы, разложены орудия пытки: печи, сковороды, иглы, котлы, кнуты, железные когти. Были замучены и убиты почти все ключевые деятели центрального аппарата московской бюрократии — дьяки к подьячие. Перед смертью людей зверски пытали: резали на куски, варили в котлах, сажали на кол, вспарывали животы, сдирали кожу, отрезали языки и носы, выкалывали глаза... Роли палачей лично исполняли сам царь, его сын Иван Иванович, опричники, бояре и воеводы (многие из которых вскоре тоже сложили свои головы на плахе или колу). Государь дал волю своей богатейшей палаческой фантазии. Так, дьяка Фуникова не торопясь, поочередно обливали то кипятком, то холодной водой. Затем жён и дочерей казнённых «просто» и без затей утопили в реке рядом с Красной площадью.

Вскоре Иван IV (в целях профилактики) казнил вождей опричнины: князя Вяземского, князя Черкасского, Грязного, Алексея Басманова.

В 1571 году на опустошённую и обескровленную террором страну обрушились: эпидемия чумы, голод и нашествие крымского хана Девлет-Гирея. Опричное войско разбежалось при приближении врага: воевать со «своим» мирным населением было куда проще, привычнее, выгоднее, приятнее и безопаснее, чем с воинственными татарами. По словам Л.Н. Гумилёва: «Убийцы безоружных, они оказались неспособными сражаться с вооружённым и сильным врагом». Многочисленные перебежчики из Московии, имевшие немалые претензии и счёты к царю, помогали татарам в их продвижении, показывая лучшие пути и броды. Хан подошел к Москве и сжёг город, а на обратном пути разорил ещё сорок

городов и увёл десятки тысяч пленных. Современники событий и ближайшие потомки считали произошедшее Божьей карой за злодеяния опричников.

В следующем, 1572 году Девлет-Гирей повторил поход, надеясь восстановить в полном объёме ордынскую власть над Московией, и... был разбит земским войском во главе с опытным воеводой князем Михаилом Воротынским у деревни Молоди. Героя этой великой битвы — Воротынского — Иван IV отблагодарил по-своему, казнив его через год по доносу холопа (изжарив его на медленном огне).

В 1572 году царь отменил скомпрометировавшую себя опричнину, казнил большинство её, ещё уцелевших до тех пор, деятелей, и запретил (под страхом сурового наказания) даже употреблять это слово. По замечанию В.Я. Хуторского: «В истории России это была первая попытка управления народной памятью». Как отмечает В.Б.Кобрин: «Но царь сделал и некоторые жесты в пользу земщины: была возвращена небольшая часть конфискованных имений, реабилитированы (посмертно) некоторые из жертв террора, в Новгород торжественно вернули две иконы в серебряных окладах, хотя всё остальное награбленное осталось у царя». Впрочем, по глубокому и верному замечанию историка Д.Н. Альшица: «Амнистия, так же, как и конфискация, укрепляла самодержавие, ясно указывая, что царь утвердился в положении, когда он одинаково волен «казнить своих холопов и жаловать их»».

В эти годы царь опасался всеобщего восстания. (Которого, однако, к стыду робкого и терпеливого народа Московии, так и не случилось). Он вёл переговоры с английской королевой Елизаветой о возможном предоставлении ему политического убежища в Англии, а, кроме того, выстроил грандиозный Кремль в Вологде, укрепил Кирилло-Белозерский монастырь. По мнению В.Я Хуторского, «за стенами северных крепостей он рассчитывал укрыться в минуту опасности».

Однако обескровленная страна угрюмо, но покорно молчала, трепеща перед тираном и предпочитая бесконечные пытки и казни сопротивлению. А в 1575 году Иван IV попытался возродить опричнину в новом обличи, назначив «великим князем всея Руси» касимовского хана-Чингисиды Симеона Бекбулатовича, а себя превратив в «князя Ивана Московского» со своим уделом (аналог опричнины).

В 1583 году была закончена сокрушительным поражением Ливонская война, в ходе которой Московия потеряла все свои территории в Прибалтике и в районе Финского залива. А в 1584 году Иван Грозный неожиданно умер, играя в бане в шахматы. Возможно, он был отравлен приближёнными, желавшими спасти свои жизни и наконец избавиться от непредсказуемого кровавого маньяка.

Историки до сих пор не могут сойтись во мнениях, решая, каковы были причины опричнины, её смысл и последствия. Был ли опричный террор просто безумной затеей царя-сумасшедшего или же он преследовал какие-то стратегические цели? Укрепил или ослабил опричный режим Московию? Как справедливо замечает В.Б. Кобрин: «при игре в ассоциации большинство при имени царя Ивана, не задумываясь, произнесет именно это слово — опричнина... В наше просвещённое время мы привыкли считать жертвы миллионами, но в грубом и жестоком XVI в. ещё не было ни такого количества населения (в России жили 5-7 миллионов человек), ни тех совершенных технических средств уничтожения людей, которые принёс с собой научно-технический прогресс. Да и аппарат насилия ещё был примитивен и патриархален. Так что в памяти людей XVI в. и их младших современников опричнина осталась таким же символом людской мясорубки, как в нашей — тысяча девятьсот тридцать седьмой год».

Можно ли списать все ужасы опричнины на безумие царя? Нет. Точнее, об опричном терроре Ивана IV можно сказать словами трагедии его современника Шекспира:

если Гамлет и пребывает в безумии, то в этом безумии есть своя система. В.Б. Кобрин полагает: «Интеллектуальные способности царя Ивана были направлены не к процветанию России, а на укрепление своей личной власти. А ведь как раз этой цели он добился. Благо же подданных вообще не входило в систему ценностей царя Ивана». Ведь он полагал, что всё население Московии — это его рабы, отданные ему во власть самим Богом. А потому, пишет В.Б. Кобрин: «Если посмотреть на действия Ивана Грозного сквозь призму его цели — достижение личной власти, то мы найдём в них совсем немного ошибок. Даже некоторые, казалось бы, бессмысленные акции обретают тогда смысл», например, массовое убийство людей, и не думающих ничего замысливать против царя. Целью этих злодеяний было создание атмосферы страха, доноительства, стремление парализовать волю людей к сопротивлению, воспитать их в духе полного повиновения. В.Б. Кобрин поясняет: «Именно поэтому террор опричнины был тотален и «лотереен»... Непредсказуемость репрессий, когда человек не знает, в какое время и за какую провинность (и что будет считаться провинностью!) он станет жертвой, превращает его в игрушку в руках правителя. Государь выступает в ореоле божества, которому известно то, что неведомо простым смертным, божества, чьи замыслы недоступны слабому уму его подданных... Деспот обычно стремится уничтожить не только нынешних, но и потенциальных противников... Отсюда и невероятный масштаб репрессий, кажущийся избыточным».

И, хотя отдельные казни и репрессии были хаотичными и нередко обуславливались садистскими наклонностями царя, общие направления и объекты террора, бьющего по «большим площадям», прослеживаются вполне чётко — это силы, потенциально способные выступить против самодержавного государя, силы, ещё не до конца уничтоженные отцом и дедом Ивана Грозного.

Первой такой силой было боярство — политически и экономически влиятельное и претендующее на соучастие

в управлении страной. Террор опричнины вырубил боярские рода почти под корень, истребив многих русских аристократов и запугав других.

Второй силой, претендующей на хотя бы призрачную автономию от власти и сохранение морального авторитета, была церковь — и добивание нестяжателей, расправа с отважным митрополитом Филипом были призваны полностью подчинить церковь государю, превратив её из союзницы в служанку государства. То, что двести лет назад не удалось Дмитрию Донскому, сумел совершить Иван Грозный.

Третьим направлением террора Ивана IV были остатки удельной системы — и убив своего кузена Владимира Андреевича с семьёй, он ликвидировал эти остатки (вместе с их последними носителями).

Наконец, четвёртой, потенциально опасной для власти царя силой, был Новгород с его вековыми традициями самоуправления — и новгородский погром, уничтоживший этот город, вполне объясним в контексте общей политики царя. Политика массового террора, добывая общество и уничтожая всех мало-мальски независимых людей, подрубая под корень боярство, удельных князей, города, церковь, укрепляла личную власть монарха.

Впрочем, даже потенциальную оппозиционность боярства царю не следует преувеличивать. Всецело завися от милостей московского государя (самодержца и собственника всей земли), бояре даже не пытались оказывать царю-тирану какого-либо сопротивления, устраивать заговоры и восстания (самое большее, они, как и крестьяне, спасались бегством). Все обвинения в заговорах, предъявленные боярам, были надуманы и сфабрикованы: следов этих заговоров невозможно найти.

Вообще, боярство, неся в себе определённый независимый дух, было заинтересовано и в объединении страны, и в наличии сильной великокняжеской власти. В.Б. Кобрин, разоблачая старый миф о «реакционных боярах-изменниках», пишет: «Русь не знала боярских замков... Русские бояре,

в отличие от западноевропейских баронов, никогда не обороняли свои сёла: при появлении войск противника они съезжались под охрану стен княжеского города и защищали не каждый свою усадьбу, а все вместе княжество в целом... Экономически бояре не были заинтересованы в сепаратизме, скорее наоборот... Крупный землевладелец имел вотчины и поместья в нескольких — четырёх-пяти, а то и в шести уездах... Возврат к удельному сепаратизму seriously угрожал земельным владениям знати... Ошибочно также противопоставление бояр-вотчинников дворянам-помещикам... Нельзя противопоставлять вотчину и поместье как наследственные и ненаследственные владения: и вотчину можно было конфисковать в опале, за служебную провинность или за политическое преступление, и поместья фактически с самого начала передавались по наследству. Да и размеры вотчин и поместий не дают оснований считать вотчину крупной, а поместье мелким».

А значит, «оппозиционность» боярства, как и его противопоставление дворянству, во времена Ивана IV не следует преувеличивать (как, впрочем, и независимость уделов, церкви или новгородцев). Но даже эта (возможная, неопределённая и потенциальная) оппозиционность не устраивала самодержца. По словам немца-опричника Генриха Штадена: «Кто был близок к великому князю, тот сжигался, а кто оставался вдали, тот замерзал».

Продолжая дело, начатое его дедом и отцом, но резко расширив его масштабы, Иван IV своими казнями и террором стремился насадить в стране атмосферу полного бесправия, ужаса перед властью, тотальной зависимости населения от царской воли, разрушив последние общественные связи, способные в будущем противостоять диктату «сверху». В.Б. Кобрин констатирует: «Итак, острие опричного террора было направлено вовсе не только и даже не главным образом против боярства... Вместе с тем было бы, вероятно, ошибкой на этой основании видеть в опричнине лишь случайный эксцесс, прихоть полубезумного деспота. Ведь по всей Европе

в те времена появляются на престолах тираны — Людовик XI во Франции, Генрих VIII в Англии, Филипп II в Испании. Не закономерность ли?» Несомненно, создание абсолютистского государства на развалинах средневекового общества, порождало подобный тип тирана-правителя, способного, применив запредельную дозу насилия, привести общественное многообразие к «единому знаменателю» самодержавного государства.

С.Т. Жуковский и И.Г. Жуковская отмечают: «Вообще в Московском государстве не существовало законов, защищающих чьи бы то ни было права, как не было и самого понятия прав. Поэтому историки обычно не называют социальные группы Московского государства сословиями (сословия — это группы, различающиеся своими правами). Все землевладельцы обязаны были нести военную и иную государственную службу; за провинности царь мог отобрать как поместье, так и наследственную боярскую вотчину». А посадские люди и крестьяне несли «тягло», то есть платили государственные налоги и выполняли повинности. Причём дворянская служба была столь тяжела, что во времена Ивана IV появляются указы, запрещающие дворянам поступать в холопы (!) и тем самым уклоняться от своего сословного долга — военной службы. Подати же с населения собирались посредством правежа — неплательщиков ежедневно по несколько часов били на площади по ногам палками. С.Т. Жуковский и И.Г. Жуковская отмечают: «Способность человека выстоять на правеже в течение установленного срока... считалась доказательством того, что денег у него действительно нет».

Опричнина же, в которую царь с особой охотой привлекал «худородных» дворян и иноземцев, способствовала экспроприации феодальной аристократии (при помощи «опал», ссылок, казней, конфискаций земли и массовых «переборов людишек»), ослабляла боярство и усиливала дворянство, безоговорочно поддерживающее царя и ориентирующееся на товарное производство — товарное производство хлеба.

Какими же были итоги правления Ивана IV? Максимилиан Волошин так поэтически подводит эти итоги:

«И московские Иоанны
На татарские веси и страны
Наложили тяжёлую пядь
И пятой наступили на степи...
От кремлевских тугих благолепий
Стало трудно в Москве дышать.»

Двадцатипятилетняя (и позорно проигранная!) Ливонская война, набеги крымских татар, опричное разорение, внешнеполитические неудачи, голод, эпидемии, рост налогового бремени невероятно опустошили страну и ввергли её в глубочайший и тотальный кризис. Население массово разбегалось на юг (в Дикие степи, в казаки), и на восток (за Волгу). В 1570-е — 80-е годы весь север и центр Московии запустели. Крестьяне либо погибли в годы опричного террора, либо бежали. Необработанными в Московии в эти годы оставались от 50 до 90 % земли (например, в Московском уезде обрабатывалось 16 % пашни). Многие помещики, лишившиеся крестьян, были вынуждены нищенствовать — «волочиться меж двор». Псковский летописец писал тогда: «Царь учиниша опричнину... И от того бысть запустение велие Русской земли». Так, в Новгородской земле после опричного погрома, осталась в живых лишь пятая часть жителей.

В.О. Ключевский отмечал: «Люди Московского государства... как будто чувствовали себя пришельцами в своем государстве, случайными, временными обывателями в чужом доме; когда им становилось тяжело, они считали возможным бежать от неудобного домовладельца, но не могли освоиться с мыслью о возможности восставать против него или заводить другие порядки в его доме». Земли было много, но рабочих рук катастрофически не хватало. С.Т. Жуковский и И.Г. Жуковская отмечают парадокс российской жизни XVI века:

«Огромное государство с редким, текучим и слабо организованным населением было почти неуправляемым — царь мог отрубить любое количество голов, но не мог заставить подданных выполнять свои распоряжения. «Опирается можно лишь на то, что оказывает сопротивление»; сопротивление всех общественных сил, которые могли его оказывать в XVI веке было полностью сломлено». И независимая знать, и самостоятельная церковь, и вольные города, и автономные уделы — всё было «добито» в эпоху Ивана IV. Но победа государства в этой вековой кровавой войне против собственного населения воистину оказалась «Пирровой» — ибо привела к разорению и надрыву страны и катастрофе «Смутного времени».

Одним из ближайших последствий опричнины было наступление системы крепостного права. В ответ на катастрофическую убыль тяглых крестьян (вызванную политикой массированного государственного терроризма) в 1580-е годы царем вводятся первые «заповедные лета» (то есть годы, когда крестьянам нельзя было уходить от господина и в Юрьев день — пока ещё в порядке исключения и в силу «чрезвычайных обстоятельств», на время, но известно, что чрезвычайные обстоятельства могут длиться веками, и нет ничего более постоянного, чем «временные меры»). Л.М. Ляшенко констатирует: «непосредственной причиной закрепощения крестьян стала опричнина. При неразвитости государственного аппарата, отсутствии регулярной армии и полиции удержать крестьян в повиновении мог только грубый террор со стороны центральной власти».

На смену «внешнему» трёхвековому игу монголов шло новое, ещё более жуткое, трёхвековое «внутреннее» иго — крепостное право, наложившее свой зловеющий отпечаток на всё русское общество, его сознание, быт и культуру. Дикий деспотизм распоясавшейся власти, атмосфера страха, утверждение крепостного строя, Смутное время начала XVII века — таковы последствия правления Ивана Грозного. При этом царь действовал, по словам В.Б. Кобрин: «с подкупающе наивной административной логикой: крестьяне бегут —

так прикажем им сидеть на месте. Но роль опричнины в утверждении крепостного права не ограничивается хозяйственным кризисом. Ведь без террористической, репрессивной диктатуры, может быть, не удалось бы загнать крестьян в крепостное ярмо... Террор опричников привёл к установлению деспотического режима, при котором возникает некое «равенство» рабов. Завершилось превращение русских дворян в холопов самодержавия... Цепная реакция рабской психологии привела к тому, что крестьяне оказались ещё более закрепощены и принижены, чем их господа».

Логика режима Ивана IV (завершившего собой предшествующую череду зловещих правителей Московии) не только принесла неисчислимые страдания его подданным, но и оказалась, в конечном счёте, саморазрушительной. Опустошая страну террором и истребляя все живые и самостоятельные силы в Московии, царь вверг её в глубочайший экономический, социальный и внешнеполитический кризис, сделал лёгкой добычей внешних врагов. Опричный режим мог лишь истреблять оппозицию, но не защищать страну от внешних противников (что и показали поражения в войнах с Крымом и Литовской Русью). А, убив своего сына и наследника (и предварительно старательно перебив других родственников), Иван IV подписал приговор и собственной династии.

По словам В.Б.Кобрин: «Как и большинство диктаторских режимов, режим Грозного, сцементированный лишь террором и демагогией, не пережил своего создателя, хотя и оставил неизгладимые следы как в психологии господствующего класса и народных масс, так и в судьбах страны... Думается, не только разорение страны, даже не только жестокое крепостничество, но и в не меньшей степени развращающее влияние на общественное сознание обуславливают отрицательную оценку роли опричнины и в целом деятельности Ивана Грозного в истории России». Произвол и насилие со стороны власти, рабство и бесправие подданных (утешающихся лишь тем, что ими правят могучие государи, а у них самих в полном

подчинении есть ещё более бесправные рабы) окончательно стали в эпоху Ивана IV неотъемлемыми чертами русской политической жизни, а деспотизм в Московии восторжествовал в своих крайних и законченных формах.

Споры об Иване IV в исторической науке.

Оценки личности и деятельности Ивана IV в российской исторической науке XVIII—XX веков были, порой, диаметрально противоположны: от «параноика-безумца» до «великого и прогрессивного правителя». Одни историки делали акцент на анализе психологии Ивана IV и эмоционально-моральных оценках его поступков, другие, напротив, стремились к подчеркнута внеморальной, «объективистской» позиции и акцентировали внимание на социальном смысле этой эпохи, на её «прогрессивности/реакционности».

Различные оценки Ивана IV пытался примирить в своей концепции в начале XIX века Н.М. Карамзин, который писал о «двух Иваных», противопоставляя первого — «хорошего», раннего Ивана IV (эпохи Избранной Рады) второму — «плохому» деспоту времён опричнины. Такая оценка, кстати, соответствовала тогдашней политической конъюнктуре, связывая «хорошего» Ивана с его женой Анастасией Романовой, а «плохого» — с её смертью (и тем самым отчасти легитимируя новую династию, сменившую Рюриковичей на троне Московии).

В целом, по констатации В.Б. Кобрин, «к середине XIX в. в русской исторической науке твердо установилось отношение к царю Ивану как к жестокому и злобному тирану».

Крупнейший русский историк XIX в. С.М. Соловьёв, рассматривающий историю как процесс постепенного вытеснения старых «родовых» начал новыми «государственными», считал деятельность Ивана Грозного, при всех жестокостях, большим шагом вперед, к победе начал «государственных», прогрессивных.

Видный историк первой четверти XX века С.Ф. Платонов, развивая эти мысли, рассматривал правление Ивана IV

как борьбу прогрессивного централизованного государства с «реакционным боярством». А глава официальных догматических историков-марксистов М.Н. Покровский даже утверждал, что Иван Грозный в ходе опричнины осуществил «дворянскую революцию» против отсталого боярства.

Подобные взгляды стали общепринятыми и обязательными в 1930-е — 1950-е годы в СССР, как в исторической науке, так и в массовом сознании. Под нажимом высшего руководства страны образ Ивана IV представлялся в виде прогрессивного царя, борющегося с боярской изменой за укрепление государства и интересы простых людей. Этот образ нашел своё талантливое выражение в первой серии знаменитого и апологетического фильма С. Эйзенштейна «Иван Грозный», тогда как вторая серия была осуждена специальным постановлением ЦК ВКП(б) (в сентябре 1946 года), поскольку в ней будто бы недостаточно воспевалось и было даже опорочено «прогрессивное войско опричников». Террор Ивана IV оправдывался и возвеличивался (по личному указанию И.В. Сталина, интуитивно ощущавшего свою духовную близость к этому правителю), как государственная необходимость, а сам царь представлялся великим государственным деятелем и патриотом. Всякие моральные оценки изгонялись из истории под девизом: «цель оправдывает средства» и в рамках оправдания большевистского террора против населения и воспеания «великих личностей» как двигателей истории. По замечанию В.Б. Кобрин: «Режим стремился тем самым гальванизировать наивно-монархические предрассудки масс и воспитать (или поддержать) убеждение, что счастье народа зависит не от него самого, а от мудрого вождя, уверенно ведущего государственный корабль к светлому будущему и безжалостно сметающего со своего пути путающихся под ногами коварных врагов-изменников и хлюпиков-интеллигентов».

Однако в 1950-е — 80-е годы историки С.Б. Веселовский, А.А. Зимин и В.Б. Кобрин подвергли разрушительной критике подобный взгляд на эпоху Ивана IV, восстановив в правах

традиционную, резко негативную оценку этого правителя. Они стремились сочетать психологический анализ личности царя и моральную оценку его деятельности с комплексным рассмотрением социально-экономических и политических процессов, происходящих в Московии в его время.

Князь против царя (Андрей Курбский и Иван Грозный)

Наиболее принципиальной, целостной и последовательной критике из всех современников подверг политику Ивана IV, ещё при жизни царя, его вчерашний друг и соратник, а затем противник и страстный обличитель князь Андрей Михайлович Курбский.

Герой взятия Казани, князь-Рюрикович, блестящий полководец, широко образованный мыслитель, талантливый публицист и историк, достойный ученик и приверженец нестяжателей, член Избранной Рады, Андрей Курбский в 1564 году, спасая жизнь, бежал из Московии в Литовскую Русь, рассматривая это как реализацию старинного (и уже запрещённого) права на отъезд аристократа в другую часть Руси. Оттуда он дерзко прислал Ивану IV несколько страстных в гневных посланиях, обвиняя его в тирании и жестокосердном кровопийстве и вызывая на Божий Суд за его преступления.

Курбский называл Ивана IV всего лишь «великим князем Московским» (подчеркивая тем его равенство с другими Рюриковичами), осуждал московский княжеский род («этот ваш издавна кровопийственный род») и утверждал, (обосновывая курс Избранной Рады), что государь должен в своей политике быть милостивым и советоваться с боярами, купцами, церковью и вообще с «всенародными человеками». Курбский ярко и пронзительно перечислял злодеяния, совершаемые царем и его «кромешниками».

Иван IV принял вызов, дерзко брошенный князем-политэмигрантом, и ответил на его послания своими письмами, полными укоров, саркастической брани и ссылок на

Священное Писание. Он обвинял Курбского (и его друзей: «собаку Алексея» (Адашева) и «попа» (Сильвестра)) в измене, и обосновывал свою беспредельную власть Божественной волей, чередуя площадную ругань с витиеватыми ссылками на отцов церкви. «Все рабы и рабы и никого больше, кроме рабов», — так резюмировал основные мысли Ивана IV В.О. Ключевский. В посланиях царя идея самодержавия получила яркое и законченное оформление. Переписка государя и его бежавшего боярина стала важной вехой в развитии русской публицистики и общественной мысли.

Ливонская война

Стремясь к установлению прямой торговли с Англией не через Северную Двину и Белое море, а через Балтийское море (а значит — к устранению монопольного немецкого посредничества на Балтике) и опьянённый легкими победами над Казанью к Астраханью, Иван IV в 1558 году напал на ослабевший Ливонский Орден. Ливонская война (1558 — 1583 гг.) началась с лёгких побед, одержанных русскими воеводами. Московские отряды в 1558 — 1560 годах захватили Нарву и Дерпт, уничтожая войска ливонцев. Нарва стала ненадолго важнейшим пунктом московской торговли с Англией (через неё вывозили лес и зерно). Однако Иван IV хотел большего, стремясь к захвату Ревеля и Риги.

В 1560 — 1561 годах характер войны решительно изменился. Наследниками распавшегося Ливонского Ордена выступили Литовская Русь, Польша (с 1569 года они объединились в Речь Посполитую), а затем и Швеция и Дания. Эти могущественные державы, далеко превосходившие по своей мощи Московию, вступили в войну. К тому же начавшийся на Руси опричный террор, бегство воеводы — главнокомандующего в Ливонии — Андрея Курбского в Литву, сопротивление прибалтийского населения и жителей Литовской Руси московским захватчикам существенно ослабили силы москвитов.

В 1564 году поляки и литовцы наголову разбили большую армию Ивана Грозного под Оршей и под Полоцком.

Мощные, мобильные, прекрасно вооружённые и обученные шведские и литовские армии легко побеждали огромные, но нестройные полчища московских воевод. По словам В.Б. Кобринина: «Два сильных противника вместо одного слабого оказались перед Россией в этой войне». А В.Я. Хуторской заметил, что: «Двадцатилетняя Ливонская война показала, что в военном искусстве русские уступали своим западным соседям в той же мере, в какой превосходили татар».

На завершающем этапе войны Московии, ослабленной опричниной и крымскими набегами, пришлось столкнуться с объединённым польско-русско-литовским государством Речью Посполитой, войсками которой командовал выдающийся полководец и новоизбранный король Стефан Баторий. Баторий взял Полоцк, Великие Луки, но не смог захватить Псков, героически выдержавший осаду его армии. Шведы в это время выбили Московское войско из Нарвы, Ивангород, Яма, Копорья и других крепостей.

В 1582—1583 годах были подписаны перемирия между Москвой, Швецией и Речью Посполитой. Москва не только не смогла захватить новые земли, но и потеряла побережье Финского залива и другие земли в Прибалтике, полностью утратив выход к морю. Ливонская война, опустошив Русь и унеся многие десятки тысяч жизней, сделала Швецию на столетия гегемоном на Балтийском море (которое в XVII веке было таким же «внутренним шведским морем», как Чёрное море было «внутренним турецким морем»).

По словам Б. Кагарлицкого: «Ливонская война не только была катастрофой в военном отношении, но и вызвана была... стремлением царского правительства любой ценой добиться включения в формирующуюся мировую систему». Но нарастающее социально-экономическое, военное, культурное и политическое отставание России от Европы не только превращало Московию в сырьевой придаток и периферию новой мировой системы, но даже не позволяло ей занять это место на относительно сносных условиях.

Русско-английские отношения в эпоху Ивана IV

Во времена Ивана IV начинается постоянная и интенсивная торговли Московии с Англией (во многом определяющая политику обеих стран). Причём Россия выступала для Англии одновременно и как рынок сбыта товаров, и как важный источник сырья. Иван Грозный предоставил англичанам огромные торговые привилегии в России, включая право беспошлинной торговли на всей территории страны, а также торговли с Персией (через волжский путь).

В 1555 году в Лондоне была создана Московская компания, которую Б. Кагарлицкий называет «не только прообразом торгово-политических организаций, создававшихся для работы в Вест-Индии и Ост-Индии, но и предшественницей транснациональных корпораций XX века». В Москве открылся Английский двор (с отделениями в Холмогорах, Ярославле, Новгороде, Казани и многих других городах) и огромным товарооборотом. Из России в Англию везли стратегическое сырьё: древесину, воск, кожи, мясо, сало, зерно, лён, пеньку, меха, а из Англии в Россию — бумагу, сахар, ткани, посуду, предметы роскоши, сукно, свинец, порох, селитру, оружие. Англичане наладили несколько крупных производств в Вологде и Холмогорах. Они во многом контролировали и внутрироссийский рынок.

И, хотя Иван IV мог порой в переписке с Елизаветой I возмущённо пожуричь её за то, что она «не сама правит» (а, советуясь с парламентом), и что она слишком много занята «купеческими, мужицкими, а не царскими вопросами», со стороны Грозного это было во многом лицемерно. Не зря многие современники называли Ивана IV «английским царём», а английский посол «дерзал входить к царю, не снимая шляпы» (по словам историка И. Любименко) — это при византийском-то церковном церемониале!

Во многом политика Московии при Иване IV оказалась в зависимости от торговли с Англией. Как пишет Б. Кагарлицкий: «В Лондоне существовало убеждение, что русская почва действует на сотрудников компании развращающе. Попад в Московию, они стремительно обогащались,

строили роскошные храмы, коих не могли себе позволить лондонские акционеры, усваивали местные нравы, держали слуг, собак и медведей. Они начинали, подробно московским боярам, объедаться пищей до желудочных колик».

Покровительствуя английским купцам, Иван IV одновременно искал в лице Елизаветы Английской военно-торгового союзника. Он вёл с ней переговоры о возможном бегстве в Англию в случае восстания против него в Московии. А в конце жизни Иван Грозный при живой жене Марии Нагой (седьмой по счету!) просил руки английской принцессы, племянницы королевы — Марии Гастингс для закрепления союза держав династическим браком (но так и не получил ответа).

И Англия и Московская Русь были заинтересованы в прекращении господства немцев и шведов в Балтике: англичанам нужен был прямой доступ к русским рынкам и ресурсам, а Ивану IV — прямой выход на английский рынок. По замечанию Б. Кагарлицкого: «Поставки из России были решающим фактором становления английского военного флота». Используя русский строевой лес, лён и пеньку, англичане создали мощный флот, который сокрушил мировую Испанскую империю и на четыре столетия вывел Англию в бесспорные мировые лидеры. По словам шведского историка Артура Атмана: «Английский флот, построенный в эти годы и победивший испанскую Непобедимую Армаду в 1588 году, был оснащён преимущественно русскими материалами». Канаты и снасти, поставляемые в Англию из Московии, были лучшими и наиболее дешёвыми в мире.

А, как отмечал Б. Кагарлицкий: «В свою очередь, Иван Грозный просил Англию о поставках военных материалов, вооружения, инженеров, сведущих в артиллерийском деле, архитекторов, знакомых со строительством фортификаций». В Россию везли английское оружие, ехали врачи, инженеры-фортификаторы и офицеры. Именно стремление к установлению ещё более тесных контактов с Англией не через северные порты, а через Балтийское море, вызвало начало Ливонской войны со стороны Московии. В этой

войне Англия оказывала царю всевозможное содействие. По словам Б. Кагарлицкого: «поражение Московии в Ливонской войне было одновременно крупным поражением Англии в борьбе за прямой доступ к русским ресурсам».

Тем не менее, хотя в XVII веке голландцы сильно потеснили английскую торговлю в России (основав новый порт на Белом море — Архангельск), начиная с эпохи Ивана IV происходит, растянувшаяся на полтора столетия, внешнеполитическая ориентация России на протестантский север Европы в борьбе против католического юга и Речи Посполитой. Крайне нетерпимо относясь к католикам, московские государи покровительствовали протестантам, иногда даже разрешали им открывать свои церкви, компактно селиться в Московии и приглашали специалистов из протестантских стран. Своё развитие эта политика получила в XVII веке, когда Московия, фактически, выступила в Тридцатилетней войне, сотрясавшей Европу, стратегическим союзником протестантского севера, бесплатно снабжая его зерном и другими продуктами. А во время опричнины английским купцам были даны обширные концессии. Историк Р.Г. Скрынников не без удивления отмечает: «Любопытно, что именно опричное правительство впервые в русской истории предоставило концессии иностранному капиталу и что эти концессии располагались исключительно в пределах опричнины».

5.2. Смута

Драматические события начала XVII века, до основания потрясшие устои Московского царства, принято называть «Смутным временем» или просто «Смутой». Слово «Смута» имеет в русском языке многозначный смысл. Здесь и «бунт», «мятеж», «крамола» и — нечто неопределённое, запутанное, неясное, смятенное. И все эти оттенки значения слова «Смута» хорошо выражают дух и размах потрясений, которые охватили Московию.

По своему значению, характеру, обилию альтернатив, последствиям и масштабам «Смутное время» можно сравнить лишь с событиями Великой Российской Революции 1917—1921 годов. В обоих случаях имели место разрушительные и всеобъемлющие «системные» кризисы русского государства (знаменующие конец одного и начало нового громадного исторического цикла) и сложное сочетание сразу множества драматических процессов: гражданская война, внешняя интервенция, религиозные конфликты, распад русского государства, конец царствующей династии, стремление различных слоёв общества к самоорганизации и выживанию в условиях краха и гибели центральной власти, бесчисленные мятежи, перевороты и вожди, на миг всплывающие на поверхность истории и тотчас уносимые бешеным течением...

Смена династий, борьба боярских группировок за власть, внешнее вторжение, межконфессиональный конфликт (по линии православие — католицизм (польский) — протестантизм (шведский)), раскаты грома бушующих в Европе Реформации и Контрреформации, столкновение боярства с дворянством и борьба широких масс против закрепощения, активизация городов и церковных иерархов, казацкая стихия, нахлынувшая с южных окраин и захлестнувшая центр Московии, появление множества центров власти и одновременно четырёх-пяти кандидатов на московский трон — всё это Смута.

Неудивительно, что события Смутного времени, подобно Революции 1917—1921 годов, по сей день вызывают как огромный интерес у общества, так и бурные споры среди историков, окружаются многочисленными мифами. Историки расходятся не только в оценках происходящего, возможных альтернатив и упущенных шансов, но даже в хронологических рамках Смутного времени. Для одних — мыслящих монархически — суть Смуты в междоусобице, смене двух законных династий, и потому они определяют эти хронологические рамки периодом с 1598 года (конец династии

Рюриковичей) до 1613 года (избрание на царство династии Романовых). Для других историков (и я здесь буду придерживаться именно этого подхода, представляющегося более обоснованным) «активная» фаза Смуты началась позднее — в 1605 году, вступлением в пределы Московии первого Самозванца и началом гражданской войны, а закончилась она также позднее — в 1617-1618 годах, когда гражданская война на Руси прекратилась и были подписаны мирные договоры Москвы с Речью Посполитой (1618) и со Швецией (1617).

5.2.1. Преддверие и причины Смутного времени (1584-1604)

С XIV по XVI века Московское государство неуклонно усиливалось, подавляя сопротивление общества внутри и захватывая земли вовне. Пиком и апофеозом этого процесса явилось царствование Ивана Грозного, воздвигнувшего здание своего самодержавия на тотальном терроре, страхе и насилии, уничтожении и запугивании всех, даже потенциально несогласных. Однако эта сокрушительная победа государства над обществом оказалась «пирровой»: система, основанная на всеобщем терроре не могла существовать долго. Страна обезлюдела, экономика была подорвана, население разбегалось на окраины, победы опричников над собственным населением оплачивались военными неудачами, Московию постигли тяжёлые внешнеполитические удары (катастрофическое поражение в Ливонской войне, набеги крымцев, сожжение Москвы в 1571 году).

По словам современного историка С.Ю. Шокарева: «Конец династии, истощение людских и материальных ресурсов, расшатывание главной опоры русского мироощущения — самодержавной власти — таковы прямые последствия политики царя Ивана». Английский посол в Москве Д. Флетчер проникательно замечал о последствиях опричнины: «Столь глупая политика и варварские поступки...

так потрясли всё государство, и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что, по-видимому, это должно окончиться не иначе, как общим восстанием». В обществе нарастали возмущение, ненависть и волнения. А постоянная неуклонная централизация власти в руках одного правителя, постоянное «обрубание» «боковых побегов» правящего дома оказались самоубийственны для самой династии московских Рюриковичей. Уничтожив своего двоюродного брата князя Владимира Андреевича Старицкого и убив (в порыве дикой злобы и ярости) собственного старшего сына Ивана, Иван IV подвёл свою династию к гибели, вырождению и исчезновению.

После его загадочной смерти в 1584 году у женолюбивого царя, имевшего множество жён и наложниц, остались лишь два сына-наследника, и оба не оставляли надежд на стабильное продолжение династии. Старший из уцелевших, сын Ивана IV от первой его жены Анастасии Романовой-Юрьевой — Фёдор Иванович был уже взрослым, однако, недееспособным, не имевшим возможности править самостоятельно и к тому же неспособным к деторождению. От отца он унаследовал набожность и жестокость (любил травлю медведей, кулачные бои и колокольный звон). На всей его личности лежала печать вырождения, характерная для последних представителей московской династии: сын неуравновешенного и склонного к паранойе Ивана IV Фёдор Иванович был «умом слаб», по воспоминаниям современников, откровенно называвших его «дураком» и, сев на трон, оказался игрушкой в руках придворных интриганов.

Второй отпрыск Ивана IV, переживший своего отца — годовалый младенец Дмитрий, сын последней жены грозного царя Марии Нагой, был подвержен эпилепсии и склонен к необузданным приступам жестокости. Сосланный вместе со своей матерью и дядьями в почётную ссылку в Углич (ставший, таким образом, последним «уделом» в Московской Руси), маленький царевич с детства демонстрировал лютый

и свирепый нрав своего отца — он любил рубить сабелькой головы снеговикам, приговаривая, что также он расправится с боярами, когда сядет на трон. Его детские забавы также напоминали отцовские: страсть к мучительству рано проявилась в его детской натуре.

Но, пока маленький царевич Дмитрий так развлекался в Угличе, вокруг трона «блаженного» Фёдора Ивановича закипела борьба за обладание реальной властью. Оттеснив родовитых Мстиславских, Романовых-Юрьевых и Шуйских, а также незнатного, но могущественного, наглого и амбициозного Богдана Бельского, фаворитом и временщиком сумел стать ловкий интриган и царедворец Борис Фёдорович Годунов. Будучи из не очень знатного рода татарского мурзы (бояре считали его «высочкой»), Годунов сумел сделать карьеру в опричном войске (уцелев во всех «переборках людишек») и дважды выгодно устроить свои семейные дела: первый раз — сам женившись на дочери всеильного палача Малюты Скуратова, а второй — женив царского сына и наследника Фёдора на своей сестре Ирине и став царским шурином. Выдающиеся способности политика и интригана (несмотря на слабое здоровье, низкое происхождение и полководческую бездарность) позволили Годунову уцелеть в последние года царствования Ивана IV, переиграть всех своих конкурентов и сосредоточить в своих руках неограниченную власть.

В отличие от Ивана Грозного, Борис Годунов не любил эффектных и масштабных публичных кровопролитий и проявлял едва ли не «гуманизм»: его противники «просто», без лишнего шума насильно постригались в монахи, ссылались в дальние монастыри, где через год или два погибали от угарного газа (дыма), яда или убивались каким-либо другим «бесшумным» способом. Борис Годунов стремился укрепить свою власть в стране и хоть немного вывести Московскую Русь из той глубочайшей пропасти, в которую она рухнула в результате правления Ивана IV.

Всесильный боярин широко поощрял доносы, наводнив страну своими тайными агентами и призывая холопов доносить на своих господ. Он в ряде «локальных» войн со Швецией частично вернул утерянные ранее Россией земли в Прибалтике, а также устранил угрозу крымских набегов. По инициативе Годунова в 1589 году на Руси было учреждено патриаршество. Когда в Москву приехал за «спонсорской помощью» (как сказали бы сейчас) константинопольский патриарх Иеремия, его арестовали и поставили перед выбором: или он никогда более живым не покинет Москву, или же он даст свое благословение на учреждение в Москве патриархии и будет отпущен с большими деньгами и почестями. Естественно, после некоторого сопротивления, отказов и колебаний, Иеремия согласился на второе. Первым патриархом Руси был избран ставленник Годунова Иов.

В 1591 году в Угличе при подозрительных и загадочных обстоятельствах погиб царевич Дмитрий. Он был найден около терема с перерезанным ножом горлом. По официальной версии правительственной следственной комиссии, возглавляемой боярином князем Василием Шуйским, ребёнок неудачно упал на нож в результате эпилептического приступа («падучей болезни», которой он был подвержен). Однако родные Дмитрия говорили, что он был убит подосланными злодеями. В народе ходили как слухи о том, что царевич был убит по приказу Годунова (хотя его убийство было на руку не только всесильному боярину, но и другим кандидатам на русский трон, в первую очередь, родовитым боярам Романовым-Юрьевым), так и иные слухи — о чудесном опасении царевича, до времени скрывшегося от врагов и убийц. Так стал твориться Миф, которому вскоре предстояло обрести плоть и кровь и ввергнуть страну в Смуту, низвергая троны.

В 1598 году умер бездетным царь Фёдор Иванович, и династия московских Рюриковичей (Даниловичей) преклась. Борис Годунов разыграл после этого настоящую комедию. Он вместе со своей сестрой, вдовствующей царицей

Ириной, удалился в Новодевичий монастырь и сделал вид, что самоустранился (за него работали его приверженцы). Фактически, он организовал, мастерски провёл и выиграл первую в русской истории избирательную кампанию. Земский собор по предложению патриарха Иова «избрал» царём Годунова, но он трижды «отказывался» принять высшую власть, набивая себе цену. Народные толпы, согнанные приверженцами Годунова, трижды ходили к Новодевичьему монастырю, слёзно умоляя боярина быть государем. Наконец, «по массовым просьбам трудящихся» (как сказали бы четыре века спустя) тот явил милость и согласился занять опустевший трон.

Однако его царствование не было ни продолжительным, ни счастливым. (В чём все видели руку Божественного Провидения, карающего Бориса за злодеяния.) Слишком велика была катастрофа, постигшая Русь усилиями Ивана IV. Логика падения в пропасть продолжалась. По С.Ю. Шокареву: «Стабильность была достигнута благодаря мощному давлению государства на все сословия». И, по странной иронии судьбы, не свирепому и лютomu Ивану IV, а «либеральному» Борису Годунову выпала сомнительная «честь» — сделать решающий шаг в сторону введения в России крепостного права — разумеется, в качестве «исключительной», «временной» и «чрезвычайной» меры. Хотя соответствующие указы не сохранились до нас, большинство историков сходятся на том, что на рубеже XVI—XVII столетий правительство Бориса Годунова во имя интересов дворянства и сбора налогов и стремясь остановить процесс разбегания крестьян, «временно» отменило на неопределённый срок право ухода крестьян от хозяев в Юрьев день. Налоги на крестьян были увеличены, а дворяне были освобождены от налогового бремени. Подобно Ивану IV, Годунов решительно опирался в своей политике на служилое дворянство. Одновременно было запрещено свободное перемещение посадских людей и усилено посадское «тягло» (налоги на горожан). Устанавливались «урочные годы» (сначала пять, а потом десять лет) — годы сыска, во время

которых беглых возвращали их хозяевам. В этих мерах были заинтересованы не бояре — крупные вотчинники, переманивающие к себе крестьян на выгодных для них условиях, а дворяне — мелкие помещики, выжимающие все «соки» из своих немногочисленных крепостных.

Стремясь укрепиться на троне, Годунов раздавал деньги своим сторонникам, дал боярам гарантии от массовых репрессий (пообещав пять лет никого не казнить). Впрочем, главных своих конкурентов — бояр Романовых-Юрьевых он обвинил в «колдовстве», умышлении на свою жизнь и устранил (одни были тихо убиты, другие — насильно пострижены в монахи).

Внешняя политика Годунова включала в себя целенаправленное продвижение русских колонизаторов в Сибирь, строительство новых крепостей на южных рубежах Московии (Воронеж, Курск, Царицын, Саратов, Белгород), заключение долгосрочного мира с Крымом, Турцией и Речью Посполитой. Царь привлекал на Русь чужестранных купцов, мастеров и лекарей, поощряя протестантов (при нём была открыта кирха в Немецкой слободе) и создал отряд немцев-телохранителей. Западные наёмники составляли отныне наиболее боеспособную часть русской армии, а также большую часть её офицерского корпуса. Годунов также вёл обширное каменное строительство (архитектором Фёдором Конём была построена мощная крепость в Смоленске и знаменитый Белый Город в Москве) и пытался смягчить налоговый гнёт с опустевших со времён Ивана IV городов. Царь открыл ряд новых типографий и — впервые в истории Московской Руси — отправил нескольких дворянских отпрысков учиться за границу «для науки разных языков и грамотам». (Впрочем, не один из них не вернулся обратно в Московию, — все предпочли остаться на Западе, а один даже стал видным протестантским пастором и богословом в Англии).

На фоне предыдущего лютого правления Ивана IV, залившего потоками крови страну, царствование Бориса

Годунова кажется более мягким и либеральным. Однако, оно сумело лишь немного оттянуть, но не предотвратить неизбежное начало Смуты. И конец законной династии (а новая династия Годуновых в глазах знати и народа была нелегитимной, да ещё под подозрением в убийстве царевича Дмитрия) и нараставшее социальное напряжение, и политические конфликты, привели Бориса Годунова к краху. Бояре откровенно презирали его как «выскочку» и дворянского ставленника, крестьяне ненавидели его за введение крепостного права, отмену Юрьева дня и жестокую систему сыска, казаки на юге бунтовали, и всё население воспринимало Бориса как узурпатора трона и детоубийцу. Его власть воспринималась обществом как несправедливая, нелегитимная и греховная. Все названные выше факторы неизбежно вели Московское государство к крушению, а общество — к взрыву. Однако, ускорила взрыв цепь трагических случайностей и совпадений, не зависящих от воли человека и поневоле заставивших современников подумать о Божьей каре, направленной на Годунова и на всю Русь.

Детонатором этого взрыва явились страшные события 1601—1603 годов, когда в стране трижды подряд (!) были неурожайные годы (из-за засухи). Затем непрерывные дожди и ранние морозы уничтожали все остатки урожая. Запасов продовольствия в достаточном количестве, разумеется, не было. Начался чудовищный голод. По словам В.Б. Кобрин: «Разумеется, причиной его была не только непогода. Расшатанное тяжёлыми налогами и сильной феодальной эксплуатацией крестьянское хозяйство потеряло устойчивость, не имело резервов». Люди ели траву, наблюдались повсеместные случаи людоедства. Хлеб вздорожал за два года в 18 раз (!). Около трети населения страны умерло от голода. Годунов пытался бороться с бедствием, открывая государственные зернохранилища для раздачи хлеба голодающим, но это вело лишь к злоупотреблениям со стороны соответствующих

чиновников и к массовому притоку сотен тысяч оголодавших людей в столицу, к росту социального недовольства и хлебных спекуляций. Царь призывал церковь и бояр открыть закрома для голодных, последовать его примеру, но церковные иерархи и знать предпочитали попридержаться продовольствие, цены на которое невероятно возросли. Попытки государства бороться со спекуляцией хлебом, ввести общественные работы, раздачи хлеба и денег населению, установить твёрдые цены на хлеб — провалились. Сотни тысяч людей умирали в Москве и её окрестностях, в одной Москве было похоронено 127 тысяч человек. В ниспосланных им свыше бедствиях народ винил «нечестивого царя» и проклинал его.

За этими событиями последовало восстание 1603 года, когда толпы крестьян и холопов во главе с атаманом Хлопком двинулись на Москву. И, хотя войско восставших было рассеяно царскими отрядами, эти события явились прологом начинающейся гражданской войны. «Горючий материал» для неё представляло население южных рубежей Руси — вольное казачество, состоящее из беглых людей, вооружённое, свободолюбивое, привыкшее к самоорганизации, борьбе с государством и разбоям. Однако и бояре, холопы, крестьяне и посадские люди (да и дворяне, разорившееся и нищенствующие в результате социальных потрясений последних лет) выражали недовольство — каждый по-своему и каждый по своим особым причинам. Все осознавали сомнительность и «неправедность» династии Годунова. Его воспринимали как «не истинного», «не природного» царя, получившего свою власть не от Бога и запятнавшего себя преступлениями. Посеянные Иваном IV семена дали плоды, пожинать которые приходилось его преемникам. Оставалось лишь поднять знамя борьбы с «узурпатором» Борисом, в котором видели главного виновника всех бедствий народа. И это знамя поднял первый Самозванец в 1604 году.

5.2.2. Первый Самозванец

О том, кто именно скрывался под именем первого «Дмитрия», историки ожесточённо спорят до сих пор и, вероятно, будут спорить ещё долго. Наиболее распространена версия (выдвинутая ещё правительством Бориса Годунова) о том, что Лжедмитрием I был дворянин, служилый человек бояр Романовых-Юрьевых Юрий Богданович Отрепьев, который, чтобы спастись от гонений Годунова против окружения его врагов — Романовых, постригся в монахи под именем Григория. Обладая замечательным живым умом, умением быстро обучаться самым разным предметам, прекрасными каллиграфическими способностями, он быстро сделал головокружительную церковную карьеру и стал монахом кремлёвского Чудова монастыря и приближённым патриарха Иова. Однако, движимый честолюбием, расстригся и бежал из Москвы в Литву, где и объявил себя царевичем Дмитрием, спасшимся от убийц и требующим законного трона.

Борис Годунов обвинил бояр (и прежде всего, Романовых-Юрьевых) в том, что это именно они стояли за самозванцем, используя его, как орудие в борьбе против него. И В.О. Ключевский полагал, что Лжедмитрий «был только испечён в польской печке, а заквашен в Москве». Однако с господствующей доселе версией о том, что Самозванец был Отрепьевым никак не согласуется его явная искренняя уверенность в своём царском происхождении и праве на высшую власть, которая проявлялась во всех его поступках. Заняв трон, он не боялся встречи со своей названной матерью Марией Нагой, легко нарушая кремлёвский церемониал и т.д., что делает сомнительным его самозванчество.

Как бы то ни было, появившись в 1602 году в Речи Посполитой, самозванец сумел заручиться поддержкой нескольких поверивших в него как в царевича (или сделавших вид, что поверили) литовских и польских магнатов (Адама Вишневецкого, Юрия Мнишека) и католических иерархов (он общался с иезуитами, тайно принял католичество к даже обещал

склонить к католической вере всю Московию). Однако ни польский король Сигизмунд III Ваза, ни его канцлер и сенат, дорожившие мирным договором с Москвой, поглощённые ожесточённой войной с протестантской Швецией и сомневавшиеся в царском происхождении «Дмитрия», не поддерживали его, весьма прохладно отнесясь к его притязаниям. Тем не менее Лжедмитрию удалось собрать четырёхтысячное войско (из литовских и польских шляхтичей, русских дворян эмигрантов и донских и запорожских казаков), которое в 1605 году вступило в пределы Московского государства.

Самозванец избрал не короткий путь через Смоленск, где его ждали царские воеводы, а более длинный южный путь — через Путивль, Северск и Чернигов. Эти районы при его приближении вспыхнули, как пороховой погреб. Донское и запорожское казачество, беглый люд, жители южных городов стали тысячами присоединяться к долгожданному «законному царевичу». А царские воеводы, наголову разбив войско Самозванца в битве, бездействовали и колебались.

В этот роковой момент, в апреле 1605 года в Москве внезапно умер Борис Годунов, передав трон своему одарённому, красивому и талантливому, но совсем юному (шестнадцатилетнему) сыну Фёдору Борисовичу. Ни армия, ни бояре, ни народ не хотели защищать «проклятый Богом» род Годуновых. Сила Лжедмитрия была не в литовской поддержке, а в русском народе, верившем в него и надеявшемся на него. Целый ряд трагических совпадений (три года фатального неурожая, внезапная смерть царя Бориса) привели к падению новой династии.

На сторону Самозванца перешли и воевода Пётр Басманов с войском, и хитрый боярин князь Василий Шуйский, некогда возглавлявший комиссию по «угличскому делу» и теперь «компетентно» подтвердивший «подлинность» царевича. Этот же факт был удостоверен и матерью Дмитрия инокиней Марфой Нагой (то ли таким образом мстившей ненавистным Годуновым, то ли и в самом деле признавшей

своего спасшегося сына). На волне всенародного ликования и сильный «мнением народным» (по справедливым словам Пушкина) новый государь триумфально вступил в столицу. Эти радостные дни всенародной надежды и праздника были несколько омрачены неизбежным, но от того не менее мрачным злодеянием нового властителя. Фёдор Годунов и его мать были задушены (народу объявили, что они приняли яд), а его сестра красавица Ксения стала наложницей нового государя.

Лжедмитрий I (или всё-таки Дмитрий?) был совершенно не похож на всех предыдущих и последующих правителей Московии. Энергичный, милостивый (он опирался не на страх, а на милосердие), склонный к удали и новаторству, дерзкий и отважный, самостоятельный, красноречивый, обладающий острым умом, хорошо разбирающийся в военном деле, истории и международной политике, активно радеющий за просвещение, «народный царь» снискал огромную любовь, и популярность у широких слоёв населения (её хватило ещё на нескольких последующих Самозванцев). Он не соблюдал придворного этикета: не спал после обеда, сам садился на коня, попросту ходил по Москве почти без свиты, общаясь со всеми желающими, принимал у простых людей челобитные и лично их рассматривал. Новый царь был европейски образован, знал польский и латинский языки, сам обучал ратников, вникал во все государственные дела.

Он и не думал выполнять обещания, данные им польским магнатам и католическим иерархам (по передаче московских земель Польско-Литовскому государству и обращению страны в католицизм), проявляя самостоятельность и независимость. Лжедмитрий удвоил жалование служилым людям, снял все ограничения на въезд на Русь и выезд из Руси, ввёл свободу промыслов и торговли, даровал холопам свободу после смерти их господ, дал широчайшую повсеместную амнистию (вернув всех опальных при Борисе Годунове, в частности, Нагих, Романовых-Юрьевых и Черкасских и пощадив даже лукавого и подлого князя Василия Шуйского,

организовавшего против него заговор и осуждённого на смерть судом), существенно уменьшил налоги с крестьян, намеревался учредить в Москве университет и вернуть право Юрьева дня...

Политика первого Самозванца была ориентирована на опору на общество, на открытость и милосердие (а не на страх и единоначалие). Лжедмитрий I выступал за веротерпимость (однако не позволил строить католические костёлы в Московии) и за общеевропейскую борьбу против общего страшного врага — Османской Империи. Он (избрав для себя образцами Гая Юлия Цезаря и Генриха IV Французского) жаждал подкрепить свою власть военными победами и готовился вести победоносное войско на Крым. Он первым на Руси (за сто лет до Петра I, которого он отчасти напоминает (но без его зверств и самодурства)) принял титул «императора» (кесаря) и стремился к широким контактам москвичей с иноземцами, к европеизации Московии. Новый царь стремился, но так и не решился, или не успел за год своего короткого правления, вернуть Юрьев день, ограничившись лишь смягчением системы крепостного права.

По справедливому мнению В. Б. Кобрин: «Думается, личность Лжедмитрия была хорошим шансом для страны: смелый и решительный, образованный в духе средневековой культуры и вместе с тем прикоснувшийся к кругу западноевропейскому, не поддающийся попыткам подчинять Россию Речи Посполитой. Но этой возможности тоже не дано было осуществиться».

Дело в том, что с новым царём были связаны огромные надежды у противоположных социальных сил. Крестьяне, веря в «доброго царя Дмитрия», надеялись, что он восстановит Юрьев день — но это означало конфликт с дворянами. Поэтому Лжедмитрий не отменил крепостного права, ограничившись разрешением крестьянам, ушедшим от своих господ в голодные годы, оставаться на новых местах. Крестьянам этого было мало, а вот дворян возмутило. В то же время он настроил против себя поляков (не оправдав их ожиданий), бояр (рассматривавших его как «выскачку» и простое орудие в борьбе

с Годуновыми) и церковь. Церковные иерархи подозревали его в симпатиях к «латинству», осуждали за женитьбу на полячке и католичке Марине Мнишек. Кроме того, им не нравилось то, что Лжедмитрий называл монархов «бездельниками», низложил годуновского патриарха Иова и поставил своего ставленника Игнатия, и не соблюдал московской «старины». Бояре и церковники распускали в народе слухи о «неподлинности» царя Дмитрия. И тем не менее, его поддержка в народе оставалась огромной. Пожалуй, это был самый «популярный» и самый «народный» царь за несколько столетий русской истории — не испорченный властью и раболепием, энергичный, простой и смелый, милостивый и новаторский. Однако править ему, увы, суждено было всего один год.

17 мая 1606 года в Москве началось восстание против нескольких тысяч поляков, приехавших на свадьбу царя с Мариной Мнишек, в качестве свиты царицы, и возмущивших москвичей своим вызывающим поведением. Воспользовавшись этим и обвинив «литву» в том, «что она хочет государя нашего извести», группа заговорщиков-бояр и дворян во главе с коварным к неугомонным Василием Шуйским (лишь полгода назад милостью царя избегнувшего плахи и возвращённого из ссылки) проникла в Кремль и, используя возмущение москвичей против поляков как «дымовую завесу» для собственного заговора, вероломно напала на царский терем.

Лжедмитрий с криком: «Я им не Борис!» — отважно рубился с убийцами, выпрыгнул из высокого окна терема и, сломав при падении ногу и потеряв сознание, затем отдался под защиту отряда кремлевских стрельцов. Те встали вокруг него и выстрелами оберегали от врагов. Однако заговорщики заявили, что сейчас они отправятся в стрелецкую слободу и перебьют жён и детей стрельцов, после чего те отдали им Лжедмитрия на растерзание. Он посмертно был объявлен самозванцем, а его прах сожгли и выпалили им из пушки. А царём был скороспело провозглашён глава заговорщиков князь Василий Иванович Шуйский.

Однако, эти события, возмутившие всю страну, не положили конец Смуте, а лишь привели к её разрастанию. Провинциальное дворянство было возмущено узурпацией власти боярской группировкой, не создавшей, как полагалось по обычаю, полноценного избирательного Земского Собора. Шляхта Речи Посполитой была возмущена массовым избиением и пленением поляков и литовцев в Московии. А широкие слои населения продолжали верить в «народного царя Дмитрия», его неуязвимость и новое «чудесное спасение». Оказалось, что Миф убить намного труднее, чем живого человека. Гражданская война в Московской Руси разгорелась с новой силой.

5.2.3. Василий Шуйский и восстание Ивана Болотникова (1606 — 1607)

Севший на трон престарелый (54-летний) царь Василий Иванович Шуйский был коварным интриганом, вероломным и беспринципным политиком, но довольно никчёмным правителем и никудышным полководцем. Выжив в эпоху опричного террора, он представлял собой яркий пример вырождения боярства, прошедшего через мясорубку репрессий, утратившего доблесть и честь, и сохранившего лишь лисью подлость, приспособленчество и огромный инстинкт выживания при любых условиях. Хотя он, действительно, был знатнейшим человеком страны (род Шуйских происходил от ветви Рюриковичей, более древней и знатной, чем московские Даниловичи, управлявшей в XIII—XV веках Нижегородско-Суздальским княжеством), однако он был избран без положенного согласия всей земли (на Земском Соборе), а лишь «выкрикнут» своими приспешниками на площади, овладев престолом волей случая. Недовольны были дворяне, провинциальная знать и широкие слои населения, видевшие в Шуйском лжеца, узурпатора и убийцу всенародно любимого государя Дмитрия. За новым царём стояли олигар-

хические боярские группировки и назначенный им патриархом Гермоген, ярый приверженец старины и самодержавия, фанатичный враг всего иноземного.

Многие поляки и литовцы, находившиеся в Москве (включая Юрия и Марину Мнишек) были арестованы, но не убиты (во избежание конфликта с Речью Посполитой). Впрочем, властям федеративного Польско-Русско-Литовского государства в это время было не до мести новому московскому государю: Сигизмунд Ваза вёл войну со шведами и подавлял у себя рокош — мятеж собственной литовско-русской шляхты. Причём многие из мятежников как раз поддерживали царя Дмитрия и желали видеть его ещё и правителем Речи Посполитой, способным объединить под своей властью все русские земли. После разгрома восстания они бежали в Московскую Русь и пополнили ряды непримиримых и воинственных врагов Шуйского.

25 мая 1606 года Шуйский венчался на царство, причём дал «крестное целование» не казнить людей без суда и согласия Боярской Думы, не слушать доносов, не конфисковывать имущество осуждённых и их родственников. Данная крестоцеловальная запись (которую, впрочем, лживый Шуйский на деле мало соблюдал) стала первым прообразом конституционного акта, ограничивающего самодержавие в России (подобно Великой Хартии Вольностей или Хабеас Корпусу в Англии). По словам В.О. Ключевского: «Василий Шуйский превращался из государя холопов в правомерного царя подданных, правящего по законам». А В.Б. Кобрин утверждал, что «историческое значение «крестоцеловальной записи» Шуйского не только в ограничении произвола самодержавия, даже не только в том, что впервые был провозглашён принцип наказания только по суду (что, несомненно, тоже важно), а в том, что это был первый договор царя со своими подданными». К тому же, на престоле Московии появляется вновь не «природный» авторитарный государь, но правитель, опирающийся на общественную поддержку (вслед за Годуновым

и Первым Лжедмитрием). Однако и этот замечательный шанс выхода из заколдованного круга и изменения рокового вектора русской истории, связанный с именем Шуйского, был упущен, как и шансы, связанные с Годуновым и с Лжедмитрием. Маховик Смуты, подобно поступи Судьбы в эллинской трагедии, уже раскручивался вовсю — к ужасу одних и надежде других.

Чтобы утвердить его власть и окончательно похоронить саму идею самозванчества, по приказу Шуйского объявили святым царевича Димитрия, а царевичем Дмитрием — объявили ребёнка, убитого в 1591 году в Угличе. Причём теперь была отвергнута версия о самоубийстве в припадке падучей и была принята версия о мученической гибели от ножей убийц, — версия, совместимая с канонизацией этого ребёнка. Его мощи привезли в Москву и срочно «организовали» ряд чудес вокруг них (чудесные «исцеления» больных бродят, подкупленных Шуйским). Царевич был теперь объявлен убитым, а сам главный «эксперт» по данному вопросу Василий Шуйский (как в инокиня Марфа Нагая) в очередной (третий !) раз кардинально поменял свою позицию по поводу его гибели. В первый раз, возглавляя официальную следственную комиссию, он утверждал, что мальчик закололся сам, во второй (в преддверии подходящего в Москве самозванца) он заявил, что тот чудесно спасся от убийц, вместо него сразивших поповича, и теперь, в третий — что царевич-таки был убит в Угличе в 1591 году!

Однако народ благоразумно не верил и продолжал страстно ждать нового явления «подлинного царевича», скептически воспринимая все эти трюки с поспешной канонизацией и очередным переписыванием истории. Убитый царевич оказывался страшнее, могущественнее и неуязвимее любого из живых. А Шуйского, не избранного Земским Собором, многократно предававшего предыдущих государей и беспринципного, считали самозванцем, утратившим всякий авторитет и поддержку в обществе. Многие видели в нём

лишь лживого и коварного узурпатора, притеснителя народа, ставленника бояр, убийцу «царя Дмитрия». Служилые люди ждали новый реинкарнации Дмитрия, чтобы расправиться с боярской олигархией и конституционализмом, укрепить самодержавие и крепостничество, а народ мечтал о народном царе, отменяющем крепостничество, близким простолюдином и имеющем помазание от Бога и избрание от «всей земли».

Волновались низы, казаки, дворяне, провинция, приближённые первого Самозванца. По словам С.Ф. Платонова: «В... интриге, результатом которой явился Самозванец... участвовали народные массы, но направлялась и руководились они, как неразумные силы, из той же дворцовой и боярской среды... Но далее дело пошло иначе... Олигархи с Шуйским во главе вдруг очутились лицом к лицу с народной массой. Они не раз для своих целей поднимали эту массу; теперь, как будто приучаясь к движению, эта масса заколыхалась, и уже не в качестве просто орудия, а как стихийная сила, преследуя какие-то свои цели. Таким образом, воцарение Шуйского может считаться поворотным пунктом в истории нашей Смуты: с этого момента из Смуты в высшем классе она окончательно принимает характер Смуты народной, которая побеждает и Шуйского, и олигархию».

Вновь, как и полтора года назад, первой восстала «Украина» Руси. Летом 1606 года южные окраины поднялись под лозунгом поддержки «царя Дмитрия». Путивль, Чернигов, Курск, Елец, а за ними и Тула, и Рязань, и другие города прогоняли наместников и воевод Василия Шуйского. Приближённый первого Самозванца дворянин Михаил Молчанов, унёсший в суматохе московских событий государственную печать и сбежавший в Сандомир, в резиденцию Мнишков, рассылал от имени «царя Дмитрия» грамоты с призывом к восстанию. Внушив дворянину, служилому холопу князя Андрея Телятевского, Ивану Исаевичу Болотникову, что царь Дмитрий жив (и выдав для этого случая себя за него), Молчанов щедро

передал ему полномочия возглавить в качестве «старшего воеводы» армию «спасшегося царя». Вторично убитый, Дмитрий вновь стремительно материализовывался — на радость народу и погибель Шуйскому. Также, как некогда «призрак» Дмитрия был использован боярами против Годуновых, теперь «призрак» Дмитрия использовался различными силами в борьбе против Шуйского.

Иван Исаевич Болотников, ставший «большим воеводой царя Дмитрия», был опытным бывалым воином и пережившим многое человеком. В его жизни были и войны с татарами (в качестве боевого холопа), и плен, и рабство на турецких галерах, и странствие по Италии, Карпатам, Германии и Польше. Болотников свято верил в то, что он действует от имени царя Дмитрия и проявил выдающиеся способности полководца и организатора. За ним стояли недовольные режимом Шуйского дворяне: Молчанов, Шаховской и его бывший хозяин, теперь подчинявшийся своему же холопу, князь Телятевский. Объявившись в мятежном и бурлящем Путивле, Иван Исаевич обещал всем своим сторонникам царскую милость, волю, богатство и прощение всех старых прегрешений.

В восстании Болотникова заметны многие признаки последующих крестьянских войн в России (XVII—XVIII веков): пестрота движения, сочетание различных (порой несовместимых) сил и лозунгов, самозванчество как объединяющая идея, решающая роль казаков как зачинателей движения и его главной военной силы, наступление с периферии к центру — Москве... Подобно последующим крестьянским войнам, армия повстанцев напоминает стремительно проносящуюся комету: небольшое организованное постоянное «ядро» и изменчивый обширный «хвост» из множества местных отрядов, стремительно возникающих и исчезающих.

Болотников призвал восставших избивать бояр — сторонников Шуйского и занимать их места, обещал своим сорат-

никам щедрые земельные и денежные раздачи, пожалование их холопами и боярскими чинами. В «прелестных письмах» (воззваниях) Болотникова холопам предлагалось убивать бояр и дворян, насиловать их жён и дочерей и захватывать их имущество. По мнению В.Б. Кобринина: «Мы не находим здесь призыва к изменению феодального строя, а только намерение истребить нынешних бояр и самим занять их места».

Движение болотниковцев было на редкость пёстрым по своему составу, объединив ненадолго холопов, казаков, крестьян, дворян и посадских людей. Такие пёстрые и недолговечные коалиции противоположных социальных и политических сил, на миг объединяющихся не «за что-то», а «против кого-то» — станут характерной чертой Смутного времени. При этом одни его участники выступали против закрепощения, другие — против боярского правления, третьи — против диктата Москвы над окраинами, четвёртые просто желали пограбить и выдвинуться. Неудивительно, что эта огромная пёстрая коалиция не могла быть долговечной и прочной, ибо объединялась лишь вокруг тактического лозунга: «за истинного царя Дмитрия против узурпатора Шуйского».

В октябре 1606 года стотысячная армия Болотникова, разбив царские полки в нескольких сражениях и блокировав подвоз к Москве хлеба с юга (что вызвало в столице голод), подошла к Москве и встала у села Коломенское, осадив город. Дворяне Истома Пашков, Прокопий и Захар Ляпуновы во главе дворянских отрядов из Тулы и Рязани тоже подошли к Москве и соединились с болотниковцами. На сторону восставших перешли города Поволжья (Арзамас и др.), Можайск и Ржева. Однако Шуйского в разгоревшейся гражданской войне поддерживали север страны, жители Москвы (бояся кары за гибель Лжедмитрия) и церковь (объявившая анафему восставшим). Бунтующий казацкий юг столкнулся с консервативным зажиточным севером, пёстрая «партия бунта» (дворяне, казаки, холопы, крестьяне) — с «партией порядка» (боярство, духовенство).

Ряды болотниковцев были ослаблены, во-первых, их разобщённостью, конкуренцией вождей и нарастающими конфликтами между холопами и дворянами, во-вторых, чудовищной жестокостью восставших (оттолкнувшей от них многих союзников), в-третьих, посулами Шуйского, призывавшего дворян перейти на его сторону и отойти от бунтарей, в-четвёртых, затянувшимся до неприличия отсутствием того самого «царя Дмитрия», от имени которого действовали повстанцы. 15 ноября 1606 года Прокопий Ляпунов, а 2 декабря и Истома Пашков со своими отрядами перешли на сторону Василия Шуйского. Болотников был разбит в трёхдневном страшном сражении у села Коломенского талантливым полководцем — юным Михаилом Скопиным-Шуйским (племянником царя) и бежал сначала в Калугу, а затем в Тулу. Тысячи восставших попали в плен и были по приказу Василия Шуйского утоплены в Яузе. От армии болотниковцев начали отходить многие дворянские отряды, ибо, по справедливому замечанию С.Ф. Платонова: «И немного надо проницательности, чтобы понять, что в данном случае во имя Дмитрия соединились социальные враги»: дворяне, выступавшие за дальнейшее закрепощение, и народные низы, жаждавшие возвращения Юрьева дня и повсеместного истребления дворян.

Тем временем, за неимением «исчезнувшего» «Дмитрия», новые самозванцы, меньшего калибра, росли, как грибы из-под земли. В декабре 1606 года в Путивле объявился казак Илья Коровин, провозгласивший себя «царевичем Петром», сыном царя Фёдора Ивановича. К лету 1607 года армии Болотникова и «царевича Петра» соединились в Туле, где были осаждены громадной армией Василия Шуйского, бросившего против них все силы. В это время Астрахань и всё Нижнее Поволжье захватил «царевич Иван-Август» — самозванец, назвавшийся сыном Ивана IV от одной из его многих жён, а следом за ним появилась и казацкие «царевичи» Лаврентий, Симеон, Савелий, Василий, Климентий, Ермилка,

Гаврилка, Мартынка... Одновременно в Среднем Поволжье, лишь полвека назад огнём и мечом присоединённом к Московии, началось всеобщее освободительное восстание местных народов против русских захватчиков.

Перегородив дамбой реку Упу, войско царя Василия затопило Тулу, оставив осаждённых без продовольствия. Болотников и «царевич Пётр» с армией сдались царю 10 октября 1607 года, заручившись его клятвенным обещанием сохранить их жизни. Разумеется, это обещание никто и не собирался выполнять. «Пётр» был казнен в Москве, а Болотников сослан в Каргополь, где ослеплён и утоплен в проруби. Тысячи повстанцев были перебиты, другие тысячи разбежались по стране.

Но в этот момент пропавший «Дмитрий» объявился наконец вновь, собрав вокруг себя остатки разбитых армий своих приверженцев. И гражданская война, охватившая к этому времени уже почти все сословия и регионы страны, запылала с утроенной силой.

5.2.4. Второй и Третий Самозванцы. Шведская помощь Москве, вторжение поляков и Семибоярщина (1607—1611).

Если человек, первым назвавшийся царевичем Дмитрием, несомненно, был замечательным незаурядным человеком, талантливым и самостоятельным политиком (а, вполне возможно, и действительно — самим царевичем), то Второй Лжедмитрий был довольно ничтожной личностью, безвольной марионеткой в руках «слепивших» его непокорных русских дворян-болотниковцев, а позднее — в руках казацких атаманов и польских авантюристов. По некоторым сведениям, он был учителем — крещёным евреем Богданко из города Шклова, человеком, сильно падким на спиртное и на женский пол.

Сравнивая двух первых Лжедмитриев, С.Ф. Платонов отмечал, что «первый из них, несмотря на всю свою легкомысленность и неустойчивость, был гораздо серьёзнее, выше и даже симпатичнее второго. Первый восстанавливал династию, а второй ничего не восстанавливал, а просто «воровал»». Потому-то он и остался в исторической памяти народа под именем «Вора». («Ворами» называли тогда преступников и мятежников). Первоначально выдвинутый и поддержанный остатками болотниковцев, крестьянами, казаками, дворянами — противниками Шуйского, Лжедмитрий Второй, появившийся в городах Пропойске и Стародубе весной 1607 года, быстро собрал огромную (стотысячную) армию. И дело было не в его талантах и достоинствах (которые отсутствовали), а исключительно — в имени.

На его сторону перешли донские и запорожские казаки во главе с атаманом Иваном Заруцким, Чернигово-Северская земля (стремящаяся любой ценой избавиться от гнёта Москвы), татары из Касимова, восставшие за свободу народы Поволжья и тысячи литовцев и поляков, спасающихся бегством из Речи Посполитой (где в это время также победой короля завершилась гражданская война) и искавших прибежища, наживы и приключений в охваченной Смутой Московии. Эту разношёрстную армию объединяла ненависть к Шуйскому, жажда мести, желание разбогатеть и надежды, по-прежнему связываемые с именем «царя Дмитрия». Казаки Заруцкого, поляки гетмана Яна Сапеги, литовцы пана Лисовского, уцелевшие болотниковцы и касимовские татары быстро обростали новыми дворянами, холопами и даже боярами.

К новому Лжедмитрию прибыла Марина Мнишек, опротестливо отпущенная Шуйским в Польшу, но ради царской власти над Москвой «признавшая» в нём своего «вновь чудом спасшегося мужа» (и вскоре родившая ему несчастного сына — «ворёнка»), чем резко подняла его авторитет. В лагерь Самозванца приехал и один из главных вдохновителей Смуты глава клана Романовых-Юрьевых Филарет (Фёдор Никитич Романов),

которого первый Лжедмитрий возвысил до митрополита, а второй сделал своим патриархом. В стране возникло двоевластие. У Шуйского и у Лжедмитрия номер Два были свои патриархи (Гермоген и Филарет), свои приказы, свои Боярские Думы. Разбив в апреле 1608 года двадцатитысячную армию Шуйского в битве под Болховом, Самозванец подступил к Москве и встал лагерем в селе Тушино (отсюда и его прозвище — «Тушинский Вор»), в котором находился полтора года, блокировав голодающую столицу.

Поскольку в 1607 году Василий Шуйский ужесточил своими указами крепостное право, увеличив срок сыска беглых до 15 «урочных лет» и введя большие штрафы с тех, кто их укрывает, по всей стране было огромное недовольство царём и надежды на «Дмитрия». На сторону Самозванца перешли две трети территорий страны: Псков, Ярославль, Кострома, Вологда, Астрахань, Ростов, Владимир, Суздаль, Муром, Арзамас, Переяславль-Залесский, Углич, Тверь... В то же время Василию Шуйскому остались верны Троице-Сергиев монастырь (имевший символическое и стратегическое значение и обладавший несметными сокровищами), Нижний Новгород, Смоленск, Новгород Великий и города Сибири.

Отряды поляков и казаков терзали и грабили страну, разоряли население поборами и грабежами. Многие города и земли на горьком опыте убеждались, что, если Шуйский — плох, то и «тушинцы» — не лучше. По словам С.Ф. Платонова: «Для казачества и для польских выходцев самозванцы была простым предлогом для прикрытия их личных видов на поживу, «на воровство», говоря языком времени».

Обычным делом стали «перелёты», когда бояре и дворяне утром в Кремле Москвы клялись в верности Шуйскому, получая от него дары и награды, а вечером делали то же в Тушинском лагере. В эту нестабильную эпоху постоянных измен, изменений и перемен, полезно было иметь «своих» людей и родичей в противоположном лагере. Личное выживание, личная выгода бояр и дворян вышли на передний план,

оттеснив политические лозунги и программы, также как и самооборона городов и сёл от любых набегов. По словам современника и активного деятеля той эпохи монаха Авраамия Палицына: «Мнози же тако мятуще всем российским государством не дважды, но и пять крат и десять в Тушино и к Москве переержажу». Самозванца окружали бояре Трубецкие, Черкасские, Сицкие, Романовы, Бутурлины.

Северные города, доселе наименее разорённые Смутой, стали главными объектами грабежей со стороны «тушинцев» — а это оттолкнуло их в сторону царя Василия Шуйского. По словам С.Ф. Платонова: «Воеводы Шуйского были охранителями порядка в том смысле, как тогда понимали порядок, а Вор, много обещая, ничего не исполнял и не поддерживал порядок. От него исходили только требования денег, его люди грабили и бесчинствовали, к тому же они были поляки». Нескончаемые насилия, поборы и грабежи со стороны казаков и поляков вызвали на севере сильное недовольство Самозванцем и разочарование в нём. Одновременно в 1609 году верный Шуйскому боярин Фёдор Шереметев, двигавшийся с войском из Астрахани, огнём и мечом подавил восстание народов Поволжья против русского гнёта и разорил Касимов — один из главных оплотов «тушинцев».

В стране наступило шаткое равновесие сил. Как отмечают С.Г. Жуковский и И.Г. Жуковская: «Распались все общественные связи, рухнули все законы, знать перебегала от одного «царя» к другому, получая от обоих в награду почётные должности и звания; бывшие холопы грабили и убивали своих и чужих господ; все подряд грабили крестьян и посадских людей». Естественно, в этой ситуации все сословия реагировали по-своему: крестьяне и холопы разбегались и становились вольными казаками, города создавали отряды самообороны, а дворяне и церковь образовали реакционную «партию порядка», мечтающую о восстановлении самодержавия, стабильности и сыска беглых людей.

Чувствуя свою внутреннюю слабость и непопулярность в народе, Шуйский решился на крайнюю и рискованную меру — стал искать опоры во внешней силе. Через своего талантливого племянника князя Михаила Скопина-Шуйского он вступил в переговоры со шведским королём Карлом IX, прося военной помощи. Шведы заключили с Москвой союз, предоставив ей двенадцать тысяч отборных воинов во главе о непобедимым полководцем Якобом Понтусом Делагарди в обмен на огромную сумму денег и некоторые территории (они хотели получить город Карелу с уездом).

Однако ситуация усугублялась двумя факторами. Во-первых, в опустевшей казне не было обещанных шведам средств (что делало их солдат ненадёжными), а с передачей территорий Шуйский всячески тянул, надеясь перехитрить союзников (и этим нечестным поведением побуждая их самим забрать обещанные земли). А, во-вторых, военный союз Московии со Швецией резко менял все политические расклады на востоке Европы и означал немедленное вступление в войну против Шуйского Речи Посполитой. Ибо бушевавшая тогда в Европе религиозная война, вызванная Реформацией и Контрреформацией, обернулась на востоке Европы смертельным столкновением католической Речи Посполитой Сигизмунда III (бывшего Шведского принца и фанатичного католика) и протестантской Швеции Карла IX (его дяди). Обе страны, господствовавшие тогда в регионе и беспощадно противостоявшие друг другу, ревниво следили за усилением влияния другой из сторон в Московии. Началось польское вторжение в Россию: протестанты и католики столкнулись между собой на полях сражений в Московской Руси, оказавшейся тем самым втянутой в общеевропейский конфликт. Армия Сигизмунда III осадила Смоленск... и на полтора года застряла под стенами этой первоклассной крепости.

В это время в течение 1609 года молодой и талантливый воевода князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, соединив ополчение северных городов со шведским войском

Делагарди, начал постепенное наступление на «тушинцев», неторопливо, но неуклонно уничтожая их отряды и освобождая Москву от блокады. Он отбил Тверь, Калязин, одержал пару значительных побед и с триумфом вступил в столицу, где его приветствовали жители в качестве победителя и вероятного будущего царя (поскольку у его непопулярного дяди — престарелого Василия Шуйского не было детей). Однако в разгар торжеств Скопин-Шуйский был отравлен братом царя Дмитрием Шуйским — завистливым человеком и бездарным полководцем, ослеплённым злобой и метившим на престол. Это убийство окончательно подорвало в обществе всякое уважение и доверие к династии Шуйских и предопределило её падение.

В 1609 году рассыпается тушинский лагерь под Москвой. Поляки из него уходят под Смоленск к Сигизмунду III, а Лжедмитрий II бежит с казаками и касимовскими татарами в Калугу. Финальным аккордом неудачного правления Василия Шуйского явилось грандиозное и сокрушительное поражение в самой великой из всех битв Смутного времени — сражении под селом Клушино 24 июня 1610 года, где шестидесятитысячная русско-шведская армия Дмитрия Шуйского на рассвете была рассеяна и уничтожена пяти тысячным отрядом польского гетмана Жолкевского. Русское войско при первом натиске противника позорно бежало; шведы же дрались стойко, но, не получая ни жалования, ни помощи, тоже прекратили сопротивление и отступили на север.

17 июля народное вече в Москве потребовало от Василия Шуйского уйти с трона, что он и сделал, удалившись в свой боярский терем. А 19 июля Захар Ляпунов (брат дворянского вождя Прокопия Ляпунова) и другие дворяне насильно постригли «ушедшего в отставку царя» в монахи (причём он категорически отказывался и возмущённо вопил, а слова монашеского обета читал за него один из заговорщиков; это дало возможность ставленнику Шуйского патриарху Гермогену заявить о непризнании этого пострижения — но это уже ничего не могло изменить).

Вскоре погиб в Калуге второй Самозванец, убитый татаринном из своей охраны. После этого шведское войско Делагарди, много месяцев не получавшее от Московии обещанного жалования за примерную службу и понявшее, что Москва переходит под власть их злейших врагов — поляков-католиков и автоматически превращается во враждебное Швеции государство, отступило на север и заняло Новгород. Новгородское население приветствовало это событие, заявило об отделении «Новгородского царства» от ненавистной Москвы и просило шведского короля прислать им своего сына в цари.

Тем временем власть в Москве перешла в руки назначенного Боярской Думой правительства — Семибоярщины (оно состояло из семи человек во главе с боярами Ф.И. Мстиславским и В.В. Голицыным). Разочарованная и в Самозванце, и в Шуйском, и жаждущая умиротворения (наряду с сохранением «старины» и расширением политических свобод) верхушка общества постепенно обратилась к мысли, с энтузиазмом поддержанной значительной частью населения — пригласить иноземного «природного» государя на московский трон. Первоначально с этой плодотворной идеей выступили тушинские бояре и дворяне, оставшиеся без своего царя, а затем и Семибоярщина.

Оптимальным кандидатом на престол был 15-летний сын польского короля Сигизмунда III королевич Владислав. Было решено пригласить его на трон (на условиях сохранения прежних московских обычаев и православной веры), что привело бы и к воцарению законной «природной» династии, и к прекращению внешнего вторжения и внутренней гражданской войны, а также поставило бы иноземца-государя под контроль общества, ослабив самодержавный гнёт. Вокруг идеи пригласить в Москву Владислава объединились самые разные широкие слои общества — это был наиболее вероятный и предпочтительный шанс изменить вектор истории Московской Руси за всю, богатую такими шансами,

эпоху Смутного времени. Как справедливо отмечает В.Б. Кобрин: «ещё одной упущенной возможностью было... несостоявшееся царствование сына Сигизмунда III — королевича Владислава... Можно предположить, что воцарение православного Владислава на Руси принесло бы хорошие результаты», ибо «те элементы договорных отношений между монархом и страной, которые были намечены в «крестоцеловальной записи» Василия Шуйского получали бы своё дальнейшее развитие... Сам же Владислав превратился бы в русского царя польского происхождения, как его отец Сигизмунд был польским королём шведского происхождения».

Несколько иначе оценивает эту ситуацию выдающийся историк исследователь Смутного времени Н.И. Костомаров, однако и он считает воцарение в Москве Владислава более чем реальной возможностью, лишь случайно упущенной. Он так видел возможное развитие событий после приезда царя Владислава в Москву: «Польша в те времена обладала обаятельною, искусительною нравственною силою. Не говоря уже о превосходстве польской цивилизации перед такими странами, как Московская Русь, польская шляхетская свобода была могучее орудие. Польша была такая нация, которая способна была всякую страну, добровольно ли к ней прильнувшую или покорённую оружием, привязать к себе дарованием своих шляхетских прав высшему сословию этой страны, передавая ему, вместе с тем, в порабощение низшие слои народа... Если бы Сигизмунд действовал иначе и Владислав был коронован в Москве, коренное перерождение русских пошло бы как по маслу. Бояре и дворяне сейчас бы почувствовали, что им дышится легко, что над ними не стало всемогущего батога, напротив, этот батог очутился в их руках над остальным русским народом».

Как бы то ни было, воцарение Владислава было совершенно реальным шансом прекратить Смуту, ослабить самодержавие и достичь унии между наследниками древней Киевской Руси: Москвой, Вильно и Варшавой.

Московские и тушинские бояре, представлявшие широкие слои общества, подписали с польским гетманом Жолкевским договор о призвании на московский трон Владислава. В договоре были оговорены запрет на назначение выходцев из Речи Посполитой на высшие должности в Московии, на строительство католических храмов и гарантировалось сохранение старых московских порядков, о также специально оговаривался свободный выезд московских людей за границу — учиться, Владислав должен был, подобно Шуйскому, «целовать крест» народу Московии. 27-28 августа 1610 года Москва дружно присягнула новому государю Владиславу, а в сентябре поляки и немецкие наёмники гетмана Жолкевского заняли Кремль по приглашению Семибоярщины, опасавшейся восстания «черни», желавшей нового явления Самозванца. «Тушинский Вор» был ещё жив, и вера в «царя Дмитрия» в народе ещё очень велика. Мудрый и доблестный гетман Жолкевский, герой Клушинской битвы, не только добился присяги москвичей царю Владиславу и не только ввёл в Москву четырёхтысячный польский гарнизон, но добился также выдачи королю Сигизмунду III постриженного в монахи Василия Шуйского с братьями, а также предусмотрительно настоял на отправке к королю под Смоленск посольства, возглавляемого тушинским патриархом Филаретом и боярином В.В. Голицыным — наиболее опасными в возможных претендентах на русский трон. «Великое Посольство» под их началом поехало просить Сигизмунда послать в Москву сына, не медля.

Однако столь великолепно задуманный замысел сорвался из-за нелепой случайности (сколько таких случайностей было за годы Смуты!). Внезапно страна, шедшая к умиротворению и обновлению на более либеральных принципах, налетела на непредвиденное и, как оказалось, непреодолимое препятствие: вопрос о вере. Упрямый Сигизмунд III, один из столпов европейской Контрреформации, (в котором фанатичный католик и ученик иезуитов возобладал

над дальновидным политиком) категорически и наотрез отказывался от принятия его сыном православия. Дело в том, что, как отмечает В.Б. Кобрин: «По законам Речи Посполитой король должен был обязательно быть католиком. Православный Владислав лишался таким образом прав на польский престол... Поспешное же признание власти «царя и великого князя Владислава Жигимонтовича всея Руси» Боярской Думой открыло путь в Москву польскому гарнизону». Долгожданное умиротворение оборачивалось новым витком противостояния. Сигизмунд III хотел сам властвовать в России и ввести в ней католическую веру. Что на деле означало не всенародное призвание иноземного государя и не ограничение самодержавия, а завоевание Московии, её присоединение к Польско-Литовскому государству и окатоличивание. Однако, одно дело — православный Владислав на русском троне в роли конституционного монарха и уния Москвы и Литвы. И совсем другое дело — присоединение Московии к Речи Посполитой и смена веры. Против последнего сценария категорически выступила православная церковь во главе с патриархом Гермогеном, который начал рассылать по всей Руси пылкие послания с призывом встать на защиту православной веры и изгнать поляков из Москвы.

К концу 1610 — началу 1611 года Московия представляла собой странное и поразительное зрелище. В Пскове появился и овладел городом новый самозванец Лжедмитрий III. Новгород был при поддержке местного населения занят шведами и отделился от Москвы. Смоленск был осаждён поляками. В московском Кремле находился польский гарнизон — то ли союзники Семибоярщины и представители ожидаемого царя Владислава, то ли оккупанты. Король Сигизмунд III из-под осаждённого Смоленска пытался самовластно управлять всем Московским государством, рассылая своих чиновников и раздавая поместья и земли — не от имени своего сына Владислава, а от своего собственного. Посольство во главе с тушинским патриархом Филаретом (Романовым)

и князем В.В. Голицыным находилось в лагере Сигизмунда под Смоленском, отказываясь признавать его русским царём и считая таковым Владислава, и само имея неопределённый статус: то ли полномочных представителей Руси, то ли изменников, то ли пленников Сигизмунда. А второй патриарх Гермоген (приспешник Шуйского), находясь под домашним арестом в Кремле, рассылал по стране призывы встать на защиту православия.

Претензии на власть над Москвой, кроме Владислава и Сигизмунда предъявили шведский принц (активно поддержанный новгородцами) и, от имени своего сына Ивана, зачатого от Лжедмитрия II — Марина Мнишек (обосновавшаяся в Коломне и опиравшаяся на помощь могущественного казацкого атамана, своего любовника Ивана Заруцкого), а также Лжедмитрий III. По стране бродили отряды «тушинцев», татар, литовцев, поляков, казаков и просто разбойников, занимавшихся грабежами. Центральной власти не было, в каждом уголке страны имелись приверженцы каждого претендента на власть, и различные города и регионы управлялись самостоятельно через вече и сходки населения, признавая и поддерживая то одну, то другую власть в стране.

Боярский «конституционализм», жажда «твёрдой руки» самодержавия со стороны дворян и православных иерархов, стремление городского населения к самозащите и умиротворению страны, тяга крестьян и посадских людей к раскрепощению, польская и шведская интервенция, региональный сепаратизм Поволжья, Новгорода, Касимова, грабительские устремления разбойников, бесшабашная казачья вольница, попытки воссоздания вечевого самоуправления в ряде городов, интриги и личные корыстные амбиции многочисленных «партий» и кланов — всё переплелось и перепуталось в этом хаосе гражданской и межрелигиозной войны. «Смута» достигла в этот момент своей кульминации.

«Партия порядка», жаждущая возвращения к «старине» и вдохновлённая воззваниями Гермогена, усилилась.

Её возглавил рязанский дворянин и воевода, виднейший политик эпохи и авантюрист Прокопий Ляпунов — одна из самых ярких и поразительных личностей Смуты. Прокопий Ляпунов до того успел оказать поддержку Лжедмитрию I против Годунова, Болотникову против Шуйского, Шуйскому против Болотникова, Скопин-Шуйскому против его дяди Шуйского и, наконец, Владиславу против Шуйского (его брат Захар был организатором свержения и устранения царя Василия). Постоянно меняя позицию в политических катаклизмах, Ляпунов непрестанно стремился к славе и влиянию, боролся против боярской олигархии за самодержавное правление. Получив воззвание патриарха Гермогена, Прокопий Ляпунов в очередной (и, как оказалось, последний!) раз «поменял позицию» и выступил с инициативой создания земского ополчения, которое освободит Москву от «бояр-изменников» и поляков и изберёт православного государя (Ляпунов ещё надеялся, что им будет Владислав). Эта затея получала всемерную поддержку со стороны церкви, дворян, части казаков и торговых городов Поволжья. Так возникло Первое Земское Ополчение.

5.2.6. Первое и Второе Земское ополчение (1611—1612).

По мере развала централизованного Московского государства в ходе Смуты, имел место неизбежный противоположный процесс самоорганизации различных категорий общества (до того привыкших трепетать перед государством или уповать на него), которым ныне приходилось выживать и отстаивать свои сословные интересы вне и помимо государства. Казаки собирались «на круг», выбирали атаманов и поддерживали тех или иных претендентов на власть. Активизировались деятели духовенства, выступавшие с речами и обращениями к широким слоям общества (особую роль в событиях Смуты играл Троице-Сергиев монастырь —

духовный центр Московии). Боярские кланы и группировки интриговали, выдвигая своих ставленников во власть и подготавливая различные конституционные проекты. Проявляли значительную активность города, в которых поневоле возобновились вечевые собрания и были избраны общесловные городовые советы, осуществлявшие власть в городе и контролировавшие воевод и чиновников. Между городами шла оживлённая переписка, ездили делегаты, шли совещания. При различных армиях и политических движениях возникали собственные правительства, приказы, Боярские Думы и Земские Соборы, представлявшие различные регионы и сословия Руси. Создавались различные политические программы, подписывались договоры, возникали и распадались причудливые коалиции, писались и переписывались заново различные сценарии будущего развития страны.

В решающий миг Смутного времени, когда процессы распада Московского государства стали, казалось, необратимыми, а различные авантюристы, бунтари, иноземцы и разбойники искали своей выгоды в «мутной воде», выяснилось, что в стране усиливается консервативная «партия порядка», желающая возврата к временам последних законных царей Ивана IV и Фёдора Ивановича. Так, механизмы и движущие пружины Московской Руси, восходящие ещё к монгольским временам, казалось бы, сломанные и уничтоженные на уровне институтов общества, вновь были «запущены» на уровне рефлексов и архетипов поведения, а затем обрели и идейное оформление и политическую организацию. Как и почему это случилось? Почему иные, куда более привлекательные, альтернативы дальнейшего развития Московии, были упущены?

Бояре, желающие аристократических порядков и конституционного правления с ограничением самодержавия (по образцу Речи Посполитой) и сделавшие ставку на королевича Владислава, были расколоты на враждующие группировки, ослаблены опричным террором Ивана Грозного и более всего боялись «бунта черни». Не в силах одни

противостоять полякам и литовцам, бояре получили вместо царевича Владислава, ограничения самодержавия и сохранения православия — короля Сигизмунда III с перспективой окатоличивания Руси, и хозяйничанье поляков в Московии.

Народные низы (крестьяне, холопы, посадские люди), выступавшие против усиления государственного гнёта и закрепощения, были раздроблены и дезорганизованы. Их единственной боевой силой выступали казаки, а единственная реальная программа состояла в поддержке тех или иных самозванцев, организации всего общества на принципах вольного казачьего самоуправления, избиении воевод и бояр и захвате их имущества. Бояре ждали помощи от «литовских людей», а народ — от казацких отрядов и самозванцев. Народные массы оказывались зачастую игрушкой и статистами в руках различных авантюристов.

Наиболее же организованным из сословий Московии оказались три силы (именно они выступили теперь на авансцену и сформировали сначала Первое, а затем Второе Земские ополчения): церковные иерархи, верхушка городского купечества и служилое дворянство. Именно они и составили ядро и основу консервативно-реставрационного движения, выступающего под лозунгом реставрации самодержавия, стабильности, православия, крепостного права, «службы» государству всех сословий, — против иноземцев, самозванцев, «воров» и «разбойников», движимого инстинктом самосохранения перед лицом восставшего населения и социальной стихии Смуты. Верхушка города дала деньги, церковь — идейные лозунги, а служилые люди «по отечеству» (дворяне) составили военный костяк реставрационного движения.

Увидев своих врагов в Сигизмунде III, Владиславе, тушинцах, региональных сепаратистах, казаках, служилое дворянство, поддержанное церковными иерархами, приказной бюрократией и купечеством восточных городов Московии (ещё не разоренных Смутой), выступило с инициативой возвращения прежних порядков в полном объёме и перевоз-

данном виде. Победа этого движения означала уничтожение всех шансов на смену социально-политического развития Московии, тотальную реакцию и возврат к господствовавшей ранее тенденции развития. Основными противниками этого реставрационно-державнического дворянско-националистического движения были даже не поляки и литовцы, но политическая оппозиция — бояре с их конституционными и олигархическими устремлениями и желанием политических свобод, и, особенно, — низовое движение социального протеста (казаки, холопы). Возвращение беглых людей и поместий хозяевам — таков был главный социальный лозунг начавшегося реакционного движения, наряду с сохранением жёсткой идейной монополии православия и самодержавного абсолютизма. Порядок, прекращение «воровства», сохранение привилегий служилого сословия, нетерпимость к иноверцам, православие и самодержавие, борьба против бояр и «воров», укрепление крепостного права — таковы были принципы и цели движения, начавшегося в 1611 году и окончательно возобладавшего и победившего спустя два года благодаря разобщённости и слабости его многочисленных противников.

Инициатором этого движения выступил патриарх Гермоген, писавший из своего кремлёвского заточения многочисленные воззвания, в которых он справедливо утверждал, что поляки не отпускают королевича Владислава в Москву и, пока он не крестится в православие, то он и русским не государь. Русские города начали переписываться между собой «о совете и единении против поляков» — не против Владислава, легитимного, популярного на Руси и единодушно признанного всеми царя, а против его отца Сигизмунда, нарушающего договор. Восточные (поволжские) города Московии обсуждали во взаимных переговорах и пересылках — что предпринять для борьбы с грабежами и для сохранения своих порядков, как бороться с казаками и поляками. Главным врагом всё же считались не «литовские люди»,

но свои «воры»: казаки и бояре. Призывы Гермогена постоять за самодержавие и православную веру, дать отпор казакам, тушинцам и полякам, были энергично поддержаны политическим и военным лидером русского дворянства Прокопием Ляпуновым, который начал организацию Первого Земского Ополчения, двинувшегося в начале весны 1611 года к Москве под лозунгом немедленного водворения в Москве Владислава и прекращения польских злоупотреблений договором с московским народом.

Состав, лидеры и цели Первого Земского Ополчения были весьма пёстрыми; общим у них было лишь желание прекратить бесчинства поляков и защитить православие. Однако по политическим и социальным требованиям различные силы и вожди Первого Ополчения были, скорее, противниками, чем союзниками. Помимо дворянских отрядов Прокопия Ляпунова, в стотысячном ополчении приняли участие «тушинские» казаки князя Дмитрия Трубецкого и атамана Ивана Заруцкого.

Притеснения со стороны польского гарнизона (поборы, насилия) спровоцировали 19 марта 1611 года преждевременное и кровопролитное восстание в Москве. Москвичи набросились на «литовских людей» и немецких ландскнехтов, которые вели себя, скорее, как захватчики, чем как союзники. Поляки заперлись в крепостях Кремля и Китай-Города, а Москву подожгли — она вся сгорела дотла. Уцелевшие жители были вынуждены бежать из сгоревшего города. В Кремле в осаде оказались московские бояре (Мстиславский, Салтыков, Романовы) и поляки во главе с полковником А. Гонсевским.

Тем временем к Москве подошло дворянско-казацкое войско Первого Земского Ополчения. Оно захватило подмосковный Новодевичий монастырь и Белый Город Москвы, блокировав Кремль, однако взять его штурмом не сумело: все атаки были мужественно отражены поляками. Сигизмунд III, застрявший с войском под Смоленском, не мог оказать Москве существенной помощи. Однако между участниками

и вождями земского ополчения немедленно возникли разногласия, вызванные как борьбой за лидерство, так и противоположными социальными и политическими целями.

С.Ф. Платонов точно характеризовал Первое Ополчение: «Это ополчение по справедливости можно назвать политическим союзом социальных врагов: в нём соединилась земщина с казачеством». (Земщиной он именует служилых дворян). Дворяне (во главе с Ляпуновым) хотели установления твёрдой власти в стране, укрепления крепостного права и прекращения побегов холопов, а также пресечения новых раздач земель и имений новым дворянам-«тушинцам» — вчерашним холопам и крестьянам. Казаки (большей частью болотниковцы и «тушинцы») хотели упразднения крепостного права, устройства страны на казацких принципах самоуправления, веча и «круга» (общего собрания). (Впрочем, среди них было немало и «безыдейных» разбойников и авантюристов). Понятно, что подобный союз против поляков и литовцев в защиту православия не мог быть прочным и продолжительным. Между тремя лидерами ополчения разгорелась «рознь великая».

Тем не менее, авторитет земского ополчения в стране был огромен. При нём возникло правительство, приказы и постоянно действующий Земский Собор (в который присылались делегаты с наказами от различных мест и сословий). Эти органы собирали подати, издавали указы (оговаривая, что они носят временный характер — до установления в стране законной постоянной власти), раздавали чины и имена, вершили суд. По словам С.Ф. Платонова: «воеводы, управлявшие землёй и ратью, не были бесконтрольны и зависели в своей деятельности от общего Совета рати». Войско (регулярно собиравшееся «на круг») и Земский Собор с Думой при нём считали себя выразителями воли «всей земли». При ополчении действовали приказы: Разрядный, Поместный (занимавшийся раздачей поместий), Большой Приход (ведавший казной), Разбойный и Земский (занимавшиеся судебными вопросами). Был наведён некоторый порядок

в раздаче поместий и дозволено казакам подучать поместья с крепостными, входя в состав служилых людей (единственная существенная уступка казакам — участникам Ополчения). Местнические отношения в ополчении временно отменялись (чем наносился удар по старомосковскому боярству и возвышалось новое, «тушинское» боярство).

Важнейшим документом не только Первого Ополчения, но и всей эпохи Смуты, без сомнения, является «приговор» Земского Собора и «всяя земли» от 30 июня 1611 года, — один из первых развёрнутых конституционных актов в русской истории, в котором причудливо отразились и переплелись как тенденции к самоуправлению «земства» (общества — прежде всего привилегированных его сословий), так и реставрационно-охранительные тенденции.

На соборе явно доминировали служилые люди (дворяне), и «приговор всяя земли» в целом выражал их сословные интересы. В «приговоре» определялись границы власти трёх воевод (Трубецкого, Ляпунова и Заруцкого): им доверялось управление войском и государством, но без права казнить людей без суда. По замечанию С.Ф. Платонова: «Таким образом, высшая власть, по приговору, принадлежит «всей земле», иначе говоря, войсковому совету, который, по представлению войска, олицетворяет собой «всю землю»; воеводы же — только исполнительные органы земли. Их земля может сменить когда найдёт это нужным». В Земском соборе, принявшем «приговор всяя земли» 30 июня 1611 года, участвовали представители дворян, служилых людей и казачества, однако, ощущается явное доминирование именно дворянства во главе с Прокопием Ляпуновым. Если раньше воеводы ополчения призывали беглых людей под свои знамёна, объявляя их вольными казаками, то в «приговоре» объявлено, что беглые крестьяне и холопы, считавшиеся доселе казаками, должны быть возвращены их господам и обращены в их прежнее крепостное состояние. Существенно ограничива-

лось и число поместий, пожалованных некогда своим приверженцам «болотниковцами» и «тушинцами», запрещалось дальнейшее перераспределение дворянских земель.

Естественно, подобное развитие событий категорически не устраивало казаков — участников ополчения. Высокомерие, свирепая жестокость, явное стремление к единоначалию Прокопия Ляпунова, его попытки вновь закабалить холопов и казаков, почувствовавших вкус воли, стремление круто пресечь казацкое «своеволие», грабежи и «воровство», отобрать чины и имения, полученные «тушинцами» от их самозванца, привели к его гибели. Казаки вызвали Прокопия на свой «крут» и (в августе 1611 года) обвинили в различных злодеяниях и зарубили. После этого дворяне стали поспешно покидать Первое Ополчение, а «державно» настроенные церковные иерархи и городская верхушка призвали к беспощадной борьбе с «ворами».

Тем не менее Ополчение, поредев, не рассыпалось: казаки во главе с Трубецким и Заруцким оставались под Москвой, польский гарнизон и бояре в Кремле страшно голодали, а помощь к ним не могла пробиться. В апреле 1611 года Великое посольство (во главе с тушинским патриархом Филаретом), отказавшееся признать московским государем Сигизмунда вместо Владислава, было арестовано королём Речи Посполитой, а послы, как пленники и изменники, отправлены в Польшу. 3 июня 1611 года поляки наконец взяли героически оборонявшийся Смоленск (население которого за полтора года осады сократилось с 80 тысяч до 8 тысяч человек), а шведы в июле 1611 года вступили в Новгород, который окончательно объявил о своём освобождении от московского ига и отделении от Москвы и желании принять у себя в цари шведского принца. Псковом завладел Третий Лжедмитрий (некий Исидор).

Король Сигизмунд III в октябре 1611 года устроил триумфальный въезд в Варшаву (по образцу римского) в сопровождении пленного Василия Шуйского, отмечая блестящую

победу над поверженной Московией. А в это время оголодавший польский гарнизон в Кремле из последних сил героически отбивался от осаждавших его (и также голодающих) казаков. Попытка 6 октября 1611 года двухтысячного отряда литовского гетмана Я.К. Ходкевича пробиться в Кремль на помощь осаждённым с обозом продовольствия провалилась, будучи отбита ополченцами Ивана Заруцкого. Стало понятно, что надежда на обретение Московией законного и приемлемого для всех царя в лице Владислава окончательно не удалась. Теперь возможными претендентами на московский престол оставались: Сигизмунд III, Лжедмитрий III (в Пскове), шведский принц Карл-Филипп (поддерживаемый новгородцами) и годовалый сын Лжедмитрия II и Марины Мнишек («ворёнок» Иван), за которым стоял могущественный донской атаман Иван Заруцкий, ставший возлюбленным гордой и честолюбивой Марины.

В этой ситуации под лозунгом восстановления старого порядка начинает формироваться Второе Земское Ополчение, ещё более державно-охранительное, чем Первое, уже чисто дворянское по своему составу, резко враждебное Первому (и примерно в десять раз уступающее первому по своей численности и влиянию). Инициатором нового ополчения вновь выступил патриарх Гермоген (вскоре он умрёт в Кремле от голода), а также энергичный архимандрит Троицкого монастыря Дионисий. Их призыв слышали богатые купцы верхневолжских городов. Душой нового движения стал нижегородский купец, мясник, земский староста Кузьма Минич Минин-Сухорук — энергичный, решительный, предприимчивый человек, прекрасный оратор, организатор и финансист. Осенью 1611 года он убедил на вече нижегородцев пожертвовать «пятую деньгу» (20 процентов) их доходов на «спонсирование» служилых людей (наняв пришедших из Смоленска дворян). Города вновь давали средства, дворяне — воинов, церковь — идейное освящение.

Идея Второго Ополчения была проста: борьба с казаками, боярами и поляками, изгнание иноверцев, восстановление сильной власти, прекращение Смуты, избрание нового законного царя, сохранение и усиление крепостного права, борьба с «воровством» (то есть побегамися крепостных от своих хозяев). Если казначеем и гражданским руководителем ополчения был избран Минин, то в воеводы пригласили известного полководца — старого служаку и участника Первого Ополчения — князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Главными врагами ополчения были объявлены бояре (с их стремлением к ограничению самодержавия и политическим свободам в духе Речи Посполитой) и казаки (с их революционными социальными требованиями). Возвращение ко временам законных монархов — Ивана IV и Фёдора, когда служилое дворянство было главной опорой власти и боролось против «знати» и «черни», восстановление «порядка» (то есть денежных пожалований, поместий, системы сыска беглых холопов, закрытости дворянского сословия от новых «выскочек» и полной духовкой монополии православной церкви) — таковы были реставрационно-реакционные лозунги движения.

Однако оставались существенными проблемами кандидатура будущего царя (ибо надежда на воцарение Владислава к осени 1611 года исчезла) и взаимоотношения с Первым Ополчением, всё ещё многочисленным, влиятельным и продолжавшим контролировать значительную часть Руси. Второе ополчение последовательно ориентировалось на шведского принца Карла-Филиппа, как будущего законного и «природного» государя Москвы — к нему было отправлено соответствующее посольство. В целом, оценивая Второе Земское Ополчение (немногочисленное, но идейно и социально монолитное), В.Б. Кобрин замечает: «Возникшие на фоне... общей усталости силы порядка оказались довольно консервативными... Общественному настроению отвечало воспроизведение тех порядков, которые существовали до Смуты. Недаром Второе Ополчение,

возобновив чеканку монеты, выбивало на ней имя давно умершего царя Фёдора — последнего из царей, чья легитимность была вне подозрений для всех».

Осенью 1611 — весной 1612 года Второе Ополчение формировалось в Нижнем Новгороде, собирало деньги и ратных людей (всего около десяти тысяч человек, в то время как в Первом было до ста тысяч). В это время оно признавало верховную власть Первого Ополчения, его Земского Собора и приказов. Однако ситуация резко изменилась, когда 2 марта 1612 года казаки Первого Ополчения присягнули Лжедмитрию III (вера в народного «царя Дмитрия» была ещё сильна).

Эта присяга вызвала и раскол среди участников Первого Ополчения (Иван Заруцкий бежал с тремя тысячами казаков в Коломну, к Марине Мнишек и её сыну, а Дмитрий Трубецкой организовал «разоблачение» нового самозванца, который вскоре его усилиями был низложен и казнён), и отказ Второго Ополчения повиноваться Первому. Начинаются военные столкновения между отрядами и приверженцами двух армий.

Существенно всё ещё уступая в численности, Второе Ополчение было лучше снаряжено и более монолитно и политически однородно. В марте 1612 года оно захватывает Ярославль (изгоняя оттуда казацкие отряды), где также был организован свой небольшой Земский Собор (на который прибыли представители с наказами от различных городов и сословий Московии), чеканка монет, приказы. В это время происходят ожесточённые столкновения между отрядами Первого и Второго Ополчений за контроль над Поволжьем. Вожди Второго Ополчения последовательно сохраняли верность шведскому королевичу Карлу-Филиппу, не признавая псковского самозванца (в котором видели ставленника народных масс) и уничтожая «воровские» отряды казаков. Они не спешили вступить в борьбу с поляками (переложив это дело на Первое Ополчение), видя свою главную миссию в борьбе с народными низами и в поддержке шведского принца. «И мы того приговору держимся» (то есть приговора об

избрании Карла-Филиппа русским царём) писали вожди Второго Ополчения в июле 1612 года в послании в Новгород. Главным своим врагом Минин и Пожарский, по-прежнему, считали не «литовских людей», а «воров» (то есть восставшее против самодержавия и крепостничества население Московского государства).

Узнав о приближении к Москве литовского гетмана Ходкевича с войском и обозом, Пожарский в августе 1612 года наконец повёл свою небольшую рать к осаждённой столице. Под Москвой наступило временное (и очень условное) примирение Первого и Второго Ополчений, хотя Пожарский категорически отказался от соединения ратей и совместных действий с Трубецким, а голодные казаки с понятной ненавистью смотрели на сытых и хорошо экипированных дворян Пожарского.

В битве 22 — 24 августа небольшой отряд Ходкевича, подошедший к Москве, был отброшен от неё вновь. Как отмечает современный историк В. Волков: «Решающую роль в битве сыграл неожиданный для поляков, надеявшихся на противостояние двух земских ополчений, удар «нагих и гладных» казаков Трубецкого, отбросивших наёмные отряды Ходкевича от стен Кремля и Китай-Города». В октябре 1612 года Первое и Второе Ополчение, наконец, примирились. Воссоздавался общий Земский Собор, приказная система, коалиционное дворянское правительство во главе с князьями Трубецким и Пожарским. Неудача второй подряд попытки прорыва Ходкевича предопределила падение Кремля. 22 октября казаки Трубецкого штурмом взяли Китай-город, захватив в плен сидевших в нём в осаде с поляками бояр: князя Фёдора Мстиславского, юного Михаила Романова с матерью и других. 26 октября (5 ноября по новому стилю — в честь этого события 4 ноября теперь отмечается День Народного Единства) капитулировал, дойдя до крайней степени истощения, польский гарнизон в Кремле.

Отныне «партия порядка» была консолидирована и могла теперь переходить к избранию нового царя.

5.2.6 Избрание на трон Михаила Романова. Окончание и итоги Смуты (1613 — 1618)

По констатации историка В. Волкова: «Во внешней политике новое земское временное правительство продолжало ориентироваться на Швецию, связывая с кандидатурой шведского принца решение династического вопроса». Руководителя ополчения звали шведского юного принца Карла-Филиппа (младшего брата нового короля Густава-Адольфа) в Москву, чтобы поскорее избрать его государем на Земском Соборе. Ведь, по замечанию В. Волкова, «с 1584 г. все русские цари (за исключением первого из самозванцев — Лжедмитрия I), в том числе и сын Ивана Грозного Фёдор Иванович... избирались на московский престол не иначе как Земским собором — волей «всей земли»». Князья Пожарский и Трубецкой были убеждены в том, что избрание шведского принца даст Москве опору и защиту в лице могучей Швеции в борьбе против Польско-Литовского государства (заклятого врага шведов), вернёт Москве отделившийся Новгород и даст стране бесспорно легитимного государя, тогда как избрание царём кого-то из московских бояр приведёт лишь, к продолжению внутренней Смуты (опыт Годуновых и Шуйских об этом ярко свидетельствовал).

В декабре 1612 года Сигизмунд III атаковал Москву со своей небольшой армией, но был отбит и отброшен к Волоколамску. В это время среди участников земских ополчений вновь закипела борьба («мятеж велик»). Доминирующее значение вновь обретали «тушинцы» и казачество, по словам В. Волкова — «наиболее радикальная сила русского общества того времени». Всех волновало то, чтобы новый государь не начал репрессии против тех, кто выдвинулся и получил пожалования в прежние правления, а оставил всё как есть.

В начале 1613 года в Москве наконец собрался избирательный Земский Собор, беспрецедентно широкий и представительный по своему социальному составу и числу участ-

ников — самый представительный из всех Земских соборов за сто лет их существования. В его работе приняли участие представители белого и чёрного духовенства, московского и городского дворянства, казаков, посадских людей и черносошных крестьян. 800 делегатов представляли 58 городов Московии (хотя избирательную грамоту в итоге подписали лишь 238 человек). Не были представлены лишь холопы и помещичьи крестьяне.

6 января 1613 года Собор торжественно открылся. «И много волнения бысть», — лаконично писал летописец об ожесточённой борьбе лидеров и группировок. На соборе рассматривались более дюжины претендентов на московский престол: польский королевич Владислав, шведский принц Карл-Филипп, Иван Дмитриевич («ворёнок» — сын Марины Мнишек и Лжедмитрия II), бояре Фёдор Мстиславский, Иван Воротынский, Фёдор Шереметев, Дмитрий Трубецкой, Дмитрий Пожарский, Иван Голицын, Михаил Романов и другие. Общие заседания Собора проходили в Успенском соборе Кремля, а отдельные заседания проводились по сословиям (духовенство, боярство, служилые люди, посадские люди и крестьяне).

Ставки были велики и, как и на всяких выборах, в ход пошли подкуп, интриги, насилие, компромат, давление. Летописец писал о Соборе 1613 года: «Многое было волнение всяким людям, кийждо бо хотяше по своей мысли деяти... Многие же от вельмож, желаючи царём быти, подкупахуся многим и даючи и обещаючи многие дары». Огромные деньги уходили на «предвыборные» пиры и взятки делегатам.

Мощную силу на Соборе представляло собой казачество. Противники казаков и «тушинцев» во главе с Пожарским упорно и бескомпромиссно поддерживали кандидатуру шведского принца Карла-Филиппа. Однако московские люди и казаки категорически требовали избрать царем одного из русских князей или бояр, не желая иноземца. Под их нажимом и угрозами Собор принял следующее постановление,

резко суживающее круг возможных претендентов: «Литовского и свийского (шведского — *П.Р.*) короля и их детей, за их многие неправды, и иных никоторых земель людей на московское государство не обирать и Маринки с сыном не хотеть». В глазах населения и церкви иноземцы были виновны во всех бедствиях и разорении страны.

Теперь как компромиссную фигуру предлагали и подерживали юного Михаила Фёдоровича Романова-Юрьева — представителя клана, тесно связанного с опричниной, прежней династией, ставшего жертвой режима Годунова, неразрывно и тесно связавшего свою судьбу с обоими самозванцами, «тушинцами» и с Шуйскими. Двадцать лет Романовы-Юрьевы упорно боролись за власть: с Годуновыми и с Шуйскими, опиралась на помощь самозванцев, церкви, казаков и поляков, и в итоге победили в «гонке за лидером».

Почему именно Михаил Романов? Шестнадцатилетний боярин не обладал никакими особыми добродетелями: был юн, болезнен, слабохарактерен, любил в жизни лишь охоту на медведей и лосей. Но, как ни странно, именно вопиющая заурядность и ничтожность этой личности (а значит, и подконтрольность, предсказуемость) делали его удобным и желанным кандидатом. Боярин Шереметев писал в Польшу князю Голицыну, ещё одному вероятному кандидату в государи: «Миша Романов молод, разумом ещё не дошёл и нам будет поваден».

Были у него и иные достоинства: родственная связь со старой династией (его отец Фёдор, насильно постриженный Годуновым в монахи, был двоюродным братом царя Фёдора Ивановича, а сам Михаил приходился внучатым племянником жене Ивана Грозного царице Анастасии), наличие отца-патриарха (правда, Филарет в это время находился в польском плену). Романовы-Юрьевы — родственники первой жены Ивана Грозного, противники Годунова (подвергнутые им опале), хозяева и вероятные вдохновители Юрия Отрепьева, были вознесены Самозванцами: первый Лжедми-

трий сделал Фёдора Никитича Романова-Юрьева (монаха Филарета) — митрополитом Ростова, а второй Лжедмитрий в Тушино — поставил патриархом. Олицетворяя старину и легитимность. Романовы были «своими» для всех: опричников и жертв опричнины, Шуйских и их противников, для поляков и «тушинцев», бояр и казаков, дворян и духовенства. Романовы были связаны с опричным войском и с жертвами опричнины (о главе клана Никите Романове существовал безосновательный, но устойчивый миф, как о «печальнике» за гонимых перед Иваном Грозным), и с тушинцами, и с Семибоярщиной, сидели в Кремле вместе с поляками (а значит, возвращаясь к «старине», одновременно гарантировали безопасность и неприкосновенность лиц, вознесённых Смутой, и их состояний).

Михаил как царь устраивал всех... ну, или почти всех, будучи и по вере, и по происхождению, и по личным качествам вполне предсказуемым правителем. Предсказуемо было и то, что за него сначала правила мать — инокиня Марфа, а затем, с 1619 года, вернувшись из литовского плена, правил властный отец — патриарх и соправитель Филарет. (В этом совместном правлении Русью отцом и сыном древняя византийская утопия о «симфонии» духовной и светской власти в первый и последний раз нашла своё подтверждение!) Изворотливость, всеядность, знатность, беспринципность, неукротимая воля к власти вознесли династию Романовых-Юрьевых на московский трон, которым они завладели на долгие триста лет. За Михаила выступали и «тушинцы», и поборники Семибоярщины, и приверженцы клана Шуйских, и бояре, и казаки, и церковь, и служилые люди, жаждущие успокоения страны. По словам В.Б. Кобрин: «Недаром голос, поданный за Михаила Фёдоровича казачьим атаманом, был последним решающим голосом в пользу нового царя. Итак, Романовы устроили всех. Таково свойство посредственности».

Михаила Романова поддержало большинство казаков, часть представителей городов, лидеры духовенства и бояре

Голицыны, Черкасские, Салтыковы («новые бояре», вознесённые наверх Смутой), большинство бывших «тушинцев» и участников Семибоярщины. Против избрания Романова до конца непримиримо выступали князья Дмитрий Пожарский, Дмитрий Трубецкой (возглавлявшие временное земское правительство), глава Семибоярщины князь Фёдор Мстиславский — самый знатный человек на Руси. В одном из писем выдающегося Шведского военачальника Я.П. Делагарди, находившегося в Новгороде и пристально наблюдавшего за ходом Земского Собора в Москве, говорится, что казаки и «простые люди» «князя Трубецкого и князя Пожарского в их домах осадили и принудили их согласиться на своё избрание великого князя».

На фоне этих драматических событий 21 февраля 1613 года Земский избирательный Собор, уступив энергичному напору снизу, провозгласил царём и великим князем Михаила Фёдоровича Романова-Юрьева, после освобождения Москвы от поляков покинувшего Кремль и проживающего с матерью (инокиней Марфой) в Костромском Ипатьевском монастыре.

По традиции юный царь долго «ломался», «отказывался» от власти, но в итоге, разумеется, всё же «согласился» и в мае приехал в сожжённую и безлюдную столицу. Вступая на трон, новый царь обязался править при помощи Земских Соборов (которые ненадолго стали опорой самодержавной власти), что было обусловлено и самим фактом избрания новой династии, и тотальным крушением централизованной системы управления в Московии, и потребностью царя в «обратной связи» с обществом и в его поддержке. При этом Михаил согласился с ограничением своих прав и привилегий и обязался: не вводить новых законов без согласия Боярской думы и Земского Собора, охранять права православной церкви, а также «ни войны, ни мира с соседями одному и по собственному усмотрению не предпринимать».

Летописец особо отмечает: «и московских бояр, и всяких чинов людей, которые сидели в Москве в осаде с литовскими людьми и которые были в Литве, у Короля и в Тушине, и в Калуге при... лживом Дмитриии и тех государь всех для своего царского венца пожаловал наипаче свыше первого по их достоинству честию и пожитком. И совокупись вся земля русская ему государю служить». Неудивительно, что сидевший в Кремле вместе с поляками царь первым делом отодвинул от власти проложивших ему путь к трону деятелей Первого и Второго Ополчения — своих убеждённых противников и приверженцев Карла-Филиппа (Пожарского, Минина, Трубецкого и др.) и возвысил «тушинцев» и «литовцев». Приход Михаила Романова на трон означал консервативную реакцию, стагнацию, возвращение к прежним порядкам — насколько к ним вообще можно было вернуться в ситуации краха Московского государства (с неизбежным вкраплением «земских» тенденций в управление). По словам В.Б. Кобрин: «Должно быть, после стольких упущенных возможностей консервативная реакция была неизбежна».

Однако (вопреки утверждениям монархически настроенных историков!) с избранием нового царя Смута ещё отнюдь не была окончена. Продолжалась война со Швецией и Речью Посполитой (считавшими себя обманутыми в ожиданиях московского трона). По стране бродили не подконтрольные никому казачьи отряды, в Астрахани укрепились Марина Мнишек со своим сыном-младенцем и атаманом Заруцким, казна была совершенно пуста, а войско требовало жалованья и занималось мародёрством

Летом 1614 года Заруцкий с Мариной и её сыном, оставив Астрахань при приближении правительственных войск, бежали на реку Яик и были там схвачены и доставлены в Москву. По воле царя атамана Ивана Заруцкого посадили на кол. Марина Мнишек — жена Лжедмитрия Первого, затем — Второго, затем — Заруцкого, умерла в темнице. Несчастливого четырёхлетнего ребёнка — Ивана-«ворёнка» по воле юного

государя публично повесили у Серпуховских ворот. В конце 1614 года было подавлено большое восстание казаков во главе с атаманом Иваном Баловнем, его вожди казнены. Раскаты первой гражданской войны в России понемногу затихали.

В 1614 году русская армия была наголову разбита под Бронницами шведами Делагарди и оставила Старую Руссу. В 1614—1615 годах новгородцы и шведы во главе с самим великим королём-воителем, будущим легендарным героем Тридцатилетней войны, Густавом-Адольфом, пытались взять Псков, но безуспешно. 27 февраля 1617 года в Столбове был заключён мир Московии со Швецией. Москве возвращались Новгород, Ладога, Старая Русса и ряд других городов и земель; Швеции же отошли Карелия, Ижорская земля, Копорье, Орешек, Ивангород. Кроме того обнищавшая Московия выплачивала шведам огромную контрибуцию в 20 тысяч серебряных рублей. При этом шведский король признавал Михаила Романова-Юрьева русским царём.

Куда сложнее дело обстояло с Речью Посполитой, которая резонно рассматривала договор 1610 года как обоснование легитимности притязаний королевича Владислава на московский престол, удерживала в плену царского отца (всемоущего патриарха Филарета) и не считала Михаила Романова царём. Правда, у короля, как обычно, не было средств и войск для ведения полномасштабной войны. В 1617—1618 году королевич Владислав (получив поддержку и финансовую помощь от сейма) вместе с литовским гетманом Ходкевичем и запорожским гетманом Сагайдачным-Канашевичем, подступил к Москве. В Московии были введены чрезвычайные военные налоги: «пятая деньга» на войну — с согласия Земского Собора. Войско Владислава было отбито, после чего в декабре 1618 года под Троицким монастырём в селе Деулино было заключено перемирие на 14,5 лет между Московией и Речью Посполитой.

По Деулинскому перемирию к Речи Посполитой вновь отошли Смоленск, Чернигов, Новгород-Северский и многие другие города и земли. Королевич Владислав продолжал

не признавать Михаила царём и считал себя единственным законным московским государем. Произошёл обмен московскими и литовскими пленными. Захваченные в Кремле в 1612 году и не перебитые (как большинство их товарищей) поляки, литовцы и немцы возвращались на родину, а в Москву в 1619 году из плена вернулся властолюбивый глава клана Романовых-Юрьевых, отец Михаила, патриарх Филарет, немедленно принявший бразды фактического правления из рук своей жены, инокини Марфы.

С 1613 по 1622 года Земский Собор заседал в Москве непрерывно, решая все главные вопросы. (А всего Земские Соборы созывались более десяти раз за время царствования Михаила Фёдоровича). В этом выражался компромиссный и консервативный курс нового царствования — на восстановление «старины» с оглядкой на «земство». В состав Земского Собора входили члены Боярской Думы, высшего духовенства (Освященного Собора), выборные представители от дворян, казаков и купцов. Не имея ни людей, ни денег, ни авторитета в обществе, правительство черпало всё это в санкции Земского Собора.

Благодаря Смуте, XVII век стал веком расцвета (и заката) Земских Соборов на Руси. Выдающийся историк и политический деятель начала XX века П.Н. Милюков констатирует: «Собор превратился за это время из учреждения, созывавшегося в исключительных случаях для подачи совещательного голоса по тем только вопросам, с которыми обращалась к нему власть, — в постоянное учреждение, заседавшее непрерывно с постоянным составом депутатов, переменявшихся по трёхлетиям, с широким кругом дел не только законодательного и учредительного, но и чисто распорядительного характера. Это учреждение непосредственно от своего имени сносилось с областной администрацией».

Однако (и это в высшей степени важно и показательно!), замечает П.Н. Милюков: «Ни вкуса, ни потребности во власти не развили в служилом сословии эти несколько лет постоянных мытарств по ополчениям и соборам».

Три века Монгольской и Московской Руси создали патерналистское общество, становым хребтом которого была идея «службы» всех сословий государству и получения от него взамен милостей и пожалований (но отнюдь не соучастия во власти и не контроля общества над властью). Эта идея сумела пережить и Смутное время. Дворяне, выступившие под флагом реакции, хотели не свобод, а привилегий и пожалований, не контроля над высшей властью, а лишь «милостей» от неё. Их патерналистское мышление толкало их не к ограничению и противостоянию самодержавной власти, а к помощи в её укреплении против бояр и «черни» — взамен на закрепощение крестьян, земельные раздачи и «восстановление порядка». События 1618 года можно считать окончанием Смутного времени, метко и точно названного В.Б. Кобринным «временем упущенных возможностей».

Каковы же были итоги Смуты? Гражданская война, религиозная война, социальный взрыв, столкновение Реформации и Контрреформации (поляков и шведов, выясняющих отношения между собой на землях Московии), подъём национального и сословного самосознания, иностранные вторжения, регионально-сепаратистские движения, крушение нескольких династий, взлёт роли городов, духовенства, казачества, появление конституционных проектов, создание отрядов самообороны при городах, возрождение веча, расцвет самозванчества, множество возможностей и опасностей, формулирование и распространение политических программ, появление и скорая гибель ярких личностей, авантюристов, бунтарей, проповедников и полководцев — всё это осталось позади, сменившись унылой, но неизбежной реставрацией, реакцией, стагнацией, изоляционизмом, восстановлением самодержавно-крепостнических порядков и их последующим неуклонным укреплением. Надорвавшееся при Иване IV и рухнувшее в Смуту деспотическое государство, вновь воскресло и усиливалось, подобно Фениксу, возрождающемуся из пепла.

«Геополитическими» и национально-религиозно-культурными последствиями Смуты являлось временное ослабление Московии, максимальный (но совсем недолговечный) успех Речи Посполитой в многовековой борьбе за Киевское наследство, последующая полувековая война между этими братскими народами и странами, взлёт ксенофобских, националистических и религиозно-мессианских настроений в Московии, её последующее торжество в борьбе с неудобным западным соседом. И — одновременно, усиливающаяся традиционная (восходящая ко временам Ивана IV) ориентация Москвы на северную, протестантскую Европу (Швецию, Англию, Голландию), помощь ей в Реформации (и Тридцатилетней войне — «мировой войне» XVII века) против Контрреформации, массовый «наплыв» в Московию протестантских наёмников, врачей, мастеров (в 1620 году в Москве уже существовали четыре протестантских церкви и жили тысячи иностранцев из протестантских северных стран). В массовом сознании москвитов надолго осталась острая и лютая ненависть ко всем «иноверцам», особенно католикам и полякам, яростное стремление к национально-мессианскому самосознанию и неприятие любых влияний с Запада, (В то время как немногие русские «западники» и «либералы» XVII века были, как правило, полонофилами.)

Социально-экономическими последствиями Смуты стали разорение хозяйства страны, опустевшая казна, финансовая катастрофа, полное обезлюдение земель (особенно в южных, западных и центральных районах страны). Уцелевшие остатки населения бежали от государства за Волгу и дальше — в Сибирь, дав мощный толчок колонизации этих далёких земель. Истощение земли, демографическая катастрофа, чудовищная нехватка рабочих рук диктовали правительству привычную для Московии логику чрезвычайных мер. С одной стороны, разгром низовых народных движений, отчаянно противостоящих закрепощению, а с другой стороны, запустение страны и необходимость правительства

опираться на служилых людей, сделали массированное наступление крепостного права неизбежным, породив, в свою очередь, как прямое наследие Смуты, весь донельзя кровавый и «бунташный» XVII век. Воцарившись в Москве, Михаил Романов-Юрьев восстановил урочные годы (пять лет) для сыска беглых крепостных. Правительственные войска начали отлов беглых и уничтожение отрядов казаков и «воров».

В Смуте столкнулись две могучие исторические тенденции социального развития Руси: идущая со времён монгольского ига тенденция к закрепощению всех слоёв населения и безудержному самодержавию, и — «земская» и казацкая тенденция к раскрепощению, самоорганизации общества, торжеству вечевых начал прямой демократии, выживанию общества помимо и вопреки государству. Социально-экономическая ситуация после Смуты, реакционно-консервативная программа Романовых и разгром движений народного сопротивления, сделали окончательное и поголовное закрепощение неизбежным и бесповоротным.

Компромиссными, неясными, противоречивыми и неопределёнными были политические итоги Смутного времени. Государство первых Романовых, лишённое привычных инструментов: бюрократического аппарата, отлаженной финансовой и военной системы, черпающее все необходимые ресурсы и собственную легитимность из общества (то есть его правящих сословий), первое время не могло не опираться поневоле на «земские» тенденции, (встраивая их в самодержавное государство): созывая Земские Соборы и апеллируя через них к части общества, представленной на соборах. За неимением иного, воссоздавалось отчасти местное самоуправление и сословное представительство на общегосударственном уровне.

Но разобщённость общества, всеобщая привычка к покорности и патерналистские настроения сословий (мечтавших о «подачках» сверху для себя) были слишком велики, чтобы использовать благоприятную ситуацию для огра-

ничения абсолютизма, укрепления политических свобод и институтов сословного представительства. Стремительно возрождающаяся после Смуты московская бюрократия и абсолютистская власть вскоре перестали нуждаться в Земских Соборах и вновь подчинили общество своему гнёту. Доминирование самодержавия, опирающегося на служилое дворянство, приказную бюрократию и официальную, казённую церковь (нетерпимую к любому иноверию и инакомыслию), консерватизм, национализм, культурно-политическая стагнация и тотальное закрепощение — таков окончательный итог Смутного времени. Оглядка на мнение «земли», опыт вечевого и казацкого самоуправления вскоре были забыты и отброшены государством.

Но опыт «бунтов», самозванчества, народных ополчений, казачьей вольницы и социального протеста прочно закрепился в коллективной памяти общества в качестве веского последнего аргумента против государственного произвола. Не были полностью забыты и опыт Земских Соборов, избиравших царей, и «крестное целование» государями на верность населению, и другие конституционные и договорные идеи, которыми так богато было Смутное время. Если Иван VI некогда угрозами и шантажом «выговорил» себе у «всей земли» право самовластно казнить любого без суда, в Смуту «земля» попыталась отчасти вернуть себе право суда и совета, право подданных не подвергаться репрессиям и опалам без вины.

Утвердившиеся вновь и доминирующие самодержавно-крепостнические элементы общественного бытия причудливо переплетались с земскими тенденциями, а растущий гнёт государства сталкивался в XVII веке с мощными народными бунтами. Подобным образом антикатолические и антипольские ксенофобско-националистические настроения и компенсаторное чувство «богоизбранности» «третьего Рима» причудливо сочетались с усиливающейся (хотя и неосознанной) реальной отсталостью Московии и её зависимостью

от протестантских стран Европы и растущей потребностью в модернизации. Впрочем, и само Смутное время знало немало причудливых и кратковременных альянсов и коалиций, когда бояре обращались за помощью к «литовским людям» или к шведам, а дворяне соединялись в одной армии с казаками и своими же беглыми холопами.

В ходе Смутного времени были поставлены во весь рост кардинальные вопросы всей общественной жизни: об организации власти (с решениями в спектре: от казацкой вольницы до дикого деспотического самодержавия), о крепостном праве, о внешнеполитической ориентации Московии и её месте в мире, о самом существовании Московской Руси и православной веры... Ответы, данные на них, в конце концов, не отличались ни новизной, на прогрессивностью. Восстановить старые порядки времён Ивана Грозного, отгородиться от всего мира непроходимой стеной — таков был печальный итог Смуты.

В.Б. Кобрин горько констатирует: «Издержки успокоения были велики. Наступила стабильная, но чисто традиционная жизнь. Многим из тех, кого взбаламутил вихрь бурных событий, динамизм перемен, частое общение с иностранцами, было душно... Сколько таких разочарованных, спившихся талантов, вынужденных конформистов нудно тянуло служебную лямку и печально вспоминало бурную молодость... Укрепилось крепостное право, окончательно зафиксированное в Уложении 1649 г. Только страшные и жестокие бунты — городские восстания, разинские походы напоминали о той высокой цене, которую платит народ за успокоение». Страна вступила в новый громадный трёхвековой исторический цикл: рухнувшее было в небытие Московское государство, стремительно восстанавливая свою бесчеловечную мощь и деспотизм, двигалось к новому витку наступления на общество в Петербургской Империи и, как следствие, — к новой, ещё более грандиозной, неизбежной Смуте начала XX века.

5.3. Московское царство первых Романовых (1618—1689).

XVII век — если рассматривать его не формально-хронологически, а как эпоху в русской истории — начался с «задержкой», после Смуты в 1618 году и закончился немного раньше времени — в 1689 году, фактическим воцарением на Московском престоле Петра I. Начавшись с потрясений Смуты и закончившись потрясениями петровских реформ, наполненный бесконечными восстаниями и расколом церкви и общества, XVII век оказался исключительно драматичной, парадоксальной, неуравновешенной и бурной эпохой.

Фантастически стремительный рост территорий Московского царства, завоевание новых земель, колонизация Сибири и захват Украины, создание огромной державы на пол-Евразии и — обвальное нарастание экономической и технологической отсталости Московии, её фактической зависимости от Европы.

Превращение Руси в самую обширную страну мира, военную сверхдержаву Восточной Европы и, одновременно, — её окончательное превращение в деспотическую и рабскую страну, поставляющую на Запад сырьё и продовольствие и вывозящую оттуда специалистов и товары, оплачивающую своим крепостным правом европейскую буржуазную индустриализацию.

Стремление власти к всемерному «устроению» государства, преодолению последствий Смуты, упорядочению сословий, законов, армии, земельных пожалований, статусов должностных лиц и функций различных учреждений, инстинктивное консервативное желание самодержавия вернуться к прошлому (эпохе Ивана IV) и — осознание правителями необходимости перемен, реформ (военных, государственных, церковных), обновления жизни, нарастающее социальное напряжение, непрерывная череда восстаний.

Преобладание в обществе и правящем сословии консервативных, мессианско-ксенофобских настроений, попытки политически и культурно-психологически отгородиться от внешних влияний и — подспудное неуклонное нарастание новых «западнических», модернизаторских тенденций.

Конфликт между верой в «богоизбранность русского народа» и провиденциальное величие Московии и — всё более очевидным фактом социальной и технологической ущербности, экономической зависимости Руси от западных стран.

Начало формирования общероссийского рынка (с региональным разделением труда, появлением общероссийских ярмарок и первых мануфактур) и — тотальное закрепощение населения города и деревни, острая нехватка свободных капиталов и рабочих рук для развития промышленности.

Все эти противоположные тенденции причудливо сталкивались и переплетались в этом драматическом, бурном и страшном XVII столетии. Историки часто называют XVII век «смутным», «бунташным», переходным, неуспокоенным, трагическим, неустроенным, веком утеряннного равновесия, веком мучительного сосуществования «старины» и «новизны» и их взаимной борьбы на уничтожение.

5.3.1 От «земского самодержавия» — к «бюрократическому самодержавию»

С 1613 по 1682 годы на московском троне сменились три царя из новой династии Романовых. С 1613 по 1645 год формально правил Михаил Фёдорович (однако с 1619 до 1633 года фактическим правителем был его честолюбивый и энергичный отец патриарх Филарет). С 1645 по 1676 год царём был сын Михаила Алексей, а с 1676 по 1682 год — сын Алексея, юный, болезненный, но талантливый и образованный Фёдор. Если первого царя Романова после долгих споров и интриг избрал на царство Земский собор, то второго (Алексея Михайловича) Земский собор лишь формально «утвер-

дил» государем, а с Фёдором Алексеевичем обошлись уже и без этой формальной процедуры. Подобное укрепление легитимности, уверенности в себе и прочности власти новой династии параллельно с упадком роли Земского собора как источника власти показательно и символично. Чем более крепкой и привычной для населения становилась власть Романовых, тем более отпадала их потребность в опоре на «земскую» (общественную) составляющую своей власти, бывшую сначала доминирующей, затем эпизодической и, наконец, совсем излишней. Огромная роль общества (точнее, его верхушки) в управлении страной — наследие Смуты — сошла на нет по мере укрепления «вертикали власти», создания мощного бюрократического аппарата, постоянной армии, системы законов. По словам историка М.М. Богословского, Московское государство быстро преобразовалось из «самодержавно-земского» в «самодержавно-бюрократическое».

Весьма ярко это видно не только на примере эволюции процедуры избрания-«утверждения» царя, но и на примере эволюции идейного и юридического оформления прерогатив царской власти. Сразу же после Смуты благоговение перед персоной государя напрочь исчезло. Сколько царей и самозванцев перевидали, переизбирали и посвергали москвиты за годы Смуты! По замечанию В.О. Ключевского, подданные не выказывали «ни тени не то что благоговения, но и простой вежливости, и не только к правительству, но и к самому носителю верховной власти». А современный историк В.Н. Козляков добавляет: «Царь и Боярская Дума добровольно смирились с некоторым самоограничением, получая для себя несомненную выгоду от использования кредита доверия, наработанного «всея землёй» в годы Смуты».

Однако уже в 1620-е годы в царский титул возвращается слово «самодержец». А Уложение (свод законов), принятое Земским собором в 1649 году и действовавшее два столетия, окончательно узаконило царскую самодержавную власть (которая до этого существовала, опираясь более на обычай).

Отныне царская особа объявлялась священной, а царская власть безграничной. Любое «злое умышление» на царя или даже недонесение об «умышлении» каралось смертной казнью. Под страхом суровых кар на подданных возлагалась обязанность доносить о всех известных им случаях подобного «умышления». Государь отождествляется с государством, измена государю — с государственной изменой. В XVII веке начинают формироваться понятия государственного суверенитета, государственной безопасности, подданства.

Идеалом государя для Алексея Михайловича был Иван IV с его «грозностью» как проявлением истинного «самовладства». Однако по существу (несмотря на отсутствие «внешних эффектов», подобных опричному террору), власть царя Алексея Михайловича была более абсолютной, чем у царя, служившего ему образцом и идеалом. Дело в том, что он уже обладал механизмами и рычагами для реального воплощения своей самодержавной власти, которые только искал Иван Грозный (налоговыми, законодательными, бюрократическими, идеологическими)...

Отныне Романовы являются не просто избранниками «всей земли», но провиденциально избранными законными преемниками московских Рюриковичей. Акцент делается на Божьей воле, а не на выборе «всей земли». По мнению Алексея Михайловича, царь — источник всякой «правды» и власти, всё контролирующий, всех жалующий и карающий, держащий ответ лишь перед Богом. У всякого человека есть свой «чин», и все отвечают перед царём, а он — не перед кем не отвечает. Для Алексея Михайловича пределы царской власти лишь — в его «диалоге» с Богом, «внутри», а не во вне, то есть не во взаимоотношениях с подданными. От Бога все должны нести «службу» государю в соответствии со своим «чином».

Из сословно-представительной монархии Московия XVII века стремительно превращается в монархию абсолютную. Земские соборы из органов постоянных, властных и законосовещательных всё больше превращаются в органы

чисто совещательные и созываемые царём изредка по чрезвычайным случаям. Последний их взлёт пришёлся на драматический период 1648—1653 годов (период юности нового царя Алексея Михайловича). В это время они согласовывали пожелания сословий, взбаламученных «соляным бунтом» 1648 года в Москве, восстаниями 1650 года в Пскове и Новгороде, принимали Соборное Уложение 1649 года и решали вопрос о присоединении Украины к Московскому царству. Эти соборы укрепили правительство, придав его решениям столь необходимый им характер всесословного одобрения. По словам современного историка Б.А. Филипова: «В последующем Алексей Михайлович и все его преемники предпочитали прибегать к помощи сословных комиссий, выступавших в роли «экспертов» по военным и финансовым вопросам». Полноценные Земские соборы более не созывались, да и остатки местного самоуправления были уничтожены.

Важнейшим юридическим актом эпохи стало Соборное Уложение 1649 года, порождённое грандиозными восстаниями 1648 года, стремлением широких слоёв общества получить писаное, известное всем и равное для всех право (как хоть какую-то гарантию от произвола чиновников), стремлением самодержавия упорядочить и регламентировать общественную жизнь и стремлением верхушки посада и широких масс дворянства законодательно закрепить свои привилегии (монополию дворян на крестьян, монополию посада на торговлю и ремёсла).

Своим острием Соборное Уложение направлено против боярства (с его привилегиями, например, правом иметь в городах целые «белые слободы», свободные от уплаты налогов) и против народных низов (с их стремлением к вольности). Уложение оформило русское общество как общество монополий и привилегий под государственным патронажем, общество замкнутых сословий, находящихся под полным контролем со стороны государства. Провозглашая равный для всех суд и писаное право и регулируя статус всех

сословий, вопросы поместного землевладения, налогообложения и военной службы, Уложение одновременно подтверждало и укрепляло абсолютную власть царя, монополию русского купечества на торговлю внутри России (за счёт прав иноземных купцов), монополию верхушки посада на ремёсла и торговлю, монополию дворян на владение крестьянами. И, одновременно, бессрочно прикрепляло сельское и городское население к их месту жительства в интересах государственного «тягла» и высших сословий.

По справедливому замечанию Б. Кагарлицкого (сравнившего значение и последствия синхронных и во многом сходных революционных движений 1648 года в Англии и Московии): «Разрушение системы феодальных привилегий в России оказывалось отнюдь не шагом к гражданской свободе, а вехой в становлении крепостничества». Идеи равенства всех подданных государя — равенства в бесправии перед ним, и всеобщей тотальной повинности и службы на благо государства, получили своё последовательное юридическое оформление в Соборном Уложении 1649 года, на два века ставшем сводом законов русского общества. Если Великая Английская революция 1640-х годов через противостояние общества королю открыла для Англии путь индустриально-буржуазного развития, то московские революционные события 1648 года, завершившись апелляцией перепуганных дворян к царю с требованием «сильной руки», вызвали очередную (но отнюдь не последнюю) «консервативную революцию», нашедшую выражение в Уложении 1649 года.

Государственный деспотизм и абсолютизм, вошедшие в русскую жизнь в Монгольскую эпоху, вновь усиливались, систематизировались, упорядочивались и слегка «модернизировались» (в духе Нового времени, требовавшего «регулярного государства» и бюрократической стандартизации управления). По словам Б. Кагарлицкого: «Россия и Англия переживали один и тот же мировой кризис, но каждая страна — по-своему. Если Англия дала образец революцион-

ного выхода из «кризиса XVII века», то Россия — реакционного. И эти результаты отразили не только разный уровень социально-экономического развития или разные политические традиции, но... разные места, которые эти две страны заняли в складывающейся миросистеме... Победившая в 1648—1649 году «середина» объединилась не с «низами», а против «низов»... Модернизация могла быть проведена только сверху, только под присмотром государственных солдат и чиновников, которые не дали бы сельским массам возможности ворваться в процесс».

Верхушка посада в Московии была слаба и не соединилась с низами (как в Англии и во Франции в ходе революций, образуя единое «третье сословие»), а тяготела к царской власти и дворянству, прося привилегий и монополий, эксплуатации деревни и закрепощения крестьян, — прося не о снятии «тягла» с себя, а о его распространении на других. (Уложение, идя навстречу посадку, отменило «белые слободы», обложив их обитателей тяжёлыми налогами). Того же — сословных привилегий — в обмен на безоговорочную поддержку самодержавной власти и ограничение боярской аристократии — требовали дворянство и казённая церковь. Поэтому «конституция» Московской Руси — Уложение 1649 года, упорядочивая все сословные, земельные, военные и финансовые вопросы жизни государства, в отличие от европейских конституций, вырванных у монархов революциями и ограничивающих их власть парламентскими органами, напротив, оформила в Московии систему царского абсолютизма и тотального крепостничества. Тысяча статей Уложения охватывала все стороны жизни, а само Уложение, размноженное в двух тысячах экземплярах, было разослано по всем уголкам страны. Стабильность, регулярность и «равный для всех закон и суд», провозглашаемые в Уложении, оказались не ограничителями государственного произвола, а его надёжными основами. За самодержавием навеки закреплялась роль высшего арбитра по всем вопросам и единственного подателя всех милостей.

Дальнейшие реформы государственного управления, армии и налоговой системы диктовались логикой непрерывных войн и завоеваний, проводимых самодержавием в XVII веке. Для этих завоеваний нужна была мощная армия (хорошо обученная, профинансированная, унифицированная и лояльная самодержавию), а значит, нужны были эффективно работающие бюрократические учреждения и налоговая система, выкачивающая из населения нужные для завоеваний средства. А присоединение новых земель требовало стандартизации законов и управляющих органов, непрерывных реформ и модернизации государства. По словам В.Н. Козлякова: «Новые земли, существовавшие до включения в состав Московского государства в иных правовых и политических условиях, отнюдь не сливались с прежней «всею землёй», сохраняя на первых порах своеобразное административное и сословное устройство, свой экономический быт, вплоть до хождения параллельной валюты. Но вопрос о «притирке» друг к другу старых и новых территорий существовал, и власть несомненно была заинтересована в унификации управления. Другими словами, имперский вызов диктовал имперский ответ. Отсюда увеличившееся в обществе значение приказной бюрократии, заполнявшей собою управленческие ниши на месте прежнего самоуправления и служившей власти лучшим инструментом для проведения необходимой административной унификации».

Вторая половина XVII века проходит в России не только под знаком непрерывных войн и захватов земель, но и (в связи с этим) под знаком угасания Земских соборов, органов местного самоуправления и аристократических учреждений и, одновременно, под знаком бюрократизации всех сфер жизни, централизации и стандартизации государственной власти. Очень ярко заметна эта тенденция вытеснения аристократии бюрократией на примере эволюции Боярской Думы. Если в первые годы правления Романовых Боярская Дума играла заметную роль в решении государ-

ственных дел (что нашло выражение в известной формуле, традиционно открывающей все законы и указы: «Царь решил, а бояре приговорили»), то затем наблюдается упадок Боярской Думы, вытеснение из её состава аристократических родов и всё больший удельный вес в ней дворянства и даже приказной бюрократии. Думу всё реже созывают. И одновременно, стремительно растёт её численность (что делает Думу неработоспособной и обесценивает звание члена Думы). Если в 1613 году в Боярской Думе было 29 человек, то в 1690 — уже 153. Компетенция Боярской Думы была неопределённой и расплывчатой (как и у Земских соборов). Монарх мог решать любые вопросы как с Думой, так и без неё. При слабых и никчёмных правителях (вроде Михаила) роль Думы возрастала, а при сильных и самостоятельных (как при Алексее) — падала. Алексей Михайлович откровенно предпочитал опираться на лиц, приближённых к нему — «ближних», «больших» бояр. Как свидетельствует подъячий Григорий Котошихин, бежавший из Московии за границу и написавший книгу о Руси, Алексей Михайлович «какие великия и малыя своего государева дела похочет по своей мысли учинити, с бояры и с думными людьми спрашивается о том мало — в его воле, что хочет, то учинити может». По мере падения роли Думы возрастала роль думских комиссий во главе с влиятельными боярами, назначенными царём. Исчезнет Дума уже при Петре I, который не распустит её, а просто перестанет созывать и пополнять её новыми членами — так она тихо «вымрет» и сойдёт со сцены.

В 1682 году, при царе Фёдоре Алексеевиче, пал важнейший бастион русской аристократии — местничество. Стремясь уравнять всех «подданных» в их полной зависимости от абсолютизма государя и оценивая их не по «роду», а по личной преданности монарху и идя навстречу настойчивым просьбам дворянства и приказной бюрократии, Фёдор Алексеевич повелел сжечь «разрядные книги», окончательно заменив аристократический принцип управления и назначения бюрократическим.

Чем больше укреплялся абсолютизм и чем меньшее значение имели «земские» и аристократические органы (Земские соборы, Боярская Дума, местное самоуправление), тем большее значение приобретала приказная бюрократия, навсегда ставшая отныне опорой русского самодержавия. В это время формируется постоянный состав приказов, круг их обязанностей. Чиновники (дьяки, подъячие) рекрутировались из бедных дворян, детей священников, постепенно складываясь в постоянное сословие со своими связями и интересами.

Чиновники получали денежный оклад, земельные владения, натуральные пожалования. Однако главным источником их дохода навсегда стали взятки («посулы», «почести», «поминки» — русский язык предлагал множество слов для их обозначения), позволяющие говорить о «доходных» и «недоходных» приказах. С этого времени «крапивное семя» чиновников — мздоимцев и душегубов — становится одним из главных героев русской народной культуры.

Бюрократические органы в центре и на местах стремительно «разбухают», увеличиваясь в численности и окончательно искореняя «земское» начало. За полвека (1640—1690) численность бюрократии в Московской Руси выросла в три раза (с 1611 человек до 4657), причём большинство её было сосредоточено в московских центральных приказах. Возникает множество новых приказов (Монастырский, Малороссийский), достигая общего числа в 50, причём их компетенция и задачи не были чётко разграничены, что вело к постоянным конфликтам и путанице, усугубляло волокиту и неразбериху. Дикие нравы чиновников XVII века породили, например, такую характерную и доселе актуальную пословицу: «Рыба рыбой сыта бывает, а человек человеком». Мздоимство, жадность и сутяжничество приказных — ведущие темы русских сатирических повестей XVII века.

Приказы являлись главными органами исполнительной власти, осуществляли административное и хозяйственное управление страной, решали все вопросы, начиная

от внешней политики до военных и кадровых вопросов. Дьяки и подъячие, ведшие делопроизводство, обладающие опытом, знаниями и связями, постоянно возраставшие в числе, обретали всё больший вес в делах государства.

Приказы делились на патриаршие, дворцовые (они управляли хозяйствами патриарха и царя) и государственные (подразделявшиеся по территориальному и функционально-отраслевому принципу): Посольский, Разрядный, Поместный, Стрелецкий, Пушкарский, Рейтарский, Аптекарский, Сибирский, Приказ Казанского дворца и пр. В штате приказа могло насчитываться от нескольких человек до сотен. В 1664 году в 43 приказах насчитывались 771 человек, а в 1677 году в 38 приказах — уже 1702 человека! Дублирование функций, запутанность приказной системы и её неэффективность порождали чудовищную неразбериху, волокиту и взяточничество. Государь непосредственно вмешивался в рассмотрение всех важных дел, ибо приказная пирамида вела к его особе. Весь XVII век наблюдаются постоянные реформы и реорганизации приказов: их слияние, разделение, переподчинение, попытки централизации и упрощения приказной системы.

Был создан особый, наделённый чрезвычайными функциями приказ (с целью контроля и согласования всех органов и должностных лиц государства) — Приказ Тайных Дел. Этот приказ представлял собой личную канцелярию царя Алексея Михайловича, непосредственно подчинённую ему и ведавшую политической тайной полицией, царским хозяйством и кадровыми вопросами. Человек, сказавший «сакральную» формулу: «слово и дело государево», немедленно доставлялся в Приказ Тайных Дел и мог донести на любых известных ему «крамольников».

Городами управляли городовые воеводы, не получавшие жалованье из казны и кормившиеся за счёт подношений местного населения. (Что открывало головокружительные перспективы для обогащения и вполне легальных «злоупотреблений».) Задачами воевод было управление городами,

сбор налогов, командование гарнизонами, суд над населением. Воевода подчинялся тому или иному приказу. Воеводство было делом исключительно прибыльным, а потому дворяне осаждали приказы просьбами поставить их в городах на воеводские должности (чудесная возможность улучшить своё материальное положение и избежать тягостной ратной службы). Отправиться на воеводство на языке XVII века означало «покорыстоваться» (за счёт вымогательств и подношений).

Так становление системы абсолютизма сопровождалось исчезновением органов сословного представительства в центре и на местах. Бюрократизация всей жизни означала нарастание централизации и регламентации общественных отношений по правилам, спускаемым «сверху», а не отвоёванным «снизу». Иностранцы, побывавшие в Москве XVII века, поражались бесправию подданных, не защищённых от произвола царя ни законами, ни происхождением. Царь был полностью властен в жизни и в имуществе своих подданных (лишь слегка сдерживаясь в своих поползновениях традицией и христианскими заповедями).

Учитывая последствия Смуты и то, что почти весь XVII век Московия непрерывно воевала, захватывая окрестные земли, или сотрясалась народными восстаниями, центральное место в политике первых Романовых занимало создание покорной, мощной, многочисленной и эффективной армии. Известный историк начала XX века А.С. Лаппо-Данилевский справедливо называл «проблему войска и финансов» «центрами, вокруг которых вращались все второстепенные интересы государственной жизни» XVII века. Две эти проблемы были неразрывно связаны друг с другом, ибо содержание армии порождало непрерывный финансовый кризис, вызывавший бунты, которые подавлять должна была опять-таки армия.

Дворянское ополчение, составлявшее ранее основу вооружённых сил Московии, в XVII веке переживает упадок. Оно было мало боеспособно, плохо обучено и вооружено.

Кроме того, дворяне всеми силами стремились улизнуть от службы и сбежать в свои поместья (как случилось во время неудачной Смоленской войны 1632 — 1634 гг.). Дворянские полки разбегались перед европейскими «регулярными» армиями.

Также ненадёжны и мало боеспособны были казаки и татары. Стрельцы, регулярно недополучавшие жалованье, подвергавшиеся насилиям и унижениям со стороны своих полковников, и тесно связанные своим образом жизни с посадским населением, были не всегда лояльны власти. В ходе ряда восстаний они примыкали к восставшим или сохраняли нейтралитет, как в дни «соляного бунта» 1648 года в Москве, а порой и сами выступали главной ударной силой восстания, как в восстаниях 1682 и 1698 годов.

Самодержавию требовалась армия боеспособная, дисциплинированная, вымуштрованная (способная без колебаний подавлять восстания народа и сражаться на равных с европейскими армиями, прежде всего, с главным и постоянным врагом — литовцами и поляками) и, главное, вполне покорная царской воле. Единообразие, единая организация, дисциплина, хорошее вооружение, выучка и лояльность — такие требования предъявляли московские правители к вооружённым силам, стремясь к бюрократическому «устройству» всей жизни страны — от законов и церкви до армии. (Но всё это стоило недёшево, ложась чудовищным бременем на разорённое и малочисленное население).

Иноземные офицеры отныне составляли основную и самую надёжную часть офицерского корпуса — на их выучку и преданность абсолютизм вполне мог положиться. Ведь иноземцы смотрели на народ Московии, как на чужой и завоёванный народ и полностью подчинялись самодержавному режиму. Заимствуя поневоле опыт Запада (не случайно, это начиналось всегда в России с военной сферы, затем распространяясь на остальные, менее значимые, стороны жизни), московские цари начали создавать полки «нового» (иноземного) строя.

В них солдатами становились завербованные наёмники (из беглых людей или иноземцев) и «даточные» люди (принудительно забиравшиеся с определённого числа крестьянских дворов), а офицерами были иноземцы-наёмники. Солдатские (пехотные), рейтарские и драгунские (кавалерийские) полки быстро вытесняют поместное дворянское войско и стрельцов, образуя наиболее боеспособную и покорную (но и самую дорогую!) часть армии. Они были единообразны, надёжны, вооружены и обучены за счёт казны. Начав возникать ещё при Михаиле, они к концу XVII века вытесняют иные воинские подразделения. В 1630 году (при Михаиле Фёдоровиче) московское войско насчитывало около 60 тысяч человек (из них 24 тысячи — дворянское ополчение, 28 тысяч — стрельцы, 11 тысяч — казаки, 3 тысячи — полки иноземного строя). А в 1681 году (при Фёдоре Алексеевиче) русская армия составляла 184 тысячи человек, из них 90 тысяч служили в полках «нового строя», наиболее боеспособных, профессиональных и лояльных.

Татары, казаки, стрельцы и дворянская конница играли лишь вспомогательную роль. (По Соборному Уложению призывной возраст для дворянина был поднят с 15 до 18 лет, и была предусмотрена возможность его замены определённым числом «даточных» людей или большой суммой денег).

Однако сотни «дорогих» иноземных офицеров и тысячи русских солдат ложились непосильным бременем на казну, а значит, на население, оплачивающее непрерывную военную экспансию романовского режима, захваты новых территорий и содержание полков для подавления народных выступлений. Доходы государства поступали от сбора всевозможных податей, от «государева кабака», от сибирских мехов, от закупки и перепродажи населению втридорога товаров, на которые вводилась государственная монополия, и от постоянно вводимых по разным поводам чрезвычайных налогов.

Земские соборы в XVII веке: расцвет и гибель

Хотя возникли Земские Соборы ещё при Избранной Раде Ивана IV (в 1550 году), однако, подлинный их расцвет приходится на первую половину XVII века. Причиной тому явились события Смутного времени, приведшие к краху Московское государство, породившие всплеск земских тенденций и заложившие основу для общественной инициативы и развития сословного представительства. Первые Романовы нуждались в общественной поддержке, «обратной связи» с обществом, общественной легитимации как своей власти в целом, так и отдельных «непопулярных решений» в особенности (о введении новых налогов, об объявлении войны). Поэтому Земские соборы, представлявшие многие сословия Московии (кроме холопов и крепостных крестьян), созываемые по инициативе царя и решавшие вопросы, которые царю было угодно перед ними поставить, играли такую важную роль в первые годы правления Романовых.

Соборы рассматривали вопросы войны и мира (например, вопрос о присоединении Украины и о начале войны с Речью Посполитой в 1653 году, или о войне с Османской Империей за Азов в 1642 году), законодательства (утвердив Уложение 1649 года), избрания царей (Фёдора Ивановича, Бориса Годунова, Михаила Романова) и их «утверждения» (Алексея Михайловича), переговоров с восставшими городами (в 1650 году — когда восстали Псков и Новгород), о введении налогов и т.д.

На соборах были представлены широкие слои населения: дворяне, бояре, служилые и приказные люди, духовенство, посадские люди, казаки и даже порой (в 1613 и 1682 годах) черносошные крестьяне. По воле царя соборы бывали часто или редко, длились иногда две недели, а иногда несколько лет, были «полными» (представляя все указанные категории населения) или частичными. В любом случае в них участвовал царь, Боярская Дума, Освящённый Собор (верхушка духовенства). Представители же от различных слоев

населения со своими наказами избирались по воле государя, назначавшего срок начала Собора и нормы представительства. Обычно в Соборе участвовало 300—400 человек, однако могло быть существенно меньше или вдвое больше.

Обычно «избирательный округ» представлял собой город с уездом, и чем больше был город, тем больше посылал представителей (нормы представительства каждый раз предлагало правительство). Скажем, Новгород приравнивался к пяти обычным городам. Правительство посылало к городским воеводам «призывные грамоты», которые зачитывались в церквях, после чего происходили выборы по сословиям (причём воеводам официально запрещалось в них вмешиваться). Обычно от города посылался один делегат от духовенства и по два человека от посадских и служилых людей. Нередко делегаты подавали царю свои особые мнения и челобитные, используя Соборы как трибуну для высказывания и отстаивания сословных интересов.

Первое заседание Собора происходило в Грановитой Палате Кремля в присутствии самодержца, где делегатам зачитывались предложенные им к обсуждению вопросы, а затем заседания происходили по сословиям. Соборы доносили до высшей власти мнение общества и позволяли ей ссылаться на это мнение в своих решениях. Различные сословия давали своим делегатам указы и челобитные.

Однако, по мере того, как усиливался абсолютизм, складывалась приказная бюрократия, постоянная армия и налоговая система, а династия Романовых становилась привычной и традиционной, Земские Соборы сошли на нет в обществе — раздробленном на враждующие сословия, равно верящие в добрую сильную власть, раздающую монополии и привилегии.

Впоследствии различные мыслители, писатели и историки не раз возвращались к теме Земских Соборов, рассматривая их как зародыш русской сословно-представительной монархии и выражение «земской тенденции» (например, славянофилы середины XIX века, видевшие в эпохе Земских

Соборов воплощение своего политического идеала: «сила власти — царю, сила мнения — народу»). Почему же этот зародыш сословного представительства был уничтожен и на столетия «забетонирован» абсолютистским «катком»? Почему были упущены связанные с Земскими Соборами возможности? Почему Земский Собор не стал для Руси тем, чем на Западе стали парламенты, Генеральные Штаты, сеймы и кортесы?

Дело в том, что Земские Соборы возникли не по требованию сословий для ограничения царской власти и противостояния её деспотическим поползновениям, а по инициативе царской власти для её же укрепления. За век своего существования Соборы не добились ни установления регулярности своего созыва, ни постоянных твёрдых норм представительства, ни чёткой сферы своей компетенции, в которую самодержавие не смело бы вмешиваться без разрешения общества. (Подобно тому, как английский король не мог вводить налоги без санкции парламента и, нуждаясь в деньгах, был вынужден созывать этот ненавистный орган, в конце концов отправивший Карла I на плаху.) В России соборы созывались всегда по инициативе царя, рассматривали те вопросы, которые ему угодно было вынести на их обсуждение, представляли те сословия, которые указывал царь, а их решения носили лишь совещательный характер. Они были (и остались) учреждениями временными, созываемыми в экстремальных случаях, по инициативе и под контролем царя. Земские Соборы не сумели стать постоянным фактором русской политической жизни, закрепив ряд вопросов, обязательно выносимых на их рассмотрение, а также порядок и частоту их обязательного созыва. Как только царь почувствовал себя немного увереннее, а государство усилилось, Земские Соборы тихо угасли, сменившись «совещаниями» царя с представителями тех или иных категорий населения (купцов, духовенства или служилых людей). Впрочем, вскоре превратились и такие совещания. Последний Земский Собор был созван в 1698 году Петром I для суда над его сестрой царевной Софьей.

Доминировавшая на Руси в XVII веке (и восходящая к XIV—XV векам) общая тенденция к закреплению общества, самодержавному гнѣту, бюрократизации всей жизни не оставляла шансов для самоуправленческих, сословно-представительных начал в русской жизни. Общество в России было консервативно, слабо, раздроблено и привыкло апеллировать к высшей власти, а не противостоять ей. Расцвет Земских Соборов после Смуты был вызван не силой общества, а слабостью государства. Поэтому, когда государство упрочилось, оно перестало нуждаться в «земстве» как на местном, так и на центральном уровне.

Если на Западе сословно-представительные учреждения опирались на независимую и сильную церковь, на мощные вольные города-коммуны, на лично свободное общинное крестьянство и знатное баронство, то в Московии к XVII веку ничего этого уже давно не было (по крайней мере, после Ивана IV). Если на Западе сословные учреждения отчасти прижились, закрепились, заставили с собой считаться, добились официального оформления своих прав, то Земские Соборы в России оказались лишь ярким эпизодом, связанным с коротким ослаблением централизованной власти после Смуты и демонтажем всех властных структур. Они несли на себе печать всей переходности и неустойчивости своего XVII века, возникнув из очистительного огня Смуты и исчезнув накануне предпринятого Петром I нового витка массивного наступления абсолютистской реакции на общество.

Помимо общерусских Соборов, созывались также и местные (областные) Соборы, игравшие особенно значимую роль в событиях Смутного времени. Однако, именно они первыми и исчезли. Самодержавное государство, отныне имевшее всеохватное законодательство, профессиональное регулярное войско, разветвлѣнную налоговую систему, обширный аппарат управления, полностью покорную казѣнную церковь, уже не имело никакой нужды ни в местном самоуправлении, ни в Земских Соборах. Взлѣт и расцвет Земских Собо-

ров был вызван не силой общественных институтов, а лишь земской традицией и крайней слабостью правительства, нестабильностью и нелегитимностью новой власти. Но со временем Романовы перестали ссылаться на своё «народное избрание и призвание» — теперь довольно было уже и одного «Божьего помазания». Поэтому-то Земские Соборы были чем-то большим, чем просто совещательные органы, но чем-то значительно меньшим, чем властные и законодательные. Эта уникальная ситуация не могла слишком долго продолжаться.

Всего, по разным оценкам, за полтора века (1550—1698) в Московии состоялось 55-57 Земских Соборов. Несмотря на их гибель, Земские Соборы сыграли немалую роль в развитии самоуправленческих традиций и формировании общественного мнения Руси и, в свою очередь, были умело использованы самодержавием в своих интересах (собственная легитимация, обратная связь с обществом, внутренняя консолидация регионов Московского государства).

Думается, наряду с традиционной раздробленностью общественных групп, большую роль в исчезновении Земских Соборов сыграли патерналистские настроения, царящие в московском обществе и объединённые вокруг базового комплекса идей о «добром царе» и о всеобщей «службе» ему. Различные сословия предпочитали не договариваться между собой и не отстаивать свои права в совместной борьбе против государства, а выпрашивать у самодержавия привилегии и монополии, униженно апеллируя к нему, как к арбитру и источнику милостей. В обмен на признание абсолютной власти самодержца, поддержку его монополии на единоличное принятие любых общественно значимых решений, дворяне желали получить (и получили) монополию на владение крепостными крестьянами, посадские люди — монополию на промыслы и ремёсла, купцы — протекционистские меры, ограждающие их от конкуренции со стороны иноземных купцов, церковники — абсолютную монополию на духовную жизнь и сохранение

«старины». А Земские Соборы стали не общественным инструментом давления и ограничения абсолютизма, контроля за ним, но, напротив, орудием его утверждения.

А с середины XVII века абсолютизм уже не терпел сословного соучастия в управлении. В обществе монополий социально-политическому плюрализму не могло быть места. Опираясь на приказную бюрократию и служилое дворянство, на новую армию «иноземного строя», на Соборное Уложение 1649 года и на собственную, «дарованную Богом» (а не людьми) и закреплённую традицией, власть, государь отныне мог управлять страной, не нуждаясь в советах подданных. Духовенство и дворянство это вполне устраивало, а крестьян и посадских людей никто и не спрашивал.

На смену правам, отвоёванным обществом в Смутное время, пришла система привилегий и монополий, исходящих от высшей государственной власти и неотделимых от всеобщего «тягла» (системы повинностей), возложенных ей на общество. Понятие «земское дело», часто встречающееся в документах первой половины XVII века, отныне исчезает из документов, вытесняясь делами «государскими» (а государство было тождественно государю). Мысль о возможности каких-либо ограничений царской власти была чужда большей части населения (кроме немногих бояр или казаков). А вражда корпоративных интересов находила выход в апелляции к монарху, а не в попытках людей совместно договариваться на Соборах, противостоя царю. Общий консерватизм настроений после Смуты (неприятие всего иноземного, преобладание идеи «Москва — Третий Рим», стремление вернуться к «светлым» временам Ивана IV и «твёрдой руке») сыграл здесь огромную роль, также как слабость и разобщённость общества и всеилие государства, привычное ещё с монгольских времён. Отстаивая свои сословные интересы (через коллективные челобитные и другими способами) — порой противоречивые, — дворяне (требовавшие окончательного закрепощения крестьян), духовенство (требовавшее сохранения «старины» и монополии на духовную

жизнь), купцы (требовавшие ликвидации «белых слобод» в городах, их обложения «тяглом» и ограничения иноземных купцов) в равной мере взывали к самодержавию, безусловно поддерживая его крепостнические и абсолютистские устремления в обмен на подачки. Дворянам или купцам было проще «пасть в ноги» «батюшке-царю», чем договариваться с делегатами от других сословий о противостоянии самодержавию. Историк Б.А. Филипов подытоживает: «Таким образом потребность в Соборах отпала: власти они не были нужны в силу её крепнущих абсолютистских амбиций, а дворянству и посадку — в силу характера их сословных притязаний и особенностей политического мышления».

Временщики и фавориты в России XVII века

По мере утверждения в России абсолютизма, в политическую жизнь входит такой его неперенный спутник, как наличие «фаворитов», «временщиков» — то есть лиц, не на основе закона или избрания, а на основе личного влияния на государя более или менее долго фактически управляющих государством. Поскольку абсолютизм любил навязывать свои законы другим, но не признавал никакого закона для себя, то решающую роль начинали играть неформальные связи при дворе и влияния монарха. Бесконтрольность, безнаказанность власти и её абсолютность делали царей её заложниками, ставили их в зависимость от ловких и энергичных царедворцев, имеющих доступ «к телу» государя, дающих ему информацию и советы. Ведь, как известно, «короля играет свита». Номинальная абсолютная власть царей обернулась всевластием их окружения и появлением (а затем падением — со сменой монарха или монаршего настроения) тех или иных всемогущих «временщиков». Положение фаворита было невероятно почётным и прибыльным, но также и шатким, непрочным и смертельно опасным. Ведь именно на них направлялись интриги и удары враждующих придворных клик. И именно на временщиков направлялась обычно главная ненависть восставших масс, убеждённых в том, что «царь — хорош, а его окружение — ужасно».

Расцвет фаворитизма (как и расцвет абсолютизма) в России приходится на XVIII век. Однако уже в XVII веке, по мере угасания Земских Соборов и Боярской Думы, появляется длинная череда «ближних людей», управляющих Москвией от имени государя. (Это могли быть его воспитатели (в малолетстве), родственники его жены, духовные наставники и лидеры церкви, ловкие сановники и родные, а позднее (в XVIII веке) и многочисленные любовники или любовницы).

Так, при слабом и никчёмном Михаиле Романове Московией правил его властный и честолюбивый отец патриарх Филарет (даже формально ставший «соправителем» сына и вторым «великим государем»). В долгое же царствование Алексея Михайловича таких временщиков, последовательно сменявшихся, было несколько. Первым фаворитом царя оказался его «дядька» (воспитатель) и родственник боярин Борис Морозов. Однако своекорыстная и бездарная финансовая политика боярина вызвала социальный взрыв («Соляной бунт» 1648 года в Москве), едва не стоивший фавориту жизни и приведший к его устранению от власти. Затем фаворитом царя был родственник его первой жены Марии — Иван Милославский. А затем боярина надолго сменил, став фактическим правителем страны новый любимец увлекающегося царя, энергичный и властный патриарх Никон (он даже управлял страной в те годы, когда Алексей Михайлович оставлял столицу, поехав на войну с Речью Посполитой). Однако и его ожидала царская опала.

Затем на вершину власти поднялся боярин Артамон Матвеев — не очень знатный человек, но выдающийся дипломат и администратор, чьей воспитанницей была вторая жена царя Наталья Нарышкина. Возглавив клику Нарышкиных при дворе, боярин приобрёл огромное влияние на Алексея Михайловича. Матвеев был женат на шотландке (!), являлся одним, из первых московских «западников», собирал европейские картины и организовал первый в Московии театр (разумеется, в Немецкой слободе и с немецкими же актёрами).

Он возглавлял Посольский приказ и был самой влиятельной фигурой в правительстве, но после смерти отца Фёдор Алексеевич (сын Марии Милославской) сослал его в ссылку. Когда же умер Фёдор, Матвеев был возвращён в Москву и, как глава клана Нарышкиных, был растерзан поддерживавшими Милославских стрельцами во время московского восстания в мае 1682 года.

Следующим временщиком оказался боярин князь Василий Голицын — фаворит (а, возможно, и возлюбленный) правительницы царевны Софьи Алексеевны, один из самых замечательных русских людей XVII века — выдающийся дипломат, реформатор и просветитель, но слабый полководец. С падением Софьи Голицын попал в опалу и был сослан.

Боярин, стоящий в тот или иной момент у власти, обычно возглавлял Стрелецкий и Аптекарский приказы (которые отвечали, соответственно, за охрану Кремля и — за здоровье особы государя) и имел прямой доступ к государю. Сложившаяся в XVII веке, система фаворитизма пережила свой высочайший взлёт в XVIII веке.

5.3.2. Век всеобщего закрепощения

В 1640-е годы в Московии жило до семи миллионов человек. А при царе Фёдоре Алексеевиче в России была проведена перепись населения, которая показала, что в 1678—1679 годах население Московской Руси (включая захваченные земли Сибири и Левобережной Украины) достигло 11,2 миллионов человек.

Хозяйство медленно приходило в порядок после страшных потрясений Смуты. Так, сельское хозяйство лишь к середине XVII века смогло вернуться к уровню конца XVI века. Начали расширяться посевные площади (за счёт сползающего к югу чернозёмного «Дикого Поля», понемногу отвоевываемого у Крыма). Происходит укрупнение сельских поселений и медленное развитие товарных отношений, побуждающих

население к поиску новых источников доходов. Налоги с крестьян возрастали — им надо было изыскивать средства для их уплаты. Возрастали и потребности дворян и, особенно, финансовые запросы казны.

В XVII веке начинается процесс формирования общероссийского рынка и специализации в сельском хозяйстве и промыслах. Страна, до этого лишь грубо завоёванная московскими воеводами и объединяемая лишь наместниками, присылаемыми из столицы, начинает превращаться в единый хозяйственный организм. Север и запад отныне выращивают лён и коноплю, чернозёмный юг поставляет рожь, а в Поморье появляются промысловые регионы. Ремёсла всё более ориентируются на рынок, и возникают отдельные сёла, специализирующиеся на определённом промысле. Возникают металлургические центры: Тула, Кострома, Нижний Новгород, Москва. Соль добывают в Старой Руссе и на Урале.

Архангельск на севере (на Белом море) и Астрахань на юге (на Каспии) становятся центрами внешней торговли — через Архангельск с Голландией (оттеснившей английских купцов с Московских рынков), а через Астрахань — с Персией. (Впрочем, Белое море не могло заменить для Руси Балтийское, а Каспийское не могло заменить Чёрное.) Возникают общероссийские ярмарки: Макарьевская на Волге (у Нижнего Новгорода), Ирбитская (на Урале). Именно в XVII веке Волга становится «главной» и «центральной» рекой Руси, на ней растут торговые города.

Из Европы (Голландии и Англии) на Русь ввозили промышленные товары (оружие, ткани, предметы роскоши, драгоценные металлы и технологии), из Персии — шёлк и чай, а в Европу из Московии везли сельскохозяйственные продукты: кожи, сало, пеньку, меха, рожь. Растущая технологическая и экономическая зависимость Московии от Запада, однако, долго не осознавалась, сдерживалась и компенсировалась — во-первых, идейно — изоляционистскими представлениями о «богоизбранности Третьего Рима» и его

превосходстве над иными народами, а, во-вторых, торговым протекционизмом. Новоторговый Устав, принятый в 1667 году под давлением русских купцов и в целях обогащения казны, фактически запрещал (ибо делал невыгодным) въезд иноземных купцов в Московию дальше Архангельска. Они должны были продавать свои товар оптом посредникам — русским купцам. А Немецкая Слобода под Москвой, населённая тысячами иноземцев, была превращена в правление Алексея Михайловича в своеобразное изолированное гетто (для одних — повод для ненависти и презрения, для других — повод для зависти и подражания).

Следует подчеркнуть неравномерность экономического и социального развития различных регионов Руси в XVII веке. В центре страны крепостное право воцарилось безгранично, на юге часть военно-служилых дворян даже не имела крестьян (и вскоре они сами стали «опущены» в статусе до положения «крестьян-однодворцев»). Напротив, на Севере, в Поморье крепостное право и товарное земледелие не прижились — преобладало черносозное крестьянство и традиции широкого земского самоуправления. По словам Б.А. Филипова: «На севере формировался совершенно другой, не такой, как в крепостническом центре, тип крестьянина — инициативного, независимого хозяина, привыкшего полагаться на себя. Черносозные крестьяне активно занимались рыбными и охотничьими промыслами, солеварением, участвовали в различных торговых операциях. Огромную роль в местной жизни играли мирские организации с выборными органами, компетенция которых была достаточно широка в силу слабости и малочисленности местной администрации. При этом община в хозяйственном отношении мало сковывала крестьянина».

Население городов в XVII веке было крайне малочисленно; большая их часть представляла собой просто небольшие крепости или резиденции воевод. В Москве XVII века жило до ста тысяч человек, а в других городах — в десятки раз меньше. Единые организации, объединяющие население

городов (подобно европейским коммунам и цехам) отсутствовали. Хотя в середине XVII века в европейской части Московии числилось около 250 городов, однако, лишь в пятнадцати из них насчитывалось более 500 посадских дворов. Редко население города превышало одну-две тысячи жителей. Крупнейшими городами были Москва, Ярославль, Кострома, Вологда, Казань, Нижний Новгород. Активно развивались города Поволжья и Севера, мало затронутые Смутой.

Все вопросы, связанные с торговлей и промышленностью неизменно рассматривались самодержавной властью через призму «казённого» интереса — возможностей увеличения тягла для пополнения казны. Поэтому правительство не склонно было особенно считаться с интересами посадских людей, постоянно увеличивая подати и службы, вводя откупа, казённые монополии и бесконечные пошлыны, разорявшие горожан. Поэтому, несмотря на Новоторговый Устав, европейское купечество, несравненно более сильное и организованное, чем русское, повсюду теснило московских купцов. К середине XVII века численность русских купцов была примерно вдвое меньше, чем в конце XVI века. Крайняя слабость русской торговли и промышленности, малочисленность и бедность купечества, отсутствие свободных капиталов и свободных рабочих рук, тотальная коррупция чиновников и постоянно усиливаемое государственное «тягло» на торговлю и промышленность не давали им развиваться. А торговля давала всё же несколько большую прибыль, чем промышленность. (Хотя на все мало-мальски прибыльные товары правительство устанавливало собственную монополию).

Учитывая всё это, а также растущую потребность государства в промышленности (прежде всего, военной), не удивительно, что первые мануфактуры (то есть крупные предприятия, основанные на разделении ручного труда) были, как правило, связаны с военным производством по своим целям, создавались под государственной опекой иноземцами, и с использованием принудительного труда зависимых людей.

Власть начала поощрять иноземцев создавать в России мануфактуры (оружейные, текстильные, стекольные), обеспечивая их заказами и подневольными людьми и тем самым насаждая в России хоть какую-то промышленность.

К концу XVII века в Московии насчитывалось до трёх десятков мануфактур, в основном, иноземных или казённых, считая Печатный Двор, Монетный Двор и Пушечный Двор в Москве, крупные солеварни на Урале и металлургические заводы. По словам Б.А. Филипова: «Государство было принуждено насаждать более передовые формы производства, потому что во время вооружённых конфликтов оно всё чаще осознавало необходимость модернизации производства».

И всё же никакие усилия правительства и никакое поощрение иноземных купцов не могли возместить тотального отсутствия свободных рабочих рук (тем более, квалифицированных) и свободных денег для развития промышленности, что усугубляло социально-экономическую изоляцию и отставание России. Как отмечает Б. Кагарлицкий: «Оказавшись на периферии торговых путей, страна оставалась и в стороне от технологической революции XV—XVI веков, что, в свою очередь, предопределило технологическую зависимость России от голландских и английских партнёров». Достаточно сказать, что первая доменная печь появилась на Руси в 1636 году, а на Западе — в 1443 году. А, по справедливым словам С.Т. Жуковского и И.Г. Жуковской: «Главная финансовая проблема Российского государства заключалась в том, что оно на протяжении двух столетий обогащалось, разоряя подданных и подрывая развитие торговли и промышленности в стране... Российские купцы были бедны, задавлены государственными поборами и вдобавок малограмотны. Всё это мешало выдерживать усиливавшуюся в XVII веке конкуренцию с иностранными торговцами».

Купцы, придавленные системой взяток, откупов, пошлин, обязанностью продавать все прибыльные товары по установленным правительством ценам государственным агентам,

быстро разорялись и мечтали не о «свободном рынке и справедливой конкуренции», а только о привилегиях и бегстве из своего сословия. По замечанию В.Я. Хурского: «О развитии частного предпринимательства власти не заботились. Правительство предпочитало всё подряд облагать данью. Нужно было платить, скажем, за водопой скота, за стирку белья в реке. Купцы платили за право торговли в городе, за провоз товаров по дороге и т.д. Откупа распространялись чуть ли не на все промыслы. Казна стала давать в откуп даже сборы за проезд по мосту. Величину сборов определяло государство, но откупщик завышал её, делаясь с покрывавшими их воеводами... Повсюду появились кабаки: власти увидели, что водка сможет помочь казне».

Рассматривая (подобно московским князьям) Россию как личную завоёванную вотчину и собственное хозяйство, никем не контролируемый и постоянно обременённый финансовыми кризисами (вызванными вечными войнами), самодержец забирал у своих подданных всё, что только можно, а от него не отставали и его приказные люди и воеводы. Немуद्रено, что чудовищная коррупция, взяточничество, откупа и рост налогов порождали непрерывные кровавые восстания. Однако основной формой сопротивления населения чудовищной экспансии со стороны государства оставалось не восстание, а повальное бегство людей на окраины.

XVII век стал веком окончательного закрепощения русского общества. Причём Соборное Уложение 1649 года не только отменило урочные годы и ввело бессрочный сыск беглых крепостных, но и распространило крепостное право на «тяглое» посадское население города, запретив горожанам под страхом смерти покидать своё место жительства (современная система «прописки» — постыдный пережиток ещё той эпохи). Известный историк начала XX века Михаил Покровский точно подметил: «Крепостное право быстро растёт у нас на развалинах, созданных Смутой, точно так же, как в Германии росло оно на развалинах, созданных Тридцатилетней войной». И по сходным причинам. Катастрофическую убыль

населения власти компенсировали чрезвычайными мерами, закрепощая тех, кто уцелел в годы Смуты, чтобы обеспечить получение налогов и содержание служилых людей.

Поражение крестьянских восстаний (Болотникова — в начале века, Разина — в конце) ускорило закрепощение, сломив сопротивление населения наступающему государству. Наряду с потребностью самодержавия в налогах, поступающих с «тягловых» слоёв населения, и потребностью в обеспечении даровой силой служилого дворянства и церкви, немаловажную роль в наступлении крепостного права сыграло и развитие рыночных отношений в России, её втягивание в международную систему экономических отношений. На ускоренную модернизацию страны (создание регулярной армии, реформирование государственного аппарата, церковные реформы, строительство казённых мануфактур и ввоз из-за границы дорогих технологий и специалистов) требовались колоссальные средства. А получить их можно было, лишь вывозя в Европу зерно, меха и кожи, получаемые почти даровым трудом закрепощённого населения. Поэтому не случайно то, что крепостное право получало наиболее стремительное развитие именно в тех районах страны (центр, чернозёмный юг), где наиболее быстро развивалось рыночное, коммерческое производство сельскохозяйственных продуктов. По словам Б. Кагарлицкого: «именно развитие международного рынка и буржуазных отношений на Западе было решающей причиной закрепощения на Востоке... Закрепощение стало «производственной необходимостью» в условиях, когда нужно было обеспечить систематическое поступление товарного зерна на рынок». Поэтому формирование общероссийского рынка и начало модернизации в России не только не исключало всеобщее поголовное закрепощение народа, но и во многом основывалось на нём.

Статус «периферийной империи», снабжающей Запад сырьём и контролирующей своей огромной армией Восточную Европу, обязывал самодержавие усиливать гнёт над собственным населением. Индустриально-буржуазное развитие

Западной Европы было отчасти оплачено закрепощением населения Восточной Европы (Речи Посполитой, Германии и России), также как и насаждением плантационного рабства в Америке. (Не случайно грядущий XVIII век, «век Просвещения» для Европы оказался в России одновременно и веком наивысшего порабощения населения). По словам Б. Кагарлицкого: «Можно оказать, что русский крестьянин и плантационный раб своим трудом как бы кредитовали западно-европейский капитализм». А потому, если «на Западе возникла промышленная буржуазия», «на Востоке Европы развивался преимущественно торговый капитал», финансово, технологически и политически зависимый от Запада и от собственного государства.

Система крепостного права, подобно системе монгольского ига, на три столетия охватила не одно какое-то сословие или какую-то сферу жизни Руси. Нет, она носила тотальный всеобъемлющий и удушающий характер, пронизывая всё общество: от посада до деревни, от быта до политической жизни и культуры. Характерно, что телесные наказания в Уложении предусматривались в 144 случаях провинностей! Насилие, внеэкономическое принуждение, иерархия, монополия, привилегия и эксплуатация пронизали отныне всю жизнь русского общества. Современный историк И.Л. Андреев отмечает: «Перед нами общество, в котором состояние несвободы есть состояние нормы».

«Всеконечное разорение» Смуты привело к тотальному «откату» и к реакционному развитию страны во всех сферах жизни: культурной консервации, политической реакции, социальному закрепощению. Усиление абсолютизма, опиравшегося на казённую церковь, служилое дворянство и приказную бюрократию, шло рука об руку с закрепощением, широкой раздачей земель в поместья и вотчины и с упорядочением и расширением прав собственников. Крепостничество, порождённое одновременно и старой деспотической традицией, и экстремальностью ситуации, и втягиванием страны

в рыночно-буржуазные отношения, наступало по всему фронту: в деревне и в городе, в экономике и в социальных отношениях, в сельском хозяйстве и в промышленности, формировало сознание и поведение людей. По словам Б.А. Филипова: «Крепостничество не просто упрочилось — оно интенсивно вытягивало в сферу своего воздействия все категории сельского населения... Фронтальное наступление крепостничества... перевешивало возможности некрепостного развития».

По мере угасания земско-самоуправленческих начал в общественной жизни, роста абсолютизма и государственной регламентации, для населения, крайне болезненно переживавшего потерю законной возможности искать лучшей жизни, уходя от прежних хозяев, оставался единственный выход — уйти в казаки. Казачество, возникнув в XVI веке и сыграв огромную роль в событиях Смутного времени, в XVII веке стремительно вырастает в численности и усиливается. Донское, запорожское, яицкое казачество — вольное, отважное, самоуправляющееся (ибо: «с Дона выдачи нет!»), постоянно воюющее и постоянно пополняющееся беглыми людьми, находилось в странных и противоречивых отношениях с московским царём. Казаки то ли зависели от Москвы, то ли воевали с ней, то участвовали в царских походах, то устраивали восстания, то бились с царскими воеводами и грабили купцов, то получали от царя жалованье: хлеб, порох, свинец. Казачество также расслаивалось на «домовитую» верхушку, заинтересованную в интеграции в систему Московской Руси и получение привилегий от самодержавия, и на «голытьбу» — то есть бедных, недавно пришедших казаков, то и дело участвующих в восстаниях и разбоях, отказывающихся покориться ненавистной Москве. Пройдёт ещё полтора века, прежде чем самодержавному режиму удастся окончательно подчинить, «приручить» и интегрировать казаков, превратив вчерашних революционеров и бунтарей в спору абсолютизма, получившую ряд привилегий и борющуюся с новыми, не прирученными революционерами.

Первые мануфактуры на Руси

Развитие рыночных отношений, потребности армии и всё более явное экономическое отставание России от Европы диктовали необходимость развития промышленности. Поэтому в XVII веке в России начинают появляться мануфактуры — крупные предприятия, основанные на разделении ручного труда и использовании сложных технических приспособлений, на которых работали иногда десятки людей.

Однако появление мануфактур сталкивалось с такими фатальными и труднопреодолимыми проблемами, как отсутствие в Московской Руси свободных рабочих рук, свободных частных капиталов и, как следствие, отсутствие инициативы у немногочисленных купцов и ремесленников. Поэтому почин по организации мануфактур взяло на себя государство. По словам Б. Кагарлицкого: «Если в сфере внешней торговли правительством была организована система казённых монополий, успешно пополнявших царскую казну, то в промышленности правительство выступало в качестве главного заказчика... Промышленное производство в России XVII века создавалось либо руками иностранцев, либо по инициативе правительства, причём, как правило, государство и иностранный капитал действовали совместно».

Ярким примером этих тенденций может служить первая в России мануфактура, созданная в 1632 году под Тулой. Это был оружейный завод, созданный голландцем Виниусом на свои деньги, но при поддержке царских властей, а трудились на нём дворцовые (государственные) крестьяне ближайших сёл, принудительно приписанные к предприятию.

Впрочем, в строительном производстве, в рыбной и солеваренной промышленности наряду с крепостным, применялся и вольнонаёмный труд. Однако в стране с тотально закрепощённым населением, прослойка свободного пролетариата, способного наниматься на мануфактуры, была крайне немногочисленна. Таковой имелся, в основном, на Дону и Волге, где «гулящие люди» (бурлаки, беглые) состав-

ляли несколько десятков тысяч человек. Число же кадровых профессиональных мастеровых людей в Московии к концу XVII века составляло не более тысячи человек. Таким образом, большинство работников мануфактур были крепостными, неквалифицированными, работающими из-под палки и незаинтересованными в результатах своего труда.

Крайне малочисленная и бедная зарождающаяся русская буржуазия всецело ориентировалась на государство, ожидая от него заказов, крепостных работников, монополий и протекционистских мер. Так крепостные отношения с самого начала возобладали не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности России XVII века (что во многом обусловило противоречия её развития в последующие столетия). Острейшая нехватка капиталов восполнялась привлечением иностранных средств или казённых денег, а острейшая нехватка свободных рабочих рук восполнялась приписыванием к мануфактурам дворцовых и крепостных крестьян. По словам Б. Кагарлицкого: «Уже в XVII веке сложился расклад, типичный для последующего развития: технологическая модернизация не только сочеталась с крепостничеством, но опиралась на него, а укрепление военной мощи уживалось с зависимостью от иностранного капитала, который получал непосредственные выгоды от усиления государства».

Всю металлургию и стекольную промышленность в России XVII века контролировали голландцы. Иноземные мастера на мануфактурах получали в два-три раза больше, чем русские мастера. Почти полное отсутствие в России XVII века пролетариата и буржуазии вкупе с нарастающими военными потребностями власти закладывали основы для создания в России промышленности, направленной преимущественно на военные цели и опирающейся на принудительный крепостной труд. При этом «роль» буржуазии играли правительственные агенты или иноземные купцы, а «роль» пролетариата поручалась подневольным крестьянам.

Если неэффективность, тупиковость и взрывоопасность этой системы в полной мере обнаружилась несколько позднее, то противоречивость отношений русских купцов и промышленников с их европейскими коллегами во всей остроте обнаружилась уже в середине XVII века. С одной стороны, русские купцы, не в силах выдержать конкуренции, завидовали иноземным и постоянно просили правительство их ограничить, дав «своим» привилегии. А с другой стороны, без участия иностранного капитала и технологий русское предпринимательство не могло развиваться и сильно от него зависело. Как справедливо констатирует Б. Кагарлицкий: «Подобные противоречия вообще характерны для периферийного капитализма. С одной стороны, он просто не может существовать без центра, внешнее влияние является для него основным стимулом развития. Но, с другой стороны, чем больше он развивается, тем больше потребность огородить собственные интересы или хотя бы добиться для себя более выгодных условий». Западная торговля стала главным источником серебра для внутреннего рынка России, для чеканки русской монеты, а западные капиталы — важным подспорьем для создания мануфактур. А потому правительство, уступая просьбам русских купцов и стремясь пополнить казну, Новоторговым Уставом 1667 года запрещало иноземцам вести дела на внутреннем российском рынке и вводило огромные пошлины на ввоз товаров. И оно же одновременно ввозило в Московию сотни западных специалистов и поощряло создание иноземцами мануфактур на Руси.

Все протекционистские меры и изоляционистские устремления властей и общества сталкивались с растущей зависимостью России от Европы, её втягиванием в европейский рынок (в качестве поставщика сырья и потребителя товаров и технологий) и растущей необходимостью модернизации хозяйства и системы управления страной, армией и церковью. Возникал заколдованный круг, хорошо описанный Б. Кагарлицким: «Постоянно ухудшающиеся условия торговли требовали её столь же неуклонного расширения.

Чем меньше серебра и золота удавалось ввозить из западных стран, чем труднее становился доступ к заморским технологиям, тем больше собственного сырья нужно было вывезти и тем острее ощущалась потребность в приобщении к западной цивилизации. Что, в свою очередь, означало растущую зависимость от внешних рынков и технологий».

Российская экономика не была настолько развитой, чтобы на равных состязаться с европейской, но и не была настолько обособленной, чтобы полностью от неё изолироваться. Нужды непрерывно воюющей армии выступали тем «мотором», который тянул за собой реформы и модернизацию во всех сферах жизни, проламывая, как таран, все социальные, психологические, культурные, политические и религиозные стены консерватизма и изоляционизма.

Указанные противоречия XVII века перешли в XVIII век, будучи не решёнными, а многократно усугублёнными в ходе катастрофических петровских реформ.

Сословия Московской Руси XVII века

Сословная структура русского общества XVII века традиционно делилась на три основных и неравных части: «чин служилых людей» (дворяне — защитники страны), «чин молящихся» (духовенство), «чин земледельческий и торговый» (посадские люди и крестьяне, содержащие и кормящие всё общество). Причём два первых сословия были свободны от «тягла» (уплаты налогов и податей и выполнения трудовых повинностей), а третье было «тягловым». В 1678 году неподатные слои населения (служилые, приказные люди и духовенство) составляли 7 процентов. При этом «служилые люди» распадалась на две категории — «служилые люди по прибору» (то есть по набору: стрельцы, солдаты и казаки), и «служилые люди по отечеству» — дворяне. В 1678 году в Московии было около 70 тысяч дворян, 140 тысяч представителей духовенства («белого» — приходского, и «чёрного» — монашеского), около 3,4 миллионов частновладельческих крестьян мужского пола,

900 тысяч черносошных (государственных) крестьян мужского пола и 134 тысячи посадских людей мужского пола. (Ибо женщины при переписи не учитывались).

В целом, говоря о социальных процессах XVII века, следует отметить чёткое оформление сословий (юридически закреплённое в Уложении 1649 года), при котором статусы одних сословий сблизились и даже слились (как у крестьян и холопов или у бояр (вотчинников) и дворян (помещиков)), а у других, напротив, чётко дифференцировались (так «служилые люди по отечеству» (дворяне) окончательно отделились от «служилых людей по прибору», закрепив свои сословные привилегии и прекратив доступ новых людей в своё сословие). К концу XVII века в городах жило менее 4 процентов населения, а крепостное крестьянство составляло более двух третей от всего населения России. Именно в XVII веке. приказная бюрократия в Московии многократно увеличивается в числе и консолидируется в особое мощное сословие со своими собственными интересами, повадками, связями, психологией и всё большим влиянием на жизнь страны.

Дворянство, состоявшее из многих чинов и рангов, делилось на три основные категории, построенные по принципу «пирамиды»: боярство, московское дворянство и уездное дворянство. Тридцать боярских родов образовывали правящую политическую элиту Московии, занимали все высшие должности в государстве. Два процента всех служилых людей владели 42 % крепостных. Они находились при дворе, получали воеводские должности и возглавляли приказы (с головокружительными перспективами для мздоимства).

Уездное дворянство составляло 85 % от всего дворянского сословия и владело всего 30 % крепостных, испытывая зависть и ненависть к аристократам. Уездные дворяне в своих петициях и челобитных постоянно требовали уравнивания в правах с московским дворянством, равного доступа к должностям, продвижения по службе посредством личных заслуг, а не «породы». Самодержавие шло навстречу этим пожела-

ниям, отменив в 1682 году систему местничества и постепенно заменяя аристократические принципы управления номенклатурно-бюрократическими.

Большую роль в социальной жизни играли служебно-корпоративные объединения провинциальных дворян по уездам, защищавшие интересы своих членов и формулирующие сословные требования (через челобитные, просьбы и угрозы). По словам Б.А. Филипова: «Постепенное стирание внутренних чиновных перегородок, «выравнивание» служебного и правового статуса свидетельствовало о консолидации дворянства, превращении всех его разрядов в единое сословие». Происходит неуклонное сближение статуса поместья и вотчины (расширение прав дворян на пользование помещьем, обмен поместьями, их передачу по наследству). Если в начале XVII века соотношение площадей поместий и вотчин 6 к 4, то в конце XVII века 4 к 6. Окончательно они сольются уже при Петре I.

Крестьянство в XVII веке составляло более 90 % населения страны и распадалось на четыре категории: 52 % помещичьих крестьян, 16 % — крестьян, принадлежащих духовенству, 9 % — дворцовых, крестьян (то есть находящихся в личной собственности царской семьи) и 13 % — черносошных (государственных крестьян, в основном, на севере). По мере усиления крепостничества, роста бесправия крестьян в XVII веке происходит сближение правового статуса различных категорий крестьян.

Несколько лучше было положение черносошных крестьян (с их предприимчивостью, сильной общиной и экономической автономией). Они были свободны от власти помещиков, но несли тяжкое государственное «тягло» (в виде разнообразных денежных и натуральных сборов и служб), которое несколько превышало тягло помещичьих крестьян, что вполне компенсировалось их свободой от обременительной помещичьей опеки.

У помещичьих крестьян в XVII веке наблюдается рост «барщины» (работы на землях помещика), в которую входила

не только работа на пашне или огороде помещика, но и строительные работы, подводная повинность, обслуживание соляных промыслов и пр. Возрос также и оброк. Крепостные крестьяне, кроме владельческих, несли также и государственные повинности (например, уплачивая «ямские деньги» и «стрелецкий хлеб» — то есть средства на содержание почтовой службы и стрелецкого войска). По мнению Б.А. Филипова: «Приходится говорить не просто о росте налогового гнёта, а о его скачкообразном, неравномерном возрастании. Особенно ощутимо это было во время войн», когда вводились новые чрезвычайные налоги, оказывающиеся непосильными для крестьян и часто вызывавшие повсеместные восстания.

Посадское тягло включало в себя уплату налогов и исполнение ряда служб. Жителей посада объединяла городская община, созданная по приказу властей и основанная на круговой поруке, главной целью которой было распределение тягла. Города отторгали всех пришлых людей — возможных конкурентов и соперников по ремеслу и торговле. Уложение 1649 года не только закрепило крепостное право в городе, но и даровало посадским людям целый ряд привилегий и монополий (на ремёсла, торговлю, владение городскими домами и огородами в своих городах). Оно также, по просьбе посадских людей, ликвидировало «белые слободы» в городах и обложило тяглом живших в них людей (связанных с боярством или с духовенством). Город мог объединяться лишь в двух случаях: в борьбе за монопольное право на какие-то «промыслы» и привилегии или — в борьбе против общих ненавистных обидчиков — городских воевод и чиновных людей. Посадские люди составляли совершенно ничтожную по численности часть населения, и самодержавие мало считалось с их интересами, рассматривая их (как и крестьян) лишь в качестве источника пополнения казны.

Самые богатые купцы образовывали привилегированную корпорацию «гостей» (имевших право царского суда, свободного выезда за границу, право владения землёй

и освобождения от посадского тягла). В середине XVII века в Московии насчитывалось 13 «гостей»! Однако положение купечества в целом было крайне нестабильно, а купеческие династии постоянно, целенаправленно и неуклонно разорялись государством. За исключением династии купцов и соле-промышленников Строгановых, практически все русские купеческие династии XVII века были недолговечны, влачили жалкое существование и уничтожались жадной и своекорыстной политикой царских чиновников, за их счёт набивавших казну и собственные карманы.

Завершение становления системы крепостного права в Московской Руси XVII века

Хотя начало закрепощения населения в Московской Руси восходит ещё к XV — XVI векам — эпохе Ивана III и Ивана IV, — окончательное своё оформление система крепостного права достигли в XVII веке (а XVIII век стал веком апогея крепостного рабства).

Если Судебник Ивана III (1497) и Судебник Ивана IV (1550) ограничивали право ухода крестьянина от своего хозяина Юрьевым днём и необходимостью уплаты «пожилого», а в 80-е — 90-е годы XVI века вводятся «заповедные» годы, отменяющие — «временно»! — Юрьев день, и «урочные годы», устанавливающие срок сыска и возвращения беглых крестьян их владельцам, то в XVII веке, после Смуты и разгрома движений народного сопротивления, процесс закрепощения стремительно завершается, а право ухода крестьян принципиально и навеки отвергается.

После воцарения Михаила Романова срок сыска беглых был установлен в пять лет, в 1637 году — девять лет, в 1642 году — десять лет. Соборное Уложение 1649 года подвело черту под этим процессом. Идя навстречу требованиям дворян и запросам государственной казны (и в ущерб интересам боярства), оно, во-первых, установило бессрочный сыск беглых (отменив «урочные годы») и, во-вторых, распространило

крепостное право на посадское тяглое население, запретив ему покидать свои города и тем уклоняться от тягла. Отныне крепостное право, идущее рука об руку с утверждающимся самодержавием, из набора «временных», «чрезвычайных», нелегитимных и эпизодических мер становилось всеобъемлющей, постоянной, законной, юридически закреплённой системой, охватывающей все слои русского общества. Соборное Уложение признало крестьян живым движимым имуществом государства, запретило им жаловаться на помещиков (кроме случаев государственной измены) и существенно ограничило их судебные права. В 1658 году была введена смертная казнь за самовольный переход из посада в посад. А в 1667 году было введено отбирание имений у тех, кто осмеливался принимать у себя беглых людей.

Отныне всё общество было порабощено самодержавным государством и подавлено игом повинностей без оговоренных и нерушимых прав: крестьянин был прикреплён к земле («крепок земле» — отсюда и выражение «крепостное право»), посадский — к своему городу и тяглу, а помещик — к пожизненной службе государству (причём помещикам строго запрещалось переходить в холопы, чтобы избежать постылой и непосильной государственной службы). Государство отныне окончательно закрепляло за собой монополию на всё: на политическую власть (свободную от «земских» начал), на религиозную жизнь (проводя насильственные церковные реформы и обязав подданных ходить в церковь), на землю, торговлю, информацию и на полный контроль за населением, изолировав его от иностранцев (ибо отныне запрещалось выезжать за границу без государева разрешения, а все международные новости и новости внутрироссийской жизни объявлялись «государственной тайной»).

Если в XV—XVI веках бояре были лишены исконного аристократического права на отъезд от князя, то теперь крестьяне были также лишены права ухода от помещиков, а горожане были лишены права ухода из своих городов. Все категории населения должны были пожизненно нести «тягло» перед

государством: купцы, торгуя по царской воле (и отдавая самую прибыльную торговлю в руки чиновников, и выплачивая немислимые пошлины), дворяне — пожизненно служа в войске, крестьяне — содержа дворян и всё государство на своей шее, посадские — неся повинности. Отныне вся земля оказывалась государевой вотчиной, управляемой бюрократией, а население прикреплялось к земле, службе, тяглу, было лишено прав (взамен давались отдельные привилегии и монополии, которые могли быть легко отняты) и возможностей контроля (через Земские Соборы) за государством.

Следует особенно подчеркнуть как связь крепостного права с самодержавием, так и его тотальность и всеохватность. По словам Ричарда Пайпса: «крепостное состояние крестьян не было в России неким исключительным явлением, а представляло собой основную часть всеохватывающей системы, прикрепляющей всё население к государству. В отличие от раба древнего мира или обеих Америк, крепостной Московской Руси не был несвободным человеком, живущим среди вольных людей, илотом среди граждан. Он был членом общественного организма, никому не позволявшего свободно распоряжаться своим временем и имуществом... Так что государство следило за подданными, а подданные следили друг за другом».

Каковы же причины закрепощения? К числу основных причин относятся две, тесно связанные между собой. Во-первых, потребность абсолютистского государства в извлечении максимальных средств из малолюдного населения, разбегавшегося по просторам необозримо огромной страны (для ведения войн, проведения ускоренной модернизации экономики, содержания роскошного двора и служилых людей, казённой церкви и приказной бюрократии). Во-вторых, втягивание России в мировой рынок, что требовало поставлять на него всё больше дешёвого сырья, а значит, коммерциализация хозяйства и развитие товарных отношений диктовали усиление принудительного (крепостного) труда.

Следует заметить, что «повторное закрепощение крестьян» в России XVII века было, во-первых, частью подобного процесса, идущего во всей Восточной Европе и, во-вторых, не просто являлось «пережитком прошлого», но реакцией самодержавного государства на формирование мировой индустриально-буржуазной системы, в которой России была уготована странная и страшная роль «периферийной империи»: великой военной державы и, одновременно, полукolonии Запада, получающей дорогие товары и технологии и оплачивающей своим дешёвым сырьём и «даровым» трудом крепостных бурное индустриальное развитие Европы. В XVII веке Московия ввозит всё больше западных товаров и начинает борьбу за европейский рынок зерна с Речью Посполитой, тогда доминировавшей на нём и господствовавшей в Восточной Европе. Русский хлеб (а не только меха, пеньку и кожи, как раньше) начинают вывозить на Запад во всё больших количествах — особенно в годы великой общеевропейской войны XVII века — Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.), в которой Московия выступала стратегическим союзником протестантского Севера против католического мира, снабжая протестантские страны почти бесплатным хлебом (что привело к голоду и многочисленным восстаниям на самой Руси, переживающей недороды).

Впрочем, в XVII веке выяснилось, что правительству выгодно не только продавать отнятое у голодающих и нищих крестьян зерно за границу, но и перегонять его в водку, спаивая собственное население и получая на «государевых кабаках» колоссальную прибыль. (С тех пор и на века доход от алкоголя станет основой госбюджета России.) Б. Кагарлицкий верно подчёркивает: «Совершенно неслучайно, что рост производства товарного зерна идёт рука об руку со становлением крепостничества... Рыночные отношения и частное предпринимательство развиваются параллельно прогрессирующему закрепощению крестьян. Более того, крепостничество, как и рабство в Америке, стимулирует развитие рыночных

отношений и предпринимательства». Крестьяне, загнанные в крепостную неволю, давали государству и помещикам дешёвый хлеб, который отчасти шёл на продажу в Европу. А на вырученные за границей деньги дворяне покупали предметы роскоши, казна строила мануфактуры и содержала дорогие полки «иноземного строя». Без русского дешёвого зерна, мехов, пеньки и конопли не могли бы так бурно развиваться английский и голландский флот и мануфактуры. Подневольный труд, всё более укреплявшийся на периферии мировой индустриальной системы (в Америке и Восточной Европе) обеспечивал накопление капиталов в её «центре» (Западной Европе), а также почётное место для правящих слоёв «периферии» среди власть имущих «центра». (Владыки Московии XVII века выступали как агенты западного капитализма по эксплуатации завоёванного ими русского населения, подобно тому, как раньше московские князья выступали на Руси проводниками воли ханов Орды по усмирению и эксплуатации населения завоёванных ордынцами русских княжеств). И, напротив, без западных капиталов и технологий не могли бы создаваться первые (чаще всего, военные) мануфактуры в Московии, основанные на крепостном труде.

Постоянный рост товарного производства хлеба на международный рынок требовал захвата и освоения всё новых и новых территорий. Эти захваты и их удержание, в свою очередь, требовали колоссальной армии, на содержание, обучение и вооружение которой нужны были средства, выкачиваемые из крепостных. Так роковой «треугольник»: рынок — самодержавие — крепостничество превращается в русской действительности по мере территориальной экспансии в чудовищный заколдованный круг. Как подметил Б. Кагарлицкий: «На самом деле крепостничество было не «пережитком» Средневековья, а порождением Нового времени. С точки зрения государства, связь между модернизацией страны и необходимостью усиленной эксплуатации крестьянства была очевидна и особенно не скрывалась».

Так причудливо и зловеще сочетались наиболее отвратительные стороны «старины» и «новизны»: традиционные для Руси государственный деспотизм, консерватизм и экстенсивное развитие хозяйства переплетались с «новыми веяниями времени» в виде рыночных отношений и коммерциализации различных сфер жизни. «Издержки» этого страшного «синтеза» всей тяжестью пали на долю закрепощённого народа. Диалектику ускоренной модернизации, крепостничества, рынка, западного влияния и самодержавия в русской истории XVII—XIX веков Б. Кагарлицкий подытожил следующим образом: «Россия является империей и объектом колонизации в одно и то же время. Это предопределило многие особенности последующей русской истории... Сильная власть, базирующаяся сначала в Кремле, а потом в Петербургских дворцах, систематически поработала собственное население, одновременно защищая свои границы от любых посягательств и обеспечивая торговые пути для вывоза на Запад продуктов, производимых на основе подневольного труда. Русский народ в одно и то же время становится народом «имперским», гордящимся своими историческими победами, и народом порабощённым, в сущности, колониальным».

5.3.3. Рост Державы: на Запад и на Восток

Начавшись распадом Московского государства в эпоху Смуты, XVII век стал веком невиданного ни до, ни после того в русской истории территориального роста страны, стремительной экспансии на востоке, западе и юге. Если в начале века западная и восточная границы Московии проходили, соответственно, в районе Можайска и Волоколамска и по реке Яик (Урал), то в конце века западная граница отодвинулась до Днепра, а восточная — до Охотского моря.

На протяжении этого века Московия ежегодно захватывала земли, площадью по 35 тысяч квадратных километров в год (то есть площадь, равную Голландии) и к концу

XVII века стала самым огромным государством в мире. (Хотя по численности населения продолжала существенно уступать, например, Речи Посполитой). В 1600 году Московская Русь по размерам была равна всей остальной Европе, а в 1690 году — уже в три раза превосходила её!

Однако парадоксальным образом колоссальные завоевания, успешная военная агрессия Московии против соседей и фантастический территориальный рост сочетались с растущим цивилизационным отставанием страны, экстенсивным развитием экономики, оторванностью от морских путей и крайним малолюдьем, превращая Россию в имперского военного колосса на глиняных ногах, в крепостническую сверхдержаву, которая при Петре I уже всерьёз предъявит претензии на мировое господство и — одновременно превратится в полуколонию Запада. Именно в XVII веке региональное государство Московия, всецело поглощённое местными восточноевропейскими проблемами, становится евразийской державой — Россией и побеждает в многовековом споре с Литовской Русью.

Важнейшей внешнеполитической задачей русского самодержавия в XVII веке являлась борьба с Речью Посполитой за пересмотр территориальных и геополитических последствий Смуты, за доминирование на востоке Европы и за роль главного поставщика зерна на европейский рынок. Другими важными задачами были: борьба за выход к морям (однако на Балтике господствовала могучая и непобедимая Швеция, чей флот и армия держали тогда в страхе всю Европу, а на Чёрном море доминировала грозная Османская Империя и её верный вассал — Крымское ханство; борьба с такими соперниками явно была ещё не по силам России!), защита южных границ от набегов татар и отодвигание Дикого Поля всё южнее и южнее и, наконец, дальнейшее продвижение в Сибирь, богатейшие и доступные земли и меха которой манили алчные взоры кремлёвских владык.

Главным внешнеполитическим направлением для России XVII века было западное. Речь Посполитая, до этого явно

переигрывавшая Московское царство в «гонке за лидерство» в Восточной Европе и за киевское наследство, в XVII веке надорвалась, подвергнувшись одновременному страшному вторжению турок с юга, шведов — с севера, москвитов — с востока и столкнувшись с грандиозным восстанием казаков на Украине. Эти войны совершенно опустошили и обессилили Речь Посполитую, приведя её к крушению. То, что делало федеративное Польско-Литовское государство столь привлекательным для соседей: шляхетская свобода и вольница, слабость королевской власти — в условиях непрерывных войн подточило Речь Посполитую, ослабив её сопротивление захватчикам.

В Тридцатилетней войне (1618 — 1648 годов) — «мировой войне» XVII века, Речь Посполитая поддерживала католическую Священную Империю Габсбургов (Австрию и Испанию), тогда как Россия, не принимавшая явного и открытого участия в военных действиях, стремясь ослабить Польшу, оказывала серьёзную экономическую (продовольственную) помощь (почти бесплатно) коалиции Англии, Франции, Голландии, Дании, Швеции и северогерманских протестантских княжеств. Дешёвый русский хлеб помог протестантскому Северу одержать победу в этой войне, но лёг тяжёлым дополнительным бременем на русское население. В итоге Тридцатилетней войны Швеция превратилась в лидирующую державу на севере Европы, а Балтийское море надолго стало, фактически, «внутренним» шведским морем.

Четырнадцатилетнее перемирие, заключённое в конце Смутного времени с Речью Посполитой, истекло в 1632 году. Все силы Московии были в этот период брошены на подготовку к новой войне-реваншу, которая началась тотчас же по истечении установленного в перемирии срока нападением русских войск на Смоленск. Война 1632—1634 годов с Речью Посполитой получила название Смоленской войны и завершилась новым сокрушительным и позорным разгромом России. Сдав артиллерию и обоз, тридцатитысячная русская армия капитулировала перед пятнадцатитысячной поль-

ско-литовской. Дворяне, побросав свои отряды, разбежались по имениям. Россия выплачивала победителям огромную контрибуцию, а Владислав (ставший к этому времени уже королём) наконец-то признавал Михаила Романова русским государем. Однако Смоленская война оказалась последней победой Речи Посполитой в долгой борьбе с Москвией. Отныне чаша весов стала явно склоняться на сторону России.

В 1648 году началось восстание запорожского казачества против засилья польских панов и католического духовенства. Запорожская Сечь была в Польско-литовско-русском государстве тем же, чем Дон в Московии — очагом восстания и то ли ненадёжным союзником, то ли приручённым противником. Всё переплелось в сложном сплаве гражданской войны и религиозной розни: межконфессиональный конфликт притесняемых православных низов и католических верхов, сопротивление крестьян закрепощению, борьба казачества за свои вольности и привилегии, негодование низов против евреев — ростовщиков и арендаторов (которым польская шляхта сдавала в аренду малороссийские земли), стремление украинской шляхты выкроить себе новое государство, ловко играя на противоречиях между Речью Посполитой, Турцией, Крымом, Россией и Швецией, на конфликтах между королём и литовскими магнатами... Политический, религиозный, социальный конфликты, слившись воедино, породили взрыв невероятной силы.

Во главе восстания встал жестокий, честолюбивый, энергичный, вероломный, красноречивый, беспринципный и властный запорожский гетман Богдан Хмельницкий, выдающийся полководец, дипломат и политик. Первоначально восстание проходило под лозунгами поддержки польского короля против своеволий шляхты и возвращения казацких прав (часть запорожского казачества получала от казны Речи Посполитой денежное содержание и имело автономию). Однако потоки пролитой с обеих сторон крови, поголовная резня еврейского населения (двести тысяч евреев были

поголовно вырезаны восставшими казаками), ответные репрессии со стороны рассвирепевших польских панов во главе с князем Вишневецким, вторжение в Польско-Литовское государство крымских татар (союзников Хмельницкого, натравившего их Орду на Речь Посполитую), турок, шведов и русских привели к разорению страны и разделу Украины.

Подавив народное восстание и вернув холопов хозяевам — украинским шляхтичам, Хмельницкий вёл ловкую игру, поочерёдно и одновременно предлагая Украину то турецкому султану, то московскому царю, то шведскому королю. После его смерти различные группировки в казачьей верхушке устраивали заговоры и перевороты, заключали новые и новые договоры и совершали нескончаемые предательства. Русское самодержавие решило воспользоваться ситуацией, когда его главный противник был ослаблен, и вступило в игру. В 1653 году Земский собор принял решение о присоединении Левобережной Украины к Московскому царству и о нападении на Речь Посполитую. Русский царь отныне становился: «Всея Великия, Малыя и Белыя России самодержцем».

В 1658 году украинцы опомнились и попытались вернуться в состав Речи Посполитой в качестве автономии, заключив с ней соответствующий договор, однако было уже поздно. «Воссоединение Украины с Россией» (вокруг которого и по сей день существует столько красивых мифов!) обернулось на деле разорением и разделом Украины, преследованием религиозных иноверцев (теперь уже католиков и униатов православными), многолетними войнами и засильем царской администрации на захваченных землях. По словаря Б. Кагарлицкого: «Тактическое соглашение с московским царём обернулось присоединением Украины к России на несколько столетий».

Война длилась до 1667 года и осложнялась вступлением в неё шведов и турок (русские, шведы, крымские татары, казаки и турки столкнулись теперь на многостра-

дальной земле Речи Посполитой, как в Смутное время шведы с поляками столкнулись на территории Московии), борьбой промосковских, пропольских и протурецких группировок в казацкой среде. Надежда на создание независимого украинского государства обернулась полным опустошением страны и разделом Украины между Москвой, турками (захватившими Подолию) и поляками.

Вступление Левобережной Украины (и Киева на правом берегу Днепра) в состав России было оговорено целым рядом ограничений. Сохранялись широкая автономия Украины в составе Руси, привилегии украинской шляхты, самоуправление казачества, власть запорожского гетмана (вплоть до его права вести самостоятельную внешнюю политику). Номинальным покровителем и верховным государем Украины объявлялся московский царь в городах размещались царские воеводы и чиновники с гарнизонами. Впрочем, с самого начала московские власти стали в нарушение договора широко вмешиваться в украинские дела, поддерживать тех или иных ставленников на посту гетмана. Московские захватчики стремились прибрать к рукам Украину и поставить её под полный контроль центра. Логика самодержавного государства не могла допустить хотя бы частичной автономии или вольницы каких-либо территорий или сословий.

Характерный и многозначительный эпизод: присягнув на верность русскому царю, казаки на Переяславской Раде 1654 года (принявшей решение о союзе с Москвой) потребовали от московских бояр, представлявших московское правительство, также присягнуть от имени своего государя на верность малороссийскому народу. (Так издавна повелось в вольной Речи Посполитой.) Бояре были потрясены: никогда ещё русский царь не присягал на верность своим подданным, а его отношения с ними не были ограничены никакими обязательствам и договорами: зависимость всегда носила лишь односторонний и безусловный характер, в этом была сама суть самодержавия.

Впоследствии процесс порабощения и подчинения Украины самодержавной Россией будет продолжаться более ста лет (несмотря на все отчаянные попытки казацкой верхушки вернуть Украине независимость) и завершится уже в конце XVIII века, при Екатерине II, введением на Украине крепостного права, ликвидацией гетманства и уничтожением Запорожской Сечи.

Присоединение к Москве Левобережной Украины с Киевом и возвращение Смоленска имело огромные и разнообразные последствия для русской истории. Прежде всего, оно означало, что перевес сил в многовековом противостоянии наследников Киевской Руси впервые сместился в сторону Москвы, а Вильно и Варшава слабеют и вынуждены обороняться. Их полное подчинение Москве стало лишь вопросом времени.

Кроме того, огромные присоединённые украинские земли (с первым высшим учебным заведением в Московии — Киево-Могилянской Академией) надо было как-то административно, культурно и церковно интегрировать в состав России, что вызвало необходимость реформ в государственной и религиозной жизни (и в итоге привело к расколу русской церкви). Захват Левобережной Украины вызвал приток в Москву большого числа европейски образованных людей (прежде всего, священников и монахов) с Украины, ставшей для России XVII века новым «окном в Европу» и источником новых религиозно-культурных веяний.

Кроме того, по замечанию Б. Кагарлицкого: «Присоединив Украину, Московское государство захватило важнейший в Европе источник зерна». Наконец, резкое усиление России втягивало её в орбиту общеевропейской политики, заставляло участвовать в различных коалициях.

В 1686 году по инициативе князя Василия Голицына, фаворита правившей тогда в Москве царевны Софьи Алексеевны, Россия присоединилась к «Священной Лиге» европейских держав (Австрии, Речи Посполитой и Венеции), направленной против Османской Империи, обязалось совершить поход

против Крыма и заключило «Вечный Мир» с Речью Посполитой: Киев переходил в состав Московии в обмен на её участие в антитурецком союзе и выплату Варшаве 146 тысяч рублей — десяти процентов от годового бюджета Московии. Вообще, русские «западники» XVII века, подобно Голицыну, выступали за внешнеполитический долгосрочный стратегический союз с Речью Посполитой против Османской Империи и за широкое внедрение в русской жизни польских и литовских культурных и политических обычаев (от платья и танцев до вольностей; не случайно в XVII—XVIII веках русское дворянство стали именовать на литовский манер «шляхтой»). А «почвенники» рассматривали Речь Посполитую с её системой образования по «латинскому образцу» и с «шляхетской анархией», как главного противника и делали из неё основной «образ врага».

На южном направлении в XVII веке драматично складывались отношения России с Крымом и Османской Империей. Здесь можно говорить о шатком равновесии, при котором ни одна из противостоящих сторон не могла существенно продвинуться вперёд или ослабить другую. Турки и татары уже не могли рассчитывать на покорение Московии (ибо наступательный порыв Османской империи к XVII веку ослаб, натолкнувшись на неприступные твердыни Вены и Речи Посполитой, заставившие перейти турок к стратегической обороне), а москвиты не могли и надеяться на овладение черноморскими берегами и оккупацию татарского Крыма.

На протяжении столетия засечная черта постоянно «сползала» к югу, отвоёвывая у татар всё новые чернозёмные земли Дикого Поля. После Тульской была построена новая — Белгородская засечная черта с тридцатью крепостями (Тамбовом, Чугуевом, Козловом, Ефремовом и др.). В то же время крымские татары регулярно совершали на Русь сокрушительные набеги, уведя в Крым в общей сложности до 200 тысяч невольников и добываясь (довольно успешно) продолжения выплаты Москвой дани Бахчисараю.

В 1637 году донские казаки по своей инициативе дерзким ударом захватили важнейшую турецкую крепость Азов и пять лет удерживали её, сидя в осаде и обороняясь от огромной турецкой армии (десяти тысячи казаков противостояли двести тысяч турок и татар!). Они обратились за помощью к царю, однако созданный по этому случаю Земский Собор решил, что война с Турцией — непосильное дело для Московии, только что сокрушительно проигравшей Смоленскую войну. Азов был оставлен казаками.

В 1676 году, однако, началась первая в истории России и Турции полномасштабная война (за два последующих века их будет ещё около двадцати!). Грандиозное Чигиринское сражение 1678 года, в котором сошлись 120 тысяч русских и 200 тысяч турок, закончилось «вничью». В 1681 году был заключён мир на 20 лет с сохранением за каждой из сторон имеющихся у неё земель. Однако в 1686 году Москва присоединилась к антитурецкой Священной Лиге и вновь напала на Крым. Два больших Крымских похода (1687 и 1689 годов) войска Василия Голицына закончились катастрофой для русской армии: десятки тысяч солдат погибли от татарских стрел, жажды и эпидемий. Лишь спустя сотню лет Россия сможет завоевать черноморское побережье и оккупировать татарский Крым.

Третьим важным направлением внешней политики России было восточное. Ещё при Иване IV (в 1581—1583 годах) отряд казаков во главе с Ермаком Тимофеевичем, разгромив Сибирское ханство, начал покорение Сибири и продвижение за Урал. Русской агрессии в Сибири способствовало малолюдье этих земель и отсутствие у местных племён огнестрельного оружия, которое помогло бы им отбиться от алчных захватчиков. Всего за сто лет российская держава совершила невероятный скачок на восток, «встречь солнцу», раздвинув свои границы от Волги и Камы до Амура и Камчатки. Колонизация Сибири стимулировалась бегством крестьян от закрепощения и стремлением всяческих авантюристов разбогатеть в неведомых землях. Парадоксальным образом,

убегая от царских воевод и дьяков в далёкую Сибирь, крестьяне вскоре прокладывали дорогу этим самым воеводам и дьякам. Ненавистное государство, от которого они пытались уйти, шло за ними по пятам, используя их порыв. Колонизация Сибири шла «тремя волнами». Сначала в неизвестные земли бежали разбойники, казаки и другие авантюристы, ищущие воли и (или) наживы. За ними двигались царские воеводы и стрельцы, ставившие остроги (крепости) и облагавшие немногочисленное местное население огромным ясаком (данью). Наконец, третьей «волной» шли крестьяне в поисках плодородных земель (что поощрялось правительством, дававшим мигрировавшим в Сибирь земледельцам деньги, временно освобождаям их от налогового гнёта).

Завоевание Сибири Россией во многом напоминает трагедию колонизации Америки европейцами по своим мотивам и последствиям и также бесконечно далеко от «идиллии». То, что англичане творили с североамериканскими индейцами, а испанцы — с индейцами Южной Америки, русские захватчики и колонизаторы совершали с народами Сибири (хотя и в меньшем масштабе). Повсеместно практиковалось ограбление местного населения, принудительное крещение в православие, притеснения со стороны царской администрации, жестокое истребление племён коренных народов и их сгон с удобных для жизни мест, их обкладывание непосильной данью и спаивание алкоголем. Племена, населявшие Сибирь, вели упорную и героическую, но неравную борьбу за свободу с вооружёнными огнестрельным оружием захватчиками, имевшими огромный перевес в этой борьбе. Некоторые племена — якутов, тунгусов, бурятов — подверглись почти поголовному уничтожению со стороны русских оккупантов; остальные принуждались к принятию царской власти и уплате тяжёлой дани. Присоединение Сибири к России обернулось для них катастрофой и трагедией, сломом традиционного уклада жизни, порабощением и превращением в «людей второго сорта», бессильных перед произволом царской администрации.

Колоссальные пушные богатства Сибири, подобно легендарному золоту индейцев Южной Америки, привлекали жадные взоры русских завоевателей и авантюристов. Несметные меха, поступающие из Сибири, скоро стали основой «резервного фонда» царской казны (наряду с «кабацкими деньгами», выручаемыми с продажи водки), который шёл в дело в крайних случаях — при социальных потрясениях или финансовых крахах.

В 1645 году землепроходец Василий Поярков вышел к Охотскому морю. Вскоре Ерофей Хабаров достиг Приамурья, Владимир Атласов исследовал Камчатку, а Семён Дежнёв даже сумел проплыть вдоль Чукотки, открыв (сам того не ведая) пролив между Азией и Америкой (который немного позднее назовут именем командора Витуса Беринга). Вехами русской колонизации Сибири стали новые остроги — города-крепости: Тюмень, Тобольск (в XVII веке — столица русской Сибири), Туруханск, Томск (построен в 1604 году), Красноярск, Якутск (1632), Иркутск (1652), Охотск (1648), Нерчинск (1658).

Выход в Приамурье московских отрядов впервые привёл к встрече — и столкновению — русских с китайцами. В 1689 году в городе Нерчинске был заключён важный русско-китайский договор, определяющий сферы влияния на Дальнем Востоке (с отказом России от Амурского края) и регулировавший вопросы торговли между Россией и Китаем.

5.3.4. Крах идеи «Третьего Рима»

Все, присущие XVII веку контрасты и конфликты, парадоксы и неустойчивые шатания, нашли своё самое крайнее и предельно острое выражение в культурной и религиозной жизни эпохи. По замечанию Б. Кагарлицкого: «Та Россия, над судьбами которой ломали себе голову историки и философы, страна бескрайних просторов и постоянно нереализованных возможностей, противостоящая Западу и отчаянно стре-

мящаяся к нему, самодовольная и страдающая комплексом неполноценности, живущая под постоянным гнётом самодержавного режима, крепостническая, терпящая, периодически взрывающаяся «бессмысленным и беспощадным» бунтом, эта Россия родилась именно в XVII веке.

Необходимость русского государства в модернизации экономики, управления, армии, законов, церкви сталкивается в XVII веке с традиционным консерватизмом, мессианизмом и изоляционизмом общественного сознания, многократно усиленными Смутой. Идея «Москвы — Третьего Рима», возникшая двумя веками раньше, теперь наконец овладевает сознанием широких слоёв населения, играет роль компенсаторного возмещения реальной отсталости и тягот русской жизни и, одновременно, становится трудно преодолимой преградой на пути насильственных реформ сверху, проводимых государством за счёт населения и не считаясь ни с недостатком, ни с убеждениями, ни с чувствами простых людей.

Чем больше власти стремились позаимствовать у Европы элементов «регулярного» государства, регулярной армии, технологий и вооружений, идей и обычаев, тем больше это отторгалось населением, инстинктивно привыкшим держаться за свою «старину», презирать всё иноземное и подозрительно относиться к любым новациям, спускаемым «сверху». А реформы, идущие по воле самодержца и затронувшие церковную жизнь, воспринимались людьми (и не без основания) в одном ряду с закрепощением и ростом налогового бремени — как чудовищное насилие над их духовной жизнью, традиционным жизненным укладом, как предательство идеалов «святой Руси». Так потребности самодержавного государства в бюрократической унификации управления, стандартизации церковных обрядов, подготовке европейски образованных специалистов, учёте европейских тенденций и привлечении из Европы сотен и тысяч офицеров, мастеров и купцов, сталкивались с повсеместным сопротивлением подавляющего большинства общества, не без оснований

видевшего в этом насилие над «старинной», крушение древнерусской культуры и насаждение чуждых порядков.

С этим острейшим конфликтом народного изоляционистского мессианства и понемногу осознаваемой властями зависимости от Запада, массового консерватизма и — модернизацией «сверху», сочетались и другие глубокие конфликты: между растущими размерами державы, включающей всё новые земли и претендующей стать центром всего православного мира и — крайней архаичностью церкви (с путаницей в обрядах, дремучим фанатизмом, острым недостатком образованных или хотя бы просто грамотных священников и церковных книг); между магическим и языческим по сути отождествлением большинством населения веры и обряда (обрядоверием), невежеством и нравственной распущенностью большинства духовенства (в среде которого царили пьянство, алчность, разврат и сквернословие, с которыми тщетно пытались бороться ещё на Стоглавом соборе 1551 года) и — стремлением наиболее мыслящих и духовно развитых священников навести в церкви хоть какой-то порядок, укрепить её нравственный авторитет; наконец, конфликт между абсолютистскими притязаниями самодержца и сохраняющейся автономией церковной иерархии во главе с патриархом (с их несметными богатствами и духовным авторитетом). Все эти противоречия были чрезвычайно обострены захватом Москвией Левобережной Украины и притоком в Москву большого числа учёных, европейски образованных украинских богословов, давших толчок церковной реформе и показавших всю степень отсталости Московии. Обнаружилось, что, хотя Москва претендует на роль лидера православного мира, она не имеет ни школ по подготовке священников, ни единой системы сверенных богослужебных книг (а в существующих царил путаница, связанная с веками их переписывания; а попытки «правки» книг немедленно вызвали подозрения в «ереси» и плохо кончались для «правщиков», например, для выдающегося мыслителя-нестяжателя

Максима Грека, замученного в московских иосифлянских тюрьмах и монастырях), и многие обряды русской церкви вызывают у других, более просвещённых православных народов, даже обвинения в «нечестии».

Особенный шок испытали в Москве, когда вдруг стало известно, что в греческих монастырях Афона — признанном духовном центре всего православия — монахи жгут публично русские богослужебные книги, как «еретические»! Именно то, в чём русская церковь и общество видели главный предмет своей гордости и основу национальной идентичности и превосходства над всеми — неизменность обрядов и старой веры, — оказалось теперь поколеблено огнём критики греческих монахов и украинских богословов и категорически неприемлемо для иных православных народов.

Никак невозможно было согласовать господствовавшее в народе узконационалистическое и потому языческое понимание «русской веры православной» как исключительной привилегии русского народа-«богоносца» с претензией русского царя объединить под своим православным скипетром сербов, греков, украинцев, грузин, вернув православиям наднациональный имперский характер, характер мировой христианской религии. Выход церкви из глухой изоляции, её контакты с греками и украинцами, попытки чему-то научиться у этих более просвещённых и издавна принявших православие народов, при стандартизации церковных обрядов, воспринимались обществом Московии как измена делу православия — «русскому делу».

Взбаламученность, смятённость, неустойчивость, противоречивость, в целом присущие XVII веку, быть может, — наиболее динамичному веку в русской истории (не считая, конечно, двадцатого) — нашли в культурно-религиозной жизни своё крайнее выражение, породив глубокий раскол в русской церкви и обществе. Контраст между новыми имперскими амбициями и бюрократическими потребностями самодержавия, с одной стороны, и реальной отсталостью

(в образовании, церковной жизни), с другой, был теперь слишком велик и очевиден. Попытка решить все проблемы насильственно-административно, одним махом, вызвала более чем болезненную реакцию в обществе, породив взрыв эсхатологических настроений и массовую жажду мученичества. Большинство священников XVII века на Руси были элементарно неграмотны, — а самодержавию требовались грамотные священники, как ему требовались образованные специалисты в военном деле, фортификации и военной промышленности. Разнобой в церковных книгах и их дефицит лишали оснований претензии Московии на лидерство в православном мире, не интегрированном в растущую русскую державу. Нужно было срочно перенимать у украинских и греческих монахов и священников их образование, их обряды и обычаи, нужно было (для нужд армии и амбиций государства), перестраивать систему управления церковью и страной (где на смену разнобою, хаосу и невежеству священников должны были прийти вышколенные, унифицированные чиновники от церкви, подобно тому как приказная бюрократия шла на смену Боярской Думе). А это влекло за собой неизбежные изменения в быту и сознании, сравнение «своего» и «чужого» — отнюдь не всегда в пользу «своего». Слепая ненависть к иноземцам перемешивалась с завистью, мессианский консерватизм порой оборачивался безудержным желанием подражать и учиться у иноземцев. (Порождая новые вековые исторические психологические травмы и комплексы).

Но учиться — кому, чему и у кого? И в каких пределах? Москве — «Третьему Риму» учиться у презренных «латинян» или малодушно «впавших в ересь латинства» и поработённых турками греков? Чьё православие «чище» и «православнее» — более древнее и изначальное византийское, однако, искажённое унией с Римом и турецким игом, или же московское, более юное, но незамутнённое и лежащее в основе «святого царства» русского? — такой мучительный вопрос терзал и мучил русских людей, заставляя их сомневаться

в себе и основах своего духовного бытия. Такое было непеносимо ни для населения, ни для духовенства и казалось изменой «старине», «отеческой вере» (ибо вера отождествлялась с обрядовой стороной, а православие с «русскостью») — изменой, явно предвещающей Конец Света (поскольку Третий Рим должен стоять нерушимо вплоть до самого прихода Антихриста и Второго Пришествия Христа).

Немецкая Слобода под Москвой, демонстрируя иное платье, иной быт, иные модели поведения (например, чересчур вольное общение между мужчинами и женщинами, свободно допускавшимися в мужское общество и даже участвовавшими в разговорах), иные обычаи, иную веру, казалась «соблазном» — привлекая и маня немногих и вызывая страстную ненависть и злобу у большинства. Изменить обряды (а потом и быт, и речь, и платье), пойти в обучение хоть в чём-то к иноземцам (пусть и к православным, а тем паче — к протестантам) — не означало ли это самого страшного предательства, искушения, посылаемого «народу-богоносцу» Дьяволом, на сторону которого вдруг перешёл и «православный царь», искушения, призванного окончательно проверить, кто из праведников выдержит, устоит, не соблазнится и не поддастся?!

Говоря о причинах церковной реформы середины XVII века, взорвавшей и разделившей до основания русское общество, Б. Кагарлицкий справедливо рассматривает её как часть общей принудительной модернизации сверху, как часть общей бюрократизации русской жизни XVII века, проводимой в интересах и под эгидой самодержавия и порождённой его имперскими амбициями: «Здесь преобладает государственная необходимость, стремление к модернизации сверху. Церковь должна была руководствоваться теми же принципами, что государственная бюрократия, преобразуясь и входя в новую эпоху, как часть системы управления». Население было по-своему совершенно право, воспринимая церковные реформы, как часть общего процесса абсолютистской реакции и наступления государства на общество.

Только, если закрепощая крестьян или посадских людей, государство ставило под контроль их перемещение и отбирало у них средства к жизни, то, навязывая народу новую систему обрядов, самодержавие агрессивно и деспотично «влезало в душу» людей, которые реагировали на это точно также, как и на закрепощение: побегами и восстаниями.

Но как было навести порядок в богослужебных книгах, унифицировать обряды и обычаи, не сотрудничая с иноземцами, не идя к ним на выучку? Без греческих и украинских монахов и богословов было не обойтись. Ведь книг катастрофически не хватало. Их сверка была делом долгим и сложным. Не было школ для подготовки священников, духовенство было диким и невежественным, а основной массе людей, ещё более чем наполовину пребывавшей в язычестве, христианскую веру заменяло формальное (магическое) внешнее почитание обрядов (обрядовере), культ Буквы христианства, поскольку население «святой Руси» весьма слабо было знакомо с его Духом. Монгольская, а потом и Московская Русь не знали ни своего святого Франциска Ассизского, ни своего святого Фомы Аквинского — тех европейских подвижников, которые способствовали проникновению христианства в глубь культуры и внутрь каждого человека.

С.Т. Жуковский и И.Г. Жуковская отмечают: «Повседневное общение с европейцами, знакомство с их бытом и нравами разрушало уверенность русских людей в собственном превосходстве над всем миром, — а ведь именно на этой уверенности строился тогдашний патриотизм... Общение с иноземцами часто вело к побегам русских за границу, из чего ревнители древних порядков заключали, что уклад жизни «немцев» (всех иноземцев) являет собой соблазн для русского человека, и потому следует максимально оградить русских от контакта с «немцами». Страх перед религиозными соблазнами и перед государственной изменой сливались воедино и вызывали дружные усилия Церкви и правительства не допустить расшатывания основ государства».

Самодержавие хотело модернизации умеренной, частичной, подконтрольной, перенимания у европейцев оружия и технологий, но никак не вольностей и обычаев бытовой жизни, заимствования у византийцев более «правильных» и древних обрядов. Однако сказав «А», неминуемо приходилось говорить и «Б». Признав, что русские люди хоть что-то должны заимствовать извне, что церковные обряды в чём-то должны быть изменены в иноземном духе, правительство уже не могло остановить и контролировать этот процесс (как и реакцию на него!), поскольку новые иноземные веяния проникали на Русь повсеместно: от тысяч иностранных офицеров и специалистов, живущих в Немецкой Слободе под Москвой, от украинских и греческих монахов, приезжающих в Москву, (которые вскоре станут главным орудием петровских церковных реформ), от русских дворян, воевавших с Речью Посполитой и увидевших заморские обычаи и порядки. Москва не могла быть священным «Третьим Римом» «наполовину»: сомнения в её мессианской избранности и непогрешимости были разрушительны для основ национальной и державной идентичности. (Подобно тому, как частичная и половинчатая, дозированная полуправда о страшных преступлениях и злодеяниях большевистского режима, слегка открытая на XX съезде КПСС в 1956 году породила обвальное разочарование населения СССР и других стран мира в «коммунистическом мифе», на котором вдруг местами проступили трупные пятна.)

Подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин в своей книге о России, написанной и изданной в Швеции (куда он бежал) писал, что русские люди «для науки и обычая в иные государства детей своих не посылают, страшась того узнав тамошних государств веры и обычаи и вольность благую, начали б свою веру отменять и приставать к другим». Попытки тотальной изоляции русского населения от европейцев приводили к слепому восторгу перед иноземцами, также как сомнения в вековой непогрешимости «старины» часто оборачивались её полным, безоговорочным и циничным отрицанием.

Всеобщее невежество и подозрительное отношение к иностранцам толкали церковные и светские власти на радикальные меры. Так в 1648 году юный царь Алексей Михайлович под нажимом консервативного духовенства запретил под угрозой строгих кар употребление в России табака, игру в шахматы, катание на качелях и скоморошество. Патриарх Иоаким, возглавивший консервативную реакцию в конце XVII столетия (после падения «либеральной» царевны Софьи и прихода к власти ретроградской клики Нарышкиных), ностальгически вспоминал, что «гнусный обычай брадобрития во дни царя Алексея Михайловича был совершенно искоренён». Указами царя преследовались остатки язычества и жестоко предписывалось (под страхом суровых кар) обязательное посещение церкви населением по воскресным и праздничным дням. Неоднократно предлагалось (патриархами) полностью уничтожить Немецкую Слободу, закрыть протестантские церкви в Московии и выслать из России всех иноземцев (но даже во времена самой глухой реакции: в 1648—1652 и 1689—1695 гг. — это уже было невозможно: слишком зависело самодержавие от иноземных специалистов, офицеров и купцов).

А будущий церковный реформатор Никон, едва став патриархом по воле царя Алексея, начал с резко консервативных мероприятий, введя повсеместную изоляцию иноземцев в Московии и запретив настрого общение с ними русских людей. А в 1652 году Никон провёл первую (но не последнюю) в русской истории антиалкогольную кампанию: винные откупа были отменены (ненадолго), в каждом городе оставалась всего одна винная лавка, продавалась лишь одна бутылка в руки, была запрещена торговля в разлив. Но подобные жёсткие меры не могли ни укрепить нравственность русского населения, ни вернуть ему утраченную уверенность в себе, ни остановить западные влияния.

Так светские и церковные власти России XVII века колебались между непреклонной «борьбой за нравственность», искоренением всего иноземного и возвратом к «ста-

рине» и — половинчатыми (и насильственными) попытками избирательно внедрять в различных сферах жизни (включая церковную) иноземные новации. Впрочем, новые тенденции прокладывали себе путь, потихоньку просачиваясь в русскую жизнь тут и там: то в виде придворной моды на польское платье, то в виде привезённых из Парижа технических диковинок.

XVII век стал веком начала секуляризации (обмирщения) русской культуры. Возникает светская живопись (парсуны — портреты реальных людей, наряду с иконами), кокетливое и изящное «нарышкинское барокко» в архитектуре, расцветает народная литература (сатирические городские повести, высмеивающие пороки общества и полные скабрёзностей), появляются первые личные библиотеки и коллекции картин (у богатых вельмож). Сам Алексей Михайлович — консервативный, набожный, запрещающий иноземные обычаи своим подданным — не видел ничего зазорного в том, чтобы смотреть в Немецкой слободе театральное действо или допустить выпуск (в единственном экземпляре и для строго ограниченного круга лиц!) первых придворных рукописных газет («курантов») или построить первый в России большой корабль «Орёл» (который ждала несчастливая судьба: он был сожжён во время восстания Разина). В моду повсеместно (в высших кругах) входят польские танцы, польская речь и платье. Побеждая в битвах Речь Посполитую, дикая Московия сама была отчасти завоёвана высокой культурой Польско-Литовского государства, его вольными и рыцарственными манерами.

В 1687 году, в конце правления покровительствовавшей просвещению царевны Софьи в Москве было наконец создано первое высшее учебное заведение: Славяно-греко-латинская Академия, в которой должны были преподавать учёные греки и украинцы и которая была призвана стать не только центром православного образования, но и высшим государственным инквизиционным органом, имеющим полномочия определять, насколько «православны» (а значит, допустимы)

те или иные учения. Во всём этом чувствовалось новое, причудливо переплетающееся со «старинной» и часто отступающее под её натиском. (Например, после падения правительства Софьи и Голицына в 1689 году и воцарения Петра I к власти пришла партия Нарышкиных, поддержанная патриархом Иоакимом, начавшая гонения на иноземцев, сожжение образованных и мыслящих людей и разграбление остатков казны.)

По словам С.Т. Жуковского и И.Г. Жуковской: «Приверженность к западной науке по-прежнему могла стать поводом для обвинения в чернокнижии, а во взглядах украинских богословов напряжённо искали ереси». Общим убеждением оставалось, что «кто по латыни научится, тот с правого пути совертится». Однако, сам любивший многие западные забавы и технические новинки и в то же время искренне чтивший «старину», Алексей Михайлович сделал воспитателем своих любимых детей Фёдора и Софьи учёного белорусского монаха Симеона Полоцкого — выдающегося поэта, книгогоя и просветителя. Воспитанные таким наставником, Фёдор и Софья оказались наиболее «западнически» настроенными и образованными правителями России в XVII веке.

Неудивительно, что трагический, страшный, катастрофический, контрастный XVII век оказался веком раскола, пронизавшего всё русское общество и православную церковь. Потребности державы (в развитии образования, унификации церкви, росте её международных связей) и привычки народа, беспардонные абсолютистские поползновения самодержавного государства и церковная автономия, консерватизм «снизу» и модернизация «сверху» столкнулись между собой в непримиримом конфликте. Если при Михаиле Романове эти противоречия отчасти не были заметны — ибо единство церкви и государства поддерживалось тем, что страной и церковью управлял отец царя патриарх Филарет, то при Алексее Михайловиче, когда абсолютизм укрепился и была захвачена Левобережная Украина, трагическая развязка этих противоречий стала неизбежной.

Уже Соборное Уложение 1649 года резко ограничило права церкви, остановив процесс роста церковного землевладения и зафиксировав создание особого государственного Монастырского приказа для контроля над церковью и суда над церковными людьми. Однако в первые годы правления Алексея Михайловича неуклонное следование «старине» по-прежнему отождествлялось с истинным благочестием, а во главе церкви был поставлен властный и энергичный патриарх Никон, бывший любимцем царя и получивший от него при поставлении в чин самые широкие полномочия.

Первоначально Никон ориентировался на существовавший в Москве среди духовенства и тесно связанный со двором кружок «ревнителей древнего благочестия», выступавший за строгое соблюдение всех обрядов, борьбу с язычеством паствы, широкое проповедничество в церковной жизни, повышение нравственного уровня духовенства. В числе главных членов кружка, помимо самого Никона, были духовник царя священник Иван Вонифатьев, священники Иван Неронов и Аввакум Петров.

Никон собирал мощи святых, укреплял церковную иерархию и дисциплину, налаживал контакты с зарубежными православными церквями, отстаивал полу-теократическую идею о том, что «священство выше царства», стремясь к независимости от тотального контроля со стороны царского престола. По настоянию Никона даже был канонизирован и перевезён в Москву замученный Иваном IV митрополит Филипп, а Алексей Михайлович был вынужден публично покаяться перед церковью за злодеяния по отношению к ней со стороны своего, столь любимого и чтимого им предшественника.

Однако вскоре Никон, побуждаемый царём и опираясь на всю мощь самодержавной власти, в своих действиях далеко вышел за рамки программы кружка «ревнителей древнего благочестия», члены которого стали его злейшими и непримиримыми противниками. Осознав противоречие между некоторыми греческими обрядами и обрядами, практиковавшимися

в русской церкви и узаконенными Стоглавым собором, Никон круто и одним махом решил разрубить этот узел, повелев в 1653 году следовать греческим обрядам (например, креститься не двумя, а тремя перстами, петь в молитвах «аллилуйя» не дважды, а трижды, выбросить из храмов иконы, не соответствующие византийским канонам и т.д.).

Церковный собор 1654 года поддержал начавшуюся реформу. Далеко не случайно, что год начала никоновских реформ оказался годом присоединения к России Левобережной Украины. В жертву государственно-державному могуществу России уже давно были принесены свобода личности, самоуправление городов, аристократические представления, региональная самобытность. Теперь потребовалась новая жертва — мессианско-националистическая идея «Москвы — Третьего Рима» и остатки церковной независимости. По словам П.Н. Милюкова: «Русскому человеку в середине XVII века пришлось проклинать то, во что столетием раньше его учили свято веровать. Для только что пробуждённой совести переход был слишком резок». Ещё совсем недавно, на Стоглавом соборе 1551 года русская церковь решила считать Русь подлинным хранителем православной чистоты, а греков — жалкими отступниками, а теперь вот патриарх Никон (и стоящее за ним самодержавие) заявлял на церковном соборе: «Я хоть и русский, и сын русского, но вера моя и убеждения — греческие». Такой поворот «генеральной линии» потряс и оскорбил общество.

Никон мечтал о превращении России в теократическое государство, всемирную православную империю. Свою резиденцию под Москвой — роскошный и великолепный, хоть и безвкусный Воскресенский монастырь — Никон именовал «Новым Иерусалимом», перенёс топонимику Святой Земли (ручей Иордан, холмик Сион, деревня Капернаум) и знаменую этим перемещение православной святости из Палестины в Россию. В глазах Никона авторитет восточной учёности и православных церквей Востока был непререкаем. Он пола-

гал, что, если русское православие примет этот авторитет, другие православные народы, в свою очередь, примут власть русского царя и русского патриарха.

Однако начало никоновской реформы, глубоко оскорбившей самые сокровенные чувства веровавших и показавшейся кощунственной подавляющему большинству русских людей, ознаменовало собой начало раскола церкви (а значит, и общества). Не останавливаясь ни перед чем, Никон энергично проводил свою реформу: рассылая новые, исправленные книги и иконы по регионам, запретив традиционное для Руси (но не принятое в Византии) шатровое храмовое строительство, ссылая своих противников и наказывая их плетью, приказывая выкалывать глаза у ликов старых «неправильных» икон и подвергая их публичному поруганию. Но всё это означало, что раньше русские люди неправильно крестились, неправильно молились, неправильно исполняли обряды, почитали не те иконы? Именно то, в чём многие поколения, со времён Стоглавого собора, видели своё превосходство над всем миром — приверженность старине, отличие своей веры (обряда) от веры греков — было их ересью и заблуждением? Выходит, все русские святые — еретики? Тысячи и тысячи людей — почти все, кто хоть как-то равнодушно и безразлично, а всерьёз относился к вопросам веры — восстали против реформы Никона: крестьяне и посадские, стрельцы и священники, многие бояре и дворяне, казаки и купцы. Во главе староверов встал талантливый оратор и проповедник, величайший русский писатель XVII века, человек героического склада, нестигаемой воли и мученической судьбы протопоп Аввакум Петров. Аввакум так образно передал ощущения приверженцев старины в начале никоновских реформ: «Задумались, сошедшися, между собою, видим яко зима хочет быти: сердце озябло и ноги задрожали».

Одни староверы прямо бесстрашно обличали «никоновскую ересь» (и за это ссылались в отдалённые места, лишались языков и рук — чтобы не могли более хулить Никона

и не могли креститься более двумя перстами). Другие убегали в глухие северные и сибирские края, создавая свои скиты. Третьи тихо роптали и мечтали о старых временах. Во всех городах возникло обширное старообрядческое «подполье». Никоновская реформа, сочетаясь с ухудшением жизни народа и всеобщим закрепощением, воспринималась как чудовищное насилие над всем народом, явный знак скорого пришествия Антихриста, падения Третьего Рима и испытание для православных на прочность их веры. За изменением обряда население увидело измену вере. Тысячи самоотверженных мучеников спешили пострадать за веру от гонителей-никониан, порождая новых и новых восторженных последователей. По всей стране появляется обширная старообрядческая публицистика против реформы: памфлеты, послания, жития. Тысячи староверов исповедовали необходимость «крещения огнём» — второго после «крещения водой» и устраивали добровольные «гари» — самосожжения, чая этим обрести себе спасение души и Царствие Небесное. По словам известного философа начала XX века Николая Бердяева: «Сознание богооставленности царства было главным движущим мотивом раскола».

Старообрядчество стало идейным воплощением социального протеста, обрядоверия, равнодушного отношения людей к своей вере, сопротивления общества государственному насилию, сопротивления духовенства государственному гнёту и унификации, мессианско-эсхатологических настроений (напряжённого ожидания скорого Конца Света), народного стремления к возрождению церкви и её освобождению из пут омертвляющего государственного контроля. И вместе с тем, в старообрядчестве проявлялись консервативный фанатизм и узкий национализм населения. За староверами стояло большинство русского народа.

За Никоном же стояли греческая и украинская учёность, мощь абсолютизма (с его насущными государственными потребностями в церковной реформе), а также наиболее

беспринципно и конформистски настроенная часть церкви. Значительная часть населения оставалась безразличной к вопросам веры, тогда как все небезразличные ушли в староверы (часто проявляя при этом фанатизм и обскурантизм).

В высшей степени характерен и показателен для характеристики никонианской церкви ответ келаря придворного Новоспасского монастыря в Москве Иоакима на вопрос со стороны царя Алексея Михайловича: как он верует? Иоаким ответил: «Аз-де, государь, не знаю ни старая веры, ни новая, но, что велят начальники, то и готов творити и слушати их во всё». (Впоследствии он станет патриархом, возглавит церковь и инстинктивно начнёт свирепые гонения на вольнодумцев и иноземцев.)

Неудивительно, что никоновская реформа крайне ослабила русскую церковь, сделав её безжизненной и покорной и отдав её как лёгкую и бессильную добычу в руки государства, оттолкнув всех равнодушных и принципиальных людей в староверы. Никон заставил русский народ учиться православия у греков и украинцев, а вскоре Пётр I будет его заставлять учиться жить у голландцев и англичан; первый проложил путь второму. Трагедия церковного раскола XVII века оказалась преддверием ещё большей трагедии — глубочайшего и всеобъемлющего раскола русского общества в ходе петровских реформ начала XVIII века. Видя в Никоне и царе Алексее Михайловиче слуг и предтеч Антихриста, русский народ в Петре I явным образом «узнал» уже непосредственное явление самого этого Антихриста.

Породив старообрядчество, никоновская реформа сокрушила идеологию «Третьего Рима» и привела к растянувшейся на два с половиной столетия ожесточённой борьбе самодержавия со староверами (только в 1905 году, в ходе Первой Российской Революции их уравниют в правах с никонианами). Старообрядчество станет постоянной основой духовного и социального сопротивления общества власти, основой для народного религиозного сектантства (тогда как казённая официальная церковь скоро превратится в малоавторитетное,

презираемое людьми, безжизненное бюрократическое учреждение, воспринимаемое населением, как нечто чуждое и навязанное ему «сверху»). Омертвление духовной жизни в официальной никоновской церкви будет сочетаться с интенсивным и напряжённым духовным поиском в народном религиозном сектантстве (доходящем до отрицания государственной власти и церковной иерархии у «беспоповцев» и духоборов).

Кризис национально-религиозной идентичности, массовые самосожжения староверов, ссылки, казни, усекания рук и языка, обессиливание церкви, восстания под религиозными лозунгами по всей стране — таковы лишь некоторые последствия никоновских реформ и порождённого ими церковного и общественного раскола.

В 1666 году (три шестёрки — знак Антихриста, на что не преминули обратить внимание старообрядцы!) староверы напряжённо ждали Конца света. И в самом деле, именно в этом году церковный собор окончательно подтвердил правильность никоновских реформ и навеки проклял всех их противников, сделав возврат к прошлому невозможным.

Но победа над оппонентами внутри церкви оказалась для Никона, как и для всей официальной церкви, «пирровой победой», обернувшейся сокрушительным поражением перед лицом натиска со стороны самодержавия. Очень скоро устав от никоновской независимости и своеволия, царь Алексей Михайлович охладел к своему давнему любимцу. Между патриархом и царём назрел конфликт, вызванный не только их личными особенностями (властностью патриарха и деспотизмом царя), но и самой жестокой логикой развития абсолютизма, не допускающей существования рядом с престолом духовно авторитетного и независимого главы церкви. В итоге, созванный Алексеем Михайловичем в 1666 году церковный собор (с участием патриархов восточных православных церквей), не только осудил и заклеил староверов, но и — горькая и не случайная ирония судьбы! — низложил их главного гонителя строптивого патриарха Никона, зато-

чив его в церковной темнице, и избрав патриархом покорного царю и покладистого бесцветного Иоасафа. После этого церковь, идущая «без Никона по никоновскому пути», становилась лёгкой добычей власти, а её уничтожение как самостоятельной организации и моральной силы в обществе и лишение богатств становилось вопросом времени (и было легко совершено Петром I и Екатериной II).

А, вынашиваемая три столетия, победившая на Стоглавом Соборе и вошедшая в массовое сознание и психологию после Смутного времени, официальная идеология Московского государства (идея «Третьего Рима»), служившая его основой и непреодолимой преградой для любых заимствований и нововведений, теперь рушилась. Её крах предвещал конец Московского царства и приближение Петербургской Империи.

Но рушилась и вера в «православного государя», покровителя церкви и отца народа. Глубоко символично, что монахи Соловецкого монастыря, в 1668 году отказавшиеся принять новые богослужебные книги, одновременно отказались и более молиться за здоровье Алексея Михайловича. Восемь лет (до 1676 года), они героически сопротивлялись осаждавшей монастырь царской армии и, в конце концов, были перебиты, став, как и сожжённый на костре в городе Пустозёрске в 1682 году Аввакум, мучениками старообрядчества. К ним присоединились и замученные в Боровске голодной смертью за свои взгляды боярыня Феодосия Морозова и её сестра княгиня Евдокия Урусова, духовные дочери негнибавшего Аввакума.

Неразрывное сочетание политического и религиозного смыслов в идее «Третьего Рима» теперь вело к тому, что религиозный протест оборачивался и бескомпромиссным разрывом с государством, безоговорочным социальным и политическим протестом. Если царь не был «святным», то он неизбежно был «слугой Антихриста», третьего не дано! И, как в первом случае, безусловное повиновение ему было религиозным долгом, так во втором случае безусловным

религиозным долгом становилось неподчинение его власти! Сомнение в богоизбранности Московского царства вело к уверенности в его богооставленности.

Идеализируя «старину» и выдумав себе утопию из «святой Руси», староверы на деле выступали под совершенно новыми для Московии лозунгами: отрицая царскую власть, церковную иерархию («поповцы» среди них всё же в принципе признавали священников, а «беспоповцы» — нет, проповедуя, в духе лютеранства, идею «всеобщего священства»), проповедуя религиозную свободу и серьёзное, осознанное отношение человека к вере (с чтением и обдумыванием Священного Писания), следуя высоконравственному образу жизни (с культом честности, трудолюбия, не употребления вина и т.д.), развивая низовое самоуправление религиозных общин. Несколько упрощая и преувеличивая, Б. Кагарлицкий даже полагает, что: «По существу, в лице старообрядческого движения Россия получила бессознательную попытку создать основы демократического буржуазного порядка, опираясь на собственные силы, а не на международную торговлю и западные технологии...» Поэтому, по его мнению, «поражение старообрядчества положило конец демократическим тенденциям XVII века» в России.

А церковный автор XX века Георгий Флоровский писал о расколе: «Старину приходится уже восстанавливать... Всё слишком умышленно, надумано, нарочито. О нерушимости отеческих устоев и преданий резонировать и беспокоиться начинают обычно именно тогда, когда быт рушится». В «старине» и «обряде» староверы искали спасения от смятенных потрясений своего кошмарного века.

В расколе странным образом столкнулись две «древности»: греческая «древность» Никона и, восходящая к XVI веку и Стоглавому собору, московская «древность» староверов. Обе стороны апеллировали к церковной традиции, да вот только традиции эти были разными. Для никониан старые обряды Руси были новшеством и «ересью» и осуждались, а для староверов никоновские реформы были «латинской ересью» и пагубным

новшеством. То, в чём раньше видели особое величие и провиденциальное предназначение Руси — хранение старой веры в неизменности, теперь осуждалось, как «ересь» в Московии, а те самые греки, к которым здесь привыкли относиться с презрением, вновь выступили, как учителя православия для Руси.

В результате никоновских реформ церковь была унифицирована и модернизирована — но и обездушена, полностью подчинена государству и лишилась миллионов своих наиболее активных членов, утратив авторитет в обществе. Проблемы, назревшие в духовной жизни русской церкви и населения (невежество, разнობой в обрядах, язычески-магическое обрядовое доверие масс, безнравственность духовенства) были «решены» бюрократическими, приказными и насильственными путями, не подняв народную религиозность и духовность и не вдохнув новую жизнь в церковь, а лишь выведя духовную жизнь общества за рамки официальной казённой церкви, обессиленной, опозоренной и опустошённой.

Напротив, фанатично цеплявшиеся за «обряд» и «старину» староверы, парадоксальной логикой борьбы были обречены на религиозное, социальное и политическое новаторство, духовное творчество и пробуждение живой мысли (в народном сектантстве). За внешними незначительными изменениями обряда скрывалось крушение всей идентичности, идеологии и психологии Московской Руси, её веры в превосходство и «чистоту» «русской веры православной» и «священного царства». На смену патриархальному «священному царству» и «батюшке царю» — покровителю и оплоту церкви, пришло отныне государство полицейское, бюрократическое, с полностью порабощённой и обездушенной им казённой церковью. Старая византийско-московская мечта о «симфонии церкви и государства», так воодушевлявшая иосифлян, теперь была окончательно растоптана и похоронена. Уродливые и насильственные реформы «сверху» порождали фанатичное и героическое сопротивление снизу, вылившееся как в индивидуальном мученичестве или бегстве, так и в массовых восстаниях.

Первые «западники» в Московской Руси XVII века

Смутное время и церковный раскол, столкновение нового и старого, европейских влияний и традиционных русских обычаев, породили в Московской Руси первых идейных «почвенников-консерваторов» и первых идейных «западников-прогрессистов». (Спор между которыми не стихал последние три столетия и длится и по сей день).

Первыми «почвенниками», категорическими и последовательными приверженцами «старины» (в обрядах, быту, обычаях, одежде) и противниками всего иноземного на Руси были староверы. В это же время появляются и первые «западники», считавшие, что в Московии всё неправильно и плохо, и следует перенимать западные нравы и обычаи. В их числе был и бежавший в Швецию подъячий Посольского приказа Григорий Котошихин, и участник событий Смутного времени, доблестно служивший двум Самозванцам, князь Дмитрий Хворостинин, говоривший, что в Московии «люди землю сеют рожью, а живут все ложью», и от тоски спившийся.

К числу влиятельных «западников» принадлежали и такие «временщики», как боярин Артамон Матвеев (женатый на шотландке, часто наведывавшийся в Немецкую слободу). и знаменитый князь и правитель Василий Голицын, с симпатией отзывавшийся о порядках, введённых в Англии после революции и желавший перенести в Московию многие европейские обычаи, реформировать государство, развивать просвещение и отменить крепостное право. Оба этих вельможи собрали обширные библиотеки и коллекции картин, носили польское платье, знали иноземные языки.

Видными «западниками» были также воспитатель детей Алексея Михайловича Софии и Фёдора белорусский монах Симеон Полоцкий и его талантливый ученик Сильвестр Медведев, много сделавшие для развития русской литературы, общественной мысли и просвещения. Они были поборниками создания в Московии школы и развития богословия по западному образцу. Им, «латинофилам» в русском просве-

щении, противостояли «грекофилы» во главе с патриархом Иоакимом. Высказывать «латинофильские» убеждения было совсем небезопасно, и лишь царское покровительство спасало Симеона Полоцкого от расправы со стороны реакционного духовенства. В момент торжества «охранителей» (клики Нарышкиных, сбросивших «западников» Милославских с трона) Медведев был сожжён на костре, как опасный еретик, по инициативе патриарха- «грекофила» Иоакима, ненавидевшего «латинство» и вообще всё западное.

В 80-е годы XVII века в Москве (под эгидой просвещённого правительства Софьи и Голицына) даже была дозволена миссионерская и просветительская деятельность иезуитов, но во время реакции 90-ых годов они были изгнаны. В это же время протестантский мистик и мыслитель Кульман был обвинён в ереси и сожжён в Москве на костре.

Староверы в русской истории и культуре

Русский историк XIX века Н.И. Костомаров писал: «В старинной Руси народ мало думал о религии, мало интересовался ею, — раскольники же только и думали о религии; на ней сосредотачивался весь интерес их духовной жизни». Староверы серьёзно и осмысленно относились к обрядам, учились читать, любили мыслить и спорить. Века жесточайших гонений сплотили их общины и выработали в них независимость, принципиальность и свободолюбие, — черты, столь не типичные для русских людей. Именно в старообрядчестве получила своё развитие жажда мученичества и святости, народная мысль и духовные искания, утопические мечты и социальное недовольство. На смену магическому «обрядо-верию», староверы искали в обрядах выражение живого религиозного чувства, вдыхали в Букву обряда живой Дух веры.

Об особенностях мироощущения староверов ярко, точно и верно высказался священник и философ Георгий Флоровский: «Раскол не старая Русь, но мечта о старине. Раскол есть погребальная грусть по несбывшейся

и уже несбыточной мечте... Раскол не имеет, потерял, не ждёт и жаждет. В расколе больше тоски и томления, чем оседлости и быта. Раскол весь в воспоминаниях и в предчувствиях, в прошлом или в будущем, без настоящего... Сила раскола не в почве, но в воле. Раскол не застой, но иступление. Раскол есть первый признак русской беспочвенности, отрыв от соборности, исход из истории. Раскол можно назвать социально-апокалиптической утопией».

По словам Г. Флоровского, староверы полагали, что с приходом в мир слуг Антихриста (царя и патриарха) священство прекратилось, благодать ушла из мира, история завершилась, а значит, всё религиозное чувство отныне уходит в обряд и этику: «Всё становится в зависимость от дел, ибо только дела и возможны. Отсюда эта неожиданная активность раскола в мирских делах, эта истовость в быту, и — некий опыт спастись обломками древнего жития... Раскол дорожит... обрядом больше, чем таинством. Поэтому легче терпеть безблагодатность, чем новый обряд. Ибо «чин» и «устав» представляют для него независимую первоценность». Старообрядческие общины оказывались для своих приверженцев последним прибежищем братства и святости и защитой в рухнувшем мире, пробуждая в людях коммунистическое сознание, взаимовыручку, аскетизм, солидарность и жертвенность.

Старообрядчество, насчитывающее миллионы явных и тайных сторонников, за два столетия создало в России особую огромную культуру (окончательно уничтоженную лишь большевистским режимом в XX веке) — со своими героями и канонами, психологическими типами и моральными нормами, со своими книгами, иконами, публицистическими памфлетами, и скитами. В старообрядчестве ярко выразилась народная мечта о «Граде Китеже», о «священном царстве» — царстве Божьем на земле.

Старообрядцы организовывали волнения казаков на Дону, восстание монахов Соловецкого монастыря, играли

огромную роль в восстании Разина (а потом — в восстаниях Булавина и Пугачёва) и стрелецких восстаниях в Москве, в народном сопротивлении петровским реформам. В 1685 году царевна Софья повелела конфисковывать имущество старообрядцев, бить их кнутом и ссылать, а тех, кто перекрещивался из никонианства в «старую веру» — казнить. При Петре I староверам разрешили жить в городах, но обложили чудовищными налогами и штрафами. И позднее самодержавие видело в староверах своего главного врага и не раз (вплоть до 1905 года, когда их уравнили в правах) пыталось их уничтожить.

Центрами раскола стали Север (Поморье), Поволжье, Сибирь, Дон. На реке Керженец — притоке Волги — и на Вятке существовали многие сотни раскольничьих скитов и пустыней (разорённых и уничтоженных по приказу Петра I). А в больших городах существовало огромное старообрядческое «подполье», которое не могли ликвидировать никакие репрессии со стороны властей.

В старообрядчестве слились социальное недовольство, народный утопизм и эсхатологизм, религиозные искания. Простые казаки, стрельцы, священники, крестьяне и посадские люди соседствовали в расколе с боярыней Феодосией Морозовой и княгиней Евдокией Урусовой, принявшими мужественную смерть за веру. В 1675—1695 годах в 37 крупнейших самосожжениях добровольно ушли из жизни 20 тысяч староверов. А сколько их ещё были казнены властями, уморили себя «голодной смертью», навеки скрылись в чащобах?! Соловецкие монахи писали в своём послании к царю Алексею: «Вели, государь, на нас свой царский меч прислать и от сего мятежного жития переселити нас на оное безмятежное и вечное житьё». А протопоп Аввакум гневно писал: «Огнём, да кнутом, да виселицей хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так — не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить».

В староверах причудливо сочеталось старое и новое, фанатичный обскурантизм, изуверство, суеверие,

мессианская нетерпимость к иноземцам и нонконформизм, стойкость, героизм, духовная свобода, искренность, проповеднический пафос, искание Божьей правды, разрыв с самодержавно-крепостнической системой, бунтарство и самоорганизация. Движение староверов разделилось на два основных течения: умеренных «поповцев» (признающих свою церковную иерархию) и радикальных «беспоповцев» (отвергающих духовенство и проповедующих всеобщее священство); впрочем, и эти два течения распались на множество «толков».

Нередко староверов России сравнивают с европейскими протестантами, а раскол XVII века с европейской Реформацией. Величайший философ России Владимир Соловьёв называл старообрядцев «протестантизмом местного предания». И в самом деле: подобно западным протестантам пуританского толка, русские старообрядцы выступали под лозунгами «возврата к древнему благочестию» и чистому христианству, демонстрировали корпоративную взаимовыручку (усиленную веками гонений), аскетизм и стойкость. В их психологии, поведении и моральных ценностях, как и у первых протестантов, можно найти многие замечательные черты, соответствующие духу раннего капитализма: трудолюбие, самоограничение, отстаивание автономии общин перед лицом государства, бережливость, культивирование грамотности, осуждение роскоши в религиозных и светских делах, восприятие делового успеха как проявление божественного благоволения, идейность, независимость от светских властей и критическое отношение к церковной иерархии. Не случайно, поэтому, что подавляющее большинство фамилий русских фабрикантов и купцов XIX — начала XX веков (также, как многие народные революционеры и бунтари), вышли из среды староверов. А массовое бегство старообрядцев на север и в Сибирь отчасти схоже по причинам и последствиям с переселением протестантов из Старого Света в Новый, как «землю обетованную».

5.3.5. «Бунташный век»

Смутное время, почти непрерывные войны, многократный рост налогового бремени, закрепощение, начало бюрократизации всей жизни России (с невиданными бесчинствами воевод и дьяков), церковный раскол — все эти факторы, естественно, порождали частые бунты и восстания. Крестьяне, казаки, посадские люди сопротивлялись государственному гнѣту не только убегая на окраины или поддерживая староверов, но и более активно выражая свой протест.

Следует отметить, что «бунташный» XVII век в России можно рассматривать как часть общеевропейского революционного движения против повсеместного наступления абсолютистской реакции на средневековое общество. Так, в 40-е годы XVII века произошли: революция в Англии, Фронда во Франции, началось громадное восстание казаков на Украине и прокатился ряд восстаний по городам Московии. При всей специфике различных стран и пестроте названных движений, все они боролись против непомерных налогов, усиления государственного контроля над людьми, чудовищных злоупотреблений чиновников, ликвидации сословных прав и свобод, самодурства временщиков и вопиющей роскоши монархических дворов.

Русский человек был придавлен государственным «тяглом», обложен чудовищными налогами, лишѣн права свободного передвижения, сталкивался со злодеяниями откупщиков и приказных людей, да ещё и переживал как катастрофу церковные реформы. Разумеется, всё это являлось более чем достаточной причиной взбунтоваться, хотя у каждого конкретного восстания были и свои особые причины. Свои специфические причины для недовольства были у казаков, которых правительство стремилось лишить вольностей и взять под контроль, отменив принцип: «С Дона выдачи нет!». Специфические причины были у стрельцов, которым годами не выплачивали жалованье и которых пол-

ковники заставляли работать у себя на огородах и нещадно пороли. Свои веские причины для возмущения были у староверов, свои — у подвергшихся колонизации и национальному угнетению, а нередко и уничтожению, народов Поволжья или Сибири, свои — у посадских людей, страдающих от царских воевод. Но во время восстаний все эти причины «резонировали», а разные группы населения легко находили общий язык в попытках остановить наглый произвол государства и дать отпор зарвавшемуся абсолютизму. Как ни странно, некоторые восстания оказались успешными.

Так в июне 1648 года началось восстание в Москве, получившее название «Соляной бунт». Дело в том, что фактический правитель страны, воспитатель юного царя Алексея Михайловича хитрый и всеильный боярин Борис Морозов, стремясь изыскать новые средства для пополнения казны, ввёл государственную монополию на соль и резко повысил пошлину, уплачиваемую при её покупке. Цены на соль тотчас подскочили в четыре раза (с пяти до двадцати копеек за пуд). Без соли же не мог обойтись никто, поскольку рыбу солили (соль выступала в роли консерванта), и такая рыба служила одним из главных элементов питания населения. На соляной реформе погрела руки не только казна, но и ряд откупщиков и дьяков сделали себе хорошие состояния. Морозов думал подобным образом поправить неважное состояние государственных финансов и решить личные финансовые проблемы, однако, лишь вызвал всеобщее восстание москвичей.

Сначала разъярённые бесстыдной политикой государства жители столицы пытались мирно передать царю Алексею челобитную с жалобой на его бояр, требованием справедливого, равного для всех суда, а также отмены соляной пошлины. Когда же эти попытки не увенчались успехом (ибо челобитчиков не допускали к царю и разгоняли стрельцы), всё население Москвы дружно восстало, погромило дворы наиболее ненавистных вельмож и купцов, и добилось от перепуганного царя выдачи на расправу народу начальника

Земского приказа Плещеева и начальника Пушкарского приказа Траханиотова. Стрельцы, сочувствовавшие москвичам, отказались подавлять народное восстание и заняли позицию нейтралитета.

Алексей Михайлович, порядком перетрусив и не имея возможности направить против своего народа грубую вооружённую силу, вынужден был уступить почти всем требованиям москвичей, выдав им на растерзание наиболее ненавистных чиновников, отменив соляную пошлину и убрав от власти Морозова, которому он еле-еле сумел выговорить сохранение жизни. После этого напуганный царь созвал Земский Собор, принявший Уложение 1649 года, частично пошедшее навстречу требованиям восставших (отмена «белых слобод» в городах и распространение на всех государственного тягла, введение гласного, общеизвестного закона и обещание «равного для всех суда») и ставшее продуктом компромисса между сомкнувшимися вокруг трона дворянами и верхушкой посада. Отголоском победоносного Соляного бунта в Москве (одного из немногих в истории победивших восстаний, ибо его требования были отчасти выполнены, а участники не наказаны) явилась длинная череда восстаний на юге Руси (в Курске, Ельце), в Сибири и на севере страны.

В 1650 году произошло новое значительное восстание, охватившее такие древние центры вечевого демократизма, как Псков и Новгород. Восстание было вызвано тем, что правительство, конфисковав у голодавшего населения хлеб и тем обрекая его на смерть, собиралось отправить его в дружественную Швецию (чтобы поддержать её после потрясений Тридцатилетней войны), а также начало спекуляцию зерном втридорога. Возмущённые подобным цинизмом и бесчеловечностью псковичи и новгородцы, вспомнив о своих вечевых традициях, изгнали царских воевод, задержали вывозимый у них хлеб, восстановили народные собрания и избрали вечевые органы местного самоуправления. Не в силах подавить восстание в Пскове (в Новгороде оно было с трудом

подавлено при помощи царских войск и благодаря энергичным действиям местного митрополита (будущего патриарха) Никона, отлучившего бунтующих горожан от церкви), Алексея Михайлович вновь созвал в 1650 году Земский Собор, который вступил с восставшими псковичами в переговоры и уговорил их покориться царю и принять обратно царскую администрацию на условиях амнистии горожан.

25 июня 1662 года произошло ещё одно крупное восстание в Москве, получившее название «Медного бунта». Его главной причиной послужило то, что власти, ведущие войну с Речью Посполитой, решили в очередной раз пополнить казну за счёт народа, запустив в полную силу механизм инфляции: в оборот была пущена огромная масса медных денег (формально приравненных к серебряным), которыми выдавали жалованье, тогда как налоги взимали в серебряных монетах. Подобная махинация со стороны самодержавия породила чудовищную дороговизну продуктов и расцвет фальшивомонетчиков (тесно связанных с царской роднёй и потому почти безнаказанных). За один серебряный рубль давали пятнадцать медных. В распространившихся по Москве памфлетах и «прокламациях» посадские люди требовали отменить медные деньги, казнить фальшивомонетчиков и снизить непосильные налоги.

Огромная толпа москвичей явилась с соответствующими просьбами к царю в его резиденцию в подмосковном селе Коломенском. С Алексеем Михайловичем «били по рукам», — он лживо обещал удовлетворить все требования.

Но тут подошла новая большая толпа решительно настроенных горожан, потребовавшая на расправу неугодных бояр. Не доверяя царскому суду, люди больше рассчитывали в XVII веке на свой, народный, скорый и жестокий, суд. Однако одновременно государю удалось подтянуть стрелецкие полки, которые по приказу «Тишайшего» правителя начали резню поверивших ему подданных. На месте были перебиты три тысячи человек; ещё семь тысяч казнены позднее; а ещё пят-

надцати тысячам москвичей по приказу государя были отсечены руки и ноги с конфискацией их имущества. Таким образом, была репрессирована почти четверть жителей столицы! Выжившие столичные жители надолго запомнили эту страшную расправу. Тем не менее, медные деньги царь отменил.

В 1668-1676 годах происходило, всколыхнувшее всю Россию, восстание монахов Соловецкого монастыря — одной из главных православных святынь Московии. Монахи мужественно боролись за старую веру, сидя в осаде восемь лет. В конце концов, благодаря предательству, царские войска ворвались в монастырь и перебили монахов.

Наиболее значительным и грозным народным выступлением XVII века (после Смуты) была великая крестьянская война под руководством донского казачьего атамана Степана Тимофеевича Разина (1670 год). Разин был отважным и талантливым полководцем, жестоким и энергичным народным вождём, оставившем по себе долгую и благодарную память в сознании народа. Начав с удачных грабительских «походов за зипунами» 1667—1669 годов в Персию и набрав себе войско из «голытьбы» (бедных казаков), популярный предводитель казаков объявил в 1670 году настоящую войну московским боярам, дьякам, купцам и воеводам. Он двинулся с Дона вверх по Волге во главе всё растущего победоносного войска, достигшего нескольких десятков тысяч человек.

Разин рассылал по всей стране агитационные «прелестные письма», призывая народ избивать бояр, воевод и дворян, жечь кабальные грамоты, отменять налоги и крепостную неволю и организовывать жизнь по вольному казацкому обычаю — на основах самоуправления и прямой демократии, с выборными атаманами. Эта программа была восторженно поддержана почти всеми жителями Московии: посадскими людьми, открывавшими ему крепости, стрельцами, переходившими на его сторону, крестьянами, потоком вливавшимися в его войско. В восстании активно использовалась как традиционная идея самозванчества (Разин, якобы,

вёз с собой на струге царевича Алексея Алексеевича, мифического сына царя), так и религиозные лозунги (в восстании активно участвовали староверы). За Степаном Разиным и донскими казаками поднялись посадские люди поволжских городов (восставшая Астрахань держалась два года!), порабощённые колонизаторами народы Поволжья, крепостные центральной России. Поволжье, часть только что захваченной Украины, Дон, центр России бушевали огнём народных восстаний, громивших помещичьи имения. Повсюду действовали партизанские отряды повстанцев.

Разину удалось взять (при поддержке стрельцов и посадских людей) мощную крепость Астрахань, затем Царицын, Саратов и Самару, однако, в страшной и многодневной битве под Симбирском он был разбит правительственными войсками, ранен и, бросив своё войско, бежал на Дон. Оттуда он был выдан царю богатыми казаками и четвертован в Москве, отважно приняв мучительную и мученическую смерть на Лобном Месте. Восстание ещё долго продолжалось, а в народе сохранилась крепкая память о своём герое и заступнике. Царские каратели казнили свыше ста тысяч повстанцев (в одном маленьком Арзамасе было замучено и убито 11 тысяч человек!). По Волге тянулись вереницы плотов с повешенными, призванные устроить и вразумить бунтующий народ и надолго сломить его волю к сопротивлению против государственного гнёта.

Последнее крупное восстание XVII века произошло в Москве в мае 1682 года. В нём, как и в ряде других случаев, причудливо переплелись: придворная интрига (борьба кланов бояр Милославских и Нарышкиных за трон), движение староверов, социальный протест горожан. Ударной силой восстания на этот раз выступили стрельцы, протестующие против невыплат жалования, изымательства со стороны полковых командиров (которые их нещадно секли, обворовывали и заставляли копать свои огороды), требующие возврата к «старой вере» и поддерживавшие «партию» Милославских. Они ворвались

в Кремль и перебили многих бояр и воевод (в том числе, представителей клки Нарышкиных, родственников второй жены царя Алексея Михайловича, матери Петра I). Восставшие добились фактической передачи власти в руки дочери Алексея Михайловича от Марии Милославской царевны Софьи, ставшей регентшей и правительницей Московии при маленьких «царях» Иване и Петре. Стрельцы добились себе разнообразных привилегий (статуса гвардии — «наддворной пехоты») и даже сумели настоять на проведении первого (и последнего) в истории Московской Руси публичного, открытого и равного религиозного диспута между вождями староверов, вышедшими из «подполья», и церковными иерархами-никонианами.

Диспут проходил в Грановитой палате Кремля в присутствии правительницы Софьи и обоих царей, и закончился — вполне предсказуемо — тем, что одна из дискутирующих сторон (староверы во главе с проповедником Никитой Пустосвятом) была по приказу Софьи немедленно выведена на Лобное место и обезглавлена. Затем властная и решительная царевна казнила стрелецкого вождя князя Хованского и подчинила себе мятежных стрельцов. (Но тем самым оттолкнув их от себя).

Большинство народных восстаний XVII века были подавлены, утоплены в крови. Они не сумели остановить наступление бюрократически-крепостнической реакции, существенно уменьшить налоговое бремя, прекратить церковные реформы, отстоять «земские» начала в русской жизни. Порабощение русского народа самодержавно-крепостническим государством продолжалось и усиливалось. Но опыт героического народного сопротивления зарвавшемуся государству не прошёл даром, оставив яркий след славного примера как в памяти угнетённых, сохранивших надежду на продолжение борьбы за освобождение, так и в памяти правителей, с тревогой вспоминающих городские бунты и восстание Степана Разина и опасавшихся превысить меру народного терпения.

***Царевна Софья и князь Василий Голицын:
упущенные возможности***

Личность и эпоха Петра I столь грандиозны, а их влияние на историю России столь значительны, что они заслоняют иные фигуры, пути и варианты реформирования Руси — пути, куда менее жестокие, и варианты, намного более предпочтительные и вполне возможные, однако, к несчастью, не воплотившиеся в жизнь.

Наиболее оптимальной и возможной из альтернатив кровавой и страшной эпохе Петра I представляется предшествовавшая ей эпоха 1682-1689 годов, когда, в результате стрелецкого восстания 1682 года, клика Нарышкиных (родственников юного Петра I) была отодвинута от власти, обезглавлена и частично перебита, а правительницей России стала его сестра, талантливая, образованная и энергичная царевна Софья Алексеевна (со времён княгини Ольги первая женщина появилась на троне Руси — сам этот факт уже весьма многозначителен!). В своём управлении страной Софья Алексеевна — женщина замечательная, умная, начитанная, хорошо знавшая богословие, историю и польский язык, воспитанница Симеона Полоцкого, опиралась на своего фаворита, выдающегося «западника», боярина князя Василия Васильевича Голицына.

Правительство Софьи и Голицына выдвинуло широкую программу постепенных реформ, призванных ввести Россию в орбиту европейской жизни. В Москве было открыто первое высшее учебное заведение — Славяно-греко-латинская академия. Был заключён стратегический союз с Речью Посполитой (направленный против Турции) и Вечный мир, по которому Россия навеки получала древний Киев. Были установлены широкие и постоянные дипломатические контакты с европейскими странами. Разрослась Немецкая слобода под Москвой. Крепостное право переживало в эти годы упадок: система сыска крепостных фактически не действовала, а гуманный и просвещённый князь Голицын вообще выступал за постепенную

отмену позорного крепостничества и освобождение крестьян с земель. Был заключён, (по инициативе Голицына) Нерчинский договор России с Китаем. Голицын выступал за продолжение военной реформы и создание регулярной армии, свободу веры, заселение и освоение окраин, развитие торговли и просвещения, отправку русских дворян на обучение за границу. В целом, курс Софьи и Голицына можно охарактеризовать как постепенную, органичную европеизацию и реформирование России, распространение просвещения и гуманизацию нравов — без резких и чересчур насильственных мер, формирование в стране общественного мнения, сворачивание крепостничества, стратегический союз с Речью Посполитой и союз с европейскими державами против Османской Империи.

Однако, к несчастью, правительству Софьи и Голицына не хватило ни времени, ни решительности, ни общественной поддержки. Напротив, партия Нарышкиных выступала за усиление крепостного права, против любых реформ и введения на Руси иноземных обычаев (а, придя к власти, они разворовали казну, казнили инакомыслящих и предавались необузданному пьянству). Против правительства Софьи выступило дворянство, обеспокоенное упадком системы сыска беглых, церковь, во главе с патриархом Иоакимом, жаждущая реакции и прекращения «опасных» нововведений, а также гонений на иноземцев.

Авторитет правительства окончательно подорвали два неудачных Крымских похода Голицына (1687 и 1689 годов), унёсшие множество жизней ратников и не приведшие к победе над татарами. А стрельцы, столкнувшиеся в 1682 году с самовластием царевны, в этот критический момент прохладно относились к поддержке её персоны.

Поэтому в 1689 году в результате дворцового переворота и провокации, власть легко перешла в руки клана Нарышкиных. Юный Пётр I был объявлен правителем, хотя, фактически, он тогда не участвовал в делах правления до 1695 года, предаваясь пьянству, оргиям в Немецкой слободе,

любовным шашням и играм с «потешными» полками, думая лишь о забавах и личной безопасности, и предоставив управлять страной своей недалёкой, корыстолюбивой и реакционной родне. А Софья была заточена по воле своего братца в Новодевичий монастырь. Возможность для «мягкой» и плавной модернизации страны была упущена. Победа сторонников «старины» с воцарением Нарышкиных оказалась недолгой и мнимой, а новая волна реформ уже проводимых Петром I — вероятно насильственной, кровавой и разрушительной для страны.

Рябов Пётр Владимирович

**История русского народа и российского государства
(с древнейших времен до начала XX века)
в двух томах.
Том 1**

В авторской редакции

Оформление обложки *Зотова Н. Г.*
Компьютерная верстка *Асташин Е. О.*

Издательство «Прометей»
115035, Москва, ул. Садовническая, д.72, стр.1
Тел/факс: 8 (495) 799-54-29
E-mail: info@prometej.su

Подписано в печать 30.07.2015. Формат 60×90/16.
Бум. офсетная. Печать цифровая. Объем 26,5 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 496.

ISBN 978-5-9906550-6-5

